

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ПРОЩАНИЕ С АНДРЕЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ САХАРОВЫМ
- РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
- ЧЕСТНАЯ ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
- БОРЬБА С ПЕРЕЖИТКАМИ СОЦИАЛИЗМА
- ПОЛИТИЧЕСКОЕ СТОЛОВОЕРЧЕНИЕ В БУДАПЕШТЕ
- ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ... ШАНС
- ТЯНИТОЛКАЙ, ИЛИ АВТОРИТАРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ
- КАРТОЧНЫЙ ДОМИК ПЛЮРАЛИЗМА
- ЖЕЛТЫЙ ГИГАНТ
- ДЕФИЦИТ ИДЕЙ
- ЖИЗНЬ И ГИБЕЛЬ ИЛЬИ ГАБАЯ
- PAROLE D'HONNEUR, ВОТ ИСТИННЫЙ ФРАНЦУЗ
- ТРИ АНГЕЛА ПОД МАМВРИЙСКИМ ДУБОМ
- ПРОГУЛКИ С АБРАМОМ ТЕРЦЕМ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Крониды Любарского, Бориса Хазанова и Эйтана Финкельштейна. Обложка худ. Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: Е.Эткинд (Париж), Б.Вайль (Копенгаген). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 53 ам. доллара, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 58 долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Андрей Дмитриевич Сахаров	1
Политический дневник	2
Вести из СССР	19
<i>Р.Бахтамов.</i> Иметь и не иметь	28
<i>Ю.Афанасьев.</i> Уходящие реальности	40
<i>Ю.Афанасьев.</i> Положение в стране	42
<i>Б.Парамонов.</i> Власть народа	49
<i>А.Новиков.</i> Цейтнот	54
<i>С.Митрофанов.</i> Эстетика тупика	58
<i>В.Киселев.</i> Есть ли будущее без гласности?	65
<i>А.Трофимов.</i> Механика политического плюрализма	67
<i>А.Липкин.</i> Сквозь призму времени	70
<i>Р.Шапиро.</i> Метаморфозы	74
<i>З.Ковальский.</i> О тактике активной забастовки	88
<i>Ж.Э.</i> Где найти идеологию?	100
<i>П.Мейдмент.</i> Мир иены	105
<i>М. фон Ау.</i> Пхеньян	119
<i>Р.Макнамара.</i> После холодов	122
<i>А.Геробен.</i> Первый год новой Венгрии	127
<i>Т.Шмидт.</i> Государство уходит — общество рождается	137
<i>Г.Нилов.</i> Урицкий, Володарский и другие	140
После нашего выступления	149
<i>М.Харитонов.</i> Участь	150
<i>Г.Федоров.</i> Комсомольск на Марне	160
<i>В.Воздвиженский.</i> Прогулки с Шафаревичем и без...	166
<i>В.Войнович.</i> Две сказки	171
<i>Е.Гессен.</i> Побег из социализма, или другая проза	174
<i>Г.Померанц.</i> Троица Рублева и тринитарное мышление	182
В Союзе писателей	191
Памяти Натана Эйдельмана	192
Новая книга: "Вести из СССР"	193
Содержание журнала за 1989 год	I—III

В номере 196 страниц

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

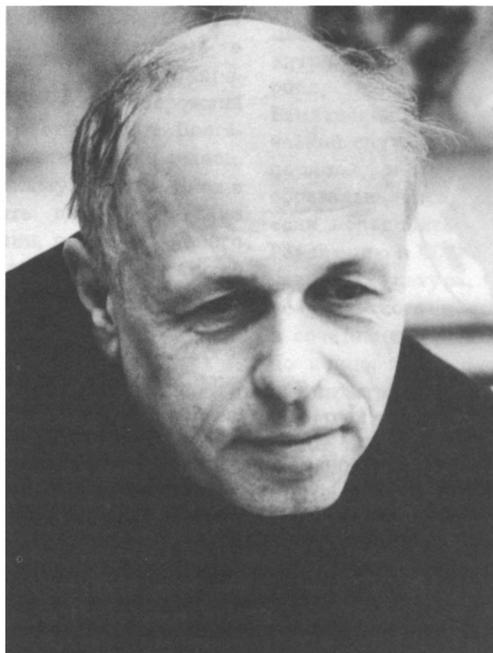
Tel. (089) 530514. Telex 5218017 unbt d. Telefax 534603

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178—5036

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ САХАРОВ

Первое чувство, которое возникает, когда утихла первая боль от страшного известия, — чувство осиротелости. Прав был Некрасов: "У счастливого недруги мрут — у несчастного друг умирает". Он был другом всем нам — даже тем, кто при жизни клял его как врага. Только те этого не знали.

Потом приходит чувство вины за несделанное для него при жизни. Не уберегли. Не защитили. Плохо защищали. Больше требовали, чтобы он защищал нас.

С Андреем Дмитриевичем кончилась целая эпоха. Только сейчас завершились 60-е — 70-е годы, эпоха правозащитников, эпоха зарождения гражданского общества. Очень немногим в нашем смутном прошлом удалось составить эпоху в истории российской свободы. Иные люди, люди 90-х годов, пойдут дальше и, может быть, достигнут большего. Но лучшие из них будут понимать, что они были бы невозможны без Сахарова.

О Сахарове будут написаны тома, как написаны они об Эйнштейне, Ганди, Толстом. Но это будет потом. А сейчас, выходя из оцепенения, вызванного неожиданным ударом, — оценить, понять, что значил этот человек для меня, для тебя, для каждого из нас.

Нам еще не раз в нашей жизни спрашивать у него совета.

СТРАНА И МИР

Шестой год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Медленно, тяжело начал десять лет назад сползать ледяной покров коммунизма со стран Восточной Европы. Процесс этот постоянно ускорялся, и в последний год уходящего десятилетия волна освобождения уже стремительно неслась от холодной Балтики к берегам Черного моря. Десять лет понадобилось польскому народу, чтобы сломать хребет военно-партийной диктатуре. Десять месяцев понадобилось венграм, чтобы ушла в небытие правящая марксистско-ленинская партия. Десять недель понадобилось восточным немцам, чтобы выбросить на свалку "непреклонного" Хонеккера и его команду. Десять часов понадобилось народу Румынии, чтобы в страхе обратились в бегство "великий кондуктор" Чаушеску и его жена.

Трудно осмыслить, трудно переварить и, признаться, трудно поверить в то, что произошло в Восточной Европе во второй половине 1989 года. Как картонные домики рушились на века, казалось, утвердившиеся тиранические режимы. Надменные, спесивые и всесильные диктаторы вдруг оказались без масок, предстали теми, кем, в сущности, и были с самого начала — обычными казнокрадами, жуликами, аферистами.

А границы? Те самые, что вечно должны оставаться на замке? Колючую проволоку, некогда "украшавшую" венгерско-австрийскую границу, ныне нарезают на кусочки и продают или дарят в качестве сувениров. Все большим спросом пользуются сувениры из кусков берлинской стены. Тысячи людей, вооружившись молотками и зубилами, изо дня в день разбирают этот символ разделения Германии, Европы, мира.

С другой стороны, те, кого еще вчера преследовали, поносили, а то и держали за решеткой, становятся главами государств, правительств, министерств, возглавляют и организуют новые общественные и политические структуры. Если еще в середине 1989 года неоспоримый лидер поляков Лех Валенса предпочел отказаться от поста президента страны, посчитав, видимо, что это было бы уж слишком большим вызовом, то избрание Вацлава Гавела, только недавно сменившего арестантскую одежду на свитер и джинсы, президентом Чехословакии выглядело делом само собой разумеющимся. Также, впрочем, как и избрание еще недавно состоявшего под надзором полиции Александра Дубчека на пост председателя Федерального собрания страны.

Что ж, нам остается поздравить наших читателей — ведь мы все стали свидетелями эпохальных событий на нашем континенте. Наш журнал всегда старался печатать разнообразные и, как нам кажется, интересные материалы по проблемам Восточной Европы. Мы будем стремиться к этому и в будущем: ведь то, что произошло, — лишь первый шаг на пути к полному и окончательному преображению Восточной Европы. Впереди еще политическая консолидация демократических сил, болезненный период перестройки "старорежимных" государственных аппаратов и создания новых структур и, что самое сложное, перестройка экономики, чрезвычайно трудный переход от плановой экономики к рыночной, от положения "довеска" к экономическому механизму СССР к самостоятельному плаванию в море мирового рынка. Впереди — возвращение в Европу и в мир, от которого страны Восточной Европы были оторваны, в сущности, с начала Второй мировой войны. Но главное — преобразование Восточной Европы уже началось, и оно безусловно будет служить на благо не только народов стран этого региона, но даст мощный стимул реальной перестройке и в нашей стране. ●

“НЕЖНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ” В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Еще в середине сентября Чехословакия казалась заповедником неосталинизма в центре быстро меняющейся Восточной Европы. По темпам перемен она едва опережала Румынию, но заметно отставала от Болгарии. Напрашивался неутешительный вывод, что антинародному режиму Гусака–Якеша удалось-таки вытравить демократические традиции в Чехословакии, воспитать нового человека, не мечтающего ни о чем, кроме хорошего куска сала и кружки свежего пива. Даже те немногие, кто упрямо повторял, что режим не имеет под собой массовых опоры и стоит на тонких глиняных ножках, не подозревали, насколько они правы. Однако, когда в ноябре 89-го года оппозиция протрубила сигнал атаки, то во всей стране режим Якеша не нашел ни одной родственной души, ни одной сколько-нибудь значительной общественной силы, готовой поддержать его. И режим упал, как падает при первом дуновении ветра давно подгнившее прошлогоднее яблочко. Оказалось, что нового человека нет и в помине, а традиции демократии сильны как никогда. В считанные дни Чехословакия прошла дистанцию, для преодоления которой другим понадобились годы и годы...

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения: то, что произошло в ЧССР во второй половине ноября, есть не что иное, как демократическая народная революция. Но революция особого, чехословацкого образца, весьма отличающаяся от тех процессов, которые происходят в соседних странах.

Прежде всего революция разрушила миф о том, что у коммунистического руководства страны есть сколько-нибудь значительная народная поддержка. Причем это было достигнуто исключительно ненасильственным путем. Наверное, именно поэтому революция и получила название “нежной”. В отличие от традиционных социальных переворотов с участием народных масс, пражские демонстранты не искали стычек с полицией, не захватывали правительственные здания, не поджигали партийные учреждения. За всю бурную неделю демонстраций, в которых только в столице ежедневно участвовало до полумиллиона человек, не было роздано ни

одного, даже случайного, тумака (если, конечно, не считать избитых полицией студентов, с чего все и началось), не была перевернута или повреждена ни одна полицейская машина, не была разбита ни одна витрина, не отмечено ни одного случая мародерства, не затоптан ни один газон. На Вацлавской площади специальной добровольческой службой поддерживался образцовый порядок, в полумиллионной толпе были образованы специальные проходы на случай, если понадобится машина скорой помощи. Революцию в ЧССР отличали высокая политическая культура, сдержанность, чувство человеческого достоинства ее участников в сочетании с решимостью довести начатое до конца.

Вторая особенность демократической революции в ЧССР – исключительная роль, которую сыграла в ней молодежь страны, в частности, молодежь студенческая. Именно студенты организовали 17 ноября первую массовую демонстрацию и тем самым как бы произвели “первый залп” революции. Студенты же составили ударную силу последующих демонстраций, причем вначале казалось, что на их стороне только профессиональные революционеры, а старшее поколение “раскачать” невозможно. Нельзя было удержаться от щемящего чувства при виде первых, тогда еще не слишком многочисленных колонн юношей и девушек, кричащих “У нас только голые руки!”. А над голыми руками студентов сиротливо покачивался от руки выведенный плакатик: “Папа, где же ты? Почему не со мной?” Многие, зная об этом, предпочитают называть ноябрьские события “революцией детей”. Но студентам и школьникам удалось тронуть сердца родителей. Тяжело травмированные советской интервенцией 68-го года, но психически не сломленные отцы, почесав в затылке, все же вышли на площади и улицы заступиться за детей, а заодно и за свое поруганное достоинство. Образовалась огромная, в миллионы душ, революционно настроенная масса, которая хоть и обладала завидной способностью к самоорганизации, но все же нуждалась в политическом представительстве, в генеральном штабе. И этот штаб, состоящий из старых и новых активистов, подписантов всех правозащитных воззваний последних двух десятилетий, быстро образовался и получил имя – Гражданский форум. Организаторская сноровка

Гавел и Дубчек

штабистов революции, замечательно продуманная ими последовательность действий и составила третью особенность ноябрьского выступления чехословацкого народа.

Собственно, все дело начала сравнительно немногочисленная группа активистов правозащитных движений и гражданских инициатив, имена которых постоянно повторялись в последние годы, когда речь заходила о судебных и внесудебных преследованиях в ЧССР. Конечно, чешские диссиденты догадывались, что народ им сочувствует, но оказалось, что чехи и словаки испытывали к этим людям больше, чем простую симпатию: они видели в них своих героев, воплощение своих неиспоганных режимом представлений о человеческой порядочности. Эти, чаще всего скрытые, эмоции надо было вызвать на поверхность и направить на конкретные и небезопасные дела, чем и был занят мозговой трест оппозиции. График наступательных действий был тщательно продуман и пунктуально разработан — ничто не было поставлено на самотек, любая случайность исключалась. Всеобщая забастовка была объявлена с упреждением в 10 дней, чтобы за это время успеть сагитировать рабочих в столице, а в провинциях поднять весьма инертную массу. Для активистов это были долгие дни и бессонные ночи, наполненные лихорадочной организационной рабо-

той. К счастью, правда, в добровольных помощниках недостатка не было. Опорными точками движения стали помещения театров. Актеры и работники кино единодушно стали на сторону демократической революции. Все без исключения театры забастовали, но не закрылись: они превратились в агитпункты, где по вечерам перед набитыми залами выступали с программными речами активисты. Уже через день, когда в революционный процесс включились и художники, ту же роль стали играть картинные галереи. Из этих штабов во все концы страны отправлялись летучие отряды, в составе которых были и студенты — очевидцы полицейского произвола, и опытные правозащитники, и ведущие артисты страны. Рабочие самых отдаленных предприятий принимали и выслушивали пражских посланников, даже если их для этого приходилось отбивать у "народных милиционеров" ("народной милицией" именовалась в ЧССР распущенная ныне вооруженная фракция КПЧ). После митингов, как правило, принимались резолюции в поддержку студентов и решения о проведении всеобщей стачки 27 ноября. Надо сказать, что большинство рабочих не приходилось слишком долго упрашивать: в Чехословакии традиционно отсутствует пропасть между интеллигенцией и народом. Народ там достаточно интеллигентен, а интеллигенция достаточно народна. Быть может именно поэтому Гражданский форум в считанные дни превратился из простого объединения разношерстных оппозиционных группировок в теневое правительство страны. А еще через неделю он окончательно вытеснил компартию со всех ключевых позиций и, умело нащупав союзников в лагере противника, составил собственное, лишь формально коалиционное, правительство национального согласия. Таким образом, Гражданский форум показал себя не только мастером ненасильственной революции, но и объединением исключительно ответственных, по-государственному мыслящих политиков.

В целом так же проявил себя и народ Чехословакии. Психологической основой демократической революции было неагрессивное общенациональное единство, поголовный отказ служить узурпаторскому режиму. Это единство было продемонстрировано самым наглядным способом. В конце первой недели, когда стало ясно, что Вацлавская пло-

шадь не в состоянии вместить всех желающих участвовать в революции, Гражданский форум созвал своих сторонников на Летенский пустырь — самое обширное открытое пространство в Праге, обычное место первомайских гуляний и военных парадов. И в течение двух дней на Летенском пустыре — не из-под палки, а добровольно, — собралось, по данным Чехословацкого телевидения, по миллиону с лишним человек! Такого народного веча чехи не знали за всю долгую историю своей государственности. У этого демонстративного единения есть простое объяснение: в чехословацком обществе никогда не умирало представление о том, что такое хорошо и что такое плохо. Не случайно новая власть самоопределилась как правительство национального согласия. Как оказалось, все согласны с тем, что демократия лучше самой хорошей диктатуры, что государство должно обслуживать человека, а не наоборот, что свобода хороша в сочетании с личной ответственностью, что свободный рынок надежней бесплатной раздачи любых благ. Национальное согласие способствовало быстрому становлению структур новой власти — первичные организации Гражданского форума в городах, на заводах, в армии организовались и зарегистрировались в считанные дни. Так что чехословацкая революция оказалась и стремительной и безболезненной.

Вот хронология событий: 17 ноября — в Международный день студентов, в 50-ю годовщину гибели чешского студента Яна Оплетала от фашистской пули — у здания пражского Карлова университета начинается многочисленная демонстрация студентов. Она санкционирована властями, но остановлена силами безопасности при попытке изменить маршрут и пройти на Вацлавскую площадь. Спецназовцы бульдозерами сгребают студентов в кучу и устраивают чудовищное побоище. Вышние, а затем и средние учебные заведения объявляют бессрочную забастовку, к ним присоединяются театры. Артисты, певцы, симфонические оркестры и филармонии бойкотируют государственное радио и телевидение. На фоне непрекращающихся демонстраций и полного паралича полицейской власти, 24 ноября Милош Якеш уходит в отставку с поста генсека КПЧ, его примеру следует весь Президиум и Секретариат ЦК. Гражданский форум

контролирует ситуацию в Чехии и Моравии, в Словакии складывается его аналог — объединение "Общественность против насилия". Забастовка 27 ноября стала всеобщей не только по названию, хотя и продолжалась всего два часа. (Это, кстати, единственные рабочие часы, потерянные для экономики в ходе революции. Все демонстрации и митинги созывались принципиально в нерабочее время, станки не простаивали ни минуты, магазины ни на минуту не закрывались — все в соответствии с лозунгом "Боремся с режимом, но работаем на себя".) Под впечатлением забастовки Федеральное Собрание единогласно проголосовало за исключение статьи четвертой — о руководящей роли партии в обществе — из Конституции ЧССР. Под угрозой еще одной забастовки и под диктовку Гражданского форума составил свое правительство национального согласия Мариан Чалфа. 10 декабря Густав Гусак принял присягу членов нового кабинета, чтобы через час после этого сложить с себя президентские полномочия и тихо кануть в политическое небытие. 28 декабря Федеральное Собрание кооптирует на освободившиеся после коммунистических руководителей депутатские места кандидатов Гражданского форума, в том числе Александра Дубчека, чтобы тут же, после 15-минутного перерыва, избрать его своим председателем. Тем самым чехословацкий парламент лишь незначительно обновленного состава послушно выполнил главное условие единственного кандидата в президенты — Вацлава Гавела. 29 декабря Александр Дубчек принял у Вацлава Гавела президентскую присягу, предусмотрительно очищенную от социалистической фразеологии.

Одно из самых поразительных явлений, связанных с демократической революцией, — это стремительное исчезновение коммунистической партии. Она не просто отказалась от монополии на власть: она перестала иметь к власти какое-либо отношение. Она испарилась, не оставив после себя даже следа. Ни в столице, ни в провинции больше не найти никаких признаков деятельности этой еще недавно всемогущей организации. В общественных местах нет больше ее лозунгов и символов, ее аббревиатура встречается только в разделах местной хроники. Почти незамеченным прессой

и общественностью прошел 20–21 декабря внеочередной съезд КПЧ. Газеты, бравировавшие вновь обретенной независимостью, бранили коммунистов за отсутствие конструктивных идей. Пребывающая в состоянии ступора партия отменила должность генсека, заменив ее сразу двумя другими – председателя и первого секретаря. Председателем партии стал бывший премьер-министр Ладислав Адамец, первым секретарем – бывший комсомольский вождь Василь Могорита. Но коммунисты-реформаторы уже не могут спасти партию, как не спасло ее ни запоздалое осуждение советской интервенции 68-го года, ни исключение или приостановка членства в КПЧ Гусака, Якеша, Биляка, Штепана, Индры и других бывших лидеров.

Итак, КПЧ непричастна более к власти, но порядок в государстве от этого не пострадал. Без всякого переходного периода бразды правления взял в свои руки орган, которому править положено по определению, – правительство. Председатель правительства Мариан Чалфа хоть и носит в кармане партийный билет, держится по отношению к КПЧ подчеркнуто отчужденно – так, он не явился на партийный съезд и, вопреки обычаю, не вошел в руководящие органы партии. Свое правительство он составил из специалистов, пользующихся доверием Гражданского форума. Это относится и к тем немногим министрам, которые формально еще остаются членами КПЧ, – заместителем председателя правительства Комареку, министру народного хозяйства Длоуги. В целом же состав правительства, которое постоянно подчеркивает свой временный характер, отражает принцип “хэпизэнда”, как в сказке о Золушке. Первый заместитель председателя правительства, активист католического движения в Словакии, юрист Ян Чарногурский, в прошлом адвокат правозащитников на судебных процессах, всего лишь за неделю до назначения вышел из ворот следственной тюрьмы, где ждал срока по обвинению в государственных преступлениях. Один из его бывших подзащитных, профессор Мирослав Куси, стал министром информации. Хорошо знаком со следственными органами нынешний министр по делам религий, в недавнем прошлом активист движения мирян-католиков, Йозеф Громадка. Петр Миллер еще в начале ноября был слесарем-наладчиком на комбинате “ЧКД-Прага”. Примкнув

в первые дни революции к Гражданскому форуму, он сыграл заметную роль в деле привлечения к движению рабочих. Теперь он – министр труда. Эпизод сказки о Золушке напоминает и судьба нового министра иностранных дел ЧССР Иржи Динстбира. Журналист-международник, в период Пражской весны один из составителей “Хартии-77” и политзаключенный в 70-е годы, он лишь за день до своего назначения министром работал истопником метропоя.

Правительству диссидентов и политзаключенных в считанные дни удалось преобразить политический климат страны. В чехословацкой Народной армии упразднен институт политкомиссаров, офицерам запрещено заниматься политической деятельностью. Преподавание марксизма-ленинизма в школах всех ступеней перестало быть обязательным, соответствующие кафедры расформированы. Пограничные заграждения на западных границах Чехословакии снесены, страна открыла свои двери для всех, в том числе и для эмигрантов всех категорий. В первые дни 90-го года министр финансов Клаус сообщил о намерении своего правительства добиться перестройки СЭВ на принципиально новой, двусторонней основе – в противном случае ЧССР грозит выйти из этой организации.

Хотя до первых свободных выборов еще далеко – они намечены на июнь 90-го года, уже сейчас заявили о себе и начали борьбу за голоса избирателей многочисленные политические партии: от аграриев и христианских демократов до зеленых и социал-демократов. По мнению чехов и словаков, гарантию того, что выборы действительно будут свободными, должен дать президент страны.

Высокий статус президента в глазах чехов и словаков связан с личностью основателя государства, философа Т.Масарика. Ясно, что тот, кто хочет быть избран на этот пост, должен обладать безупречной репутацией. Этим человеком народ единодушно признал Вацлава Гавела. Вместе с чешским философом Яном Паточкой Вацлав Гавел когда-то сформулировал теорию о солидарности “потрясенных” людей, выбитых из наезженной жизненной колеи безличной властью. В солидарности слабых угадывал чешский драматург небывалую силу. Эта сила и привела его в президентский дворец

Пражского Града. Вацлав Гавел — законченная противоположность традиционному политику, он не терпит политических аппаратчиков, он абсолютно безразличен к кабинетным играм и интригам. Освобожденный из заключения (да и то условно) в мае 1989 г., Гавел — безусловно необычный президент, не привыкший к смокингу и с трудом подыскивающий правильные слова для парадных речей. Но в его необычности, в его жестком правиле всегда жить по правде и совести граждане Чехословакии видят гарантию того, что страна не свернет с пути демократических реформ. ●

Е.Фиштейн

КОНЕЦ ВЕЛИКОГО КОНДУКАТОРА

Несмотря на широкие и радикальные реформы в странах Восточной Европы, еще в ноябре и в самой Румынии, и за ее пределами никто не верил, что эти перемены могут коснуться Бухареста. И действительно, режим Чаушеску не только не допускал, но в зародыше подавлял любые тенденции к переменам, любое проявление инакомыслия. Высказать иное мнение в партии означало положить конец партийной карьере. За последние два десятилетия Румынская коммунистическая партия перестала быть правящей партией восточноевропейского образца, превратившись в один — и к тому же не основной — из инструментов личной диктатуры Чаушеску. Инакомыслие среди населения подавлялось решительно и беспощадно. В стране царил террор сталинского типа, причем его главным орудием, главной опорой режима была всемогущая охранка — Securitate.

Не было надежд и на то, что перемены в Румынии произойдут под давлением извне. Во второй половине 60-х — начале 70-х гг. Чаушеску, опираясь на политическую и экономическую поддержку Запада, сумел занять независимую позицию по отношению к СССР. Но освободив страну от "дружеских уз", навязанных Большим братом, Чаушеску отнюдь не встал на путь тесного и долгосрочного сотрудничества с Западом. Более того, связи с Западом сворачивались и к середине 80-х гг. были сведены на нет. Изолировав страну от Запада и Востока, Чаушеску все больше сближался с родственными режимами: Северная Корея, Ливия, Китай и Иран становились ближайшими друзьями и партнерами Румынии (О положении в Румынии см. "Страна и мир" № 6, 1987 г. и № 5, 1988 г.) Тем неожиданнее оказались декабрьские события. Революция в Румынии разразилась, как гром с ясного неба.

Все началось в небольшом городе Тимишоара, где 37-летний протестантский пастор, венгр по происхождению, Ласло Текеш обвинил режим Чаушеску в геноциде против венгерского населения Румынии. То ли неслыханная дерзость пастора, то ли подсознательный страх перед его саном, то ли уверенность в том, что конфликт не выйдет за рамки венгерской общины города, то ли все это вместе помешало быстро и решительно расправиться со священником-диссидентом. Решено было избавиться от него с помощью послушного церковного начальства, которое тут же распорядилось перевести неудобного властям пастора в глухую деревушку. Но отец Текеш не подчинился. Тогда его начали травить, преследовать, изде-

Чаушеску — член Национального антифашистского комитета (1930)

Два реформатора — Дубчек и Чаушеску (1968)

ваться над ним и членами его семьи. Пастор переселился в церковь, которую сначала охраняли его близкие друзья, а затем вокруг нее стали круглосуточно дежурить сотни прихожан. В начале декабря вся 60-тысячная венгерская община города уже открыто встала на защиту Текеша. Новым и удивительным было то обстоятельство, что на сей раз румынское население города не отнеслось враждебно к выступлениям венгров. Более того, румыны сочувствовали землякам и кое-кто из них присоединился к протестующим.

Тем не менее, в Бухаресте были уверены, что волнения в Тимишоаре носят локальный характер и их при необходимости можно будет направить в нужное русло, столкнув венгерскую и румынскую общины. В крайнем случае предполагалось использовать боевые части Securitate или армейские подразделения. Не почувывая опасности кондукатор отправился с официальным визитом в Исламскую Республику Иран. Визит, однако, пришлось завершить раньше времени, так как волнения в Тимишоаре не только не прекратились, но приняли невиданный размах. Промышленные предприятия города прекратили работу. Занявшие их рабочие потребовали отставки руководства страны, привлечения к ответственности партийных, государственных и военных руководителей, вывода из города воинских частей. Рабочие угрожали взорвать предприятия, если их требования не будут удовлетворены.

Возвратившись в страну, Чаушеску действует решительно. Президентским декретом вводится военное положение в уезде Тимиш; в столицу уезда, город Тимишоара, отправ-

лены армейские части, войска МВД и отряды "патриотической гвардии" — а проще говоря, ударные батальоны Securitate.

Как станет потом известно, Чаушеску не только издал этот декрет, но и распорядился расстреливать бунтовщиков без пощады. Министр обороны, генерал Василь Милия отказался отдать соответствующий приказ по армии. Наутро 22 декабря газеты сообщат о том, что генерал В.Милия "покончил жизнь самоубийством". Конфликт с генералами, которых он не ставил ни в грош, дорого обойдется Чаушеску. Но пока он этого не знает и продолжает попытку погасить кризис. Диктатор распорядится провести по всей стране митинги: народный гнев против бунтовщиков, народная любовь и поддержка ему, Николае Чаушеску! Эти митинги его и погубят...

Главный митинг, на котором должен выступить сам кондукатор, был намечен на 21 декабря. С раннего утра жители столицы вышли на улицы и двинулись по направлению к центру города. С грузовиков им раздавали портреты Чаушеску, транспаранты, прославляющие вождя. Люди, однако, сдавали или выбрасывали их, но продолжали двигаться по центральной магистрали Бухареста — улице Магерау в сторону площади Революции. Среди участников запланированного митинга много молодежи, которая время от времени выкрикивает лозунги против руководства страны. Милиция и силы безопасности начинают разгонять толпу. В ход идут дубинки и гранаты со слезоточивым газом.

Все же митинг состоялся. Вслед за "рабочими", на нем выступил сам Чауше-

Кондукатор

Конец...

ску. Румынское телевидение транслировало митинг, весь мир следил за событиями в столице Румынии. И вот, после тирады о заговоре, о враждебных силах, инспирирующих беспорядки, Чаушеску переводит дух и по старой привычке дает толпе возможность выразить бурный восторг. Но вместо криков "Ура!", "Да здравствует великий вождь Чаушеску!" он вдруг слышит глухой гул, на фоне которого раздаются одиночные выстрелы и взрывы гранат. От изумления и злобы лицо Чаушеску перекашивается, руки, поднятые для отеческого приветствия толпе, сжимаются в кулаки... Фотография с изображением трябущегося от ненависти и страха Чаушеску обойдет весь мир и станет символом поражения диктатора, конца тиранического режима. Кондукатор покинул митинг, чтобы наутро бежать из своего дворца вместе с женой, столь же ненавистной народу "царицей Еленой".

А народ продолжал скапливаться на улицах и площадях столицы. К вечеру сотни тысяч людей собрались на проспекте Республики, на улице Магерау, на Университетской площади, на площади Романа. Люди стояли на балконах, весь вечер и всю ночь горел свет в окнах домов. Продолжали стягиваться к центру и воинские части и отряды милиции. Шеренги автоматчиков кое-где теснили толпу, милиция орудовала дубинками, то там, то здесь слышались выстрелы и скрежет гусениц танков.

Однако толпы не расходились. Всю ночь люди, в основном молодежь, скандировали лозунги — "Долой диктатуру!", "Свобода, свобода!". В 8 часов утра на следующий день над городом появились вертолеты, снова слышались выстрелы, по улицам по-

полз удушливый запах слезоточивого газа. Автоматчикам и танкам удалось вытеснить толпу с Университетской площади. Однако людей не удалось запугать. Демонстранты с зажженными свечами в руках переходили с улицы на улицу, продолжая выкрикивать антиправительственные лозунги. Ко второй половине дня ситуация резко изменилась. Стрельба прекратилась, началось братание демонстрантов с солдатами. Люди забирались на танки и бронемашины. "Мы — народ!", "Армия с нами!", "Долой диктатуру!", "Хотим демократии!" — скандировала ликующая толпа.

Генералы приняли решение — режим Чаушеску был обречен...

Впрочем, суд над диктатором состоится еще через несколько дней, а пока что фанатики-боевики из Securitate продолжали сопротивление. Ночами они выбирались из подземных бункеров и убивали всех, кто попадался на пути. Но главной их целью был захват здания центрального радио и телевидения — штаба народного восстания, а также телефонных станций и вокзала столицы.

Воинские части с трудом отбивали атаки отрядов Securitate. Одно время казалось, что силы безопасности могут взять верх. Почему? Какой-то армейский генерал прямо признался иностранному корреспонденту, который заговорил с ним на улице: "Мы — дети по сравнению с ними..." И действительно, румынские солдаты, выглядевшие как провинциальные пожарники, были явно не в состоянии противостоять частям Securitate. Видя это, молодежь взялась за оружие.

23-го декабря к генералам, отказавшимся поддерживать клан Чаушеску, присоединяется командующий войсками госбезопасности, генерал Юлиан Влад. Он явно понял, что пора "менять лошадей". Генерал-чекист произнес по радио красивые слова о спасении нации и приказал боевым частям Securitate и частям Министерства внутренних дел прекратить сопротивление. С этого момента отчаянно сражавшиеся фанатики — вне закона.

Кровавой, омерзительно жестокой стала румынская революция. Танки давили демонстрантов, агенты службы госбезопасности не щадили ни детей, ни женщин, демонстранты забивали насмерть боевиков, затапывали и заплевывали их трупы. Кровь, кровь, кровь...

В первые дни революции сообщалось о 60 тысячах убитых. В дальнейшем эта цифра сократилась до 10 тысяч. 60 же тысяч — это (по предварительным данным) число убитых и замученных охранкой Чаушеску за все годы его правления. Но какой бы ни оказалась уточненная цифра, ясно, что Румыния поставила "европейский рекорд" — такого количества убитых континент не знал со времен окончания Второй мировой войны.

Но не только жестокостью, огромным количеством жертв отличалась революция в Румынии от революций в соседних странах. Буквально все, что произошло и продолжает происходить в этой стране, начиная с 21 декабря, покрыто завесой секретности. Неясностью, двусмысленностью отличаются заявления новых руководителей страны, непоследовательностью, противоречивостью — их дела. Неясно, впрочем, кто они сами, эти руководители. Как, на какой политической платформе образовался Фронт национального спасения? Кем были направлены туда те или иные люди, кого они представляют? По какому признаку отбирались члены Совета ФНС, назначались члены правительства? Да, из 145 членов ФНС несколько — известные диссиденты. Некоторых кооптировала туда армия. Ну, а остальные? Все они — бывшие партийные функционеры, которые либо сознательно оставались в тени во времена Чаушеску, либо, как в случае с председателем Совета ФНС Ионом Илиеску, их успешную карьеру в партии по каким-то причинам прервал сам Чаушеску или кто-то из его окружения. Как могли собраться все эти люди в один час под одной крышей — неясно. Ясно только, что коммунисты,

функционеры скомпрометировавшей себя РКП доминируют в новом руководстве. А этот факт чреват многими последствиями, и главное из них состоит в том, что новое руководство не будет пользоваться доверием и поддержкой народа, не сможет обеспечить политическую стабильность в стране.

Впрочем, все это впереди: и массовые манифестации с требованием изгнать коммунистов из руководства, и решение совета ФНС поставить РКП вне закона, и поспешная отмена этого постановления...

Первостепенная же задача ФНС — покончить с прошлым, ликвидировать все институты диктатуры, сделать возврат к тирании в любой форме абсолютно невозможным. ФНС явно не справляется с этой задачей. Конечно, все окружение Чаушеску, все члены его клана арестованы, все одиозные законы и постановления времен диктатуры отменены. Но будет ли существовать РКП? Что делать с Securitate? Нет, нет, не с боевиками-фанатиками — здесь все ясно, — а с многотысячным аппаратом штатных и внештатных сотрудников охраны. По официальным данным, в Securitate служило 180 тысяч человек, но, что еще важнее, широкая сеть осведомителей органов безопасности опутала всю страну. По утверждениям некоторых румынских источников, каждый третий взрослый гражданин страны сотрудничал с Securitate. Быть может поэтому Совет ФНС сначала издает декрет об образовании военных трибуналов, призванных ликвидировать или сурово наказать сотрудников охраны, а через некоторое время отменяет в стране смертную казнь. Это решение Совета ФНС, безусловно положительное само по себе, в конкретной обстановке тех дней представляется чуть ли не прощением сотрудников Securitate и жестом примирения по отношению к тем, кто запятнал себя кровавыми злодеяниями во времена диктатуры.

Население возмущено решением Совета ФНС, по всей стране снова вспыхивают стихийные демонстрации. Народ требует восстановить смертную казнь, изгнать из руководства коммунистов.

Неясна и внешнеполитическая ориентация нового руководства. В зарубежной, особенно французской, прессе много пишут о том, что к событиям в Румынии "приложила руку" Москва, что генералы решили выступить против Чаушеску только после того,

как получили добро от коллег из штаба вооруженных сил Варшавского договора. Да и желание побыстрее убрать Чаушеску, расправиться с Securitate, одной из функций которой было противостояние КГБ на территории Румынии, все это как будто продиктовано из Москвы. Пишут даже, что большинство членов ФНС потому-то и смогли мгновенно собраться и сразу же начать функционировать, что всех их объединял общий язык — русский... Все это, конечно, не более чем догадки, но, как бы там ни было, Москва уже пытается воспользоваться ситуацией и усилить свое влияние в Бухаресте. Во всяком случае, Э.Шеварднадзе оказался первым высоким гостем нового румынского правительства и предложил этой стране щедрую помощь. (Странно, ведь в СССР и словом никто не обмолвился о том, чтобы помочь голодающей Польше, увязшей в долгах Венгрии или едва сводящей концы с концами Болгарии.)

Итак, Румыния — без Чаушеску. Что ждет эту страну? ●

Э.Ф.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

ЧЕРНЫЕ ЛИДЕРЫ ВЫРЫВАЮТСЯ ВПЕРЕД

Вопреки хорошо известному историческому факту, гражданская война в Соединенных Штатах продолжалась добрую сотню лет после военного поражения южан. Не на поле битвы, естественно, а в сердцах и умах американцев. Результаты гражданской войны оказались весьма сомнительными: свободолюбивые янки-северяне, вкуче с побежденной рабовладельческой Конфедерацией, отмежевались от освобождения рабов, создав изощренную систему сегрегации — расовой изоляции и неравенства. Система эта благополучно просуществовала до начала 50-х годов нашего столетия. Люди, которых не допускали в "белые" школы и университеты, которые должны были толпиться на задней площадке автобуса и лечиться в "черных" больницах, еще живы и все хорошо помнят.

Трудно сказать, что привело к распаду этой системы разделения рас: врожденное

ли стремление американцев к справедливости или упорная и не всегда бескровная борьба негров за свои права. Скорее всего, однако, сработал фундаментальный принцип американской конституции: возможность проверить конституционность любого закона в Верховном Суде, право обжаловать не только любое решение правительства, но и практику его применения.

Трансформация американской политической жизни началась четверть века назад, когда президент Линдон Джонсон специальным законом открыл черным американским гражданам дорогу к избирательным урнам. Хотя формально эта дорога не была закрыта и раньше, негров в выборных органах практически не было. Ирландцы, итальянцы, евреи, поляки имели своих лидеров, которые, хотя и не сразу, но прорывались в большую политику — защищать интересы своей этнической группы. "Афро-американцы" не представляли собой спаянной общины, и их лидеры редко поднимались над уровнем уличных вожаков. Мартин Лютер Кинг в этом смысле представлял исключение: умея вести за собой толпу, он был чужд радикализма. Новое поколение негритянских лидеров, выросших на его идеях, оказалось способным на политическую борьбу в рамках демократических традиций. Если в 1970 году в выборных органах было всего 1500 "цветных", то сегодня уже более 7000 афро-американцев представляют интересы не только черных, но и белых соотечественников в конгрессе, в законодательных органах штатов, в муниципалитетах и прочих органах местного самоуправления. Относительно недавно появились черные мэры в таких городах как Атланта и Детройт, Сэттл и Филадельфия. "Белая" Калифорния несколько лет назад едва не выбрала черного мэра Лос-Анджелеса губернатором штата — он недобрал всего один процент голосов.

На выборах этого года Америка сделала серьезный шаг вперед, в сторону общества, где цвет кожи не играет роли. Не так уж много на нашей планете государств, где о человеке судят не по его расовой или национальной принадлежности, и Соединенные Штаты в этом смысле далеки от идеала. Однако факт, что штат Вирджиния, где когда-то родилась печально известная Конфедерация, выбрал своим губернатором негра, а

еврейского мэра города Нью-Йорка, в котором евреев почти столько же, сколько в государстве Израиль, сменил политик с черным цветом кожи, говорит о многом.

Выборы в Штатах происходят практически каждый год: выбирают ведь не только президента страны, сенаторов и конгрессменов, но и губернаторов, членов штатных палат, мэров городов, шерифов и всякого рода ревизоров для наблюдения за деятельностью местных органов самоуправления. Размах предвыборной кампании обычно зависит от значимости поста, но в этом году накал борьбы не соответствовал этому правилу. Выборы губернаторов штатов и мэров городов, даже очень больших, обычно не имеют резонанса в масштабах всей страны. В этот раз, однако, на "праймериз", первичных выборах, выяснилось, что от демократов на многие посты будут баллотироваться — впервые в истории — негры. Причем не только в местах, где большинство или хотя бы значительную часть составляют черные избиратели. Понятно, что черным мэром вправе править Атлантой или Детройтом — там много негров, но Вирджиния — штат не просто белый, а колыбель Конфедерации, и мысль о том, что в здании, откуда была объявлена война Северу, будет заседать правнук раба, казалась многим кошунственной.

К чести американцев, расовые мотивы хотя и явно играли роль в этой кампании, на страницы газет и экраны телевизоров просачивались только тогда, когда их надо было подвергнуть осуждению. По существу же все решили политические позиции кандидатов, причем, как это часто бывает (и не только в Америке), многие избиратели голосовали не "за", а "против".

В 1980 году американцы дружно проголосовали за аутсайдера, который обещал уменьшить роль федерального правительства. Рейган сдержал свои обещания: если не снизил, то и не увеличил налоги, вселил в американцев веру в собственные силы и в будущее страны, твердой внешней политикой и "гонкой вооружений" заметно ускорил развал соцлагеря. Консерватизм Рейгана, его постоянный оптимизм и приверженность семейным ценностям в противовес правительству "Большого брата", которое во все вмешивается и всем руководит, нравились стране. Можно спорить, бы-

ло ли простой удачей Рейгана, что восемь лет его правления пришлось на период сравнительного процветания, но то, что этот период длился необычно долго, не оспаривает никто. Вместе с тем, американцы не могли не видеть, что поток федеральных ассигнований штатам неуклонно снижается, что дороги и мосты не ремонтируются, что полицейских на улицах становится меньше, а торговцев наркотиками — больше. Республиканцы не случайно потеряли большинство в сенате в 1984 г. Выборы 1988 г. не принесли облегчения — Буш оказался один на один с конгрессом, враждебным республиканской программе снижения налогов и уменьшения роли федерального правительства.

Федеральное правительство и в самом деле не может во все вмешиваться и все на свете регулировать и опекать. Американская бюрократическая машина и так чересчур сложна и плохо управляема. Парадоксально, но когда избиратель согласился с Рейганом, его партия стала терять голоса на местных выборах: граждане нуждались в активных правительствах в своих штатах. Вот почему жители одного из крупнейших городов центра страны, Канзас-Сити, сами себя обложили дополнительным налогом на сумму 100 миллионов долларов. Деньги пойдут на усиление борьбы с наркотиками. Избиратели Денвера проголосовали за то, чтобы потратить 200 миллионов на ремонт дорог. В Нью-Джерси губернатором избран человек, обещавший покончить с загрязнением вод и земель штата, что тоже чревато расходами.

Демократы внушают больше доверия избирателям в роли защитников местных интересов, чем республиканцы. Демократическая партия по традиции считается защитником маленького человека от сильных мира сего, хотя насчитывает в своих рядах немало миллионеров. Партия эта отличается чрезвычайно широким политическим спектром, охотно принимаемая под свое крыло всякого рода местные и этнические объединения. Этот чрезвычайно рыхлый конгломерат испытывает обычно серьезные затруднения в выработке общенациональной политической платформы, но на местных выборах демократам гораздо легче, чем республиканцам, подобрать популярного в округе кандидата.

На этот раз в руках демократов оказался дополнительный крупный козырь: их либеральное отношение к абортам. (Нельзя не позавидовать стране, где подобные вопросы играют решающую роль в политической жизни...) Демократы традиционно поддерживают право женщины сделать свой собственный выбор. Республиканцы стремятся обставить эту процедуру множеством препятствий, сделать ее морально неприемлемой. В ход идут всякого рода уловки. Скажем, можно ли использовать деньги богобоязненного избирателя, принципиального противника прерывания беременности, на оказание помощи жертве насилия? Нельзя, отвечает президент Буш, и блокирует законопроект, такую помощь предусматривающий.

Маятник общественного мнения, который в 1980 г. привел в Белый дом противника аборт, сегодня склоняется в сторону права женщины решать самой. Для Рейгана, человека консервативных и очень постоянных убеждений, ограничение аборт было его собственной позицией. В конце 70-х — начале 80-х годов его позиция совпала с настроением общества, уставшего от вседозволенности предыдущего десятилетия и желавшего возврата к прочной семье. Возврат свершился, но когда ослепленные победой консерваторы попытались заполучить еще один, казавшийся таким доступным, вершок — общество, совсем было прирученное, возмутилось. Начались демонстрации протеста, многотысячные марши на Вашингтон и т.д. и т.п. Опросы общественного мнения показали, что среднестатистическая американская женщина сегодня уже совсем не та чадолюбивая мать многочисленного семейства, какой она была четверть века назад. И что ни ей, ни ее мужу совсем не по душе то, что в их семейные дела кто-то будет вмешиваться, пусть даже с самыми благими намерениями. Женщина, как известно, большая сила, поэтому демократические кандидаты, дружно выступавшие за право выбора, получили много дополнительных голосов, на которые в других условиях они не смогли бы рассчитывать. Помимо этого, демократы, традиционно более внимательные к местным нуждам, имели хорошо разработанные программы решения насущных проблем, волновавших избирателей. К чести американцев, цвет кожи не

помешал им сделать выбор, отвечающий их интересам.

Надо сказать, что черный цвет кожи в сознании американского избирателя (не только белого) до последнего времени был прочно связан с радикализмом. Кандидаты на выборах этого года такую связь поколебали. Ни новоизбранного губернатора Вирджинии, ни нового мэра Нью-Йорка радикалами не назовешь, хотя оба начинали свою политическую карьеру в не слишком благоприятные времена. Даглас Уайльдер, внук раба, был в 1953 г. мобилизован в только что десегрегированную армию, где сполна вкусил вроде бы отмененной дискриминации. Это не помешало ему, однако, получить весьма почетную Бронзовую Звезду за героизм. Позднее, став первым черным сенатором в своей родной Вирджинии, в "тронной" речи он вежливо и твердо указал стопочтенным коллегам, что слова о старом чернокожем в гимне штата оскорбительны не только для него, но и для них. За долгие годы работы в сенатских комиссиях он завоевал уважение не только черных, но и белых избирателей.

Своей умеренностью и джентльменским поведением известен и победитель нью-йоркских муниципальных выборов Дэвид Динкинс. Он тоже прошел армейскую школу в те же достопамятные времена, что и Уайльдер. С тем разве различием, что чести попасть в морскую пехоту он добивался несколько лет подряд — мешала расовая квота.

Выход на большую политическую арену умеренных черных деятелей имеет далеко идущие последствия для всей Америки: он показал, что кандидат любого цвета кожи, знающий, чего хотят избиратели, имеющий достаточный опыт и способности, может претендовать на любую выборную должность. Следует помнить, что Уайльдер победил не где-нибудь, а в штате с солидным расистским прошлым. Перевес его не был значительным (около 7 тысяч голосов из почти 2 миллионов), и получил он его в округах, населенных зажиточными и образованными пришельцами с севера, не обремененными предрассудками. Однако и в сердце штата, "Старом Доминионе", он набрал 46 процентов голосов. Мэр Атланты, Эндрю Янг, заметил по этому поводу: "Если мы смогли сделать это в Вирджинии, мы сможем повторить это в любом другом месте". Для него

опыт Динкинса и Уайльдера очень важен: в будущем году он хочет стать черным губернатором другого "рабовладельческого" штата — Джорджии. ●

Г.Буяновский

АЗИЯ

КУРИЛЬСКАЯ ГРЯДА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПРОБЛЕМ

Проблема Курильских островов оказалась в центре внимания мировой общественности еще в начале года, когда стало известно, что в марте в Токио впервые состоятся советско-японские переговоры, посвященные этому, казалось бы, неразрешимому вопросу. Формально мартовские переговоры, проходившие на уровне заместителей министров иностранных дел, закончились безрезультатно. И все же японская сторона выразила определенный оптимизм. "Советская позиция по вопросу о Северных территориях (так в Японии называют Курильские острова. — *Ред.*) продолжает оставаться неуступчивой, тем не менее советская сторона выразила желание продолжить переговоры", — заявил официальный представитель Японии, добавив, что сроки возобновления переговоров вскоре будут согласованы.

Острова Шикотан, Кунашир и Итуруп (Иоторофу) и группа островов Малой Курильской гряды (группа Хабомай), расположенные севернее японского острова Хоккайдо, были захвачены Советским Союзом буквально в последние дни Второй мировой войны. Япония никогда не признавала советский суверенитет над этими островами, и вопрос об их принадлежности стал камнем преткновения в советско-японских отношениях. Добиваясь возврата четырех Курильских островов, Япония ссылается не только на историю, на то, что Северные территории принадлежали Японии столетиями, но и на прецедент, связанный с возвращением Японии островов группы Рюкю, оккупированных во время войны Соединенными Штатами Америки. После подписания в 1951 г. договора о безопасности между Японией и США американцы постоянно сокращали свое военное присутствие в этой стране, а в

1970 г. суверенитет японского правительства распространился на остров Окинава, последнюю японскую территорию, управляемую американской военной администрацией. Договор о мире и полное прекращение оккупации легли в основу политического, экономического и культурного сотрудничества между бывшими врагами и военными соперниками.

Подписание мирного договора с политически нейтральной, но экономически могущественной Японией открыло бы перед СССР исключительные возможности в области торговли, кредитов, развития огромного дальневосточного региона. Но, быть может, еще важнее то, что широкое сотрудничество с Японией помогло бы Советскому Союзу сдвинуть с мертвой точки развитие так называемой высокой технологии, то есть таких областей, как электроника, оптика, вычислительная техника, новые материалы и т.д. Отставание в этих областях столь значительно, что грозит превратить Советский Союз в ближайшее время в третьестепенную в техническом отношении страну. Япония же, напротив, добилась в этих областях исключительных успехов, а если и испытывает трудности, то лишь из-за недостатка рынков сбыта и протекционистской политики стран Запада.

Однако, несмотря на очевидную выгоду всестороннего сотрудничества с Японией, — причем выгоду в первую очередь для СССР, — отношения с дальневосточным соседом более двадцати лет оставались на очень низком уровне, практически были заморожены. В 1965 г. между двумя странами было подписано соглашение о прекращении состояния войны, которое позволило восстановить между ними дипломатические отношения. Но дальше обмена посольствами дело не пошло. Попытки подписать мирный договор не увенчались успехом. СССР постоянно отклонял требования Японии вернуть ей Северные территории. Более того, бывший министр иностранных дел А.Громыко не только не хотел вести переговоры по этому вопросу, добиваться какого-то компромиссного решения, но вообще отрицал само существование проблемы. Обоснованные требования Японии он клеймил как "реваншистские", "милитаристские" и т.д. В узком кругу, как говорят, Громыко высказывался еще откровеннее: "Никому ничего не отдавали, не

отдаем и отдавать не будем. На том стоим."

Изменение общего курса во внешней политике привело к тому, что в декабре прошлого года, во время визита Э.Шеварднадзе в Токио, вопрос о Курильских островах впервые обсуждался на правительственном уровне. Результатом переговоров Шеварднадзе с его японским коллегой и явилась мартовская встреча в Токио, которая была посвящена исключительно вопросу о Курилах. Правда, первый раунд переговоров не привел к положительным сдвигам, но тот факт, что советская сторона признала, наконец, существование проблемы и выразила готовность ее решать, внушал оптимизм.

Увы, через сравнительно короткое время стало ясно, что быстрого решения проблемы ждать не приходится. Из заявлений Э.Шеварднадзе, его заместителя И.Рогова, из выступлений в печати сотрудников МИДА более низкого ранга очевидно, что советская сторона стремится отложить решение проблемы Северных территорий в долгий ящик. Более того, некоторые обозреватели считают, что отказавшись от линии Громыко и начав дипломатическое маневрирование, СССР пытается добиться все той же старой цели — подписать мирный договор и начать широкое экономическое сотрудничество с Японией, так и не вернув ей захваченных территорий. Этот прогноз подтвердил и сам М.Горбачев во время встречи 5 мая с тогдашним министром иностранных дел Японии Сосукэ Уно. В ответ на замечание Уно о том, что проблема Северных территорий

остаётся "тормозящим фактором" в японско-советских отношениях, Горбачев выразил удивление: почему же аналогичные претензии к Китаю и Южной Корее не мешают Японии сотрудничать с этими странами? Горбачев всячески старался убедить своего гостя в необходимости "уважать положение каждого государства в системе послевоенных международных отношений, не подходить односторонне к суверенным интересам государств и сложившимся взглядам народа на отношения с другими странами". Суть этого заявления, видимо, в том, что Япония должна либо отказаться от своих притязаний, учитывая послевоенную реальность, либо — по крайней мере — не вынуждать советское руководство спешить, так как советский народ, дескать, не поймет и не примет решение возратить территории, доставшиеся в результате победы над врагом.

Советский народ тут, конечно, не при чем. Во-первых, не так уж много советских граждан знают, сколько именно островов в бесконечно далекой Курильской гряде и в чем заключается глубокий смысл удержания нескольких из них. Главное же, советский народ отнюдь не привык к тому, что руководство страны считается с его мнением. Столь же мало смысла и в ссылках советских пропагандистов на то, что "Северные территории испокон веков принадлежали России" или что "затраты на освоение "диких островов" были слишком велики, чтобы сейчас можно было с этими территориями так просто расстаться". Так в чем же загадка Курильских островов? Почему даже сейчас, когда советское руководство, казалось бы, ищет конструктивные решения внешнеполитических проблем, оно явно не стремится разрубить гордиев узел в советско-японских отношениях?

Завесу над тайной Курил в значительной степени приоткрыла вышедшая совсем недавно в Токио очередная Белая книга по вопросам обороны. В преамбуле этого ежегодника, издаваемого Управлением обороны Японии, говорится, что "советское военное присутствие на Дальнем Востоке постоянно растет и по-прежнему представляет серьезную угрозу не только Японии, но и другим странам Дальнего Востока". В доказательство Белая книга приводит подробные описания дислокации советских вооруженных сил в регионе и анализирует их боевые возможности.

Дальневосточный военный округ (ДВО) Вооруженных Сил СССР занимает огромную территорию к востоку от Байкала и состоит из 43 дивизий общей численностью 390 тысяч человек. Девять армейских дивизий дислоцированы между Владивостоком и Хабаровском, двенадцать — на запад от Хабаровска, вдоль границы с Китаем, две дивизии расквартированы на Сахалине, две — на Камчатском полуострове и, наконец, одна — на четырех захваченных у Японии островах (Северные территории).

Военно-морские силы на Дальнем Востоке сведены в Тихоокеанский флот — самый крупный из четырех флотов СССР. В его составе более ста крупных надводных судов и 140 подводных лодок (75 из которых вооружены баллистическими ракетами дальнего радиуса действия), общий тоннаж которых — 1,9 миллионов тонн. Кроме того, в состав Тихоокеанского флота входят 840 вспомогательных судов. В дополнение к сухопутным и военно-морским силам, СССР располагает на Дальнем Востоке и мощным военно-воздушным флотом. Около четверти всей военной авиации СССР сосредоточено в дальневосточном регионе, причем 70% из 2430 военных самолетов в этом регионе принадлежит к третьему поколению советской военной авиации (МиГ 23—27, Су-24), а 10% — к четвертому (МиГ-31, Су-25).

Авторов Белой книги настораживает и дислокация советских сил в регионе. 60% наземных сил и 90% дальних бомбардировщиков находятся на побережье Охотского и Японского морей, на острове Сахалин и на Камчатском полуострове. Что касается спорных островов Курильской гряды, то там базируются, по меньшей мере, 40 истребителей МиГ-23 и крупное военно-морское соединение. Но, что важнее, там находится главный радар дальнего обнаружения и многочисленные установки, предназначенные для так называемой электронной войны.

Что касается стратегических ядерных сил, то, по утверждению Белой книги, от четверти до трети всех советских ядерных ракет расположены в дальневосточном регионе. Причем именно здесь стратегические ракеты старого типа в первую очередь заменяются усовершенствованными образцами, как только последние поступают на вооружение. Стратегическая авиация насчитывает 85 бомбардировщиков Ту-26, способных парализовать морские пути в Тихом океане, и

такое же число бомбардировщиков Ту-95, несущих крылатые ракеты. Крылатыми ракетами вооружены, кроме того, подводные лодки класса "Акула".

Итак, 15-я Белая книга Управления обороны Японии (данные которой никто и не пытался опровергнуть) рисует достаточно ясную картину. Советский Дальний Восток — это стратегический плацдарм, на котором сосредоточены мощные ударные силы, причем дальневосточный военный кулак угрожает отнюдь не только одной Японии, но и всей системе тихоокеанских коммуникаций, западному побережью США, всем странам Дальнего Востока и Тихоокеанского бассейна, вплоть до Австралии и Новой Зеландии. А отсюда ясно, что тормозом при решении проблемы спорных территорий и всего комплекса советско-японских отношений является отнюдь не упрямство советского генералитета (как думают очень многие), а стратегическая доктрина военного превосходства на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, являющаяся одним из краеугольных камней советской внешней политики еще со времен Второй мировой войны. Возвращение Японии захваченных островов потребовало бы от СССР перестройки всей системы стратегических сил на Дальнем Востоке. Однако экономическое положение страны, трудности с транспортом, да и дающая себя знать даже в военной промышленности техническая отсталость не позволяют военно-политическому руководству пойти на такой шаг. Но если невозможно решить важнейшую внешнеполитическую проблему страны, одновременно удовлетворив аппетиты генералитета и военно-промышленного комплекса, что же остается новым советским лидерам? Выбор невелик. Соблазнительнее всего оставить все как было и продолжать политическое маневрирование в надежде, что в будущем проблема как-нибудь решится сама собой. Этот путь не требует ни мужества, ни политической ответственности, ни дипломатического искусства. К тому же, в данном случае легко сохранить "хорошую мину при плохой игре", списав собственную беспомощность на несговорчивость партнера. Однако страна уже четверть века шла этим путем. Куда он ее привел, сегодня известно всем. И чтобы выбраться из глубокого кризиса, необходимо встать на совершенно иной, хотя и

очень нелегкий путь. Этот путь — поиск конструктивных и взаимовыгодных решений, создание системы коллективной безопасности и широкое региональное сотрудничество. Первым шагом на этом пути должен стать отказ от доктрины военного превосходства, от политики диктата и вмешательства во внутренние дела государств региона. При этом чрезвычайно важно, чтобы военное равновесие в регионе было установлено на как можно более низком уровне, а система коллективной безопасности основывалась не только на договорах и соглашениях, но и подкреплялась бы широким сотрудничеством в области экономики, обмена людьми и информацией.

Перестройка всей системы политических и экономических связей на Дальнем Востоке существенно помогла бы советским руководителям приостановить процесс развала экономики, преодолеть кризис и наконец-то начать движение вперед. Но это далеко не все. 21-й век, по всеобщему убеждению, принадлежит Дальнему Востоку. Сегодня там закладываются основы экономического сообщества, могущество которого очень скоро сравняется, а то и превзойдет экономическую мощь США и Европейского общего рынка. Сегодня у СССР есть шанс не только установить тесные дружественные отношения с будущим экономическим колоссом, но — более того — стать его органической частью. ●

Э.Финкельштейн

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Можно сказать, что 11 декабря 1989 г. прекратила свое существование РСДРП (иначе говоря — партия меньшевиков), ибо в этот день в Голландии скончался последний из членов Заграничной Делегации РСДРП Борис Моисеевич Сапир. Именно Заграничной Делегации в начале 20-х гг. были переданы функции Центрального Комитета партии.

Борис Сапир принадлежал к младшему поколению российских меньшевиков. Он родился в Лодзи в 1902 г., в партию вступил в 1919 г. В это время меньшевистский ЦК призвал партийцев вступать в Красную гвардию, чтобы воевать с белыми. Сапир стал красногвардейцем. Когда я шутиливо упрекал его в этом, он как бы виновато разводил руками: "Был грех!" На самом деле, конечно, все обстояло сложнее: ЦК

РСДРП, осудивший ранее большевистский переворот, полагал в 1919 г., что белые генералы опаснее для дела революции, чем большевики.

Однако союз с большевиками длился недолго. Воюя вместе с ними, меньшевики не растворились в их среде, они сохранили свои организации, продолжали отстаивать свои принципиально антибольшевистские позиции. Неудивительно, что сразу после окончания войны вместо благодарности за сотрудничество их ожидали репрессии. Ленин, Бухарин и другие ведущие коммунисты не раз заявляли, что место меньшевикам не в Советах, а в тюрьме.

И это не было пустой угрозой. Одним меньшевикам предлагали на выбор эмиграцию или ссылку, других просто ссылали, сажали в тюрьмы. До возникновения Соловецкого лагеря ссылали в места, действительно, не столь отдаленные. Так, первым местом ссылки для Сапира, Ланде и других молодых меньшевиков из "Московской группы с.-д. рабочей молодежи" оказалась в 1921 г. Кубанская губерния (см. "Память. Исторический сборник", № 3. Москва, 1978 — Париж, 1980). Потом Борис Сапир попал и на Соловки, где в 1923 г. был свидетелем расстрела шести социалистов-революционеров.

В самом конце 1925 г. Сапир через Латвию бежит на Запад. Здесь он включается в активную политическую деятельность своей партии, знакомится с лидерами меньшевизма П.Аксельродом и Ф.Даном, с вышедшим уже из партии А.Потресовым. Надо отметить, что со времен московской группы Сапир принадлежал к правому крылу меньшевиков.

В 1932 г. Сапир защищает в Тюбингене докторскую диссертацию на тему "Достоевский и Толстой о праве". В 30-е годы вместе с Борисом Николаевским он начинает

создавать архив по истории социалистических движений в России. С 1935 г. этот архив находится в Амстердамском Международном Институте социальной истории, где Сапир до 1941 г. возглавлял русскую секцию.

После прихода гитлеровцев в Голландию Сапир уезжает на Кубу, а затем в США, где к тому времени сосредоточились остатки партий меньшевиков и социалистов-революционеров. Постоянно сотрудничая в "Социалистическом вестнике" (вплоть до прекращения его издания в 1965 г.), Сапир пишет аналитические статьи и для американских газет. В 1967 г. он возвращается в Амстердам, в свой институт, и его принимают на работу в том возрасте, когда других отправляют на пенсию.

В Институте социальной истории он работает до своего 80-летия. Здесь, в Амстердаме, под руководством Сапира изданы книги: "Вперед!", 1873—1977" (в двух томах); "Лавров: годы эмиграции" (в двух томах); Ф.И.Дан "Письма (1899—1946)"; "Из архива Л.О.Дан" (о двух последних книгах см. "Страна и мир", 1988, № 6). В последнее десятилетие все чаще заглядывают в Амстердам историки из СССР: работают с архивами, встречаются и с Сапиром. А в самое последнее время начинают приезжать и "неформалы" и шлют ему по почте свои издания. Кажется, меньшевизм начинает кое-кого интересовать и на Родине...

Сапир недоверчиво отнесся к Горбачеву, считая, что он вряд ли способен провести достаточно глубокие реформы. А вот сообщения из Восточной Европы в ноябре 1989 г. он воспринял с радостью: коммунизм в этих странах уходит в прошлое.

Последней работой Сапира было составление именного указателя к "Социалистическому вестнику" с расшифровкой всех псевдонимов и криптонимов. Кроме того он взялся писать предисловие к сборнику неопубликованных писем Мартова и успел закончить его за несколько дней до смерти.

На похоронах Бориса Сапира были зачитаны две телеграммы из Москвы. В одной из них, посланной правлением "Мемориала", говорилось: "Глубоко скорбим над могилой старейшего политзаключенного, верного хранителя традиций русской социал-демократии, замечательного гражданина и историка". ●

ВЕСТИ ИЗ СССР

ЖАРКИЙ ДЕКАБРЬ В ЛИТВЕ

7 декабря Литва стала первой советской республикой, в которой монопартийной политической системе был положен конец. Верховный Совет Литовской ССР отменил действие статьи 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС на территории Литовской ССР.

Не менее важные, но безусловно более драматические события произошли позже, когда 19 декабря собрался внеочередной XX съезд Компартии Литвы. Делегаты съезда 855 голосами против 160 приняли решение выйти из состава КПСС и образовать независимую коммунистическую партию Литвы. Руководящее ядро новой партии составили представители двух групп. Первая группа состоит из нескомпрометированных функционеров прежней партии. Это — ее признанный лидер, первый секретарь старой и новой КП Литвы — Альгирдас Бразаускас. Это — идеолог литовских коммунистов-реформаторов — Юстас Палецкис, твердые сторонники реформ — В.Березов и К.Главяцкас. Вторая группа — совсем новые люди на партийном Олимпе. Это — Р.Озалас, К.Прускене, Б.Гензялис, Э.Вилкас, Р.Гудайтис. Чрезвычайно любопытно, что все новые люди в руководстве КП Литвы — одновременно ведущие деятели Саюдиса.

Следует подчеркнуть, что решение об отделении партии от КПСС было принято под сильным давлением снизу. Дело в том, что литовцы-члены партии, продолжающие считать себя коммунистами, не хотят больше выглядеть коллаборационистами в глазах собственного народа. А ведь именно коллаборационистами, ставленниками Москвы, считает их большинство населения! Действительно, у КП Литвы не было не только

собственной платформы, специфических национальных целей и задач, — у нее не было даже собственных атрибутов, если не считать, конечно, самого названия партии.

Голос снизу был услышан на партийных верхах. Те руководители партии, которые не успели окончательно заостенеть в партийном догматизме, поняли, что если не реформировать партию, причем реформировать решительно и радикально, КП Литвы не только потеряет остатки доверия населения, не сумеет получить голоса избирателей на выборах в Верховный Совет и в местные советы, но рано или поздно просто прекратит свое существование. Теоретическую платформу реформированного коммунистического движения, призванного вдохнуть новую жизнь в КП Литвы, разработал Ю.Палецкис, объявивший на съезде, что целью партии независимых коммунистов является построение в Литве социализма, "окрашенного в литовские тона". В сущности, программа новой компартии носит социал-демократический характер, и, надо полагать, через какое-то время партия изменит и свое название.

Однако внеочередной съезд привел не только к отделению литовской компартии от КПСС, но и к расколу прежней партии. 144 члена партии, называющие себя "коммунистами-интернационалистами", собрались в ту же ночь в помещении Октябрьского райкома КП Литвы и приняли решение об образовании альтернативной партии, "остающейся на платформе КПСС". Хотя "ночная" компартия (так ее называли в народе) состоит в основном из русских и пытается выдать себя за представителя и защитника русского (и всего нелитовского) населения Литвы, реальной поддержки в народе у нее, видимо, нет. Иначе ее фактический лидер,

а по совместительству — секретарь Октябрьского райкома КП Литвы (непонятно, правда, которой?), Владислав Швед не отклонил бы все предложения руководства новой партии о сотрудничестве. А ведь предлагали ему любые возможности, вплоть до того, что "ночные" коммунисты смогут образовать собственную фракцию в составе партии. В.Швед и компания в действительности представляют так называемую директорскую мафию — неформальное (а, может быть, и формальное) объединение присланных из разных районов СССР партийных аппаратчиков, директоров, управляющих, парторгов предприятий и учреждений союзного подчинения. Пользуясь старомодным языком, ночная компартия — это партия колониального чиновничества, которое не может надеяться на поддержку даже части населения, но делает ставку на резкую смену курса Кремля.

А реакция Кремля, между тем, не заставила себя ждать. Все руководство литовской компартии (старого состава) было вызвано в Москву, "на ковер". Сколь сильное давление пришлось выдержать коммунистам-реформаторам, легко себе представить. По имеющимся сведениям, дело не ограничилось лобовым давлением и угрозами. В ход был пущен шантаж. А.Бразаускаса и его единомышленников пытались убедить, что отделение КП Литвы от КПСС создает реальную угрозу лично М.Горбачеву и всему курсу перестройки. Хотя благодаря литовским коммунистам-реформаторам в СССР появилась одна республика, где коммунисты в

действительности заслужили уважение и поддержку рядовых граждан!

Как бы там ни было, А.Бразаускас выдержал давление, "проработка" на Старой площади не кончилась ничем. Единственным результатом предновогоднего совещания стало решение направить в Литву делегацию высших руководителей КПСС во главе с самим М.Горбачевым "для разбора дела на месте". Визит этот, состоявшийся с 9 по 11 января, вызвал исключительный интерес во всем мире. Одних только иностранных корреспондентов в Вильнюсе в эти дни насчитывалось более 200! Но, конечно же, более всего было взволновано население Литвы. Что предпримет руководитель партии и государства в связи с беспрецедентным шагом литовских коммунистов? Ведь не секрет, что реакция всемогущего партаппарата была крайне негативной. В решении литовских коммунистов аппарат увидел (и не без основания) смертельную угрозу своему могуществу. Да и все ревнителю целостности империи поняли, к чему идет дело в Литве. Ведь если раньше в сепаратизме обвиняли "кучку националистов-экстремистов", то что можно говорить теперь, когда сама компартия Литвы встала на путь "сепаратизма"? И та, и другая сторона с напряженным вниманием следили за каждым словом Горбачева, ожидая от него ответа на отнюдь не праздный вопрос.

И Горбачев дал ответ.

Внешне Горбачев держался в Литве нарочито строго, даже грубовато. Это — для аппарата и шовинистов всех мастей. Ведь он, как будто, и поехал в Литву, чтобы проработать, указать, исправить. Бросалось в глаза, что каждое последующее предложение Горбачева противоречило предыдущему. Это вызывало недоуменные вопросы. Ларчик же открывался просто — одно предложение Горбачев адресовал твердолобым, другое — литовским (и не только литовским) реформаторам. Его симпатии, симпатии московских перестройщиков были явно на стороне Бразаускаса и его единомышленников. Надо думать, Горбачев даже завидует Бразаускасу, — ведь и он хотел бы реформировать партию, вдохнуть в нее новую жизнь.

Реальный итог наделавшего столько шума визита Горбачева в Литву: все остается без изменения, решение коммунистов-рефор-

маторов не отменено и не осуждено. Это означает, что они могут продолжать идти избранным путем, но делать это очень осторожно, ибо реформаторы все-таки не получили прямого одобрения высшего руководства партии и страны. ●

ВТОРОЙ СЪЕЗД: РЕМОНТ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

20 декабря 2-й Съезд народных депутатов СССР принял закон об изменениях и дополнениях к Конституции СССР по вопросам избирательной системы. Вопреки названию, этот закон касается также системы высших органов власти союзных республик. Закон в основном сводится к тому, чтобы санкционировать задним числом то, что уже установлено новыми законами союзных республик и принятыми в республиках конституционными изменениями.

Закон отменил введенное год назад положение об обязательности создания Съездов народных депутатов в каждой союзной и автономной республике. Республики отказались пойти по этому пути, и это положение конституции осталось мертвой буквой (за исключением РСФСР, где будет все же создан Съезд народных депутатов).

Большие споры в обществе, в Верховном Совете и на Съезде вызвал вопрос о выборах депутатов от общественных организаций. Преобладающее мнение, которое и мне представляется справедливым, состоит в том, что такие выборы несовместимы с подлинной демократией. А. Лукьянов проявил полную некомпетентность (хотя, как известно, он юрист и даже, более конкретно, специалист по государственному праву), заявив на сессии Верховного Совета, будто "выборы от общественных организаций, от корпораций общеприняты во многих западных странах, славящихся высоким уровнем демократии" (цитирую по памяти по передачам радиопрограммы "Маяк", поскольку стенограмма остается практически недоступной). Я знаю только два случая использования подобной избирательной системы. Первый случай — это фашистская Италия до 1943 года, а второй — это современный марксистско-ленинский однопартийный Бенин (бывшая Дагомея). В обоих случаях список депутатов, составленный общественными

организациями и правящей партией, все же передавался затем на всенародное голосование, чего нет у нас.

С другой стороны, по моему мнению, неправы и те, кто считает, что демократичны только выборы по территориальным и национально-территориальным избирательным округам. На деле возможны иные способы избрания депутатов. В частности, мне представляется целесообразным известных по всей стране деятелей избирать по общенациональному избирательному округу, как делают, например, в ФРГ, Польше, Венгрии.

По новой редакции конституции выборы части депутатов от общественных организаций — это не обязанность, а право отдельных союзных и автономных республик. На усмотрение республик передан и вопрос, какую часть депутатов высшего органа власти республики избирать таким образом. Избрание части депутатов от общественных организаций предусмотрено ныне только в Белоруссии и в Казахстане.

Очень длительные дискуссии были и о том, надо ли вообще сохранять в главе об избирательной системе упоминание о возможности выбора общественными организациями народных депутатов СССР. Некоторые предлагали оговорить, что это положение сохраняет силу только до конца срока полномочий ныне избранных депутатов. После ожесточенного спора всякое упоминание о народных депутатах СССР от общественных организаций из этой главы было вычеркнуто. Но в главе о высших органах власти СССР, в статье 109, осталась формулировка о том, что 750 депутатов Съезда избираются от общественных организаций. Так что не только сохранили мандаты все ныне избранные депутаты от общественных организаций, но можно проводить и новые выборы взамен выбывших депутатов. Так, на январь 1990 года назначены выборы депутата от КПСС вместо Абалкина, сложившего свои полномочия в связи с вхождением в состав правительства.

В ответ на критику весенних безальтернативных выборов депутатов от КПСС (тогда на сто мест было выдвинуто сто кандидатов), на этот раз проводятся альтернативные выборы: на одно место выдвинуты три кандидата. Но знакомство с этим списком еще раз доказывает, что альтернативность — еще не гарантия свободы выбора. Все три

кандидата — рабочие, все — мужчины, все — русские, все одного возраста и ни один из них не высказывал публично своих мнений по политическим или иным вопросам. Ничего не известно и об их предвыборных программах. Есть ли смысл в такой альтернативности?

Поэтому я не придаю столь большого значения требованию об обязательной альтернативности выборов, которое выдвигали многие депутаты и которое было отклонено Съездом. Мне представляется гораздо более важным обеспечение полной свободы выдвижения и обязательность регистрации всех законно выдвинутых кандидатов. Кое-что в этом отношении в новом законе сделано. Отменено проведение окружных предвыборных собраний для фильтрации кандидатов; однако нет и запрета такой фильтрации, так что республики могут ее вводить. Разрешено (а на весенних выборах запрещалось) выдвижение кандидатов коллективами высших учебных заведений и техникумов. Однако отклонена поправка, допускающая выдвижение кандидатов путем сбора определенного числа подписей. В законах некоторых республик (например, Эстонии) такой способ выдвижения кандидатов предусмотрен, и неясно, не будет ли теперь поставлена под сомнение конституционность этих норм.

По настоянию депутатов, выступающих от имени русскоязычного населения Прибалтики, в конституцию включена запись о недопустимости прямого или косвенного ограничения избирательных прав. Эта поправка несомненно вызовет споры о ее толковании. На мой взгляд она не запрещает ценз оседлости, который представляется мне вполне разумной и справедливой мерой. Этот ценз нет оснований считать ограничением прав — точно так же, как не являются ограничениями возрастной ценз или, например, введенный в августе нынешнего года образовательный ценз для занятия судебных должностей.

При всех выборах с 1936 до 1985 года под лозунгом защиты избирательных прав каждого гражданина, независимо от срока его проживания в одном месте, устраивались избирательные участки даже на вокзалах и в поездах дальнего следования, где пассажиры голосовали за людей, о которых они никогда не слышали и никогда больше не услышат и которые будут участвовать в

управлении районом, городом и поселком, в котором пассажиры не живут, не жили и не собираются жить. Ныне это абсурдное положение закона отменено во всех (по-видимому) республиках, и, кажется, даже самые ярые противники ценза оседлости уже не считают ликвидацию избирательных участков в поездах ограничением избирательных прав пассажиров. В защиту утверждения, что ценз оседлости не нарушает конституцию, можно сослаться еще и на то, что в конституции 1977 года (в том числе в редакциях 1988 и 1989 годов) не только нет в явной форме запрета ценза оседлости, но ее авторами был сознательно исключен такой прямой запрет, содержавшийся в конституции 1936 года.

Некоторые депутаты предлагали включить в конституцию формулировку, запрещающую создание избирательных округов иного типа, чем территориальные или национально-территориальные. Имелись в виду в первую очередь производственные избирательные округа (объединяющие избирателей по месту их работы). Поправка была отклонена, и тем самым подтверждена конституционность решения, например, Верховного Совета РСФСР, разрешившего на местах создание на предстоящих выборах, в виде эксперимента, производственных избирательных округов.

Одним из инициаторов идеи производственных избирательных округов был ленинградский Объединенный фронт трудящихся. Эта идея вызвала в Ленинграде бурные протесты. Результаты социологических опросов показали, что сторонники этой идеи составляют большинство только в двух группах населения: среди низкоквалифицированных рабочих и среди "аппаратчиков" среднего звена. Несмотря на поддержку некоторых райкомов партии и благожелательное отношение горкома и обкома, очень немногие трудовые коллективы поддержали эту идею. Внеочередная сессия Ленинградского горсовета отвергла производственные округа окончательно, и в Ленинграде их не будет. А вот в Москве в двух районах (Тушинском и Перовском) производственные избирательные округа созданы. Возможно, что производственные округа созданы еще где-нибудь в стране.

В числе вопросов, передаваемых новым законом на усмотрение республик, — порядок выборов председателей Советов. Рес-

публики вправе теперь ввести прямые выборы населением председателя Верховного Совета или председателей местных советов.

Большие споры были в отношении лишения избирательных прав лиц, содержащихся под стражей и психически больных. Точный смысл принятой новой формулировки части 5 статьи 96 конституции представляется не вполне ясным. Прежняя формулировка: "В выборах не участвуют психически больные лица, признанные судом недееспособными, лица, содержащиеся в местах лишения свободы, а также направленные по решению суда в места принудительного лечения". В новой формулировке после слова "содержащиеся" вставлено "по приговору суда". Из этого должно следовать, что лишение избирательных прав не должно распространяться на тех, кто арестован в административном или дисциплинарном порядке, например на 15 суток за мелкое хулиганство. Но есть основания сомневаться в том, что это так будет: очень уж красочно Лукьянов расписывал фактическую невозможность участия в выборах для любого, кто находится под стражей по какому бы то ни было основанию.

Вторая поправка в этом же абзаце состоит в исключении слов "а также направленные по решению суда в места принудительного лечения". Опасаюсь, однако, что органы, ведающие "местами принудительного лечения", будут толковать измененную статью по-прежнему. Имеются в виду "лечебно-трудовые профилактории" (ЛТП) для перевоспитания алкоголиков; советская печать не раз писала, что эти ЛТП практически не отличаются от мест заключения, хотя их обитатели — не преступники.

Третье изменение в том же абзаце — это добавление фразы: "В голосовании не принимают участия лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения — содержание под стражей". При толковании этой части встает вопрос, тождественны ли по смыслу выражение "в выборах не участвуют", использованное в первой фразе (в отношении лиц, содержащихся по приговору суда в местах лишения свободы) и "в голосовании не принимают участие", использованное во второй фразе (в отношении подсудимых, содержащихся под стражей). Представляется, что пер-

вая фраза значительно шире, и охватывает запрет участия в любых стадиях избирательной кампании. Вторая же совершенно конкретна и запрещает участие только в голосовании. Я понимаю новую редакцию статьи как допущение избрания подсудимых депутатами, даже если они находятся в СИЗО.

Лукьянов утверждал, что за рубежом повсеместно лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, а также взятые под стражу подсудимые не вправе ни избирать, ни быть избранными. И в этом случае Лукьянов расходится с истиной. Начать с того, что на Западе гораздо меньшая, чем у нас, доля подсудимых содержится под стражей. Там широко распространено освобождение до суда под залог или под поручительство. Кроме того, советские газеты много раз писали о случаях (в том числе в Греции и в Северной Ирландии) избрания в парламент лиц, содержащихся под стражей. Теперь такой казус возник и у нас: в Верховный Совет Армении избран уже год находящийся в следственном изоляторе лидер комитета "Крунк" Аркадий Манучаров. Однако, хотя он теперь даже пользуется депутатской неприкосновенностью, его не освободили и продолжают держать в московских Бутырках.

Ни в прежней, ни в новой редакции конституция не содержит никаких норм, определяющих порядок проведения подсчета голосов и определения итогов выборов. Это означает допустимость применения такой, на мой взгляд, наиболее демократической системы, как система "единственного передаваемого (или: переносимого) голоса". Эта система была применена при выборах местных Советов 10 декабря 1989 г. в Эстонии. Лидеры русскоязычного населения называли применение этой системы в числе якобы антирусских и антидемократических мер. Это чистое недоразумение: эта система благоприятствует как раз поискам компромисса и не благоприятствует любым видам экстремизма.

Приведу пример. В одномандатном округе выдвинуты три кандидата — Белов, Чернов и Серов. Белов и Чернов — экстремисты двух противоположных направлений, Серов — сторонник компромисса. Пусть у одного из крайних кандидатов 39% сторонников, у другого — 41%, у "соглашателя" 20%.

Тогда по принятой у нас сейчас системе выборов во второй тур выходят лишь оба экстремиста, и кто из них победит относительно большинством — в значительной степени будет делом случайности. В любом случае от округа будет избран кандидат, который более чем для половины избирателей представляется заведомо неприемлемым.

А что будет по принятой ныне в Эстонии системе? 20% избирателей отметят цифрой "1" (как наиболее предпочтительного) Серова, а цифрой "2" они могут никого не отметить или отметить одного из двух остальных наугад. Но 80% избирателей, отметивших цифрой "1" одного из экстремистов, скорее всего постараются не допустить, чтобы был избран человек диаметрально противоположных взглядов, и вычеркнут его. Они будут согласны, чтобы "на худой конец" прошел сторонник компромисса. Поэтому сторонники как Чернова, так и Белова (или большинство тех и других) отметят цифрой "2" Серова. При подсчете только первых предпочтений не пройдет в этом случае никто, но при переносе голоса тех избирателей, которые отметили в качестве второго (запасного) предпочтения Серова, окажется, что подавляющим большинством голосов избран Серов.

Второй пример. Город разделен на четыре одномандатных округа, в каждом из которых 100 тысяч избирателей, из которых 75 тысяч одной национальности (скажем, эстонцы) и 25 тысяч другой национальности (скажем, русские). При мажоритарных выборах по одномандатным округам без переноса голосов в условиях межнациональной напряженности с большой степенью вероятности в этом городе будут выбраны только представители преобладающей национальности. При объединении же четырех одномандатных округов в один четырехмандатный, да еще с переносом голосов, наоборот, с большой степенью вероятности среди четырех избранных депутатов окажутся представители национального или любого другого меньшинства.

Таким образом, принятая в Эстонии система наиболее демократична, и я считал бы желательным введение ее по всей стране. Но при этом необходима предварительная широкая разъяснительная работа. Вот этого-то в Эстонии не сделали. ●

Эрловский (Ленинград)

ЕЩЕ ОДИН ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ?

Итак, суперобъединение демократов, о котором уже давно мечталось многим неформалам, состоялось... Событие, однако, наводит на размышления не совсем радужные. И коли мы действительно хотим вырасти из станающихся узкими неформальных штанов — следует сделать выводы из случившегося.

Немного истории. Вот уже третий год с завидным постоянством повторяется ситуация: на исходе лета, в начале нового сезона демократическое движение поражает вирус объединительства. В конце августа 1987 г. ряд незрелых проектов был выдвинут на первой встрече-диалоге "Самодетельные инициативы в перестройке" в Москве. Спустя год в лесу под Ленинградом была предпринята попытка создать всеохватывающую "фронтную структуру". В сентябре текущего года в "колыбели революции" прошла конференция демократических организаций страны под предводительством того же местного Народного фронта. Постановили: создать Межрегиональную ассоциацию демократических объединений (МАДО) (см. "Страна и мир", № 5, 1989 г.).

Сказано — сделано. 28—29 октября в Челябинске состоялась учредительная конференция МАДО. Две сотни активистов, представляющих более 70 различных групп и организаций из 8 республик, приняли Манифест, Принципы деятельности и еще кучу резолюций. (Среди прочих: об освещении средствами массовой информации деятельности демократических движений; об отношении к предложениям Объединенного фронта трудящихся (ОФТ) по изменению законодательства о выборах; о защите чести и достоинства народных депутатов, о политических заключенных и др.)

В Манифесте, в частности, отмечено: консолидация усилий и координация действий в рамках МАДО необходимы в связи с тем, что процессы преобразования впервые в истории страны создали реальную возможность взять свою судьбу в собственные руки. Демократическое движение в сложившейся ситуации призвано выдвигать позитивные программы, предлагать механизмы их решения и бороться за их осуществление. Манифест закрепил общие принципы построения открытого демократического общества, его экономического фундамента, конституцион-

но-правовых гарантий возрождения культур всех народов страны, ближайшие социальные задачи на переходный период, меры по предотвращению экологической катастрофы, принципы свободы совести и вероисповедания, пути демократизации армии. Документ зафиксировал также отстоявшийся в умах активистов набор общегуманистических ценностей.

Основной принцип деятельности МАДО состоит в достижении ее целей мирными, ненасильственными способами. А цели эти состоят в обеспечении координации действий демократических сил для построения гражданского общества и демократического правового государства в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека и положениями Венских договоренностей. Отсюда и задачи: разработка и содействие реализации конкретных программ по выходу страны из кризиса; активное участие в предстоящих выборах, содействие избранию депутатов, выражающих волю народа; противодействие избранию заведомо недемократических депутатов; согласование списков демократических кандидатов и координация предвыборных кампаний; координация действий по совместным акциям; расширенное взаимодействие с демократическими движениями в стране и за рубежом; оказание юридической, материальной и иной взаимопомощи; регулярный обмен информацией, опытом и идеями. Учреждая МАДО, делегаты первой ее конференции призвали демократические организации страны к координации усилий и вступлению в Ассоциацию. Членами ее могут быть все, кто разделяет цели и задачи ассоциации, способствует их осуществлению и признает основной принцип ее деятельности. Членство, разумеется, несовместимо с пропагандой насилия, шовинизма, дискриминации по национальным и социальным признакам.

Хорошие принципы, хорошие цели. Но — будто бы из вчерашнего дня. В мае 1988-го это гремело, будоражило, организовывало. А сегодня уже не работает. Время альтернативных ценностей и норм прошло; ему на смену пришло время форм и технологий действия. Проклятым вопросом стали не "кто виноват" и "что делать", а *как* делать.

Казалось бы, демократы всех мастей могли извлечь уроки из недавней истории неформальных групп. Само по себе стремление

"взять и объединить" ничего не дает, если за ним не стоит реальной общности интересов, психологической совместности, если нет концептуального понимания путей и перспектив развития, отсутствуют легитимные политические лидеры (вызывающие симпатии и доверие), если нет, наконец, реального взаимодействия по горизонтали — информационного, координационного, личного. Развитие движения показало: объединительные процессы идут, но более сложными путями, в ы з р е в а я естественным образом.

Уроки, по-видимому, извлекли активисты предыдущих "призывов" — таковых в Челябинске было немного. Зато обильно была представлена "третья волна" — та, что влилась в движение в ходе весенней избирательной кампании (либо после нее). Посланцы клубов избирателей, провинциальных народных фронтов, карликовых партий, различных союзов преобладали. Их мотивация вполне понятна и оправдана — поиск каналов самореализации, поиск зонтика или крыши, желание увидеть новые горизонты, узнать более широкую, нежели имеющаяся, перспективу. Силен и внешний фактор — Межрегиональная депутатская группа, с ее естественным желанием обрести дееспособную политическую подпорку, питаясь живительными соками демократического активизма.

Все вроде бы говорило в пользу нарождающейся суперструктуры. Но плод получился неказистым; желанный процесс не идет гладко.

Застарелые болезни роста проявились в полной мере. Принятие декларативных документов через голосование большинством при крайне противоречивых политических взглядах участников увело конференцию в сторону от решения основных вопросов: выработки направлений и механизма совместных действий — прежде всего, в начинающейся избирательной кампании.

В Челябинске не успели (или не сумели) определить те направления, структурные оси, на которых могли бы держаться эти связи. Эти оси — информационное агентство ДИАПРЕСС, общая служба информационного и социологического мониторинга, наконец — координационная сеть избирательного блока. Лишь после конференции, на первом заседании нового Оргкомитета по подготовке следующей конференции МАДО, было принято

решение — в конце ноября провести совещание по работе агентства ДИАПРЕСС в Литве.

Представители московских организаций, присутствовавшие в Челябинске, испытывали некоторую неловкость. Слишком явным было различие в уровнях развития и состоянии политического движения в разных частях перестраивающегося отечества. Попытки повернуть течение форума не дали успеха. Вечером первого дня участникам была предложена декларация об образовании избирательного блока "Выборы-90" и соглашение о совместных действиях его участников. После ритуальных споров по идеологическим моментам (с полагающейся искрометной критикой тех или иных формулировок), проект был принят. И все. Никакого обсуждения — как работать на выборах — не последовало. В этот момент закралась мысль — а созрели ли отдельные депутации до серьезного участия в кампании или их вполне удовлетворяет уровень крупного и шумного собрания?

После серьезных переговоров в кулуарах, московская депутация поручила мне выступить на вечернем заседании заключительного дня с заявлением о совместном особом мнении по этим вопросам.

Сознавая насущную необходимость консолидации демократических сил и полагая возможным преодоление имеющихся препятствий только в ходе совместной *практической деятельности*, мы заявили о своем присоединении к МАДО в качестве *Блока демократического согласия*. В него вошли: клуб "Демократическая перестройка"; Московское объединение избирателей; Московский народный фронт; Клуб избирателей Академии Наук СССР; Союз Конституционных демократов; Всесоюзный антифашистский информационно-исследовательский центр; московский "Мемориал"; Движение "За свободу и демократию"; Московское независимое бюро информационного обмена; Информационный центр и журнал "Левый поворот". Большинство их входит в избирательный блок Москвы "Выборы-90" и готово сотрудничать со всеми демократическими организациями страны.

Москвичи настояли на включении данного заявления в пакет материалов конференции. Заявление было принято конференцией в качестве одной из резолюций, а к предложенной схеме взаимодействия был проявлен значительный кулуарный интерес (все-таки

— дело предлагают). Наша позиция проста: давайте продемонстрируем способность к участию в большой политике на региональном уровне — в ходе выборов. И тем внесем реальный вклад в возможный успех.

Показательно, что критике "слева" был подвергнут тезис о всемерном содействии Межрегиональной депутатской группе: мы и сами, мол, политическая сила — ни к чему нам становиться оппозицией Ее Величества. А жаль: ведь сегодня мы получили возможность прямого выхода со всеми нашими коллективными и индивидуальными гражданскими инициативами на парламентские структуры — и именно через депутатов демократической фракции. Впрочем, в окончательном тексте "принципов деятельности" отражена задача поддержки МДГ и других прогрессивных депутатов.

Чтобы воплотить эту идею в практическое действие, Оргкомитет решил вынести на ближайшую (февраль 1990 г.) конференцию МАДО концепцию новой Конституции. Обсудив и (по возможности) приняв ее, мы сможем предложить ее вниманию весеннего Съезда народных депутатов СССР. Тем самым демократическое движение выступит в качестве одного из серьезных источников законодательной инициативы.

Почему это столь важно? Провал наших намерений ослабит не только нас самих — но и парламентариев, нас поддерживающих. Если МАДО постигнет участь очередного лопнувшего объединительного проекта, это ударит и по МДГ.

Увы, те, кому он адресовался, были не на высоте положения. Становилось горько, глядя на рвущихся к микрофону, одержимых главным желанием — высказать сокровенное (но не очень нужное) — делегатов. И хотя мы кое-чему научились, глядя на заседания парламента, но пока весьма немногому. Нет терпимости, культуры общения, а самое страшное — нет ясного видения ситуации.

Итак, демократическое движение обогатилось очередным новообразованием — на сей раз союзного значения. Цели и задачи определены. Будет ли проект работать, зависит от самих участников, прежде всего — в регионах. Этап "неформалов" заканчивается. Ясно, что МАДО — не классовая (как аппарат КПСС или ОФТ) и не программная (как Социал-демократическая ассоциация) партия. В перспективе — при условии

удачного взаимодействия в избирательных кампаниях — ассоциация, видимо, сможет сыграть роль собирательной народно-демократической структуры с социальной и электоральной направленностью, стать фокусом либерально-демократических сил.

Но это — дело не ближней перспективы.●

О.Румянцев (Москва)

СКОНЧАЛАСЬ СОФЬЯ КАЛИСТРАТОВА

Скорбный месяц декабрь. Список тяжелых потерь этого месяца открыла Софья Васильевна Калистратова, скончавшаяся 5 декабря. Ей было 82 — "возраст смертный", как писал А.Галич, но когда это смягчало тяжесть удара!

Софья Васильевна была Адвокатом с большой буквы. В ней, как и в небольшой группе других самоотверженных защитников, неожиданно засверкавших на сумрачном небе советской юриспруденции в 60-е — 70-е годы, возродилась казалось бы навсегда затоптанная благородная традиция российского присяжного поверенного, отмеченная именами Александрова, Урусова, Грузенберга.

Калистратова проявила себя как выдающийся адвокат в политических процессах Виктора Хаустова, Ивана Яхимовича, Вадима Делоне, Натальи Горбаневской, Петра Григоренко. Заслугой ее было не то, что она добивалась оправдания подзащитных — это было невозможно, и приговор был predetermined. Заслугой было возрождение честной и открытой защиты — после десятилетий, когда адвокат в политическом процессе был всего лишь "вторым прокурором".

Это ей посвятил свой "Адвокатский вальс" Юлий Ким:

Конечно, усилила тщетны,
И им не вдолбить ничего.
Предметы для них беспредметны,
А белое просто черно...

Откуда ж берется охота,
Азарт, неподдельная страсть
Машинам доказывать что-то,
Властям корректировать власть?..

Ведь правда моя очевидна,
Ведь белые нитки видать!
Ведь людям должно же быть стыдно
Таких же людей не понять!

Ой, правое русское слово —
Луч света в крошечной ночи!
И все будет вечно хреново,
И все же ты вечно звучи!

А потом Софью Васильевну лишили возможности защищать в суде, и она стала защищать преследуемых по-иному. Она стала юридическим консультантом Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, а затем и членом Московской Хельсинкской группы.

В 1981 г. против нее было возбуждено уголовное дело по ст. 190¹ УК РСФСР — "клевета на строй". Дело было затем приостановлено в связи с возрастом и состоянием здоровья обвиняемой, но не закрыто и висело над Софьей Васильевной как дамоклов меч до самого 1988 г. В этом году "выяснилось", что в ее действиях нет состава преступления, а еще через год прекратила свое существование и сама ст. 190¹.

Лишь в последние месяцы ее жизни имя С.В.Калистратовой появилось на страницах советской прессы.

Софью Васильевну похоронили на Востряковском кладбище в Москве, где вскоре вслед за нею упокоился и Андрей Дмитриевич Сахаров, с которым ее связывала тесная дружба и взаимное уважение.

Мир ее праху. ●

ИМЕТЬ И НЕ ИМЕТЬ

Только теперь мы начинаем понимать, вокруг да около чего ходила перестройка все эти долгие четыре с половиной года. Вокруг частной собственности, конечно.

Иностранные журналисты, не слишком искушенные в хитросплетениях советской жизни, недоумевали: почему Горбачев, решив перестроить экономику, перестраивает все что угодно, кроме самой экономики? О том, насколько глубоки реформы в других областях жизни, можно спорить. Ясно, однако, что гласность, хотя бы и ограниченная, заметно отличается от безгласности; выборы — от комедии выборов; депутаты говорящие — от депутатов, жонглирующих мандатами; новое мышление — от "братской помощи".

Спорить о переменах в экономике бессмысленно, их просто нет. В стране по-прежнему действует командно-административная система управления. Или, если обозначить ситуацию в марксистских терминах, — та же система производственных отношений, в основе которой лежит единая государственная собственность на орудия и средства производства.

1

ФАКТЫ. АПОЛОГИЯ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Из этого основополагающего факта и следует исходить при анализе причин нынешнего тупика. Разумеется, демократизация в стране сама по себе была благом. Но еще важнее, может быть, то обстоятельство, что она создала *предпосылки* для изменения материальной основы жизни — отношений собственности. Однако именно этот, решающий, шаг не был сделан. В результате все другие шаги (которым полагалось бы ему сопутствовать) повисли в воздухе, затронув лишь верхний, поверхностный слой бытия.

Причины этой явной непоследовательности не так просты, как иногда представляют. Марксистская идеология, сколько бы ее ни хоронили, все еще играет существенную роль в функционировании советской системы. С этой точки зрения совсем не безразлично, о пересмотре *каких* ее догматов идет речь. Можно, я думаю, с полным основанием утверждать, что известные нам особенности советской политической системы возникли не случайно, что они естественным образом вытекали из заложенных в нее принципов. Но будем объективны. Нигде в трудах основоположников не записано, что коммунизм (или социализм) — это общество, лишенное свободы и демократии, управляемое узким кругом партийных олигархов, опирающееся на произвол и насилие. Именно это обстоятельство позволяет нынешним адептам Учения представлять все эти тяжкие "особенности" как отступление от принципов, как деформации марксизма. Деформации, обусловленные внешними факторами — ожесточением революции и гражданской войны, "нетерпением" или низким уровнем политической культуры масс, предшествующей историей России или личными качествами вождей.

Иное дело — отношения собственности. Переход всех орудий и средств труда в общественную собственность (то есть на практике — в руки государства), государственная монополия на производственную деятельность — это именно то, что записано в трудах классиков, это краеугольный камень учения Маркса. Собствен-

но, весь пафос "Коммунистического манифеста" в том и состоит, что только переход от частной собственности (и обусловленных ею отношений эксплуатации) к общественной откроет человечеству путь в коммунизм. Так что нет ничего странного в том, что на прямой вопрос об отношении к частной собственности, заданный на всесоюзном студенческом форуме, Горбачев ответил столь же определенно: "Я стою на позиции "Коммунистического манифеста"."

Наивно, однако, сводить все к одной лишь *идеологии*. Если бы проблема заключалась только в этом, нашлись бы (и уже находятся) теоретики, которые доказали бы как дважды два, что частная собственность так же совместима с социализмом, как совместима с ним товарно-денежные отношения, свободный рынок, конкуренция, акционерные компании.

Нет, суть проблемы в том, что монополия государственной собственности составляет не просто *теоретический* фундамент марксизма, но и *практический* фундамент советской системы. Если раньше можно было думать, что имманентными признаками системы являются отсутствие свобод, насилие, агрессивность, то теперь мы убеждаемся, что без всего этого система может обойтись, сохранив, однако, все свои основные, характеристические особенности, а следовательно, и свою *природу*. Что природа эта определяется не насилием, не безгласностью и не выборами без выбора, но прежде всего — в точном соответствии с Марксом — производственными отношениями, отношениями собственности. Именно *монополия государства на орудия и средства труда* делает неизбежным существование *класса управляющих* этой собственностью, формирует иерархическую пирамиду власти.

Сегодня пирамиду возглавляют вожди партии. Но, строго говоря, это не обязательно. Вполне можно вообразить иерархическую структуру, построенную на базе Советов, профсоюзов или чего-то еще. Стержень, костяк любой такой системы — собственность, отчужденная от человека и отданная во власть абстракции, государства. Естественно, что эта абстракция конкретизируется, наполняется реальным содержанием. А уж каким — партийным, советским или профсоюзным — зависит от местной специфики. Где-нибудь в Африке иерархическая структура вполне может быть племенной.

Таким образом, удивляться надо не тому, что прежние отношения собственности сохранялись так долго, а тому, что вопрос об их изменении вообще поставлен. Но тут уж, видимо, ничего не поделаешь. Сейчас, на пятом году перестройки, вполне ясно, что откупиться от экономической катастрофы административными, политическими, правовыми и другими *косвенными* мерами не удастся, что менять надо сам фундамент системы.

Консерваторы, обвиняющие Горбачева в желании подорвать "устой", глубоко заблуждаются. Предстоящие перемены его отнюдь не радуют, он делал все, чтобы их избежать. И если сейчас, когда все другие карты биты, генсек наконец решился, то совсем не потому, что его позиция изменилась. Просто — и как раз это отличает его от консерваторов — Горбачев понимает, что иной возможности попытаться спасти систему нет. Это и вынудило генсека "твердо оставаясь на коммунистических позициях... выйти на новое понятие индивидуальной собственности, придав ей широкое толкование".

Насколько широкое? Первый, пока еще декларативный ответ на этот вопрос дает Закон о собственности в СССР, проект которого опубликован для всенародного обсуждения. Детальный анализ этого весьма своеобразного правового акта не входит в мои намерения. Скажу лишь, что отныне *социалистическая* собственность будет выступать действительно в многообразных формах — в том числе в форме... *личной* собственности граждан.

Этот идеологический курбет, понято, мелочь, милая шутка. Но есть в документе вещи серьезные, даже очень серьезные. Например, что право собственности признается и охраняется законом. Что собственник по своему усмотрению владеет, пользуется и распоряжается принадлежащим ему имуществом и вправе ис-

пользовать его для любой хозяйственной или иной деятельности, не запрещенной законом. Что результаты хозяйственного использования имущества принадлежат собственнику. Что при реализации собственности допускается применение труда (надо думать, наемного?). Что состав и стоимость имущества не ограничиваются. Что государство гарантирует стабильность отношений собственности и равные условия защиты права собственности. Наконец, что гражданину предоставляется исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду...

Я бы мог продолжать и продолжать, ибо не скрою — цитирование доставляет мне удовольствие. По своему значению закон сравним со знаменитым "Манифестом" об отмене крепостного права, ибо освобождает человека, до сих пор находившегося в феодальной (чтобы не сказать — рабской) зависимости от социалистического государства.

Тут следовало бы, наверно, выразить восхищение смелостью реформатора, сумевшего переступить через свои собственные идеологические пристрастия, и воисторг при мысли о перспективах, которые закон открывает. Мешают этому два обстоятельства. Во-первых, мина, заложенная в самом законе. Во-вторых, общая атмосфера в стране, которую по-прежнему определяют партийный аппарат, командно-административные методы управления, беззаконие, дышло инструкций, вульгарный произвол.

"Социалистическая собственность, — гласит ст. 2 нового закона, — несовместима с отчуждением работников от средств производства и исключает эксплуатацию человека человеком". Как это понимать? Самое простое объяснение сводится к тому, что перед нами всего лишь лозунг, своего рода fool-proof, "защита от дурака". Дурака не природного, а так сказать, воспитанного, которому семьдесят лет вбивали (и вбили) в голову мистический ужас перед этой самой "эксплуатацией".

Но проблема слишком серьезна, чтобы успокаивать себя такого рода объяснениями. Под лозунгом борьбы с эксплуататором и эксплуатацией (причем непременно *человека человеком*) совершалась не только революция, но и все последующее: уничтожение нэпа, массовый террор, формирование чудовищного экономического и политического организма, превращение людей в винтики государственной машины. И сейчас, если закон в этой редакции пройдет, у нас нет никаких гарантий, что любая "индивидуальная хозяйственная деятельность" с использованием наемного труда не будет объявлена противозаконной на том основании, что она включает эксплуатацию.

Собственно, тут ничего не надо доказывать. Частная собственность и наемный труд есть те два кита, на которых, по Марксу, стоит капитализм и которые образуют состав преступления, именуемого эксплуатацией. Даже больше, марксизм прямо исходит из того, что *самый смысл* деятельности капиталиста состоит в эксплуатации работника, ибо таким (и только таким) способом создается прибавочный продукт, а, следовательно, и прибавочная стоимость, которую упомянутый капиталист присваивает. Так ли это?

Начнем с очевидного: основная цель собственника — не эксплуатация, а получение *прибыли*. В этом смысле владелец крупного предприятия, где заняты тысячи работников, ничем не отличается от старушки, сдающей комнату в пляжный сезон. Старушка вроде бы никого не эксплуатирует, но, заломив за комнату десять рублей в день, явно извлекает из своей собственности прибыль, никак не соответствующую ни затратам труда (уборка, стирка и т.д.), ни ее, старушки, квалификации. Но ученые соображения старушку не интересуют. Она использует конъюнктуру и получает тот максимальный доход, который в данных обстоятельствах может получить.

Так действует любой собственник. Скажем, владельцу завода, который тоже стремится "выбить" максимальную прибыль, совершенно безразлично, за счет

кого или чего эта прибыль образуется. В принципе у него есть несколько основных возможностей: а) повышение цен на производимые заводом товары, ухудшение их качества (а значит, снижение себестоимости) или расширение рынка сбыта; б) недоплата работникам; в) разорение природной среды; г) манипуляции с налогами.

Заранее согласимся, что собственник — в силу своей изначальной зловредности — охотно использовал бы все эти несправедливые пути. Вопрос, однако, в том, может ли он это сделать? И тут оказывается, что все не так просто. Повышению цен, снижению качества и расширению рынков сбыта мешает конкуренция на *рынке товаров* — стремление других собственников сбыть свою продукцию и получить прибыль. Попытка выиграть на оплате труда (на этой самой эксплуатации) вызывает не меньшее противодействие. Во-первых, та же конкуренция, но только на *рынке труда*. Во-вторых, сопротивление профсоюзов, в руках которых столь мощное средство, как забастовка. Наконец, в-третьих (и это, пожалуй, главное), — зависимость между *оплатой труда* и его *качеством*. Современный капиталист хорошо знает жесткую зависимость между качеством жизни и качеством труда.

Может быть, на заре капитализма подобный момент и не имел решающего значения. Сейчас — имеет. Производство сложнейшей продукции в условиях предельно острой конкуренции требует от работника не только навыков, но и *желания* работать. Так что капиталист, решившийся заработать на "эксплуатации", многим рискует. В новейшей американской истории сколько угодно примеров банкротств, явившихся прямым следствием такой "экономики".

Два других пути тоже не сулят собственнику большой радости. Разумеется, известны случаи и разорения природы, и манипуляции с налогами. Не менее известны, однако, *последствия* колоссальные штрафы за ущерб, нанесенный природе, особо жесткие меры наказания за уклонение от уплаты налогов. Ничего странного тут нет. "Государство буржуа" существует только в лозунгах советской пропаганды; в действительности существует просто государство со своими законами. И этому государству в общем безразлично, кто нарушает закон: бродяга или капиталист. Не интересуют его, конечно, и такие соображения, как "выполнение плана" и "производственная необходимость". Планов капиталисту государство не навязывает, а если он не сможет чего-то произвести — это его забота. Произведет другой; государству от этого не холодно и не жарко.

Перед нами механизм, работающий в автоматическом режиме. Отвечает ли он нормам социальной справедливости? Вероятно, нет. Доход собственника, например, зависит не только от его труда, но и от размеров собственности, к созданию которой он, возможно, и не имел отношения. Да и многое другое, что сопутствует капитализму — безработица, кризисы перепроизводства, жесткая конкуренция на рынке труда, — все это плохо соответствует идеалам социальной справедливости. Вообще о рыночной экономике можно сказать то, что Черчилль сказал о демократии: это худшая из возможных систем, если не считать *все остальные*.

Сравнивать капитализм с рабовладением и феодализмом, видимо, нет надобности — здесь все ясно. А вот с социализмом сравнить стоит, потому что слишком многим людям кажется, что если очистить нашу реальность от "наслоений", система засверкает во всей своей первозданной красоте.

Не засверкает. Уже потому хотя бы, что уступает капитализму по *главному* показателю, определяющему все остальное (оплату, социальную помощь, уровень здравоохранения, просвещения и прочее), — производительности труда. Нас приучили думать, что капиталистическое производство — нечто такое, что существует усилиями капиталистического государства, которое "не дремлет", "стоит на страже" и т.п. Однако уже герои "Таинственного острова", вернувшись домой, создали в цитадели капитализма, Америке, нечто вроде коммуны. В современных же странах Запада можно найти полный набор самых различных отношений собственности: частные фирмы, акционерные компании, подряд, аренду,

коллективные хозяйства, кооперативы, "народные" предприятия... И если преобладающей формой отношений остаются все-таки формы, опирающиеся на частную собственность, то, конечно, совсем не потому, что они пользуются особыми привилегиями или кто-то сознательно их насаждает.

Все проще: преобладание этой формы обусловлено тем, что, как правило, именно она обеспечивает наиболее высокую производительность труда. А значит, и выигрывает в том соревновании, которое постоянно происходит на свободном рынке. С этим очевидным фактом вынуждены считаться даже социалистические правительства, стоящие у власти. Можно не сомневаться, что в той же Швеции частные предприятия сохраняются не потому, что у власти в этой стране находятся "социал-предатели", а потому, что кроме "высоких идеалов" существует еще низменная реальность. Частную собственность можно отобрать, богатства поделить, капиталы проесть. А что будет потом, когда делить и проесть будет нечего?

Человек устроен так — и с этим, видимо, ничего не поделаешь, — что к своей собственности он почему-то относится иначе, чем к чужой, хотя бы и общественной. В этом смысле мы можем быть уверены, что владелец, хозяин частного (или близкого к нему по типу отношений) предприятия сделает все, чтобы оно работало с максимальной эффективностью. Даже уступит свое место управляющего (примеров тому достаточно) другому, более сведущему специалисту или совету директоров. (Так поступил, например, Форд, когда выяснилось, что, превосходно зная автомобилестроение, он уделяет недостаточное внимание вопросам "чистой" экономики.) В этом смысле частные предприятия важны не только сами по себе, но и как образцы, ориентир, эталон, на который вынуждены равняться все другие предприятия (государственные, кооперативные и т.д.), как своеобразный камертон, на который настраивается весь "оркестр" — свободный рынок.

И еще одно обстоятельство. Опыт (и чужой, и наш собственный) показал, что деятельность капиталиста никак не сводится к эксплуатации. "По совместительству" он выполняет и некоторые другие функции — как теперь ясно, чрезвычайно сложные. Настолько сложные, что даже сейчас, когда многие операции удалось формализовать, бизнес считается искусством высочайшего класса. Ведь нынешний капиталист, не в пример его предшественнику эпохи Маркса, постоянно решает задачи исключительной трудности. Жесточайшая конкуренция на рынке товаров, конъюнктура, которую далеко не всегда можно предсказать, стремительный научно-технический прогресс, общественное мнение, возрастающие требования к экологической чистоте, высокие налоги — учет всех этих факторов требует действительно незаурядных способностей.

Не стоит, конечно, жалеть "бедных" капиталистов. Но учесть этот момент на весах "социальной справедливости", видимо, следует. Ведь набитые товарами полки западных магазинов свидетельствуют, наверное, не только о навыках и трудолюбии рабочего, но и о способностях организатора производства, капиталиста.

2

СПЛОШНАЯ МОРОКА. КЕНТАВР.

О том, что такое социализм, каждый из нас может сказать словами философа: "Я знаю только то, что я ничего не знаю". Попробуем идти от противного. Если капитализм — это частная собственность и наемный труд, то социализм, очевидно, — общественная (государственная) собственность на орудия и средства производства и ненаемный труд.

Правда, с этим ненаемным трудом сплошная морока. С одной стороны, так оно, вроде бы и должно быть: если все богатства страны принадлежат мне на правах совладельца, то, естественно, я не могу состоять сам у себя в наемных работ-

никах. С другой стороны, кто же все-таки берет меня на работу, определяет, сколько мне платить, объявляет выговоры и увольняет? Неужто это все делаю я сам?

Можно бы махнуть рукой и на эту несообразность (мало ли их в политэкономии социализма), если бы этот ненаемный труд не был первым звеном в длинной цепочке социальных следствий. Только сейчас мы осмелились *сравнить* их оплату труда с нашей. Раньше такое сравнение выглядело кошунством: у них эксплуатация, а у нас ее нет; у них прибавочную стоимость присваивает капиталист, а у нас она поступает в кассу общенародного государства, которое использует ее в наших же интересах. К кому тут можно предъявлять претензии? С кого требовать? Против кого бастовать?

Взглянем, однако, на ситуацию непредвзято. Обобществление привело к тому, что вместо *разных* собственников, конкурирующих на рынке товаров и труда, мы получили *одного* монополиста. Этот монополист, сосредоточив в своих руках всю производственную собственность, взял на себя функции всеобщего *обеснетчера*. Отныне только он решал, что и в каких количествах производить и как это распределять, как оценивать наш труд и на какие нужды тратить изъятую у нас прибавочную стоимость.

Но и это не все. Самое страшное, что носителем неограниченной *экономической* власти оказалось государство — то есть колосс, и без того обладающий колоссальной *политической* властью и потому способный навязывать нам свои экономические условия всей мощью государства. Перед социалистическим исполином гоббсовский левиафан выглядит мелкой рыбешкой.

Признаем: попытки описать невиданного политико-экономического кентавра в знакомых нам терминах бессмысленны. Рабовладение? Но, кроме рабов, система знала и свободных рабовладельцев. Феодализм? Но, кроме крепостных крестьян, были вольные крестьяне, ремесленники, купцы, феодалы. Власть самого абсолютного монарха была относительной. Монарх не планировал производства, не распределял квартиры, не регулировал оплату труда, не устанавливал цены...

Отсюда — чудовищные деформации. Но деформации не социализма, а *обусловленные социализмом* деформации экономической действительности и самого здравого смысла. Ну, человек, сам себя нанимающий на работу, — просто абсурд. Однако куда абсурднее ситуация найма, при котором у вас нет *выбора*: куда бы вы ни пошли, вы поступаете к одному хозяину. И условия найма не может изменить даже тот, кто вас принимает на работу, ибо условия эти установлены не им, а абстракцией-государством.

Только сейчас начался долгий и сложный процесс расшифровки этой абстракции, наполнения ее реальным содержанием. Иначе получалось, что система, которая вроде бы невыгодна буквально всем слоям общества, держится исключительно в силу мистических свойств, присущих данной абстракции. Оказалось, никакой мистики. Оказалось, есть класс (группа, прослойка), которому именно *такая*, во всех других отношениях абсурдная система *выгодна*, ибо она позволяет этому классу распоряжаться общенародной собственностью, присваивая себе часть прибавочной стоимости, то есть заниматься тем, в чем как раз и состоит эксплуатация. Тот факт, что делается это не прямо, а через *посредство государства*, сути отношений, естественно, не меняет. Зато воздействует на множество моментов, от которых зависит состояние экономики.

Нас утешают тем, что социалистические эксплуататоры присваивают сравнительно небольшую часть прибавочной стоимости, что основная ее масса идет в общенародный котел. Но, может быть, в этой *обезличенности* и состоит самое страшное. Никто не знает, что он вносит в этот котел и что из него получает, никто не может судить о том, на что и как расходуются общие средства.

Самое большее, что мы в состоянии сделать, — это выявить характерные *тенденции*. Люди, стоящие у власти, стремятся сосредоточить в руках государства —

в своих собственных руках — максимально возможную часть общественного продукта. Именно этим отчасти объясняется то парадоксальное обстоятельство, что человек, свободный от эксплуатации, почему-то зарабатывает в несколько раз меньше, чем эксплуатируемый.

Но такова лишь внешняя, видимая часть айсберга. А есть и невидимая, связанная с распределением. Благополучие собственника прямо зависит от того, насколько рационально он использует свою собственность; благополучие распорядителя государственной собственности зависит лишь от милости вышестоящих. Капиталистическое государство распоряжается тем, что получает от граждан в виде налогов: суммы эти известны, известно и то, на что они расходуются, ибо это чужие деньги, деньги *налогоплательщиков*. Социалистическое государство тратит "свой" деньги, деньги, полученные от *своих* предприятий. Налогоплательщику с его контрольными функциями в этой системе нет места.

О том, какими принципами руководствуется социалистическое государство, можно судить по состоянию дел в любой сфере "массовой" жизни. Какую область ни возьмешь — жилищное строительство, здравоохранение, просвещение, пенсии, легкая и пищевая промышленность, служба быта, — мгновенно выясняется, что средств на ее поддержание и развитие у государства нет. Выведа себя за рамки этой массовой жизни с помощью спецмагазинов, спецсанаториев и т.п., распорядители получили возможность — без всякого ущерба для своего благополучия — использовать прибавочную стоимость в соответствии с *собственными* интересами. А в чем эти интересы? Конечно, в сохранении и укреплении именно такого порядка вещей. Самая большая в мире армия, всемогущая тайная полиция, "общенародные" газеты, принадлежащие партийным комитетам, партия и профсоюзы, живущие на государственный счет, — вот *шкала приоритетов* общенародного государства.

С особой наглядностью двойственная природа государства-собственника выявляется в системе производства. Нет нужды доказывать, что любой рынок (товаров, услуг, труда), на котором нет выбора, — не рынок. А какой может быть выбор, если государство выступает сразу во всех ролях: единственного производителя товаров и услуг, единственного работодателя, единственного определителя всех цен? И при этом, в отличие от обычного монополиста, обладает еще и полной политической властью.

Мы удивляемся, почему государство, которому полагалось бы быть арбитром в спорах продавца с покупателем, работодателя с работником, производителя с защитниками среды обитания, *всегда* — явно или неявно — выступает на стороне первых. А происходит это потому, что тем самым оно выступает на *своей* стороне. И пока государство будет существовать сразу во всех ипостасях, всякие попытки создать рынок, привести в движение механизм конкуренции или любой другой экономической механизм (антизатратный, повышения качества и т.п.) заранее обречены на провал.

То есть, конечно, одно министерство можно разделить на три ("борьба с монополией"), можно назначить трест А конкурентом треста Б, можно штрафовать производителя за выпуск некачественной продукции или нерациональное использование металла. Но все это будет, как говорят дети, *понарошку*. Ведь каждый понимает, что выигравший в конкурентной борьбе ничего не выиграет, проигравший — не проиграет, а штраф заплатит то же государство — самому себе. Всерьез ударить по карману можно только собственника, но никак не наемного работника, даже если обозвать его хозяином. Предлагают, например, взыскивать штраф из фондов материального стимулирования предприятия, получившего "самостоятельность". Что ж, результат предсказать нетрудно. "Хозяева" разбегутся, и государству останется штрафовать станки и стены.

Удивительно, как трудно дается понимание простой в сущности истины: собственник (но только до тех пор, пока он собственник!) — это *субъект*, который *приведен* к собственности и которому *бежать некуда*. И как раз поэтому он ищет,

рискует, проявляет чудеса ловкости, хитрости, изворотливости, стремясь сохранить дело и получить прибыль. Как в нынешних сложнейших условиях (конкуренция, высокая оплата труда и высокие налоги, жесткие экологические требования) он умудрится изворачиваться, — вопрос особый. Для нас, потребителей, важен результат: огромный (и все возрастающий) выбор первоклассных товаров на любой вкус и любой карман. Если кто-то думает, что аналогичного эффекта можно достичь при иных отношениях собственности, пусть приведет пример. Ассортимент социалистических моделей пока широк: от Европы до Африки, от Азии до Латинской Америки. А вот примеров изобилия, увы, нет. Ни единого.

3

ГРУППЫ. УДАТСЯ ЛИ В ЭТОТ РАЗ?

А теперь вернемся к началу — к обстановке, в которой предстоит действовать новому закону, если, конечно, его не выхолостят еще раньше, на стадии обсуждения. Ясно, что ситуация исключительно трудная. У закона много противников (явных и тайных), и можно не сомневаться: они сделают все, чтобы еще не ставший действующим закон оказался бездействующим. В прошлом им это удавалось. Удастся ли в этот раз?

Среди противников закона нетрудно выделить три основных группы. Во-первых, это, конечно, те, кто распоряжается всенародной собственностью от имени государства. Может быть, получаемые ими дивиденды и не так велики (хороший собственник имеет больше), но нынешнее положение их устраивает. Распоряжаясь всем, они практически ничем не рискуют: тому, кто однажды попал в номенклатурный круг, обеспечена как минимум персональная пенсия. (Чья-то идея превратить их в менеджеров наивна. Не умеют они быть менеджерами. Не умеют и не хотят.)

Категория эта особенно опасна. Не только потому, что у них власть и огромный опыт "руководства массами", что они неплохо владеют набором демагогических отмычек. Их сила еще и в том, что они искренне верят, что делают нужное дело, что без них все развалится. Типичный представитель этой группы — Егор Кузьмич Лигачев. Что он делал все эти годы? Строил социализм. Как улучшать социализм? Социалистическими методами. Почему эта превосходная система до сих пор не накормила страну? Вечно что-то мешало: враги, войны, засухи, культ личности, отдельные недостатки, несознательность народа...

Вторая группа — сторонники особого, российского пути. Их взгляды, если анализировать их по правилам формальной логики, легко уязвимы. Особливость России они усматривают и в крестьянской общине, и в реформах Столыпина — хотя реформы эти были как раз и направлены на уничтожение общины; им одинаково мила и отсталость российского капитализма, и его стремительное развитие, преодолевавшее эту отсталость. Их трудно заподозрить в особой любви к советской власти и к чуждому для России социализму; однако за семьдесят с лишним лет чужой социализм стал *нашим*, а Европа, подкинувшая нам это свое дитя, сама продолжала идти прежним путем — тем, что до революции шла и Россия. Что же теперь: вычеркнуть эти семь тяжелейших десятилетий из жизни народа и отечественной истории, признать их сплошной ошибкой, печальным недоразумением, дурным зигзагом? Признать, покаяться и опять пойти с поклоном к Западу — учиться заново?

В самом этом нежелании расставаться с собственной биографией я не вижу ничего худого. Худо другое: нежелание считаться с *реальностью*, готовность принять на веру любой обман, только бы он способствовал сохранению иллюзий. Я самым внимательным образом прочел статьи Михаила Антонова (например, "Выход есть" в журнале "Наш современник"), беседу с доктором экономических наук

Алексеем Сергеевым "Завтра или позавчера?" (в том же журнале) и многое другое из этого ряда. Один предлагает в качестве альтернативы "западному пути" *нравственную* экономику, другой — *патриотическую*. Увы, ни тот и ни другой не объясняют, что это значит и как этого добиться. Недавно я узнал об одном забытом эпизоде, относящемся к тому времени, когда в нашу страну приезжал Андре Жид. Ему и его спутникам решили показать советский "класс": группа стахановцев спустилась в шахту и выдала на-гора рекордное количество угля. Тогда французские шахтеры, которые при этом присутствовали, переоделись, спустились в шахту и повторили "рекорд". Они работали не по-стахановски, они просто работали...

Этот эпизод относится к тому времени, когда вера в нравственную, патриотическую, социалистическую или любую иную особую экономику еще была жива. Но даже тогда она не творила чудес. Стахановцы выделялись на *общем фоне* потому, что таким был сам *фон*, а фон этот был таким не в силу низких качеств российских рабочих, а потому, что естественные экономические условия были заменены искусственными, нормальная экономика — нравственной, патриотической или какой-то еще. Пора, мне кажется, признать тот очевидный факт, что принятая на Западе экономическая модель — *единственная*, отвечающая своему назначению. Лишь поэтому (а совсем не потому, что кто-то ее лелеет и холит) она существует.

Это, понятно, совсем не значит, что, приняв эту модель, мы поступимся национальным своеобразием и зачеркнем весь предшествующий опыт. Не знаю, к счастью или к сожалению, но это *невозможно*. Только нам, смотрящим со своей далекой колокольни, "западная модель" видится на одно лицо. В действительности шведская система резко отличается от американской, австралийская — от французской. И российская, конечно, будет совсем другой, чем швейцарская, — хотя бы потому, что для нашей промышленности характерны предприятия-гиганты, которые было бы нелепо теперь дробить на небольшие заводы и мастерские. С этой реально существующей структурой мы еще наплачемся, подбирая для нее собственную (по необходимости оригинальную) модель. В любом случае утрата своеобразия нам не грозит: слишком нестандартен путь, пройденный страной, слишком далеки наши стартовые условия от европейских или американских.

Наконец, третий и главный противник частной собственности — народ. На Красной площади неподалеку от Спасской башни стояла женщина и кричала: "Товарищи депутаты, не допускайте реставрации капитализма! Защищайте идеалы социализма!" — сообщает журнал "Новое время". Реакцию на кооперативы мы знаем: шахтеры требуют ликвидировать, профсоюзы протестуют, депутаты возмущаются.

Не станем удивляться: реакция естественная. Было бы странным, если бы пропаганде, семьдесят лет обличавшей частную собственность, не удалось создать ей имидж чудовища. И чем меньше собственности оставалось у нас, тем яростнее ее громили. Мы могли до бесконечности перечислять пороки этой собственности (империализм... милитаризм... эксплуатация... умирающие под мостом безработные... жалкая тарелка похлебки... убийство из-за наследства...) и не могли сказать о ней ни одного доброго слова. Да и где, из какого опыта мы могли бы его взять?

Удивительно другое. Опросы общественного мнения показывают, что при этой всеобщей ненависти большинство населения либо одобряет кооперативы, либо сомневается, явных противников у них не так уж много. И депутаты Верховного Совета (а именно они разработали новый закон) почему-то высказались за частную собственность. Попали под влияние экономистов-радикалов? Но вот что ответил корреспонденту "Литературной России" депутат С.Сулашкин: "Я следую наказам своей избирателей. Они поручили мне — и это оформлено вполне официально — бороться в Верховном Совете за введение частной собственности".

Похоже, что у народа отношение к этому "оплоту капитализма" совсем не так однолинейно, как нам пытаются внушить. Есть тут логика здравого смысла: если они с частной собственностью живут хорошо, а мы без нее — плохо, может быть, стоит попробовать? Но есть и еще один мотив, почти подсознательный. Ясно, частная собственность, принадлежащая *другому*, — это плохо. Но как быть с *моей*?

Не надо играть словами, доказывая, что моя собственность — нечто совсем другое, это личная собственность, а не частная. Какая собственность деньги? А кооперативная квартира? А машина? А дача? А обыкновенный молоток? Если я забиваю им гвозди в свою стену, — личная, а если в чужую, за плату, — частная? Смешно.

Нужно быть последовательным. Если считать, что государство вправе конфисковать любую частную собственность (сапожную мастерскую, лоток с капустой), то кто мешают ему отобрать у меня деньги, дачу, корову, машину? — короче, все, что оно пожелает. Все-таки одно из двух: либо я, вместе со всем, что имею, являюсь собственностью государства (и оно лишь до поры до времени позволяет мне поддерживать какие-то вещи в руках, поиграть ими), либо каждый из нас хозяин того, что ему принадлежит. Я — своей собственностью, кооператив — своей, государство — своей. Только на этих основах могут существовать и нормальная экономика, и свободное общество, и демократическое государство.

Я знаю: нам, воспитанным на совсем иных представлениях, принять это трудно. И еще труднее — поверить, что новый закон — не очередное колебание генеральной линии, а подлинный переворот в системе отношений. Думаю, эта вера (или неверие) и есть самое главное. Без этой веры гражданин не возьмет земельный участок в "пожизненное наследуемое владение"; никто всерьез не займется "индивидуальной и другой хозяйственной деятельностью"; никакой иностранец не вложит значительных средств в создание совместных предприятий, приобретение имущества и проч. Поэтому если бы новый закон разрабатывал я, то начал бы его так: "Любая законно приобретенная собственность — частная, кооперативная, республиканская, союзная и т.д. — священна и неприкосновенна". Причем начал бы непременно с частной, ибо если государственной никто в общем не угрожает (разве что другое государство), то о частной этого, увы, не скажешь. Свидетельством тому — вся наша послеоктябрьская история.

4

С ВЕЛИЧИНЫ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ. ВЫБОР.

До сих пор мы знали, в сущности, одну форму собственности, *ничейную*. Этой форме соответствует определенная философия. Если всем не может быть одинаково хорошо, то пусть хотя бы всем будет одинаково плохо. Появление разных форм собственности создает гораздо более сложную гамму чувств. Нам предстоит решить, что хуже: когда всем плохо или когда всем лучше, но другим (может быть, для начала немногим) еще лучше?

Трудно начинать с нуля, но неизмеримо труднее — с величины отрицательной. Загубленная земля, обезлюдившие деревни, безнадежно устаревшее и изношенное оборудование, отравленная природа, люди, разучившиеся работать... И большая, искаженная психика государева холопа, с презрением взирающего на всякого, кто смеет добывать свой хлеб сам, в поте лица своего.

"Антиговарники" (еще есть, оказывается, и такие) пугают публику тем, что будет хуже. Чем же хуже? Появится массовая безработица, полезут вверх цены, произойдет расслоение общества на богатых и бедных.

Так вот, о безработных. Не секрет, что уже сейчас их число измеряется миллионами (только в Узбекистане 2,5 миллиона человек). Но поразителен даже не

сам этот факт. Поразительно, что, в отличие от Запада, где безработица обусловлена перепроизводством, наша существует на фоне всеобщего дефицита: продуктов, товаров, услуг. Объяснить это можно только одним — *неспособностью* системы организовать производство так, чтобы люди сумели прокормить и деть хотя бы себя.

Безработица была бы еще больше — если бы не кооперативы. Они без особых усилий абсорбировали десятки тысяч людей, наглядно доказав, что умеют организовать их труд несравненно лучше, чем государство. Легализация частной собственности откроем (по крайней мере, на первое время) неограниченное поле деятельности. Такое, какого нет, пожалуй, нигде в мире. В самом деле, за что ни возьмись, во всем у нас дефицит: в продуктах и товарах, в жилье и услугах, в ремонте автомашин и ремонте обуви, в гостиницах и в доставке мебели. Да тут не то что оборотистый человек, тут любой, умеющий что-то делать, найдет себе место. И давно нашел бы — если бы его не *держали за руки*.

Говорят, нужен капитал. Но, во-первых, существует множество областей, где и капитал не нужен — были бы руки. А во-вторых, и капитал есть. По подсчетам любителей считать деньги в чужом кармане, в стране 100 тысяч миллионеров и владеют они капиталом в 500 миллиардов рублей. Цифры, понятно, взяты с потолка, но, что правда, то правда, деньги действительно есть, и немалые.

И что же: допустить этих акул, преступников, рэкетиров в нашу безукоризненно чистую экономику, разрешить им отмыть грязные деньги? Да — *допустить*, да — *разрешить*, ибо из двух зол выбирают меньшее. И не стоит всех смешивать в одну кучу. Деятели теневой экономики совсем не обязательно подлец и жулик, "подпольщиком" он стал не по своей воле — таковым его сделалось государство. Разумеется, он дает взятки, платит "дань" чиновникам, ловчит, изворачивается. Но что делать, если он вынужден действовать в деформированном, сумасшедшем мире единой собственности? Дайте ему работать спокойно, и он с величайшим удовольствием станет тем, кем давно стал его коллега в любой стране: промышленником, торговцем, акционером. А пока... пока он живет по законам нашего зазеркалья. Недавно председатель Московского союза кооператоров А.Федоров открыто назвал сумму, которую столичные кооператоры потратили на подкуп, — 31 миллион рублей. Ну, ладно, кооператоры — люди, как известно, нехорошие, жулики и мошенники. Но интересно, кто берет эти грязные деньги?..

А вот остальное верно. Верно, что на первом этапе — наряду с дешевыми и плохими государственными товарами — появятся гораздо более дорогие, частные. Почему дорогие? Во-первых, потому, что нынешние цены на многие изделия искусственно занижены. Государство, черпающее деньги из *нашего* кармана, может себе это позволить; частник, у которого один карман, *свой*, — нет. Вторая причина — разбалансированный рынок. Если покупатель готов платить за порцию шашлыка шесть рублей, то какой же, простите, дурак будет продавать его за три? Вот когда появится много продавцов, а число желающих уменьшится, тогда цены сами собой заскользят вниз.

Впрочем, цены на некоторые товары (не на шашлык, конечно) останутся непомерно высокими. Приехав в Мюнхен, я долго гадал, кто покупает одежду в некоем магазине, где цены, скажем, на женское платье (на мой взгляд, ничем не выдающееся) в десять, а то и в двадцать раз выше нормальных. Знакомый, которого я спросил, чем эти платья отличаются от обычных, рассмеялся. "Да, в общем, ничем. Просто богатым людям надо же тратить деньги".

Однако если говорить о товарах широкого спроса, то их цена будет падать — по мере того, как в производство будет включаться масса собственников. Естественно, что первым (и главным) звеном в цепи собственников должно стать крестьянское хозяйство. Тут все предстоит создавать заново: землю, орудия труда, постройки, дороги, самого земледельца. Поэтому государство (по соображениям не только справедливости, но и своей выгоды) должно оказать крестьянину вся-

ческую помощь. Такую, например, как в Латвии: беспроцентные ссуды, передача на сельское строительство 80 процентов рыночного фонда пиломатериалов, предоставление транспорта, выделение селу продуктов и промышленных товаров, право авансом приобретать продукцию длительного пользования, ремонт и обслуживание, льготные цены, меры экономического стимулирования...

Не сомневаюсь, что уже достаточно скоро мы ощутим перемены к лучшему. Скажем, в Грузии и Армении немало земли, трудной для обработки: склоны гор, небольшие участки среди скал. Колхозы их не обрабатывали или обрабатывали плохо. Крестьянин, если поверит, что все это всерьез и надолго, в свою землю вгрызется зубами. Появятся, будем верить, и частные хранилища, где хлеб не горит, а картошка не гниет; частные машины, из которых зерно не сыплется; перерабатывающие заводы, где крестьянина не обманывают, а продукцию не гноят. И много чего другого: мастерских, ателье, домашних столовых, туристских бюро, прокатных пунктов, лавок, мыловаренных заводов, обувных фабрик...

Все это, повторяю, не *взамен* государственных предприятий или колхозов, а *наряду* с ними. Значит, общее количество товаров и услуг уж никак не уменьшится. Вовсе не надо запрещать госпредприятиям работать по прежнему, свойственным их природе законам. Просто они сами так работать *не смогут*. Одни прогорят и закроются, другие найдут себе место в системе свободного рынка. Ведь нелепо думать, что на Западе нет государственных предприятий, — вспомним хотя бы фирму "Рено". Однако, чтобы эти предприятия работали "на уровне", им нужен ориентир, нужны конкуренты. У того же "Рено" нет выбора: либо фирма будет в состоянии конкурировать с другими автозаводами (хотя бы с ближайшим соседом — частной фирмой "Пежо"), либо она обанкротится. Французские социалисты, стоящие у власти, могут сколько угодно "болеть" за государственную фирму, но помочь ей из государственных средств они не могут: вмешаются налогоплательщики.

Ясно, что процесс перестройки будет тяжелым и долгим. Перестраивать придется не только экономику, но и идеологию, политику, право, психологию. Но если у кого-то возникает сомнение, а стоит ли все это ломать и строить заново, то зря. Другого выхода нет. Если сейчас *кризис*, будет *катастрофа*. Лишь поэтому партия-собственник и нашла в себе решимость допустить перестройку.

Будем, однако, реалистами. Другой выход все-таки существует. Есть нечто такое, что может заменить и достаток, и стабильные цены, и свободу, и нормальную жизнь. Это нечто — *ненависть*. Не обязательно всеу поминать двух корифеев этой идеи. Возьмем фигуру гораздо менее яркую — бывшего президента Индонезии Сукарно, который любил, чтобы его называли Брат (Бунг) Карно. Так вот, когда в Индонезии цены на товары уже не росли, а летели вверх, этот Бунг спокойно делал свое дело: враждовал, воевал, захватывал.

Хочется верить, что народ, столько переживший в XX веке, не удастся увлечь на дорогу ложных солнц. У великой страны достаточно ресурсов — и людских, и природных, — чтобы стать государством мирным, свободным, процветающим. ●

УХОДЯЩИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Я хотел бы обратить внимание на те исторические реалии, которые своими началами уходят в разные эпохи и разные географические точки, а своими окончаниями, переплетаясь и накладываясь одна на другую, упираются в перестройку.

Эти исторические реалии, ныне заканчивающиеся, приходящие к своему историческому завершению, и обусловили, как мне кажется, всю глубину и остроту кризиса, в котором перестройка на сегодняшний день оказалась.

Я выделил бы девять таких исторических реалий, хотя их, наверное, можно усмотреть и больше. Первая такая реальность сформировалась уже в позднем Возрождении, но окончательно оформилась в эпоху Просвещения. Я бы ее определил так: "политическая культура революционаризма". Это тип политической культуры, основанной на вере в безграничные возможности человеческого разума, вере в то, что человеческий разум не только способен создать идею совершенного, справедливого общественного устройства, где все должно быть разумно и целесообразно, но и реализовать эту идею в ходе целенаправленного социального строительства. Этот тип культуры формировался во время западноевропейских революций, а также в процессе разработки таких учений, как марксизм. Он пришел к нам в Россию в форме большевизма.

Поскольку человеческое сообщество в силу многих причин не готово к жизни при идеально-совершенном устройстве (и вряд ли будет готово в будущем), его пришлось тянуть в него силой, и насилие пришлось применять в широчайших масштабах. Совершенное общественное устройство представлялось как единая централизованная система, в которой людям отводилось лишь место "бойцов великой армии труда".

Контроль над человеком и обществом может принимать самые разнообразные формы: здесь и чисто физический контроль, воплощенный в тюремные решетки и солдатские штыки; здесь и контроль над производством и распределением пищи; здесь и контроль над душой — через церковь или идеологию. Тоталитаризм слил воедино эти — и все иные возможные — виды контроля. Гогосударствление собственности, превращение государства в единственного работодателя создает общество, где все, и управляемые, и управители, лишь наемные работники, у которых сохраняются лишь потребительские, но не производственные интересы.

У этой сверхцентрализованной, сверхорганизованной системы существует главный враг: самостоятельность, самостоятельность населения. Если не удавалось его подавить, приходилось уничтожать само население.

Сейчас, благодаря достижениям самых разных наук — генетики, этнологии, лингвистики, истории, а также в ходе социальной практики, в том числе и нашей, стало ясно, что этот тип политической культуры изжил себя. Западная Европа его преодолела окончательно в 60-х годах с еврокоммунизмом. Многие цивилизации, например, мусульманский мир, практически не испытывали этот тип политической культуры. Мы же, как людское сообщество, как мне кажется, все еще пребываем в рамках этого типа культуры. Сама перестойка была задумана именно в пределах этой политической культуры, и многие беды ее проистекают из того, что культура эта для нас оказалась пока что неопределенной.

Вторая историческая реальность — наша, российская. Она идет к нам примерно из середины XIX века, начинается по крайней мере с реформ Александра II. Этот

период можно назвать эпохой попыток создания гражданского общества в России или, точнее, эпохой неудачных попыток. Она продолжается через реформы Столыпина, через нэп, через косыгинские реформы. Перестройку в этом смысле можно тоже считать заключительным этапом этой эпохи. Мы и сегодня еще лишь на пороге формирования гражданского общества в СССР.

Третья историческая реальность, ныне заканчивающая свое существование, — это социализм в том виде, как его мыслили Маркс и Ленин в основополагающих своих характеристиках. Под этим я имею в виду строй, основанный на бестоварном производстве, на тотальном централизованном планировании и управлении, на унификации отношений и форм собственности. В этом отношении социализм в Советском Союзе, как мне представляется, является вполне марксистско-ленинским, и именно как таковому ему на данный момент и пришел конец. Мне кажется, что культивируемая сейчас идея — от плохого Сталина к хорошему Ленину — это малопродуктивная идея, но она у нас сейчас, к сожалению, одна из ведущих. По-другому она звучит так: очистить социализм от сталинских деформаций. Мне кажется, гораздо продуктивнее идея или задача преодолеть в сталинизме ленинскую его сущность. Пока что нерешенность этой проблемы создает тоже дополнительные трудности перестройке.

Четвертая заканчивающаяся историческая реальность — это конец того же типа социализма, о котором я только что говорил, но уже как системы, которая распространилась от Германии через Вьетнам и до Кубы. Все социализмы, которые есть сегодня на Земле, внешне очень разные, но если внимательно на них посмотреть, то можно вычленивать что-то вроде генотипа, инварианта или матрицы, которая делает всех их очень похожими. Матрицу эту можно образно представить в виде монеты, на одной стороне которой будет государственное производство, а на другой — партийная монополия.

Пятая историческая реальность, которая тоже придает кризисный характер современному этапу перестройки, — это конец марксизма-ленинизма в трех его ипостасях. Во-первых, как официальной государственной идеологии. Можно много было бы говорить о том, что до тех пор, пока мы не преодолеем марксизм-ленинизм в качестве официальной государственной идеологии, мы вперед не продвинемся. Марксизм-ленинизм заканчивает свое существование и как мировоззрение, не соответствующее новому мышлению, представленному, в частности, концепцией Эйнштейна—Рассела. Марксизм-ленинизм, как он сформировался в трудах основоположников, по сути своей, если проводить аналогию с физикой, может быть уподоблен ньютоновской механике: это доборовское, до-эйнштейновское мировоззрение. Марксизм перестает существовать и как научная доктрина, которая не может, не способна органически включить в себя новейшие и важнейшие научные открытия современности, скажем, такие, как принцип дополнительности Бора или идея Бахтина о диалоге культур. Уходит марксизм-ленинизм, базирующийся на таких доктринах, как диалектический и исторический материализм, борьба противоположностей и тому подобное. Теперь уже проясняется, что жизнь — это не борьба, а процесс созидания. Если стратегия старого мышления состояла в разработке плана победы над врагом, то новая может быть уподоблена плану культивирования сада.

Шестая уходящая и заканчивающаяся в перестройке историческая реальность — это ялтинское мироустройство. Ялтинское мироустройство, которое упиралось одним своим концом в берлинскую стену, а другим — в японские острова. Нам, конечно, предстоит войти другими в современный мир, то есть войти в него не по-ялтински. А для этого надо отречься от 1968 года, то есть от концепций, приведших к вторжению в Чехословакию, и окончательно преодолеть идею искусственного членения человечества, в частности, идею раздела мира на два лагеря.

Седьмая реальность, которая сегодня заканчивается как целая эпоха, — это конец последней мировой империи, каковой является СССР. На смену ей рождается нечто вроде "Европы отечеств", на ином, разумеется, историческом этапе.

Наконец, уход восьмой исторической реальности может быть обозначен как конец эпохи Коммунистической партии Советского Союза. Это проявляется, во-первых, в ломке старых взаимоотношений КПСС и общества, когда КПСС декларирует и декретирует себя в качестве руководящей силы общества и ведет себя соответственно: осуществляет властные функции во всех сферах, включая экономику, не неся при этом решительно никакой экономической или иной ответственности. Во-вторых, разрушается внутреннее устройство КПСС как политической партии, основанной на принципе демократического централизма и на железной дисциплине.

И, наконец, девятое — это конец самой перестройки в том виде, как она изначально замышлялась: в виде капитального ремонта здания на прежнем фундаменте. Теперь стало ясно, что отремонтировать тот социализм, который мы построили, невозможно. Ремонту он не подлежит. Социализм государственный с бестоварным производством, с нерыночной экономикой, централизованным планированием и управлением, с партийной монополией должен идти на снос. В этом смысле можно сказать, что кончилась прелюдия перестройки, ее пролог.

Причина возникшего в настоящее время кризиса, потери обществом направления движения двоякая. На уровне официальной экономики все еще остается стремление проташить в будущее то, у чего просто нет будущего. С другой стороны, общество — и руководители, и руководимые — ни психологически, ни нравственно, ни политически не готово признать неудачным грандиозный по своим масштабам, едва ли не планетарный социальный эксперимент. Очень трудно как бы перечеркнуть жизнь предыдущих поколений, да и свою собственную, согласиться, что она была прожита зря. Поэтому, признавая конец социализма, постоянно изобретают ограничивающие эпитеты: казарменный, административный, деформированный, вместо того чтобы вести речь о самой сущности социализма.

Нам предстоит начать сызнова, но теперь уже без революций, без крови, с учетом и на основе всего опыта мировой цивилизации. Это будет уже новая эпоха, которая, может быть, будет исчисляться не пятнадцатью годами, а всем тем временем, которое выпало на долю всего человечества.

ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ

С момента первого собрания МДГ прошло всего два месяца. Но как же изменилась, как усложнилась и ухудшилась за это время обстановка в стране!

В этих условиях было бы излишним и, может быть, даже банальным говорить, насколько трудно в одном выступлении оценить общую политическую ситуацию в Советском Союзе. Трудно — ввиду ее неоднозначности, запутанности, разноплановости. Но трудно еще и потому, что, как колокольный звон, гудит рядом с нами не то воображаемый, не то реальный голос: "Вы раскольники, вы раскачиватели и смутьяны, своей критикой перестройки и ее инициаторов вы отвращаете от нас мир".

Ну, а как быть, если кроме этого голоса ты слышишь и свою совесть, исходящий из глубины души упрек в том, что ты второй раз (сначала, при Брежневе, теперь при Горбачеве) можешь стать соучастником и соответчиком угробления нарождающейся демократии, национального возрождения, наметившегося спасения, наконец, своей Родины, к которой ты так же равнодушен, как и власти предрежащие? Сказать или не сказать в этом случае, искренне и во весь голос, не только самому себе, но и им, в чем наши и их беды, промахи и ошибки?

Сомнения нет: сказать! Шанс обрести консенсус и на этой основе уйти от беды, не рухнуть окончательно в пропасть, кажется, еще сохранился, и упустить его было бы преступлением.

Есть много симптомов того, что в высших эшелонах власти — включая ЦК, Политбюро и Президиум — в последнее время утрачивается способность ощущать реальность происходящего в стране. На этой основе развиваются и политическая аритмия, и действия посредством уступок вдогонку уходящим событиям, и даже разнонаправленные движения этих эшелонов власти и общества, что углубляет кризис, обостряет противоречия, увеличивает число необратимых деструктивных событий. Я попытаюсь сначала назвать некоторые наиболее важные, с моей точки зрения, симптомы в этой серии, а потом определить, что за ними скрыто, и, исходя из этого, сформулирую выводы, касающиеся статуса и дальнейшей деятельности МДГ. При этом, конечно, немислимо обойтись без откровенных высказываний о партии, о руководстве, о Горбачеве — иначе, как ясно каждому, не может быть серьезного политического разговора.

На первое место среди симптомов утраты высшими эшелонами власти реального ощущения происходящего (утраты, слава Богу, не абсолютной) я поставил бы заявление ЦК по поводу положения в прибалтийских республиках, а также только что закончившийся Пленум ЦК по национальным вопросам и его решения. Я назову причины, по которым, с моей точки зрения, эти последние события увеличили расстояние — если избрать самую мягкую формулировку — между ЦК и народами СССР.

В связи с этим остановлюсь, прежде всего, на роли в этих событиях М.С.Горбачева. Я, как и прежде, считаю, что Горбачев в качестве ведущего лидера перестройки реальной альтернативы и сегодня не имеет, и выступления в его поддержку, на мой взгляд, — среди задач Межрегиональной группы. Мы выступаем, однако, — и это естественно в условиях перестройки — не только как его сторонники, но и как его союзники.

Это разные понятия. Сторонники маршируют и кричат "ура!", не подвергая, как правило, сомнению и критике слова вождя. Союзники поддерживают его на определенных политических условиях. У союзников есть свое видение перестройки, независимая политическая позиция, и они ведут с официальным лидером конструктивный диалог. Естественно, в подобном диалоге есть пункты, по которым мы согласны, но есть и пункты разногласий. Это и называется естественной политической жизнью, а иногда и отношениями между конструктивной оппозицией и главенствующей государственной силой.

И здесь все больше очерчивается опасность, по моему мнению, формирования ситуации, когда, не дай Бог, пришлось бы поддерживать Горбачева лишь исходя из такого соображения: другие еще правее. Не дай Бог, чтобы мы поддерживали Горбачева только потому, что лучшего ничего нет. Это было бы ужасно и для перестройки, и для его собственной судьбы.

Между тем М.С.Горбачев не просто делает очевидные уступки правым, не просто лавирует. Он, особенно на последнем Пленуме, повел себя так, что очень трудно отличить его позицию от позиции тех, кого он клеймил как противников перестройки, от тех, кто, по его словам, боится перестройки.

Горбачев не пожелал прислушаться не только к мнениям и голосам "неформалов", народных фронтов, но и к мнениям Верховных Советов, ЦК компартий некоторых республик, отличным от официальной платформы КПСС. Он вообще отказался от какого бы то ни было диалога со стоящими на принципиально иных позициях, от спокойной, может быть, раздумчивой полемики и от возможного согласия хоть в чем-то.

М.С.Горбачев не пожелал, в частности, затронуть вопрос о необходимости заключения нового союзного договора. Этой темы для него как бы не существует вовсе. Далее, он совсем не коснулся в докладе вопроса о необходимости уничтожения существующей у нас национальной иерархии, то есть деления всех наций СССР на четыре сорта: республики двух сортов, области и округа. Это даже на Пленуме вызвало реакцию, например, башкирского секретаря и других. Он не пожелал толком

обсудить литовскую идею превращения КПСС в содружество компартий республик, всерьез поставить вопрос о России, пойти дальше, чем сказано на сей счет в платформе, то есть говорить о способах дать русскому народу свою — действительную и полноценную — государственность и национальную суверенность. Не стал Михаил Сергеевич обсуждать и вопрос о том, что центр не должен распоряжаться природными ресурсами каждой республики, то есть в его интерпретации осталось все как было: ресурсы принадлежат вам, но распоряжаться ими будем мы. Обсуждения платформы как такового, разногласья мы не слышали. Мнения весьма авторитетных сил, в том числе и республиканских компартий, не были приняты во внимание.

Упорное нежелание идти на диалог — первое, что бросается в глаза. Горбачев явно поддерживает централистское, унитарное государство, соглашаясь лишь на небольшие (если не чисто номинальные) уступки. Но ведь это же и позиция его как бы оппонентов справа! Во всяком случае, различия найти очень трудно.

Самое очевидное новшество в докладе М.С.Горбачева заключалось в неожиданном предложении объявить русский язык общегосударственным. Перечеркиваются все законы, принятые по этому поводу в Молдавии, в Прибалтике, на Украине. Только в самых умеренных, компромиссных решениях республики, признавая язык коренного населения государственным, сохраняют за русским статус языка межнационального общения. На сей счет есть и более решительные позиции, которые тем более не были учтены.

Такой подход просто перечеркивает все более чем полуторагодовые дискуссии по данному поводу, и перечеркивает волевым путем, без референдума, без обсуждения и т.п.

Если раньше многие считали (и говорили об этом в печати), что горбачевская линия здесь — центристская, то теперь ситуация меняется, и его центризм заметен лишь в сопоставлении с линией крайне правых.

Второй симптом названного явления: четко проявившаяся установка на пресловутый сильный центр (или сильный Союз, — хрен редьки не слаще) страшным образом сочетается сегодня с параличом власти.

Допустим, что жесткая "центристская" позиция занята. Почему в таком случае на железных дорогах, принадлежащих сильному центру, можно организовать блокаду целой республики? С одной стороны, мы слышим возгласы: допустить, чтобы, скажем, существовала и принадлежала Литве Литовская железная дорога, невозможно! С другой стороны, дорога, проходящая через Азербайджан, реально стала азербайджанской. Да еще неизвестно, кому принадлежащей — Везирову или тем, кто бьет стекла в поездах и блокирует эту дорогу.

Наметившийся поворот вправо, таким образом, не сопровождается в высших эшелонах власти решительностью в тех случаях, когда она действительно необходима, когда на железной дороге надо объявить военное положение или осуществить иные жесткие меры. Пока по-прежнему неясно, как будет прорвана блокада Армении.

Тревожный симптом — и предстоящее обсуждение без проработки проектов, которых никто пока не видел.

Следующий симптом — неопределенность положения с выборами в местные Советы. М.С.Горбачев заявил, что необходимые изменения Конституции в части, касающейся выборов, с целью принятия Закона о выборах можно внести путем письменного опроса. О юридической незаконности и политической бессмысленности подобного решения разговор отдельный. Но где же хотя бы этот опрос? Что предложили нам в качестве поправок, какова альтернатива? В то же время обсуждаются реакционные проекты на Украине, в России, в Белоруссии, возможно — в других местах. Такого рода интенсивные попытки проталкивания закона о выборах, который позволил бы неудобных не пропустить, а удобных — прогнать, кажется, еще более способствуют расширению и углублению пропасти, образующейся между КПСС и народом.

До сих пор непонятно, как и когда будут приняты необходимые поправки, когда будут проведены выборы. Сначала они были назначены на осень, потом М.С.Горбачев неожиданно для всех объявил на съезде, что лучше перенести их на май, а когда это вызвало недовольство, нам сказали, что лучше бы их провести пораньше. И никто по-прежнему не знает, когда и по какому закону они пройдут.

Еще один симптом — шельмование Ельцина.

Механизм здесь очевиден. Не столь уж важно (хотя и небезынтересно), была ли статья о нем в газете "Repubblica" заказана. С политической точки зрения большой разницы нет: был клеветнический материал заказан или только использован, — важно, что все было проделано так, как если бы он был заказан. На Западе, в том числе и в "желтой" прессе, всегда появлялось и появляется много статей о руководителях нашей партии и правительства, не исключая М.С.Горбачева и его семью, но до сих пор такого рода сплетни у нас не перепечатывались. И начать решили почему-то с публикации о Ельцине.

Ясно, что это акция политической борьбы, причем такой, в которой пользуются средствами грязными и глупыми, — глупыми потому, что, как и в случае с резолюцией против Ельцина на одном из пленумов, эффект оказался обратным ожидавшемуся организаторами акции. Отчего никому не легче. Ответственные за публикацию не только себе наносят ущерб — они усиливают ту утрату ощущения реальности, о которой я говорил.

Почему журналист из "Правды" не смог поговорить с корреспондентом "Repubblica" "до того"? Любопытно, кто умнее полного дебила, читая эту статью, увидел массу нелепостей: здесь и литры в сутки, и семь интервью в день, и деньги на борьбу со СПИДом, и мотовство. Совместить и согласовать это просто-напросто невозможно.

Извинения "Правды" двусмысленны. Всем нам (и партии) необходимо сделать соответствующие политические выводы и дать гражданскую оценку тем, кто несет за эту публикацию ответственность.

В связи с этим не могу удержаться и совсем ничего не сказать о страданиях моего однофамильца¹. Вы, наверное, помните, он пожаловался на то, что его путают со мной. Хотелось бы увидеть того, кто сумел нас спутать. В этом есть, конечно, мои заслуги, но есть и его: его газета, его поведение. Черное с белым спутать нельзя, хотя о том, где белое, а где черное, каждый судит по-своему.

Тон моего однофамильца ("клади партбилет на стол!") не нов. Психологически понятны и его страдания, хотя мои страдания он учитывать не пожелал. Говоря серьезно, однако, есть в этом грубом, барском окрике и некоторый резон: действительно, неестественно положение, когда два таких разных Афанасьевых состоят в одной партии, а граница между ними никак не обозначена. Кроме, может быть, того, что у меня, скажем, — чисто личное поведение, а у него поведение уже не вполне личное, а поведение представителя партократии...

Не пора ли всерьез поставить вопрос о том, чтобы, может быть, нашей партии почетче обозначить течения, не совпадающие по идейному содержанию? Такая мысль высказывается многими, и мой однофамилец, похоже, подталкивает к этому. Может быть, стоит сделать так, чтобы было ясно: есть один Афанасьев (из правого течения, фракции), и есть другой Афанасьев (из другой фракции КПСС левой, демократической), — подобно тому как это наметилось в Венгрии? Мне кажется, пора уже покончить с мифом о единстве партии. Единства в партии нет, нет его и в ЦК, как показал Пленум.

Следующий симптом — работа комиссий, созданных Съездом народных депутатов.

Я участвовал в работе комиссии по пакту Риббентропа—Молотова. Деятельность комиссии была плодотворной. Сообща, большинством, мы сделали важные принципиальные выводы, которые, стань они достоянием общественности, возможно, и спо-

¹ Виктор Афанасьев, тогда еще редактор "Правды". — Ред.

собствовали бы тому согласию, о коем любят говорить в Политбюро. Вот эти выводы:

- Пакт и протоколы — единый документ.
- И пакт, и протоколы попирают суверенитет Прибалтики, и потому:
- их надо признать недействительными, признать, что Прибалтику мы сначала оккупировали, а затем аннексировали.

Это признание нужно не для того, чтобы подтолкнуть прибалтов к выходу из СССР, а для того, чтобы у них не было оснований для подобных устремлений.

Таковы выводы комиссии. Товарищи А.Яковлев и В.Фалин, тем не менее, по своему отнеслись к ним и не сочли нужным с ними считаться. Снова произошло нечто симптоматичное, то есть сначала Фалин по телевидению, а потом Яковлев в "Правде" выступили перед общественностью и в своих выступлениях существенно (Фалин больше, чем Яковлев) разошлись с выводами комиссии. В результате произошло нечто, может быть, неожиданное, а может быть, и спрогнозированное: аппарат фактически лишил комиссию выданного Съездом мандата. Она стала ширмой, бутафорией для аппарата.

Мы написали письмо тов. Ненашеву о том, чтобы 21 августа нам была предоставлена возможность выступить по ЦТ и рассказать о работе комиссии. Товарищ Ненашев ответил, что предоставит такую возможность только Яковлеву или лицу, облеченному доверием Яковлева. Наглядный пример попрания тех институтов, которые сформировал первый Съезд народных депутатов, игнорирования прав и надежд, возлагавшихся на Съезд народом.

Очередной факт из той же серии симптомов: как историк я не могу не сказать о фальсификации отечественной истории — не по-сталински уже, не по-брежневски, а на современный лад. Речь идет о XVII съезде партии, о "съезде расстрелянных" и об убийстве Кирова. Известно, какое поворотное значение имеют эти события для нашей истории. Посмотрим теперь публикацию Н.Михайлова и В.Наумова в седьмом номере "Известий ЦК КПСС": оказывается, при всей опоре на факты, при полном отсутствии эмоций (что сейчас модно подчеркивать), при изобилии графиков, фотокопий и факсимильных документов перед нами снова ложь. Нам предлагают поверить, что против Сталина голосовали, как и декларировалось прежде официально, всего три человека. Именно таковы плоды "новейших изысканий" указанных авторов.

А О.Г.Шатуновская, которая была членом КПК и членом комиссии, созданной Хрущевым в 1960 г., говорит, что после ее ухода из дела об убийстве Кирова (64 тома) похищаются самые важные документы и взамен них подсовываются фальшивки. Исчезла, в частности, справка, представленная в комиссию из КГБ, в которой значилось с раскладкой по годам, что с января 1935 г. (после убийства Кирова) по 1941 г. в стране было репрессировано 19 млн. 800 тыс. человек, из них 7 млн. казнено в тюрьмах. Исчезли из дела два списка троцкистско-зиновьевских оппозиций, сделанные рукой Сталина, что подтвердила экспертиза. Исчез акт этой экспертизы, исчезли списки — подлинники, исчезло свидетельство водителя, везшего Борисова, исчезли многие другие документы. Из папок с важнейшими документами похищаются доказательства в здании ЦК КПСС!

Об этом известно Михайлову и Наумову, и не только им. Ольга Григорьевна сообщила перечисленные факты в письмах А.Н.Яковлеву.

Наконец, симптоматична история с памятником К.У.Черненко в Красноярске. Некоторое время тому назад он был залит краской и потому снят. Памятник поставлен, вопреки закону, не на родине "героя", а за несколько десятков километров от нее. Но памятник вновь появился на прежнем месте!

Вот теперь, кажется, все свидетельства, все симптомы болезни складываются в общую картину, и вырисовывается та тенденция, о которой я говорил: утрата ощущения реальности "наверху", разнонаправленность движений высших эшелонов власти и общества. Факт стал очевидным.

Теперь о причинах. Почему все это происходит? Потому что до сих пор у нас нет целостной и ясной, пусть звучащей неласково и не убаюкивающе, концепции перестройки.

Еще раз, как и на прошлом собрании Межрегиональной группы, хочу подчеркнуть: не у "них" (руководства) нет такой концепции, а у "нас" (общества в целом). Проморгали, прежде всего, ученые, что начальный предмет перестройки не соответствует масштабу сегодняшних задач. Говоря конкретнее, мы хотим, ввиду отсутствия подобной концепции, отремонтировать систему, которую мы строили 70 лет. А эта система неремонтопригодна! Три ее кита: имперская сущность Союза ССР как централистского, унитарного государства с вяло выраженной автономией; государственный социализм с нерыночной экономикой; партийная монополия. Эти киты должны быть ликвидированы — бескровно, на основе консенсуса и без очередного насилия. Именно нежелание высших эшелонов власти это признать, сказать об этом громко и открыто порождает главное противоречие современной политической ситуации. Такое нежелание не дает возможности реально проанализировать соотношение сил, разверстать по этапам процесс закладки нового основания нашего общества. Это нежелание — следствие отсутствия политики, опережающей развитие событий.

Именно в отсутствии четко выраженной и открыто высказанной альтернативы той перестройке, которая сегодня идет к нам обваливающейся катастрофой, усматриваю я главную причину названного явления, некоторые симптомы которого рассмотрел.

Теперь о выводах, касающихся МДГ. Надо, наконец, приступить к замене мимикрирующего под новые формы *механизма* на действительно новый, но теперь уже *организм*!

Что касается оценки общей ситуации, то нас призывают не паниковать, и тут же М.С.Горбачев говорит, что положение тревожное, ситуация ухудшается. Как совместить эти два тезиса: паниковать не надо, а положение все хуже и хуже? Думаю, общая оценка зависит от вектора. Если бы мы начали радикальные структурные реформы, всем заметный поворот влево, тогда общее положение, оставаясь плохим, по инерции, видимо, неизбежно становилось бы еще хуже. (Я убежден, что страну психологически нужно готовить не к скорому разговению, а к затяжному посту.) Но появилась бы реальная надежда, как это начинает теперь вырисовываться в Польше, где законы еще не приняты, но уже проясняется, какими и когда они будут приняты, кто и на какой основе (на основе консенсуса) их примет.

О консолидации. Политбюро часто и много об этом говорит. Я думаю, что все мы, как и любой здравомыслящий человек, должны здесь поддержать М.С.Горбачева. Но надо понять, что консенсус, консолидация заключаются не в том, что все одобряют исходящее сверху, чем бы это исходящее ни было. Они, этот консенсус и эта консолидация, — в компромиссе между разными точками зрения и в учете, серьезном учете тех голосов, которые отличаются — даже принципиально — от официального. Это как минимум. Формула единой цели пока не найдена, и потому непонятно, на какой же политической основе такой консенсус возможен. Ведь если по-прежнему центральная пресса шельмует "неформалов", "Рух", "Саюдис", то как можно надеяться на согласие? Консенсус пока что хотят навязать в виде одностороннего движения сверху вниз, и именно это осложняет политическую ситуацию. Именно в этом прежде всего и должна определиться наша Межрегиональная группа.

Дальше (я высказываю свое мнение, не претендуя на абсолютную истину), не надо нам бояться называть себя конструктивной оппозицией. Известно мнение, согласно которому МДГ создана для процедурного удобства работы депутатского корпуса. Конечно, любая дифференциация в рамках этого корпуса способствует процедурным решениям. Но наша-то группа носит политический характер, и затушевывать это нельзя. Среди нас есть аграрии, экологи, есть комсомольцы. И такие объединения возможны. Но мы, в отличие от них, объединились не вокруг отдельных

(например, профессиональных) интересов, а вокруг универсальной политической платформы — вокруг перестройки в целом, которая касается всех сторон. Мы — единственная политическая группа, и надо это сказать открыто. Если у нас имеется своя платформа — особая, не совпадающая с другими, в том числе и с официальной, — то мы и являемся легальной конструктивной оппозицией. Оппозиция — это не драка. Можно быть оппозицией и стоять напротив, а не против друг друга. В науке оппонент — не враг, а тот, кто подвергает, скажем, диссертацию анализу с независимых позиций. Исходя из своей платформы, одни меры властей мы поддерживаем, другие критикуем, третьи отвергаем. Это не вражда, а самая настоящая форма политической деятельности.

Межрегиональная группа — за политическое и духовное согласие в стране. Главный принцип — суверенный компромисс, осуществленный в Советском Союзе, где никто не может быть выше других, компромисс, при котором и мы — не единственные, кто знает верный путь. МДГ предлагает на обсуждение то решение, которое нам кажется наиболее реальным.

И еще: никто не вправе единолично определять пределы ни для республик, ни для каких бы то ни было "неформалов", ни для отдельного человека, ни для поведения любой организации. Пределы, конечно же, нужны, но они должны добровольно и совместно определяться всеми. Надо двигаться вперед, и главное условие такого движения — союзный договор.

В обществе идет поляризация. "Мартовская революция" (я так возвышенно называю выборы) завершилась, к сожалению, в ходе Съезда народных депутатов установлением единовластия партаппарата. При этом Горбачев, как мне кажется, выступает в двух ипостасях: он и хозяин аппарата, и его заложник. Демаркационная линия проходит не по верхам и низам, не по организациям и учреждениям, не по регионам, а по людям, она внутри каждого из нас. Она проходит и внутри самого Горбачева. Это важно учитывать, но это еще не все. Кроме поляризации (о ней говорилось много), налицо естественный сдвиг людей с прежних позиций на какие-то новые и разные позиции. С прежних мест они сдвинулись, а к чему-то новому, определенному еще не пришли. Люди в разных республиках и областях как бы застряли в дороге. Они на разных участках того огромного тракта, который мы нарекли, не совсем, может быть, удачно, перестройкой. И со всеми этими людьми надо уметь говорить. Говорить, что очень важно, без сектантства, без преждевременности: слушать и слышать надо всех!

Мы должны учитывать самые разные настроения населения. Нельзя оставлять без внимания, например, нарастание русской волны, которую аппарат пытается сделать своим доменом. Или возьмите попытку аппарата создать себе массовую базу и быстро оформить ее организационно в виде объединенных фронтов трудящихся, отрядов и групп по охране общественного порядка. Было бы большой ошибкой МДГ отмежеваться от ОФТ или, тем более, противопоставлять себя этим образованиям. Речь не о Р.И.Косолапове, который уже ходит в идеологах этого движения, речь о рабочих, которые там оказались. Я думаю, что нам в условиях духовного раскола и политической распри надо выдвинуть объединяющие идеи. В качестве таковой можно рассматривать идею о чрезвычайном съезде, созвать который необходимо.

На этом съезде следует рассмотреть союзный договор, основы законодательства о собственности, земле, предприятиях, аренде. На время съезда и подготовительного периода мы должны призвать ко всеобщему перемирию, национальному мораторию на забастовки, всякого рода конфликты, столкновения и раздоры. Мне кажется, наша депутатская группа может стать, уточнив позиции, тем фактором, который способствовал бы консолидации и обеспечению консенсуса в нашем обществе. ●

Борис ПАРАМОНОВ (Нью-Йорк)

ВЛАСТЬ НАРОДА

Гласность и перестройка обнаружили явление, менее всего предусмотренное какими-либо прогнозами: наиболее чистым носителем социалистического сознания и наиболее стойкой консервативной силой советского общества оказался народ, социальные низы, широкие массы, то есть те слои населения, которые больше других страдают в социалистической повседневности, — не говоря уже о том, что в экстремальных ситуациях (война, коллективизация) наибольшие жертвы несли они же. Консервативная оппозиция горбачевским реформам, вне всякого сомнения ожидавшаяся, да и вполне естественная со стороны любого рода бюрократии, получила неожиданную и мощную поддержку в народе.

1. "Социальная защищенность" или социальный паразитизм?

Пытаясь объяснить это явление, обычно говорят — и вполне правильно говорят — о своего рода инстинктах социального паразитизма, выработанных у народа тоталитарно-социалистической системой. В советском идеологическом словаре это называется "социальной защищенностью": минимум существования (хотя бы в форме лагерной пайки) гарантирован для всех при самом незначительном трудовом вкладе. А инициатива, наоборот, может привести к самым нежелательным последствиям — как в случае с Иваном Худенко, еще в 60-е годы организовавшим на основах хозрасчета преуспевающий совхоз и закончившим свои дни в тюрьме, куда его упрятали за какие-то ничтожные нарушения финансовой отчетности.

Инерция социальных установок и моделей поведения — явление отнюдь не специфически советское и русское. Например, в Польше в 1980 или 1981 гг. был проведен независимыми (негосударственными) группами опрос населения, который выяснил, что две трети поляков — за социализм. Инстинкт "социальной защищенности" сказался и здесь, в стране, традиционно чуждой России и каких-либо русских влияний. В этом смысле (тоталитарный) социализм повсеместно реакционен; Николай Бердяев в 1918 г. назвал большевизм "всемирно-исторической реакцией". В психологических терминах эту реакционность можно назвать неврозом, регрессией в некое утопическое прошлое, в "детство" — или даже "проекцией в материнскую утробу". На этих психологических наблюдениях и выросла гипотеза Игоря Шафаревича, называющего социализм социальной реализацией инстинкта смерти: социализм, с его "социальной защищенностью", понижает жизненные напряжения. А предел такого понижения и есть смерть. Парадокс нынешней ситуации состоит, однако, в том, что попытки ликвидации социалистических структур (а к этому и сводятся в конечном счете горбачевские реформы, как бы ни муссировался сейчас в СССР новый лозунг: больше демократии — больше социализма), — попытки эти спровоцировали у носителей пассивной социалистической психологии необыкновенную психологическую активность, — правда, негативного характера.

Этот негативизм — в самом нежелании становиться на путь перестройки. И трудно такое нежелание объяснить только тем, что перестройка требует усиленной работы: ведь о "социальном паразитизме" советских людей можно говорить только в условно-метафорическом смысле. Советский человек в чисто физических измерениях работает никак не меньше американца, но у него нет интереса к труду, который неадекватно оплачивается; материальная оценка труда никак или почти никак не связана с его результатами. Недоверие к руководителям, провоз-

глашающим сейчас нечто прямо противоположное тому, что говорилось и делалось семьдесят лет, — конечно, важное, но тоже не исчерпывающее объяснение этого негативного отношения к перестройке. Решающим фактором в этом отношении мне видится психология обманутых. Людям вдруг объяснили, что принесенные ими жертвы, пролитая ими кровь, десятилетия труда и страданий были, в сущности, лишними. Советскую историю из пространства мифа перенесли в пространство рационального толкования — и пришли к выводу, что моря крови не дали желаемого эффекта, что проливать кровь — вообще нерентабельное дело. Это прозвучало как богохульство. Была зачеркнута, объявлена ненужной, чуть ли не преступной целая историческая эпоха, у людей отняли последнее и единственное утешение: что лишения были не напрасны, что жизнь была прожита не зря. Безусловно, власть должна была пойти на такой шаг и сорвать покровы с коммунистического мифа, вернуть людей с небес на землю; но, как оказалось, реакция на такие открытия не может быть спокойной, трезвой, адекватной. И, как всегда в таких случаях, гнев вызывает не само событие, а его вестник, в данном случае Горбачев: народ отреагировал на гласность "по-царски".

Последняя фраза — не только метафора. В сегодняшней советской жизни, действительно, поменялись местами полюса политического поведения: власть стала "прогрессивной", а народ — "реакционным"¹. Кавычки здесь для того только, чтобы подчеркнуть изжитость ходячих стереотипов коммунистической идеологии, для которой народ — это постоянный источник прогресса. В шоке, вызванном гласностью и перестройкой, среди прочего исчезла и эта иллюзия. Массовое сознание обнаруживает сейчас все черты реакционности не просто потому, что, пытаясь сохранить самоидентификацию, люди цепляются за сталинские годы, за самого Сталина, но и потому, что народное сознание символически (да и реально) включило в себя традиционные атрибуты коммунистического властвования. Социальное поведение масс в сегодняшнем СССР свидетельствует о том, что в стране произошла своего рода национализация насилия, обобществление террора. Народ начал замещать власть в ее традиционной репрессивной функции. Так сохраняется коммунистический баланс.

Москвичка В.Т.Коростелева, возмущаясь "мягким" приговором Ю.Чурбанову (12 лет заключения!), пишет в "Литературную газету" (13 марта 1989): "Таких подлецов расстрелять нужно было без лишних проволочек! Вот тогда бы народ полностью поверил в нашу перестройку."

2. Социалистический Робин Гуд

Сказанное можно подтвердить многочисленными примерами. Может быть, важнейший из них — нынешняя статистика преступности, показывающая явное и устрашающее увеличение: еще одно открытие гласности. Газета "Известия" от 14 февраля 1989 г. опубликовала таблицу темпов роста преступности за 1987–88 гг. в абсолютных цифрах и процентном выражении. Ограничимся вторым показателем, выражающим именно динамику преступности только за один "перестроечный" год: число умышленных убийств за год выросло на 14,1%, тяжких телесных повреждений — на 31,6%, случаев разбоя — на 42%, грабежей — на 44,4%, краж личного имуще-

¹ Вот письмо читателя, врача Ю.Чихова из города Углегорск в редакцию (просталянистского) журнала "Молодая гвардия" (март 1989). Сообщая прежде всего, что по специальности он — нарколог, Ю.Чихов описывает затем чтение либерального еженедельника "Огонек" в терминах наркотического наваждения: "Я все меньше спал и практически не расставался с очередным номером "Огонька". Интерес к статье все больше вытесняло тоскливое раздражение. Настроению портиться было от чего. Обнаженные язвы нашего общества вставали перед моим внутренним взором в своей бесстыдной наготе. Я чувствовал, как мое сознание раздваивается, мысли "Огонька" вступили в бескомпромиссный бой с моими представлениями и убеждениями. Они отталкивали и притягивали. Они ошеломляли, прессинг статей подавлял. И тут я понял страшную силу наркотика, ибо "Огонек" — сильнейший идеологический наркотик".

ства – на 36,6%. Рост следует считать экстраординарным – произошел некий, как принято говорить в Советском Союзе, качественный скачок. Возникает ощущение распадающегося социального порядка, утраты элементарных цивилизующих связей. Власть как бы перестали бояться.

Но на этом фоне как раз и выделяется некая "общественная самоорганизация", которая громогласно заявляет, что она воюет с преступностью, за общественный порядок, а на самом деле вносит в общество еще больший хаос. "Народоправство" принимает формы судов Линча. Наиболее бросающийся в глаза пример – движения провинциальных подростков, в частности, активность пресловутых "люберов", регулярно приезжающих в Москву громить группы так называемой "неформальной молодежи". Вражда молодежных банд вообще сделалась сейчас распространенным явлением в СССР; почему-то в этом отношении особенно выделяется Казань. Приволжская молодежь тоже повадилась заглядывать в столицу (см. "Известия" от 3 февраля 1989 г., статья "В Москву с обрезом": "С лета 1988 года в Москве участились дерзкие грабежи на улицах, в метро... Грабежу и хулиганству находится даже идеологическое оправдание: не грех, мол, "перераспределить" московские блага в свою пользу.").

Но казанские (или чебоксарские) робингуды – пустяк в сравнении с явлением, известном во всем мире, а сейчас и в Советском Союзе под названием рэкет (англ. racket – вымогательство). Рэкет в СССР возник как тень санкционированного властями кооперативного движения – и растет едва ли не быстрее, чем само движение. Вот несколько цитат из статьи "В осаде", помещенной в № 5 журнала "Огонек" за 1989 г. и сохраняющей актуальность по сей день. Не названный по имени кооператор рассказывает журналисту:

"Мечта о честном бизнесе, которая забрехала с зарождением кооперативного движения, уже умерла. Нет четкости. Ее не обеспечивает Закон о кооперации. Ибо в нем нет главного: вот это можно, а это нет. Возьмите любую статью закона – ее можно толковать как угодно... В глазах большей части населения кооператоры – все равно что воры и бандиты. Кооперативы, мол, – это временно, это по чьему-то недосмотру. Никто не понимает, что это жизненно необходимо, что это единственно правильный путь... Большинство людей, исполняющих волю государства, смотрят на кооперативы точно так же, как обыватели. И тот человек, который работает в отделении милиции, ничем не отличается от того, который подходит и говорит: "Сволочи, чем вы тут заплонили Москву!" И потому ему вовсе не хочется вступаться и рисковать своей жизнью ради того, чтобы защищать кооператоров... Недавно пришел человек оттуда (из мест заключения), рассказывает, что-де в колонии только и разговоров, что о кооперации. Не в том смысле, чтобы там работать, а в том, чтобы ее придушить".

Несомненно, в рэкете мы сталкиваемся прежде всего с криминальным явлением. Но все же возникает впечатление его "идеологической" выразительности – если не в сознании самих рэкетиров, то в общей, так сказать, стилистической направленности рэкета. Во всяком случае, у рэкетиров (как и у милиции, как и у простых граждан) присутствует сознание нелегальности кооперативов, – а это *социалистическое сознание*. Рэкет моделирует ситуацию Октября, когда основной лозунг был "Грабь награбленное!" Лозунг, который выдвинул и сформулировал не кто иной как сам Ленин; это уже потом он придумал нэп. И как в 1929 г. от нэпа отказались ученики и продолжатели Ленина, так сейчас от нынешней, по существу антисоциалистической тенденции кооперативного движения, да и горбачевских реформ в целом – отказывается советский народ, "в авангарде" которого (еще одно советское клише) идут на этот раз уголовники. Но в уголовном деянии как раз и сказывается сущностный характер социалистической революции – по крайней мере, как она происходила в России. Рэкет нечаянно обнажил и подчеркнул это обстоятельство – сущностное сходство революционно-социалистического переворота с уголовщиной. Тут вообще следует сказать, что в ранней рус-

ской социалистической мысли (у Бакунина, например) чрезвычайно высоко расценивался тип разбойника — именно за его, как считалось, прирожденный социалистический инстинкт. От этой мысли социалисты потом отказались, но похоже, что история социализма в России доказала правоту Бакунина...

3. Репрессии "на местах"

Вместе с тем, при всей своей качественной значительности (в указанном "идеологическом" смысле) советский рэкет все же явление маргинальное: он незначителен количественно и не волнует, в общем, почти никого, кроме малочисленных пока кооператоров. Но вот так называемая дедовщина стала настоящим национальным бедствием. "Дедовщина" ("дед" на армейском жаргоне — старослужащий солдат) на официальном языке именуется "неуставными отношениями в армии". Имеется в виду неписаная система подчинения, при которой решающим фактором властвования становится не воинское звание, а возраст военнослужащего и срок его службы. Не являясь формально начальником новичка, старослужащий делается фактически полновластным господином его тела и души. В "Записках попа" — мемуарах анонимного советского автора, помещенных в недавно вышедшем в Ленинграде альманахе "Вестник новой литературы", читаем:

"Я видел человека, который был ковриком для вытирания ног: он лежал у входа в казарму, и все входившие должны были вытирать об него ноги. Я видел, как человек моет собой пол: намыливают его в туалете или "умывают", а дальше он по полу ползает и его моет. Я знал человека, который застрелился за несколько недель до конца службы; хотя это объяснили тем, что его девица вышла замуж, но я знаю, что причина в другом."

Автор этих воспоминаний говорит далее, что служба в нынешней Советской армии производит настолько травмирующее действие, что прошедший ее остается на всю жизнь неполноценным человеком — или во всяком случае переживает острейший кризис. Сам автор стал священником именно в результате такого кризиса.

Конечно, "дедовщина" появилась не с приходом к власти Горбачева, просто теперь о ней стали писать. Впервые о ней заговорил молодой писатель Юрий Поляков в повести "Сто дней до приказа". Реакция военных кругов была исключительно резкой, но шум, произведенный повестью, был так велик, сочувственные отклики читателей настолько многочисленны, что замолчать вопрос не удалось даже не склонным к дискуссиям армейским любителям тишины. Явление было признано существующим, и с ним призвали бороться; как будет осуществляться эта борьба, неясно; пока что, в разгар полемики, произошел едва ли не самый кошмарный эпизод "дедовщины". Рядовой Артурас Сакалаускас, доведенный до отчаяния издевательствами "дедов", во время несения караула — то есть будучи вооруженным — застрелил семерых обидчиков. Он был помещен в психиатрическую больницу, его не решились предать суду.

Я сказал уже, что "дедовщина" — явление не новое, отнюдь не перестройке обязанное своим возникновением; и его не было, скажем, в конце 50-х годов, когда автор этих строк сам проходил действительную армейскую службу. Советские газеты пишут, что "дедовщина" — это продукт застоя, наследие брежневских времен. Действительно, именно тогда появились центробежные тенденции в советской жизни: политика центра, то есть Москвы, утратив в целом свой тотально-репрессивный характер, вместе с тем и утратила инициативу вообще. Власть стала уходить, как говорят в России, "на места"; а известно, что в полицейско-бюрократических государствах именно "на местах" более всего злоупотребляют властью. Репрессивная власть перестала быть монопольной и даже перестала задавать тон; вместо Лубянки пыточные камеры появились в колхозе, где орудовал узбекский хлопковый магнат Адылов. Возьмем пример менее злове-

щий, но по-своему не менее важный: решение об окончательном запрещении книг Солженицына во второй половине 60-х годов принимает не секретариат ЦК КПСС, а всего лишь секретариат Союза советских писателей. Репрессии дробятся, мельчают, атомизируются — и доходят в результате до приемной Горсовета, откуда надоедливых жалобщиков на "скорой помощи" отправляют в психушки, до каждой ротной казармы, где военнослужащий девятнадцати лет моет пол двадцатилетним военнослужащим. Несколько гиперболизируя, можно сказать, что только сейчас, через тридцать с лишним лет после Сталина, коммунистический режим в СССР стал подлинно тоталитарным, — потому что репрессивность, насилие, террор сделались всеобщим содержанием советской жизни: не политика властей, а нравы населения. Гласность выявила этот интимный процесс советского развития, точнее деградации. Поэтому можно сказать, что гласность не только провозгласила отказ от прежней политики, но и стала как бы ее высшим пунктом, своего рода "телеологической причиной" в античном смысле (*causa finalis*). Мышление такого типа как раз и характерно для *логократического* (А.Безансон) общества: явление не существует, пока оно не названо, слово порождает реальность. Вот почему массовое сознание готово винить Горбачева во всех бедах, скопившихся за 70 лет советской власти, ибо эти беды (неполадки, пороки, преступления) "не существовали", не будучи названы, оглашены: "гласность" их, так сказать, породила.

Это напоминает случай, описанный Солженицыным в "Архипелаге Гулаг". В 1957 году его спросили, за что он подвергся аресту и заключению в 1945 г. Он ответил: за критику "культы личности". "Но разве тогда существовал культ личности?" — удивился собеседник, знавший, что о "культе" объявили только в 1956 году, на XX съезде партии.

4. "Тихая" культурная революция?

Мы говорили о своеобразной социальной мимикрии советского народа, позволяющей ему в его повседневных реакциях на бытовом уровне воспроизводить основные приемы тоталитаристской политики. Но сказанному как будто противоречат некоторые события в СССР, например, результаты выборов на Съезд народных депутатов. Может показаться, что выборы обнаружили у советского народа, при полном отсутствии школы демократии, наличие изначального демократического инстинкта. Особенно впечатляющими были многочисленные провалы кандидатов, выступавших в одномандатных избирательных округах, без оппонентов, — в частности, то, что среди них было много высокопоставленных партийных бюрократов. Результаты выборов вызвали эйфорию в либеральных кругах СССР и стали, как сказал Горбачев, свидетельством растущей народной власти.

Спору нет, здесь мы встретились с ситуацией, когда конфликт обозначился не по линии "народ против народа" (человек из очереди против кооператива, армейский "дед" против новобранца и т.д.), но по линии "народ против бюрократии" (в конечном счете — против коммунистической власти). И все же кажется, что в этих выборах звучал тот же мотив, о котором речь шла выше; в головах, поданных против партийных боссов, ощущалось все то же негативное движение, своего рода социальный нигилизм с его (имплицитно социалистическим) мотивом справедливого перераспределения материальных благ. Отвергая партийных кандидатов, голосовали не за свободу, а против привилегий. Это был не демократический, а уравнилельный мотив. Недаром героем выборов стал Борис Ельцин, умело выдвинувший в своей программе на первое место борьбу с бюрократическими привилегиями.

Конечно, дискредитация партийного руководства в ходе выборов — победа не только Ельцина, но и его номинального критика Горбачева. С уверенностью можно сказать, что, добиваясь от нового народного собрания санкции на свое прези-

дентство, Горбачев ищет не единоличной власти, но иной, непартийный источник легитимности этой власти. Это нужно ему как раз для того, чтобы нейтрализовать партийный аппарат, лишить его руководящей роли. У Горбачева и других партизан реформы существует, видимо, убеждение, что самый опасный противник перестройки все же не народ, а партийная бюрократия. Но чтобы "партия и народ" не выступили единым фронтом (наиболее вероятный сценарий антигорбачевского переворота), их нужно разделить и противопоставить друг другу. Для этого — а не для "дальнейшего развития социалистической демократии" — и была придумана формула нынешних выборов. Это как бы вариант маоистской "культурной революции" — нажим на бюрократию при помощи масс, — но мягкий, "тихий" вариант, с выходом масс не на площадь, а к избирательным урнам. Сходство это, конечно, формальное, а не содержательное: Мао таким способом укреплял личную власть и ортодоксальный коммунизм; Горбачев, обостряя соответствующую конфронтацию, надеется ортодоксальный коммунизм преодолеть.

Против бюрократии, защищающей социализм как привилегию, выстроен народ, верящий в социализм как в идеал. Ни та, ни другая позиция не является позицией самого Горбачева, но в их противоборстве он надеется как бы свести на нет социалистические потенции общества как такового, произвести их взаимоничтожение, аннигиляцию. Это смелый и умный замысел. Но все же кажется, что с социалистической инерцией народа (главным образом русского) бороться будет труднее, чем с инерцией бюрократической корысти. Чтобы такая борьба закончилась успешно, надо "корысть" — не социалистическую, конечно, а "буржуазную" — привить самому народу, готовому сейчас не только провалить на выборах застойного бюрократа, но и поджечь магазин преуспевающего кооператора. ●

Андрей НОВИКОВ (Рыбинск)

Ц Е Й Т Н О Т

Большинство западных и советских политологов в числе наиболее важных проблем, стоящих перед обществом, называют вопрос о политической власти, проблему оздоровления экономики и, наконец, межнациональные отношения. Причем, "проблемой номер один" в большинстве случаев считается вопрос о политической власти, поскольку радикальное решение всех других проблем в СССР упирается в этот вопрос.

Сами концепции политической реформы в СССР разнообразны: от концепции "однопартийной демократии" (В.Чалидзе) и "авторитарной демократии" (А.Мигранян) до стремления Демократического союза совместить сразу стихийное гражданское неповиновение и вестернизацию страны. Есть также теория "беспартийной системы", предлагаемая анархо-синдикалистами: точка зрения, согласно которой можно обойтись без представительной многопартийной системы путем замены ее самоуправляющимися коллективами. Причем ссылки анархо-синдикалистов на опыт западных стран, где, по их мнению, общество идет к беспартийной системе, не лишены смысла.

Концепция "авторитарной модернизации" ("авторитарной демократии"), относительно сторонником которой я являюсь, разработана советским политологом Андраником Миграняном. "Есть идея перехода к демократии через авторитарную демократию, — говорил А.Мигранян в интервью газете "Советская культура" в публикации "Популизм", — когда власть в каких-то пределах и ограничивая свободу, должна создавать необходимые составляющие гражданского общества, которые смогут взять функции самоуправления". Смысл этой концепции состоит в том, что мно-

венная вестернизация, попытка мгновенного перехода к западной модели демократии (по самому своему определению и историческому опыту предполагающая *эволюционный* способ) чревата резкой дестабилизацией и хаосом, результатом которых могла бы стать очередная диктатура. Требуется как бы промежуточная стадия "авторитарной модернизации", с помощью которой сталинская тоталитарная система была бы заменена авторитарной моделью, способной в будущем эволюционировать к демократии.

"История не знает пока ни одного примера мирного вращающегося тоталитарной системы в демократическую, — писал А.Мигранян в статье "Легко ли стать Европой?" ("Век XX и мир"). — Переход от тоталитарной системы к демократии невозможно осуществить в форме "большого скачка". Разгосударствление духовной, а затем и экономической сфер жизни, с институциональным оформлением различных негосударственных форм собственности наводняют общество многочисленными конфликтующими интересами. Поляризация интересов и борьба между ними увеличивают возможность хаоса и краха политической системы, которая находится в стадии радикальной перестройки. Поэтому пока будет идти нерегулируемый государством процесс возрождения гражданского общества в экономической и духовной сферах, чрезвычайно важно, чтобы в политической сфере сохранилась авторитарная власть, сознательно допускающая ограниченную или уже управляемую демократию... Авторитарная власть в этот период должна заниматься созданием демократического механизма власти и, постепенно предоставляя права и полномочия этим демократическим институтам, сохранить за собой роль арбитра и корректора. Задача авторитарной власти на этом этапе сводится к тому, чтобы обеспечить разрешение конфликтов интересов в обществе через легальные институты публичной власти с тем, чтобы практика конституционного компромисса вошла в привычку сторон, формируя культуру и политический быт народа".

Другими словами, Мигранян предполагает своеобразный переход от "абсолютной монархии" к монархии "конституционной", повторение в течение десятилетий в СССР того процесса становления демократии, который происходил в Западной Европе на протяжении двух столетий. Здесь хотелось бы внести собственные замечания к только что приведенной цитате.

"В стадии радикальной перестройки", — пишет Мигранян. А почему, собственно, радикальной? Есть ли уверенность у политолога в том, что у *реальной* советской перестройки, у тех, кто ее осуществляют, существует *ценностная установка* на ее стратегически-демократический характер, а, скажем, не на косметический ремонт тоталитарного здания? Готово ли современное советское государство осуществить в будущем т.н. "перестройку самой перестройки", перейти от авторитарных к демократическим формам правления? Возможно ли, по крайней мере, создать сейчас такой механизм, который содержал бы в себе объективную возможность дальнейшей демократизации общества?..

И, наконец, вопрос об аналогиях. Допустимо ли сравнивать тоталитарный абсолютизм, в основе которого лежит *материалистическое* понимание прав и свобод, с абсолютистскими монархиями Западной Европы восемнадцатого века? Как ни велика там была "власть светская", "власть духовная, Божественная" никогда не исчезала из сознания человека. Помимо земного суверена — короля, царя, монарха, — над ним был Бог. Именно отсюда, из принципа разделения *светской и духовной власти* пошло постепенное осознание людьми того, что права и свободы не есть нечто "даденное", "дарованное" монархом или государством, но есть нечто *данное, априорное, неотчуждаемое*, имманентно присущее каждому человеку с рождения.

"В отличие от авторитарного, тоталитарный строй, — говорится, например, в программе НТС, — не ограничивается политической диктатурой. Он ставит под контроль и экономику, и область духа; притязания его всеобъемлющи. Мало молчать о том, во что веришь, ты обязан восхвалять то, во что не веришь". Здесь, на мой

взгляд, сформулирована наиболее важная черта тоталитаризма именно как *системы сознания*, а не только как системы политической и экономической власти. И именно это обстоятельство способно породить вопрос, который может показаться апокалиптическим: если возможна трансформация авторитарного режима в тоталитарный, то так ли возможен обратный процесс — процесс перерождения тоталитарного строя в "авторитарно-демократический"? Не обрушает ли царство тоталитаризма некие таинственные корни, не способные более плодоносить? Не изуродовала ли духовная несвобода за десятилетия ментальность человека? Не являемся ли мы очевидцами появления на свет вот уже пятого поколения "нового человека", выращенного в пробирке режима, — человеческого типа, известного под именем "*Homo soveticus*"? Не оказались ли мы в каком-то потустороннем "минус-мире", в котором уже пройдена грань, отделяющая нас от возвращения назад? Не является ли всякое развитие в такой искаженной системе координат "вектором, направленным вниз"?

Но оставим эти метафизические вопросы. Вернемся к концепции "авторитарной модернизации" и попытаемся рассмотреть ее в рамках собственных координат. У этой концепции существует слабое место, заставляющее скорректировать отношение к ней. Дело в том, что "авторитарная модернизация" предлагает срок в 10—20 лет, необходимый для технологической и промышленной революции, реорганизации сельского хозяйства, политических реформ и, наконец, для взросления по крайней мере одного поколения советских людей. Между тем самые последние события показывают, что времени остается все меньше и меньше. Причина такого цейтнота — резкое осложнение в сфере *межнациональных отношений*.

Неожиданное обращение Михаила Горбачева к народу по телевидению 1 июля можно расценивать как доведение до сведения населения сложившейся в стране чрезвычайной ситуации в сфере национальных отношений, которые давно уже вышли за рамки межнациональных конфликтов и превратились в *политическую проблему*, грозящую распадом имперской структуры СССР. Если для относительно многонационального Китая такая проблема практически не стоит так остро, и там причиной трагедии 4 июня на площади Тяньаньмень послужил резкий дисбаланс между экономической и политической реформами, то для Советского Союза пороховой бочкой может послужить нарастающая дестабилизация в межнациональных отношениях, по-прежнему зажатых в рамки сталинской федерации. Очевидно, что национальный вопрос становится в СССР вопросом политической власти, а следовательно, для ее удержания советское руководство способно пойти на самые крайние меры. "Кровавое воскресенье" в Тбилиси было первой репетицией использования армии против народа. Модернизация и явная политизация Министерства внутренних дел СССР, системы внутренних войск показывает, что создается мощный карательный механизм для подавления возникающих в стране беспорядков, позволяющий обойтись без "услуг" Министерства обороны в чрезвычайных ситуациях. Законодательную базу для этого подвели еще в июле прошлого года, когда были приняты Указы о митингах и о полномочиях внутренних войск. Как сказала Л.Богораз в интервью радио "Свобода", принятие этих Указов равнозначно признанию в стране состояния гражданской войны.

Итак, мы встаем перед цейтнотом. Имея в виду наступление в ближайшем будущем часа "X", хотелось бы конкретнее подойти к проблеме монополизации политической власти в нашей стране.

В прибалтийских республиках мы наблюдаем сейчас подлинное *двоевластие*. Наличие сформировавшегося, институализированного гражданского общества, обладающего независимой информационной сетью, идеологической раскрепощенностью, относительной экономической самостоятельностью. Наконец, альтернативными (по сути дела, оппозиционными) политическими движениями, пользующимися массовой поддержкой и оказывающими большое влияние на политическую модель официального перестроечного истеблишмента, официальных структур, что позволяет говорить об их *инверсии*, сращивании с т.н. "параллельными структурами". Словом, в Прибалтике ясно не только то, *у кого* надо отбирать власть, но и то, *кому* ее передавать. Что же

касается России и других республик, то здесь как будто бы проблема кризиса власти решена пока что с одной стороны: ясно, у кого ее надо отбирать, ясно даже, что делать с теми, у кого она сейчас в руках, но не совсем ясно, что с ней делать дальше, кому ее можно было бы передать.

Организация, претендующая на роль оппозиции в центре страны, — Демократический Союз — представляет из себя пока что маломощное радикально-демократическое движение, в котором явно преобладают элементы вульгарного популизма и политического дилетантизма. Парадокс ДС, на мой взгляд, состоит в том, что, не обладая возможностью *прямого* воздействия на политическую ситуацию в стране, способный влиять на нее лишь *косвенным* образом, Демократический Союз призывает к *прямым* формам давление на правительство (кампания гражданского неповиновения, всеобщие политические стачки и т.п.). Настораживает также непонимание со стороны руководства этой организации реалий страны, в которой мы живем, — страны, которая, видимо, ближе находится к Китаю, нежели к Венгрии и Польше. Если Демократический Союз не сможет контролировать начатую или спровоцированную им кампанию гражданского неповиновения, эскалация последней способна будет привести поистине к непредсказуемым последствиям. Теми, кто, может быть, в высших эшелонах власти стремится на консервации режима вплоть до диктатуры, экологическая ниша, избранная ДС, может быть использована в качестве повода для нанесения контрудара по демократическим движениям в стране. Об этом мне приходилось писать в апрельской статье "Ход конем или пешкой?", являющейся ответом на статью в "Правде" "Ход конем", которая появилась через несколько дней после опубликования Указа ПВС о государственных преступлениях и содержала явно преувеличенные сообщения о Демократическом Союзе как об организации, готовящей чуть ли не государственный переворот. Тогда, 23 апреля, митинг ДС прошел бескровно, но опасность разыгрывания ДС в качестве повода для использования консервативными силами сохраняется.

На втором Съезде ДС в январе 1989 г. на вооружение была принята концепция создания так называемых "параллельных структур" — ячеек гражданского общества: Советов, независимых органов контроля социальной политики государства, независимых профсоюзов, информационной сети, университетов, библиотек и т.д. С этой концепцией тесно связана и проблема так называемого Демократического фронта-консолидации (предположительно под эгидой ДС или с его активным участием) радикальных оппозиционных сил в масштабах всей страны. Демократический фронт задумывается как своего рода социализация, социальное развертывание ДС, который в значительной мере остается еще вне социума и особенно вне мощных национальных движений в периферийных республиках. Однако на Совете Партии ДС, прошедшем в середине июня в Ленинграде, разгорелась дискуссия по поводу приоритетности способов осуществления идей "параллельных структур", которая с самого начала предполагала как бы два варианта: инверсию уже существующих официальных структур путем изменения их политической модельности со стороны движения "снизу" и строительство совершенно новых структур. Последний вариант предполагал более жесткую тактику отношения с официальным перестроечным истеблишментом и иными демократическими движениями, а следовательно, большую замкнутость ДС. Я выразил руководству Демократического Союза категорическое несогласие с таким путем развития ДС.

Итак, мы сейчас находимся в вакуумном, переходном состоянии. С одной стороны, происходит явный кризис однопартийной системы и коммунистической идеологии не только в ее ортодоксальных, но и в реформистских разновидностях. Кризис доверия к правящей партии и ее руководителю, особенно проявившийся в дни работы Съезда народных депутатов, прямая трансляция которого имела колоссальное социально-психологическое значение, — значение, может быть, даже большее, чем сам Съезд. В стране явно создан *прецедент* в общественном сознании. С другой стороны, в центре страны еще нет конструктивного политического потенциала, который позволил бы перейти от "уличной многопартийности", от популистских движений типа ДС к цивилизованной, парламентской многопартийности. Времени между тем остается все меньше и меньше... ●

ЭСТЕТИКА ТУПИКА

*Римская империя времени упадка
Сохранила видимость твердого порядка,
Цезарь был на месте, соратники рядом,
Жизнь была прекрасна, судя по докладам.*

Булат Окуджава, 1979 г.

Что за пир во время СПИДа?

В.Коркия. "Черный человек, или я – бедный Сосо Джугашвили."

В первые годы перестройки адепты нового мышления часто и со значением любили повторять: главное – это перестройка сознания, дело исключительно трудное, ибо инертен человек. С этим трудно было не согласиться. Однако, как нам показали последующие годы, если перестройка у нас где-то и происходит, так почти исключительно в сознании, а еще лучше сказать, в воображении. Сразу же после 1985 г. многие общественные деятели просто с удивительной легкостью что-то переключили у себя в головах и продолжают переключать до сих пор. Иностранец, бывавший в Советском Союзе в 70-е годы, увидит теперь поразительную картину: комсомольские работники спокойно рассуждают о достоинствах "heavy metal"; официально организуются секс-конкурсы (еженедельник "Собеседник", например, объявляет о конкурсе "Мисс эротика"); в видеосалонах в рамках развития культурного досуга демонстрируются низкопробные западные боевики; плакаты карикатурно-мужественного Рэмбо, на которого не далее как вчера обрушивалась вся официальная пропаганда, продаются в подземных переходах; идеологические работники вступают в какие-то коммерческие отношения со своими идейными врагами – и все это на фоне чугунных ленинов и марксов, которые продолжают просто всматриваться в будущее пролетариата. Создается впечатление, будто неподвижное замкнутое пространство мертвой имперской идеологии наполнилось неясным и бессвязным содержанием. Имеет смысл говорить о какой-то особой эстетике – эстетике упадка империи, и через это понять смысл происходящего, представить, что нас ждет...

Эстетическое восприятие сегодня приобретает роковое значение. Дело в том, что, подходя к кризису или – к пропасти, советское общество продолжало жить сладкими легендами и о якобы скрытых моральных и экономических резервах. Собственно, эти легенды были гарантом стабильности. Нам казалось, что хотя мы живем нормами двойной морали, где-то в тайниках диссидентства тлеет огонь духа. Казалось, что хотя мы совершенно лишены профессионализма и разграбили природную кладовую, придет предприниматель, новоявленный русский капиталист, и богатство посыплется как из рога изобилия.

Но в тайниках диссидентства особенно ничего не хранилось. Предпринимательством в России давно называется: купить за рубль, продать за два. Истины о том, что они (мы) не любят коммунизм, никого не согрели и не удивили. Диссидентство больше ставило вопросы, било в набат, родить новую мораль оно не могло.

Когда дом сгорел, к чему набат?

Произошел обвал информации, но информации, которая была предчувствована. Правда о Сталине, правда о Ленине, правда о партии, правда о КГБ... На самом деле, если бы обнаружилась еще какая-нибудь правда, она не вызвала бы особен-

ного удивления. Сознание закрылось еще до того; может быть, как реакция психологической защиты. "Архипелаг Гулаг" поразил цель на излете. Прогрессия убитых, замученных этим режимом, привела к тому, что массовое сознание совершенно спокойно оценивает сегодня количество нулей на конце этой цифры. 20 000 000 жертв, 30 000 000 жертв, 35 000 000 – вопрос интересует лишь специалистов. 10 000 000 – призраки. Мораль закрытого сознания. Мораль – готовности к распаду.

*

Духовные искания 1987 года предложили обществу две темы. Тема покаяния по фильму Т.Абуладзе и тема-вопрос "Какая дорога ведет к храму?" по статье И.Клямкина. Казалось, эти темы сконцентрируют в себе духовный опыт поколения и дадут начало новой морали. Однако этого не произошло. Покаяние было предложено тогда, когда жертвы и палачи достаточно переплелись корнями. Мы перестали быть людоедами, но не стали святыми. Покаяние для нас стало слишком умозрительным делом. С катастрофическим запозданием прозвучал и вопрос: "Какая дорога ведет к храму?" Никакая не ведет! Потому что и храма давно нет. Этот ответ прекрасно знал и сам И.Клямкин, причем, видимо, до написания статьи.

Из статьи "Кинематограф, который мы заслужили":

"Массовое сознание застряло в трясине безвременья. Ему не до жира, не до дороги, ведущей к храму, ему бы выкарабкаться из ада.

Покаяние уже ничего не решает.

На покаяние сталинская эпоха отвечает карнавальной гримасой и показывает фокус с бумажными глазами" (Ю.Богомолов, "ЛГ", 1989, № 36).

Вспоминается эпизод, происшедший на обсуждении документальной ленты молодого кинематографиста А.Кибкало, посвященной неформальному движению, – известный режиссер Марк Захаров дал ей высшую оценку: "Этот фильм должен посмотреть Горбачев". (Лента тем не менее на экраны не вышла.) Так вот, я тогда не попал в резонанс. Мне показалось, что в картине было больше резкости, чем художественной правды и художественного предвидения. Все-таки, по моему мнению, художник должен быть выше политического момента и не стараться орудовать пером и кинокамерой, как кинжалом и скорострельным автоматом. Способность творца к милосердию и покаянию стала не менее дефицитной, чем та же способность профессионального политика.

Впрочем, сие – банальность, и сидевший сзади меня С.Григорьянц, редактор "Гласности", пробормотал: "Милосердие? К кому – к ним? Покаяние? Чье – наше?"

К сожалению, он идеально сформулировал реальную мораль: нам – покаяние ни к чему, они – не заслуживают милосердия.

*

Научный аморализм, чем, собственно, являлся "научный" коммунизм, общество исповедовало в течение 70 лет. Создается впечатление, однако, что остатки его догорели в ядерном котле Чернобыля. Многим так и виделось, будто чернобыльская катастрофа – это всего лишь репетиция, модель реакции распада более обширного целого... Действительно, и там, и здесь системы превысили допустимую степень сложности, и там, и здесь операторы (станции) и прорабы (перестройки) не знали, как системы отреагируют на их воздействие, и там, и здесь современные франкенштейны сами оказались во власти вызванных к жизни процессов. Это видение настолько ярко стояло в воспаленном сознании академика Легасова, одного из ответственных за разворачивание ядерных станций и, наверно, за разворачивание и так называемого развитого социализма, что он не нашел ничего лучшего, как застрелиться. Если бы многие сильные мира сего обладали столь же богатым воображением, им бы следовало сделать то же самое.

Да, коммунизм как течение философской и политической мысли, похоже, прекратил свое существование. Польский журналист "Солидарности" Леон Буйко, снова приехавший в Советский Союз после не очень продолжительного отсутствия, был потрясен произошедшими изменениями. Слушая речь депутатов на I Съезде (удивительное дело, государству 70 лет, а все – первый съезд!), он удивленно тряс головой: "Тоталитарное государство... без идеологии... штука очень и очень странная..."

*

Странная штука, тоталитарная государственность осиротела.

Мы остались без идеологии, и вопрос – с какой моралью, с какой эстетикой? В образовавшийся вакуум хлынуло буквально все. До сих пор житель Совдепии жил как бы в одномерном и одноцветном пространстве, в принципе он не сомневался, что политический строй всегда будет питаться одной партией, даже если это и не очень хороший порядок; он не сомневался, что средства производства всегда будут в общественном владении, даже если это и будет порождать нищету и бюрократизм; и конечно, он не сомневался, что Октябрьский переворот – исторический шаг вперед, даже если потом ничего не вышло. В более общем плане ему представлялось: физический мир бесконечен, но состоит из повторяющихся деталей, описанных физикой средней школы, Бога, естественно, нет, и человек – венец природы.

И вдруг все это зашаталось. Гласность и демократизация, даже в усеченном виде, вдруг приоткрыли уже имеющееся под боком многообразие, существование которого не вписывается в отработанные жизненные навыки и условные рефлексии. Мафия, рэкет, частный бизнес, летающие тарелки, жизнь после смерти, телепатия, телекинез, христианство, буддизм, национальный вопрос, инфляция и т.д., и т.п., – со всем этим пришлось столкнуться, все это, оказывается, уже есть, и ближайший партторг об этом ничего толком сказать не может.

К тому же случилось что-то совершенно не по Марксу: базис остался практически нетронутым, а надстройка (в результате перестройки) оказалась как бы прилеплена от какого-то другого базиса.

Когда на 50-летие советской власти советская номенклатура с присущим ей номенклатурным романтизмом решила послать письмо своим будущим высокопоставленным коллегам в 2017 год, заложив капсулу с соответствующим письмом под памятник великому мыслителю, никто и подумать не мог, что скорее всего это был не тот почтовый ящик, адресат выбыл, и уведомление об этом придет меньше чем через четверть века.

Через четверть века вдруг, с опозданием лет на двадцать, в России началась сексуальная революция. Перешедшие на хозрасчет киностудии не решаются выпускать фильмы без соответствующих эпизодов. Однако трагикомизм заключается в том, что запретный плод оказался несладок. В окружающем мире – давно СПИД. К тому же советские мужчины, поставленные на одну доску с женщиной, не в силах со своей зарплатой обеспечить никого кроме себя и явно преувеличивали свои возможности. Подростки, останавливаясь у киосков бойких кооператоров, довольно равнодушно скользят взглядом по обнаженной натуре, интересуются больше Брюсом Ли, звездой кино и кунг-фу 70-х годов. Время идет вспять?

Время идет вспять, и в Москве 1989 года снова "кроют купола чистым золотом" и на макушках колоколен устанавливают золотые кресты. Не поздно ли? Ведь Церковь уже почти превратилась в Министерство церкви, а церковная номенклатура поклялась в верности атеистическому государству.

Но советские руководители теперь уже готовы поверить в любое шаманство. Если скажут, все дело в золотых крестах, будут золотые кресты! Шаман Абалкин, например, объявил, что, если его назначат заместителем председателя Совета

Министров, то за два года он добьется существенного прогресса, и сразу стал заместителем. На чем основывалось его убеждение, правда, было непонятно, но уже в начале сентября 1989 года выявились (самим Абалкиным, не иначе) позитивные тенденции. В середине сентября, однако, поступило сообщение, что рубль обеспечен товарами всего лишь на 22 копейки. Шок.

Самое страшное, что лишившись духовных опор, пусть даже догматических, ложных, сознание советского обывателя может допустить теперь что угодно, согласиться с чем угодно, допустить самую бредовую идею.

Вдумайтесь, например, в такой факт:

"По данным Всемирной организации здравоохранения, 40 млн. человек в мире страдают тяжелыми формами психических заболеваний. Это примерно один процент населения Земли. По данным Госкомстата СССР, к началу 1988 года на учете в лечебных учреждениях страны стояло 10,2 млн. больных с психическими расстройствами. Это уже три с половиной процента жителей... Однако приведенные данные отражают только число людей, обращающихся к врачам. Количество несчастных растет" ("ЛГ", 1989, № 37).

Невнятные устремления стали эстетикой тупика. Тупик же — пограничной ситуацией, пространством странных превращений, делений на ноль. В этом смысле интересна загробная жизнь партийных вождей. Когда в 1973 году происходил обмен партийных билетов, Ленину выдали партийный билет № 1, за небольшим номером — Брежневу. Каменеву, Зиновьеву, Бухарину билетов не дали, так как считали, что они "ошибались" против линии партии, кстати — сталинской. В 1985—1989 гг. традиция реабилитировала и самую позицию "против партии", напрямую рассматривая партийный аппарат как питательный бульон тоталитаризма. Тут бы и начаться формированию новых идеалов, однако по заключению комиссии ЦК КПСС Бухарин, Каменев, Зиновьев были признаны верными и последовательными коммунистами, то есть классными аппаратчиками... Можно считать, опальным вождям не повезло во второй раз. Падение в Лету продолжилось.

*

Лихорадочные поиски идеала привели к необходимости окончательного отделения образа Ленина от устойчивого сочетания образов Ленин—Сталин. В своей статье "Ленин—Сталин", опубликованной в прибалтийском журнале "Родник" № 6, М.Эпштейн пишет:

"Из Ленина—Сталина вышел Сталин и, как часовой на разводе, выполняя партийное поручение, отошел далеко назад и встал наизготовку в форме лютого лазутчика и снайпера по самым заветным нашим целям. Ленин же, выполняя другое партийное поручение, оторвался от Сталина и устремился далеко вперед, в даль недостижимую, но все же зовущую родным неправильным голосом и святым последним заветом-завещанием."

М.Эпштейн в очень остроумной форме подводит нас к тому, что спасти Маркса и Ленина от молоха идеологического распада означает отделить их от их учений и заставить жить частной жизнью, которая, как всякая частная жизнь, заканчивается смертью и забвением, что все же лучше, чем бесконечные проклятия потомков.

Об этом, правда, Эпштейн не договорил.

Не договорил и Юрий Карякин, нарисовав на Съезде депутатов ужасающую картину распада труппы Ленина в Мавзолее, когда, по словам Карякина, вибрации от поездов метро что-то разрушают в плохо, по-советски набальзамированном теле, и целый институт занят только тем, что реставрирует труп. С другой же стороны, намекнул Карякин, не давать захоронить тело — означает обречь душу на вечные грустные скитания. Какое странное возмездие!

Впрочем, на самом деле Карякин добивался не этого, не соблюдения христианских обычаев, он добивался де-юре признать отступление от мифологизированной эстетики раннего коммунизма.

Де-юре этот шаг сделан не был, де-факто он произошел повсеместно.

*

Если никого не удивляют посмертные превращения вождей, то никого уже не могут удивить посмертные судьбы писателей. "Поднятая целина" Михаила Шолохова всегда считалась апологетикой колхозного строя, теперь обернулась фельетоном на него, а сам Шолохов стараниями литераторов-прилипал превратился в диссидента. Кем он, конечно, никогда не был.

Мне довелось увидеть Шолохова в последние дни его жизни, и на меня это, как пишут, произвело неизгладимое впечатление. Шолохова подвезли на реанимационном "Мерседесе", и всех сотрудников нашего медицинского института разогнали по кабинетам, чтоб мы не видели, в каком плачевном состоянии находится душа народа, ведь все газеты продолжали писать, что Шолохов полон творческих сил и заканчивает эпохальный роман. Это был человек – символ уходящей эпохи. Из окна я видел, как обслуживающий персонал, в чью власть Шолохов непосредственно теперь перешел, без должного почтения нахлобучивает ему на голову свалившуюся меховую шапку.

*

Если двойной жизнью стали жить писатели, то двойной биографией стали жить и литературные персонажи.

Всю жизнь Юлиан Семенов описывает подвиги советского супершпиона Штирлица. По предпоследней версии, Штирлиц удачно закончил войну, радостно был встречен подоспевшей Красной армией и затем еще не раз проявил себя с самой лучшей стороны на фронтах холодной войны.

По последней версии, дело обстояло совсем не так. Все время НКВД (или НКГБ), оказывается, старался отозвать своего удачливого агента. Якобы на заслуженный отдых. Штирлиц делал вид, что по какой-то причине не понимал приказа, и под предлогом своей самоотверженности и незаменимости все глубже внедрялся в структуры Третьего рейха, где было безопасней. Кончилось тем, что НКВД пришлось просто-напросто стукнуть Штирлица по голове и в бессознательном состоянии вывезти в Союз. Проносья в правительственной машине по Москве и догадываясь, что от перемены мест ничего не меняется, и тут, и там истинные коммунисты в подполье, Штирлиц решает... продолжать борьбу против коммунистического рейха. Хотя эти догадки посещали Штирлица и раньше, он гнал их, что почему-то не мешало ему на всякий случай вести досье и на советских руководителей.

*

В тупике расцвел соц-арт, оригинальное направление искусств, подразумевающее исследование жизни в СССР через вогнуто-выгнутые линзы. В произведениях соц-арта теневые, неприятные моменты выпячиваются, драматизируются, поэтизируются – все вместе; соц-арт уже подарил миру множество любопытных шедевров и, на первый взгляд, показался новым словом, чуть ли не родником в уже достаточно коммерциализированной и истощенной мировой культуре.

Но это на первый взгляд. Соц-арт – это поэтика тупика, поэтика, в которой реализуется блуждающая по кругу мысль художника. Стоит что-то изменить в сфере политики, цивилизовать экономику, и соц-арт перестанет быть понятным, так же как перестал быть понятным эзопов язык "застоя" и какой-то вычурной экзотикой стали казаться духовные искания Андрея Тарковского.

Но пока... в МГУ с неизменным успехом прошло 131 представление паратрагедии "Черный человек, или я — бедный Сосо Джугашвили". Автор (Коркия) талантливо работает со словом, нанизывая в причудливой игре строчку из Пушкина, строчку из Шекспира. А сюжет таков: Берия, вычислив, что Сталин может добраться и до него, решает свести с ума своего патрона, и квазипушкинский, а может быть, и формановский Сальери посылает к тирану... черного человека. По замыслу автора, оба негодяя, да и весь негодяйский режим (с продолжением в сегодня) попадают в паутину собственных страхов.

Из диалога Сталина с ночным призраком:

— Кто ты?

— Я? — кривляется призрак. — Черномор! (Это что-то из Пушкина.) Нас сорок тысяч братьев (Обращение к Шекспиру.) Мы все... на Пушкинской стоим. (А это, может быть, картинка с митинга "Памяти", отражение проблемы бесовства?)

Сценическое оформление спектакля таково: огромная красная звезда на занавесе, из которой плюются, сменяя друг друга, мерзавцы, а то и показывают голый зад, кстати — чудесная иллюстрация к названию статьи.

Конечно, все смеются. Смеюсь и я, но спрашиваю себя и не могу найти ответа: что мы делаем этим смехом, распугиваем страх или накликаем беду?

Более пристальный взгляд в ткань текста подсказывает, что строится он только на включении каких-то ассоциаций: Сталин — Лигачев — красная звезда — голый зад — социализм... — и из тупика не выводит.

*

Из тупика не выводят речи Главного прораба перестройки.

Что ж тут удивляться, если таково повсеместное мироощущение?

Если взять любую программную речь Горбачева, можно с удивлением обнаружить, что он грозит кулаком направо, грозит кулаком налево, обещает сохранить статус-кво и обещает все перестроить. Плюсами я отмечал положительно направленные векторы, минусами — отрицательные. Суммируем: ноль. После каждой его речи где-то начинается легкая паника: сворачивают, зажимают. Где-то — странное, непонятное воодушевление. Иногда кажется, что и сам Горбачев не знает, о чем он говорит, а ждет, каким содержанием сами собой наполнятся его пространственные рассуждения. Может быть, это и есть идеальный центризм?

Из выступления 10 сентября 1989 г.:

"Положение в стране непростое". (—)

"Люди пытаются понять, где мы находимся на данный момент". (—)

"Крепнет понимание того, что перестройка связана прежде всего с трудом — творческим, напряженным, высокопроизводительным, с отдачей всех сил и знаний". (+)

"Я считаю, что люди правильно ставят вопрос о решительном повышении ответственности и дисциплины на всех уровнях". (+)

"Мы видим, как и с консервативных, и с левацких позиций предпринимаются попытки дискредитировать перестройку. В этом разноголосом хоре слышны и запугивания надвигающимся хаосом, и рассуждения об угрозе переворота, даже гражданской войны". (—!)

"О нарастании позитивных перемен свидетельствует и то, что последнее время в обществе очень остро обсуждается вопрос о дисциплине..." (+!)

"Я допускаю, что в комплексе таких мер могут оказаться непопулярные, в чем-то жесткие и в определенной степени болезненные меры". (—?)

"На сессии Верховного Совета СССР предстоит принять крупные решения, связанные с дальнейшим углублением экономической и политической реформы. Прежде всего речь идет о таком фундаментальном законе, как Закон о собственности, принятие которого позволит преодолеть отчуждение человека от средств производства..." (+!)

"...и утверждения многообразия форм социалистической собственности". (+???)

Идеальным центристом считает Горбачева Николай Шульгин. В статье "Кто он?" ("Век XX и мир", 1989, № 6) Шульгин пишет:

"Горбачев идеальный центрист, и в этом разгадка его политической тайны. Когда господствует консервативная тенденция, он кажется радикалом. Когда поднимается радикальная волна, он кажется консерватором. Центр — естественное место Горбачева в политическом пространстве, созданном исключительно благодаря его активности". И далее: "Он — политический миротворец... Будем любить миротворцев". Неужели Шульгин думает, что кого-то Горбачев может обмануть из своего центра, на виду у всех, как "наперсточник"?

Что, если слабый центр при давлении с краев вызовет эффект воронки (с засасывающей силой в этом центре)?

*

Но в то же время мы добрались до очень интересного момента. До тайны. Оказывается, у Горбачева есть тайна, а сам он — таинственен. Если член ЦК ПОРП Л.Миллер говорит прямо, что их цель — после сорока лет вернуться к построению капитализма, Горбачев этого не говорит; что он строит — пока что тайна для всех.

Ощущение тайны органически вписывается в эстетику тупика. Что бы где бы ни происходило, всегда остается подозрение, что кто-то из темноты дергает за тайные ниточки. До сотни тысяч человек, бывает, собирается сегодня на политические митинги, но и они толком ничего не знают, ни в чем не уверены, лишь умножают собственную растерянность.

Тайна и грусть как бы окрашивают в какой-то прозрачный акварельный цвет облик современной Москвы, и журналисты плюсют слова в привычные клише. "Последствия", — пишет один. "Непредсказуемые", — добавляет другой.

Что ждет нас — тайна.

Каким-то мистическим образом откуда-то начался исход нищих. Такого не было несколько десятилетий. Нищие усаживаются в подземных переходах Третьего Рима, недалеко от Кремля, и вдруг — кто-то начинает играть на гармошке. Образ краха механизированной безбожной империи?

Сотни тысяч человек спешат к своим телевизорам, потому что маг и волшебник Алан Чумак странными пассажами через экран заряжает вашу обычную хлорированную воду из-под крана какими-то чудодейственными качествами, и люди бережно хранят ее в трехлитровых банках.

Таинственную деятельность по выявлению таинственного же жидомасонского заговора ведет пресловутая "Память".

— Сколько в "Памяти" человек? — спрашивает телевизионный комментатор у их лидера.

— Понимаете, — отвечает тот, — нельзя сказать, что кто-то вне памяти, что он не памятлив, все мы — в памяти, памятливы, следовательно, в "Памяти" — все...

— Нет, я имею в виду организационно, — пугается комментатор.

*

Зловещий человек с Красной Пресни Сергей Кургинян вместе со своей аналитической группой готовит жуткий проект. Оказывается, в стране идет массивное наступление империалистических сил. Армагеддон. План предполагает оперативное разъединение коммуникаций и транспортных связей в местах локального конфликта, отключение энергетических источников, ведение боевых действий силами спецподразделений, экспроприацию собственности у представителей теневой экономики и раздачу ее пострадавшим лояльным гражданам.

Этот проект он засылает в самые верха. На какую-то почву он упадет? ●

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ БЕЗ ГЛАСНОСТИ?

Социализм переживает острейший кризис, может быть, самый драматический за всю историю своего существования. Перестройка в СССР, объявленная революцией, стремительные политические перемены в Венгрии и Польше, ГДР и Чехословакии, экономические реформы в Китае, выплеснувшиеся в "студенческий бунт" на площади Тяньаньмынь, настороженное, если не враждебное отношение к ветрам идеологических свобод ортодоксальных руководителей Кубы и кого там еще — это только отдельные краски того многоцветного мира, который еще недавно выглядел серым и однообразным.

Главное оружие перестройки в СССР — гласность, — набирая силу, продолжает очистительным потоком смывать румяна и белила, наведенные на облик "самого гуманного" и "самого демократического" строя в мире. Рухнули или рушатся многочисленные идеологические мифы. Переоценке подвергается вся история социализма: смысл и значение Октябрьской революции, истоки и причины людоедского сталинизма, национальные проблемы, деятельность Н.С.Хрущева...

К последним, наиболее ярким проявлениям "гласности без берегов" западные наблюдатели относят проникающую на страницы советской печати критику Ленина — последний идеологический бастион. Это публикация повести В.Гроссмана "Все течет", начавшееся издание сочинений А.Солженицына и ряд публицистических и научных статей. Ленин подвергается критике как предтеча Сталина, как первоначальный творец военно-коммунистической системы, где, по словам поэта, "пуле-мет вещает о сущности братства". Думаю, однако, что критическое отношение к Ленину на основе объективного анализа его деятельности (включая период новой экономической политики) скоро станет нормой и не будет вызывать изумления, хотя идеологические схватки по этому поводу в СССР еще впереди. Очевидно, что историческая оценка Ленина прямо зависит от судьбы социализма.

Искушение свободой слова, пьянящее чувство независимости мысли — таково нынешнее состояние духовной атмосферы в стране. Но свобода слова хрупка и сама подвергается испытанию: действительно, пока нет ни правовых, ни социально-психологических, ни экономических гарантий ее прочности. Эти утверждения бесспорны. Важный критерий гласности — распространение ее на саму перестройку; ее результаты и упущенные возможности. Борьба с иллюзиями перестройки, выбор новых целей развития — более насущная задача гласности, чем публикация романов бывших диссидентов или "Лолиты" В.Набокова. Думаю, что процесс развития гласности все еще идет по нарастающей: сохраняются завоеванные ею плацдармы, расширяется поле ее действия.

Хотя и непоследовательно, но гласность постепенно захватывает не только горизонтальные, но и вертикальные общественные сферы. Критической оценке начинают подвергаться все структуры власти: Совмин, КГБ, армия, центральные органы КПСС, включая Генерального секретаря ЦК... Одним из пиков гласности был Съезд народных депутатов. Но гласность не работает или плохо работает на уровне средних и низших звеньев управления. Очевидные для цивилизованного государства границы гласности — в рамках норм этики и права — все еще недоступны для многих представителей партийно-государственной номенклатуры. Дело здесь, по-видимому, не в мышлении, а в глубоких личных, групповых интересах. Страх перед "распоясавшимся" народом, перед так называемой "митинговой демократией", боязнь потерять, по выражению одного из партийных функционеров, свой смиренный народ — постоянный импульс для желания удушить свободу слова. Однако ностальгия по прежним методам директивного управления — не главное.

Возрастающий объем нерешаемых экономических проблем, углубляющийся кризис в экономике, размах преступности, центробежные националистические устремления, приближающийся порог усталости общества от "критического пафоса" и, одновременно, усиливающегося драматизма повседневной жизни ставят вопрос о доверии к правящей коммунистической партии, ее способности обеспечить обновление страны. На повестке дня вопрос об эффективности гласности.

Думаю, что основное противоречие нынешней ситуации в СССР в области идеологии следующее. С одной стороны, лидеры партии и государства вступили на путь отказа от надуманных схем, на путь признания утопичности ранее выдвигавшихся целей достижения всеобщего осчастливливания. С другой стороны, они не могут пока признать, что страна переживает не столько кризис прежней сталинистской модели социализма, сколько кризис самой социалистической идеи в ее ортодоксально-коммунистическом варианте.

Хотя термин "коммунизм" практически исчез из политического лексикона, коммунистические иллюзии полностью еще не изжиты, и одномоментный, внезапный разрыв с ними был бы опасен. Замена социалистической лжерелигии прагматизмом и, частично, подлинными религиозными ценностями – процесс, требующий жизни целого поколения, хотя, надо признать, этот процесс медленно, но идет. Отсюда почти ритуальные заклинания руководителей страны о необходимости мыслить и действовать "в рамках социализма", быть преданными его принципам и завоеваниям. Поиски альтернативы социализму официально не поощряются. Вместе с тем отсутствует (и не может не отсутствовать) позитивная разработка новой модели социализма. Постоянные упреки в адрес обществоведов не могут ничего изменить, ибо такой модели, принципиально отличной от социал-демократических вариантов общественного развития, быть не может. А социал-демократические варианты (например, шведская и другие модели) основываются, в свою очередь, на общецивилизационных принципах развития: смешанных формах собственности, рынке, политическом и духовном плюрализме... Поэтому наше общество волнуется сейчас не проблема далеких целей, сияющих горизонтов, а проблема средств перехода от прежних структур к новым. Как войти с достоинством в цивилизованное сообщество? Опасностей здесь много: и видимых, и невидимых. Главная из них – не военный или консервативный верхушечный переворот, о возможности которого предупреждают и в СССР, и на Западе (уверен, что у возможных авторов такого сценария нет и быть не может альтернативы перестройке), опасность в консерватизме народа, в отторжении им рыночных механизмов, всей системы плюралистических ценностей. В сфере пробуждения общественного сознания, в оценке прошлого гласность имеет наибольшие завоевания. Но гласность и наиболее уязвима: ее подстерегает угроза поражения, если свобода мышления не будет сопровождаться ощутимым улучшением условий жизни. Вкус к правам, к благам свободы формируется не только благодаря избавлению от идеологических конвоиров. Он формируется и закрепляется в массах, если сопровождается сытостью, ростом благосостояния. Слова Дж.Ст.Милля о том, что лучше быть недовольным Сократом, чем довольной свиньей, скорее относятся к интеллектуалам, чем к массовому сознанию. Понимание того, что экономический плюрализм (разнообразие форм и субъектов собственности) является подлинной базой всех других свобод, все еще не носит массового характера в СССР. Здесь критическая точка перестройки и гласности.

Но свобода слова делает свое дело. Глоток ее во времена Н.Хрущева породил целое поколение людей, активно участвующих в перестройке – так называемых "шестидесятников". Но тот глоток несопоставим с разливом нынешних свобод. Советским людям впервые предстоит опровергнуть мысль Герцена, что народом легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы. И хотя нам пока не грозит излишняя свобода, будем надеяться, что именно изменение массового сознания станет главным барьером на пути реставрации прежних форм жизни. Взорванное в СССР молчание о трагедиях и утратах социалистического пути позволяет верить, что у гласности не только есть будущее, но само это будущее невозможно без гласности. ●

МЕХАНИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Заметки формалиста

Каковы бы ни были существующие правила выборов, они уже тем хороши, что в них сделана попытка наметить процедурные пути обретения избирателем прав, кои ранее только декларировались. Ведь простая декларация прав отдает их осуществление на откуп организаторам выборов. А последние не только не хотят выполнять декларируемое, но зачастую и просто не знают, как это делать.

К сожалению, практикуемые у нас правила плохи тем, на что не обращают внимания даже специалисты, а именно, методом выявления (расчета) победителей на выборах. Наше общественное мнение не замечает, что победитель, определяемый большинством голосов, оставляет без представительства побежденную сторону (ведь побежденное меньшинство может быть 50% на 1 голос) Это как-то плохо согласуется и с идеей "один человек – один голос", и с идеями плюрализма и демократии; такое избрание заслуживало бы в лучшем случае названия "полудемократии большинства" (а точнее, полудиктатуры...). Плюрализм при этом достигим только за счет "территориальной" концентрации меньшинств. Возникает угроза правам любых меньшинств, а значит и любой личности. Ведь всякий из нас в чем-то обязательно принадлежит к меньшинству.

Более того, поскольку новое вначале обычно бывает в меньшинстве, то при таких выборах тормозятся любые новые идеи. Возникает тенденция к застою. Как же быть?

Во-первых, нужно многомандатное представительство, потому что только тогда меньшинство может получить шанс иметь хотя бы одного своего представителя среди многих избранных. Часто не замечают, что при этом обязательно применение какой-либо системы пропорционального представительства. Ведь иначе все места опять получат только представители большинства, и многомандатность, не дав никаких преимуществ, только затруднит избирателю выбор.

Во-вторых, последнее (пропорциональность представительства) связано с проблемой "официализации" платформ на выборах. Наиболее широко известные системы пропорционального представительства явно вводят в том или ином виде платформы, вокруг которых кандидаты объединяются, а избиратели выражают о них свое мнение при голосовании. (Это происходит или в многопартийной среде в политической жизни, или среди фракций во внутривнутрипартийной жизни, или просто при формировании систем взглядов в профессиональных, научных и других объединениях.)

Возникающая проблема "выбора системы выборов", по-моему, носит не психологический, не социальный, но четкий "формальный" характер. Так, кандидаты для усиления своих позиций вынуждены заключать сомнительные союзы (руководствуясь только арифметикой большинства, поскольку выборы по платформам не дают им информации о желательности объединений). Избиратель, в свою очередь, не имеет возможности ни выразить эти свои желания, ни воздействовать на соотношение кандидатов разных оттенков в рамках одной платформы. В этих условиях меньшинству может быть выгоден раскол единой платформы. Таким образом стимулируются принципиальные расхождения и беспринципные объединения. Аппарат вокруг платформ обеспечивает свои интересы, в то время как "демосу" нужно представительство интересов более или менее лабильных социальных групп, и только.

Итак, с одной стороны, вроде бы нужны выборы по платформам, с другой — многоплатформность не решает проблем контроля рядового избирателя над его представителями. Часто указывают на так называемую систему делегирования, то есть выбор делегата с четким и узким кругом полномочий (так называемый "императивный мандат"). Увы, с точки зрения техники выборов — это обычное мажоритарное правило выборов, и опять меньшинство остается без представительства. Что же касается императивности, то должно быть ясно, что невозможно в коллективном решении предусмотреть все тонкости переговоров, возможности компромиссов и т.п. Тем самым делегат оказывается ограничен в возможностях проявить свои способности. К тому же любое мелкое тактическое решение он будет вынужден защищать на два фронта. Это приведет к падению качества принятия решений и к превалированию краткосрочных решений и эмоций большинства, а значит, к многократным расколам на множество платформ, короче, к дезорганизации управления.

Проблема особо остра при становлении системы представительства, когда еще не сформировались системно связанные группы интересов и взаимопереплетение их затрудняет взаимопонимание.

Оказывается, существует механизм, который, способствуя выявлению различий кандидатов, все же определенно препятствует расколам и стимулирует объединение кандидатов согласно волеизъявлению избирателей. И этот механизм не требует явного выделения (то бишь официализации) платформ. Это система голоса, передаваемого по предпочтению избирателя (ГОППИ), известная более века в англосаксонских странах как система Хэра (Single transferable vote, by Hare). Она крайне проста для избирателя, вся ее тонкость выявляется в правилах подсчета, которые вполне выполнимы вручную.

Предположим, однако, что плюрализм представительства достигнут. Тогда становится весьма затруднительным находить оперативное согласие делегатов от разных групп по актуальным вопросам: ведь обсуждение, согласование, обкатка решений требуют времени. Поэтому-то процедура "вотума доверия" (то есть правила большинства на уровне принятия решений самим представительным органом) становится в плюралистической среде средством подрыва эффективности власти. При этом "кабинетная" и тому подобные системы формирования исполнительной власти ведут к постоянным комбинациям на уровне органа представительства, что отчуждает всю систему власти от управляемого "демоса".

Известен один способ снять эти трудности: необходимо вовлечь демос в решение проблемы подбора лидера. Это лучше всего сделать посредством прямых (или полупрямых, поскольку, например, в федеральной структуре прямые выборы могут ущемлять членов федерации больше, чем через спецвыборщиков) выборов главы исполнительной власти (главы правительства, президента). Формируемое при этих выборах особое отношение к этому лидеру (харизма) позволяет стабилизировать социальную ситуацию. Последующее за выборами формирование лидером своей "команды" с учетом мнения представительного плюралистического органа позволяет получить согласованно действующее руководство, учитывающее общественные интересы.

Следует заметить, что такое формирование харизмы (посредством плебисцитарного механизма) гарантирует систему от саморазрушения только в том случае, если сформирована компетентная и достаточно плюралистическая "элита", способная уловить самые резкие повороты мнения демоса и в то же время лояльная к основным правовым принципам, гарантирующим от хаоса. Таким образом, вопросы выборности связываются со способностью системы сформировать не только плюралистический механизм представительства, но и механизм поддержания связи между избирателями и слоем потенциально избираемых лиц.

Основная идея метода ГОППИ проста и понятна рядовому избирателю: чтобы голоса меньшинства не терялись, следует разрешить избирателю указывать, кому

передать этот голос в случае неудачи кандидата. Таким образом, голосование выглядит как указание избирателя о том, в каком порядке он желал бы избрать указанных им лиц в орган представительства. Практически в бюллетене рядом с каждым известным избирателю кандидатом, которого он оценивает положительно, ставится цифра, указывающая порядок предпочтения.

Победители определяются следующим образом. Сначала определяется так называемая Д-квота, которая гарантирует избрание в соответствии с заранее заданным числом мандатов. Далее избыточные голоса у победителей передаются следующим кандидатам, указанным избирателями (причем "цена" голоса пропорциональна доле этого излишка по отношению к Д-квоте). Затем так же передаются голоса лиц с минимальным числом голосов, заведомо не попадающих в победители. Процесс пересчетов повторяется циклически.

Технически подсчет осуществляется последовательной сортировкой бюллетеней. Требуя ненамного больше времени, чем балльный счет или счет по большинству, этот метод выгоден тем, что совмещает в одном туре многотурное голосование других систем. Конечно, он требует от избирателя знания большего числа кандидатов, чем обычно, но знания в пределах разумного. И, как показывает практика, это легко осуществляется разделением избирателей на "округа" такого размера, чтобы они имели от 3 до 9 мандатов в "округе".

Что касается многотурного голосования, то в системе ГОППИ оно нужно только, когда число кандидатов на один мандат слишком велико (более 5–10). В таких случаях тоже полезно разделить избирателей на подгруппы и проводить первичные, предизбирательные выборы.

Свойства этой системы удивительны. Во-первых, благодаря передаче, голоса не пропадают и в большей мере снимается эффект "раскола" голосов: близкие платформы не мешают друг другу. Тем самым система способствует сближению платформ, отличающихся по маловажным для избирателя признакам. Во-вторых, возможно достижение пропорционального представительства сразу по нескольким признакам, даже если эти признаки не фигурируют в платформах явно, но важны для избирателя. В отличие от всех систем балльной оценки или выборов по большинству, которые выдвигают на первое место вроде бы наиболее приемлемых большинству кандидатов, а на деле наименее спорных (наиболее бесцветных), — ГОППИ выдвигает на первые места наиболее ярких представителей. Тем самым споры с улицы переносятся в выборный орган.

Метод ГОППИ широко применяется в англоязычном мире в разнообразных общественных организациях: церковных, профсоюзных, даже в Amnesty International. На государственном уровне он применяется в Ирландской республике с момента ее основания, на выборах в сенат Австралии, в американских муниципалитетах, на Мальте (даже при 40% неграмотности). Ограниченность его распространения на госуровне связана как с консервативностью мышления, так и с необходимостью согласования системы представительства с системой быстрого и эффективного формирования исполнительных органов, о чем уже сказано выше. Эта система широко используется и при формировании комитетов и комиссий в парламентах, и в Конгрессе США. ●

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

Сегодня, когда широко обсуждаются пути выхода из кризиса — духовного, культурного, экономического, политического, с новой силой возобновился старый спор славянофилов-почвенников и западников XIX века. Культурно-историческая формулировка этой проблемы была дана уже Н.Я.Данилевским в его книге "Россия и Европа" (СПб., 1871). При этом Данилевский использует представление об относительно замкнутых и развивающихся на своих основаниях культурных организациях, именуемых им "культурно-историческими типами". Под замкнутостью понимается невозможность непосредственных заимствований. Если такие типы действительно существуют (а мы будем исходить из этого), то позиция почвенников сводится к утверждению, что Россия (или послеоктябрьский Советский Союз) принадлежит другому культурно-историческому типу, чем Запад, западники же фактически это отрицают.

Ясно, что предлагаемые почвенниками решения (в области духовной культуры — апелляция к идеализированным "нравам предков", экономики — ставка на самоуправляющиеся предприятия, не оправдавшие себя в Югославии, или на кооператорский опыт нэпа, который привел к кризису 20-х годов) страдают упрощенчеством. Но если сами основы их позиции все-таки верны, то взгляды современных западников страдают еще более очевидным упрощенчеством. Итак, нам необходимо выявить отношения между культурно-историческими типами Западной Европы, дореволюционной и послереволюционной России. Но прежде всего, сколько их: один, два, три?

Обратимся сначала к имеющему богатые традиции сравнению культур дореволюционной России и Западной Европы. Одно из важнейших различий — два разных типа личности (это отмечают и Герцен, и Бердяев, и С.С.Аверинцев). В западноевропейском типе личности постоянно проглядывает действующий на свой страх и риск рыцарь-завоеватель, одетый в доспехи, имеющий свой замок. Этот тип проступает и в деятелях эпохи Возрождения, и в конкистадоре — завоевателе Нового Света, и в предпринимателе Нового времени, одетом в доспехи права. Рыцарь — явление сугубо западноевропейское.

Русская личность была нацелена скорее на жертву во имя общего дела, чем на завоевание, скорее на связь с обществом-миром, чем на отгороженность от других. "Германская и русская идеи противоположны, — пишет Н.А.Бердяев в книге "Русская идея". — Германская идея есть идея господства, могущества; русская же идея есть идея коммунальности¹ (или "соборности") и братства людей и народов. В православии больше свободы, больше чувства братства людей, больше доброты, больше истинного смирения, меньше властолюбия, чем в христианстве западном". Русская личность, по Бердяеву, "исходит из Евангелия, а не естественного права". Она стремится к "соборности", характеризуемой духом "свободы и единства", "свободы и любви", противопоставляемой и "католической авторитарности, и протестантскому индивидуализму". "Русские люди любовь ставят выше справедливости", полагая что "все ответственные за всех", что индивидуальное спасение невозможно.

Пожалуй, тип личности, наиболее характерный для России, — русский интеллигент. Русская интеллигенция, по словам Бердяева, есть совсем особое, лишь в России существующее духовно-социальное образование. "Интеллигенция не есть социальный класс — это идеалистический класс, класс людей, целиком увлеченных

¹ От франц. *communautaire* — общинный. — *Ред.*

идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, каторгу и на казнь". Причем в русской интеллигенции, продукте петровских преобразований, отчетливо различаются два вида. Один ориентируется на внутреннее самосовершенствование и личный пример, на "непрощение злу насилем", восходящее к древнерусскому житию Бориса и Глеба, к образам Христа и старцев-отшельников. Другой — на социальное переустройство мира с целью воцарения правды.

С.Аверинцев в статье "Византия и Русь. Два типа духовности" ("Новый мир", 1989, № 8,9) усматривает коллизии этих двух направлений уже в споре "нестяжателей" (волжских старцев) во главе с Нилом Сорским и "иосифлян" во главе с Иосифом Волоцким. Но очевидно, что оба направления ориентированы скорее на жертву и страдание, чем на завоевание и личную свободу. В народной массе аналогами указанных типов личности выступали разбойник (казак) и монах или юридивый. Соответственно идеальные отношения в обществе мыслились на основе не западной идеи права, а на идее правды и совести, замечает Аверинцев. "Русские ищут не столько организованного общества, сколько общности общения", — писал Бердяев. К этому следует добавить противопоставление общества и государства, особенно характерное для последекабристского XIX в., неприятие западного буржуазного мещанства, которое часто ассоциируется с образом "немца", пренебрежение к быту и отрицание рационализма. "В России нравственный элемент всегда преобладал над интеллектуальным... Когда во вторую половину XIX в. у нас окончательно сформировалась левая интеллигенция, то она приобрела характер, схожий с монашеским орденом. Тут сказалась глубинная православная основа русской души: уход из мира, во зле лежащем, аскеза, способность к жертве и перенесение мученичества." (Бердяев)

Формой "коммюнерности" русской личности было народничество. "Народничество есть своеобразное русское явление, как и русский нигилизм и русский анархизм, — продолжает Бердяев. — Было народничество консервативное и революционное, материалистическое и религиозное, славянофильское и Герцена, Достоевского и революционеров 70-х гг. И всегда в основании лежала вера в народ, как хранителя правды... Основной русской темой будет не творчество совершенной культуры, а творчество лучшей жизни. Русская литература будет носить моральный характер более, чем все литературы мира. Поэтому в русской культуре развивался не столько идеал личности, сколько идеал народа в виде идеализации или допетровской России, или Запада, или грядущей революции. Все почти думали, что русский народ призван осуществлять социальную правду, братство людей. Все надеялись, что Россия избежит неправды и зла капитализма".

Таким образом, есть все основания говорить об отличии российского и западноевропейского культурно-исторического типа. В то же время все указанные черты российского типа вроде бы присущи и послереволюционной России. В пользу этого утверждения говорит анализ истории русской культуры, произведенный Бердяевым в "Русской идее".

Попробуем, однако, внимательнее присмотреться к тому, что произошло с российским культурно-историческим типом после 1917 г. К тому времени в России давно назрела буржуазная революция. Но сама по себе буржуазия в силу специфики русского капитализма не была революционной силой (капитализм в России был представлен главным образом крупной буржуазией, которая вполне ладила с самодержавием). Буржуазную февральскую революцию возглавила русская интеллигенция — как уже сказано, созданная реформами Петра. Эти реформы "большим скачком" вывели Россию в число великих европейских держав, но одновременно создали глубокую пропасть между народом и интеллигенцией. Тема "Интеллигенция и народ", глубоко волновавшая лучшие умы России от Пушкина до Блока, — тема сугубо русская. Неудивительно, что в итоге октябрьского восстания, основную силу которого составил крестьянин с ружьем, эта пропасть только расширилась, и в нее провалилось

все многоцветье русской интеллигенции — и либеральной, и революционной, вместе с ее Временным правительством и Учредительным собранием.

Из всего этого многоцветья на поверхность очень скоро остались лишь большевики, опиравшиеся на рабочий класс. Однако в силу того, что условия для социалистической революции в России еще не созрели (так думали не только меньшевики, но и большевики, рассчитывавшие вплоть до 1921 г. на мировую социалистическую революцию), и большевики провалились в эту пропасть, в пропасть гражданской войны. Война эта, последним эпизодом которой можно считать коллективизацию, была в основном войной между двумя классами: мелкобуржуазным крестьянством и городским рабочим классом, возглавляемым большевиками. Победа оказалась пирровой, ибо и возглавлявшая его интеллигенция, и пролетариат дореволюционной за-васки погибли в ходе этой войны.

В результате исчезла старая русская проблема "интеллигенция и народ", исчезла вырытая петровскими реформами пропасть, предварительно поглотив как старую русскую интеллигенцию, так и старое русское крестьянство, понимавшееся под "народом".

Но похоже, что на новом народном поле, несмотря на замену православия утопическим социализмом и отсутствие старой интеллигенции, прорастает прежний российский тип, разве что не столь многоцветный. Похоже, что он пережил без особых трансформаций все катаклизмы революции 1917—1929 гг., индустриализацию и репрессии тридцатых—пятидесятых годов. Однако в 60-е годы он входит в полосу существенных изменений, связанных с процессом новой индивидуализации.

Победа в войне, восстановление хозяйства, достижение военного паритета и курс на мирное сосуществование с капиталистической системой, которая собирается жить долго, — все это привело к тому, что потускнела существенная принадлежность российского культурно-исторического типа — мессианская идея мировой социалистической революции (наследница идеи "Москва — Третий Рим"). Потускнела и другая важная ее составляющая — "народнический дух", подразумевавший под народом объект, который надо просвещать и куда-то вести.

Между новой интеллигенцией и массами теперь уже не было пропасти. Она не делила проблемы на свои и народные. Место "народа" стала занимать личность. Роль личной жизни стала возрастать еще и в связи с переходом к установке на нормальную стабильную жизнь. Ведь если социализм победил окончательно, то сама идея борьбы с "врагом народа" — и внешним, и внутренним — утратила смысл.

Разоблачение культа личности и ослабление железного занавеса показали, что у нас не все хорошо. Начинают выявляться проблемы, над которыми люди размышляют индивидуально и в малых группах. Возрождается большая и многоцветная литература, пробуждается самостоятельная мысль. Набирает силу процесс индивидуализации, требующий соответствующего поля деятельности и выработки личностных идеалов.

Эта громадная работа, называемая сегодня Перестройкой, потребовала идеологизации и плюрализации всех сфер жизни. Этот процесс, однако, был оборван брежневской эпохой. В результате прежние проблемы, только в значительно более запущенном состоянии и в гораздо менее благоприятных условиях, предстоит решать сегодня.

Пока же мы имеем прорыв лишь в сфере политической, что показали выборы народных депутатов, Съезд и последующая сессия Верховного совета, забастовки шахтеров. Новая интеллигенция 60—80-х гг. (интеллигенция не по уровню образования или социальной принадлежности, а в указанном выше смысле) выросла непосредственно из "народа" и может рассчитывать на массовое понимание и поддержку. Причем организационные формы такой поддержки уже обозначились в лице народных депутатов и их актива, забастовочных комитетов и т.п. Главная опасность сейчас — слабая культура общения: неумение слушать друг друга и отсутствие опыта совместных действий. Не хватает, конечно, и общей культуры, особенно гуманитарной.

Все еще не преодолена вера в простые решения. Тем не менее процесс развития идет стремительно — и в этом главная наша надежда.

Вопрос в том, хватит ли на это времени, запасов экономической и социокультурной прочности, столь сильно подточенной застойными десятилетиями. Ведь ни в культурной, ни в экономической сфере позитивных сдвигов пока не видно.

Какова же общая раскладка? Во-первых, очевидно, что мы и сегодня принадлежим российскому культурно-историческому типу и предлагаемые западниками простые решения угрожают привести совсем не к тем результатам, которых, казалось бы, можно ожидать (что, например, мы наблюдаем в сфере кооперативного движения). Просто так перенять чужой тип нельзя. Это подтверждает и опыт Японии (и пошедших по ее стопам стран Юго-Восточной Азии), создавшей свои экономические институты не путем заимствования, а всего лишь с учетом опыта Запада.

Во-вторых, отмечаемое с 70-х гг. "падение нравов", рост алкоголизма, наркомании и т.п. — явления, типичные для кризиса идеалов данного культурно-исторического типа. Столь же типичны и попытки решить эти проблемы призывом вернуться к "нравам предков", призывом, доносящимся сегодня как со стороны глубоко уважаемых мною В.Распутина, В.Астафьева и др., так и со стороны сочувствующих Нине Андреевой. Но тот "поезд", в который они хотят нас посадить, уже давно (еще в 60-е годы) ушел. Поэтому не так уж важно, хороши или плохи вагоны, куда они нас приглашают. Еще раз повторяю: надо понять, что простых и готовых решений нет.

Процесс "национального возрождения", идущий сегодня и в России, и в других республиках, закономерно сопровождается резким ростом интереса к своей истории. Притом в форме, которая, в отличие от традиции ("нравов предков", обычаев и т.п.), приспособлена для обновления, для решения проблем духа, связанных с эмансипацией личности. Поскольку, однако, строить новое и брать на себя ответственность за что-то позитивное в этом строительстве тяжело, слабые пытаются от этого уйти, спрятаться в стадо, найти новых "врагов народа". Врагов, на которых можно было бы все свалить, а самим ничего не делать, ни за что не отвечать, не ломать себе голову. В этом видится причина относительной популярности движения "Память".

Движение это опасно тем, что таких слабых очень много, и однажды попав в мир этого, по сути первобытного мифологического и магического сознания, человек теряет восприимчивость к внешней критике; любая информация может быть истолкована в рамках этой мифологически-магической логики как подтверждающая исходный миф.

В республиках процесс "национального возрождения" осложнен тем, что там надо выявлять свой тип и соотносить его не только с западноевропейским и российским, но и с соседними. Задача эта осложняется тем, что некоторые народы именно в 60—70 гг. вступили в фазу создания национальной культуры. Между тем известно, что соответствующие периоды истории, например, в той же Европе, — периоды образования национальных государств — сопровождалась усилением межнациональных конфликтов, ибо при этом культурные процессы тесно переплетены с политическими. На этой первой стадии народная энергия сконцентрирована не столько на строительстве, сколько на "разделе имущества" и носит эмоциональный характер, а потому мало восприимчива к доводам разума.

МЕТАМОРФОЗЫ

То было время, когда вражеские голоса забивали, а масло получали без талонов, в очередях. Все мы в издательстве знали, что масло в магазин напротив завезли с самого утра, но давать будут только с пяти часов. Официально этот порядок был введен для того, чтобы работающие могли на равных участвовать в состязании; фактически – чтобы в рабочие часы люди сидели на службе, а не стояли в очередях.

Конечно, мы не работали, мы ждали, обмениваясь соображениями о стратегии и тактике будущей операции. Известно, что в одни руки дают только полкило. Однако если занять сразу несколько очередей...

В пять с секундами мы были на месте. И очутились в длинном хвосте. То ли другие коллективы использовали эти секунды лучше, то ли справедливо рассудили, что несколько минут на работе ничего не решают, зато в очереди могут решить все.

Впрочем, это было еще не самое худшее. Худшее началось у двери. Пускали в магазин партиями, по десять человек. И всякий раз, как наша десятка оказывалась перед дверью, в нее устремлялся поток тех, кто опоздал и не связывал свои надежды с очередью. Возникал водоворот, по его неведомым законам нас отбрасывало назад, и в воронку устремлялись другие. Так повторялось, наверное, раз шесть. Злые, растрепанные, без пуговиц мы все-таки ворвались в магазин, получили положенные пакетики и тихо, без всякой давки, вышли в другую дверь. Магазин был угловой: вход – со стороны бывшей Базарной, выход – на Коммунистическую.

Дома я швырнул пакет на стол и объявил, что это в последний раз – в конце концов без масла вполне можно обойтись. В таком настроении я и сел к приемнику, благо приемник был хотя и советский, но модернизированный: бесполезные длинные волны мастер заменил дополнительными короткими.

Слушание голосов – процесс, который еще ждет своего исследователя. Наивные западные специалисты полагают, что мы часами продирались сквозь вой глушилок в надежде поймать хоть крохи свободной информации. Ничего подобного. Какое-то представление о происходящем у нас было. Мы получали его из газет: недаром сказано, что советский народ – самый читающий между строк народ в мире. Да и не так уж много в годы застоя и разрядки было событий, нуждающихся в добавочной информации.

Нет, привлекала нас не информация о событиях в мире: куда важнее был сам тот факт, что этот мир существует. Мир, не похожий на наш. Мир, где не стоят в очередях за мясом. Где не поддерживают, не одобряют и не приветствуют горячо любое решение партии и правительства. Где даже дикторы говорят естественными голосами, не захлебываясь от восторга при сообщении о досрочном пуске прокатного стана или уборке репы на площади в два гектара.

Дополнительным стимулом был спортивный азарт. Каждый день мы участвовали в лотерее. В этой лотерее можно было выиграть высший приз – Би-Би-Си с Анатолием Максимовичем Гольдбергом; можно было – скучноватый, но добротный "Голос Америки"; и уж на худой конец – "Немецкую волну" или Францию. О "Свободе" нельзя было и мечтать: уже дальние подступы к ней перекрывали дикий рев и скрежет.

Недавно я прочел воспоминания солдата-глушильщика. Оказывается, это была совсем не лотерея. Где-то в центре слушали все передачи и давали сигнал:

забивать на полную мощность или глушить умеренно, экономя ценную электроэнергию, или вовсе не включать аппаратуру — пусть слушают.

Если это верно, то в тот день я отнюдь не случайно получил возможность прослушать всю программу "Немецкой волны". От последних известий — не слишком интересных — до основного материала, целиком посвященного Марксу. Материал был большой и серьезный: биография, основные идеи, их роль в развитии философских и экономических концепций XX века, отзывы авторитетов.

Это был панегирик. В те времена я еще не знал того свойства немецкого национального характера, которое не позволит немцу сказать: "Геббельс". Да, Гитлер для него — просто Гитлер, Геринг — Геринг. Но Геббельс — нет, ибо он не Геббельс, а доктор Геббельс. Человека со степенью в Германии принято уважать. Тем более — если это ученый с мировым именем.

Нет надобности пересказывать содержание передачи, все это (кроме некоторых забавных деталей биографии) нам знакомо. Поразил меня лишь один момент. Авторитеты весьма высоко оценили влияние Маркса на развитие западного общества: внедрение методов государственного планирования, помощь бедным, улаживание трудовых конфликтов, социальное законодательство. Выходило так, что едва ли не всем, чего достиг свободный мир за последние сто лет (включая избыток масла в Западной Германии), он прямо или косвенно обязан Марксу.

Столь же очевидно, однако, что и недостаток масла (а равно и всего остального) в нашей стране тоже связан с идеями Маркса. Учение, способное привести к столь разным последствиям, должно быть воистину великим!

1. Законы истории

С именем ученого связывают обычно гипотезу, конкретный закон, реже теорию. С именем Маркса связано учение, целая наука. "Маркс открыл истории законы", — писал Маяковский, выражая не только свое и не только официальное мнение. Множество самых разных людей — от социал-демократов до Герберта Уэллса и Бернарда Шоу — были убеждены, что Маркс открыл объективные закономерности развития человеческого общества, универсальный механизм перехода от одной формации к другой, высшей. В рамках его учения переход от капитализма к коммунизму был так же неизбежен, как падение на землю камня, брошенного вверх, или выравнивание уровней жидкости в сообщающихся сосудах.

В этом смысле Октябрьская революция не была неожиданной. Неожиданным было то, что экономика, построенная "по Марксу", оказалась неработоспособной. Причины этого нарушения "объективных законов истории" искали в чем угодно. В легкомыслии большевиков, совершивших революцию в отсталой стране. В особенностях российской истории или загадочных свойствах русского характера. В демонической личности Сталина, который увел страну с магистрального пути к коммунизму на какую-то боковую тропинку: казарменного социализма, азиатского способа производства, постфеодализма, идей Дюринга.

Интересно, что на этой позиции стоят не только поклонники Октябрьской революции. Сходные оценки мы встречаем у принципиальных противников революционного пути: у немецких социал-демократов, английских лейбористов, идеологов социализма в Швеции, Франции, Израиле. Даже американский исследователь Ричард Пайпс прозрачно намекает, что советская действительность — результат не столько практического марксизма, сколько особого исторического прошлого России. Если бы не Иван Грозный и отсутствие российской "Хартии вольностей", страна и после революции могла бы пойти совсем иным путем.

Лишь в последние годы в Советском Союзе появились статьи, критически анализирующие... нет, разумеется, не марксизм, а отдельные постулаты Маркса, не выдержавшие испытания временем и историческим опытом. Предполагается, очевидно, что эти постулаты не принадлежат к числу основополагающих и их критика не

затрагивает учение в целом. К числу таких работ следует отнести статьи Г.Лисичкина "Мифы и реальность", И.Клямкина "Какая дорога ведет к храму?" и "Почему трудно говорить правду?", С.Меньшикова "Экономическая структура социализма: что впереди?" в "Новом мире", А.Ципко "Истоки сталинизма" ("Наука и жизнь") и некоторые другие.

Все эти — очень разные — работы объединяет одно: стремление сохранить основы учения (или хотя бы его "рациональное зерно"). Некоторые авторы просто обходят эту деликатную тему, предоставляя сделать выводы читателю. Другие намекают, что за прошедшие сто лет марксизм несколько устарел и нуждается в модернизации. Третьи делают упор на практический аспект проблемы: лишить страну идеалов, во имя которых народ столько лет нес тяжелейшие жертвы, значит ввергнуть страну в пучину хаоса.

Этот последний довод кажется мне единственно серьезным. Нужно обладать незаурядной смелостью, чтобы отмахнуться от "презренной практики", повторяя вслед за философом: "Платон мне друг, но истина дороже". Мои резоны скромнее и тоже чисто практического свойства. Идеология марксизма (пусть даже ее тень) отнюдь не безвредна для страны и народа. Семьдесят с лишним лет люди живут в мире сказок, во имя которых народ столько лет нес тяжелейшие жертвы, значит ввергнуть страну в пучину хаоса.

И тем не менее делается все, чтобы оттянуть пробуждение. В ноябре "Литературная газета" напечатала диалог своего научного обозревателя Олега Морозова с директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС академиком Г.Смирновым "Устарел ли марксизм?" Если это и диалог, то чрезвычайно странный. Журналист задает вопросы, которые задает сама жизнь: чем объяснить поразительный факт, что страна, следующая вот уже семьдесят два года единственно верным путем, пребывает в состоянии глобального кризиса? На вопрос этот, повторенный многократно, академик просто не отвечает. Если в жизни что и не так, это отклонение от нормы, исключение, досадный случай. Он знает: жизнь должна, просто обязана строиться по программе Великого Учения.

Наследие Маркса велико и многообразно — это завораживает. Не сразу понимаешь, что суть самого учения ("законов истории") на удивление элементарна. Уровень развития общества определяется производством. Для нормального функционирования общества необходимо, чтобы составляющие его элементы — производительные силы и производственные отношения — находились в соответствии. Однако на известной ступени развития это соответствие нарушается. Следует взрыв (революция), который устраняет противоречие, восстанавливая нарушенное равновесие.

И это все? Если говорить о революционной теории, да. Смысл основных трудов Маркса сводится к доказательству того, что капиталистический способ производства исчерпал свои возможности, поскольку созданные им производительные силы уже достигли той стадии, когда порожденные этим способом производственные отношения для них тесны. Чтобы развитие могло продолжаться, нужна иная система производственных отношений, коммунистическая. Эту работу — замену одной системы другой — и выполняет революция.

Нетрудно заметить, что все это стройное здание держится на нескольких допущениях, принятых за аксиомы. Аксиома первая: законы развития общества носят такой же объективный характер, как законы природы, и, следовательно, от воли людей не зависят. Аксиома вторая: тенденции развития капитализма, выявленные Марксом на доступном ему отрезке истории, действительны для всей эпохи капитализма. Аксиома третья: система производственных отношений, которая придет на смену капитализму, не требует особого исследования, ибо изначально, по условию, она неизмеримо выше существующей, уже доказавшей свою несостоятельность.

За всей этой аксиоматикой стоит XIX век. С его верой в полное торжество науки. В абсолютный (не вероятностный) характер процессов. В существование единственного — прямого и ясного — пути к счастью.

В том кругу понятий, которыми оперировал Маркс, развитие должно было идти примерно по такой схеме. Концентрация производства, углубление разрыва между его общественным характером и частным присвоением, рост численности пролетариата, усиление эксплуатации, сосредоточение богатства и бедности на разных полюсах, все более частые и острые экономические кризисы. Революция призвана была воплотить в себе два начала. Объективное — "бунт" производительных сил против сковывающих их развитие рамок производственных отношений. И субъективное — восстание пролетариата против все углубляющейся социальной несправедливости. Видимо, будущий капитализм (если бы он сохранился) рисовался Марксу как мир "Железной пяты" Дж.Лондона или даже "Машины времени" Г.Уэллса.

Можно спорить, в какой степени реальный капитализм середины прошлого века соответствовал его изображению в трудах Маркса. Подозреваю, что не вполне. Такой серьезный знаток XIX столетия, как Джон Фаулз оценивает обстановку иначе. "Шестидесятые годы, — пишет он, — были, несомненно, эпохой процветания: достаток, которого достигли ремесленники и даже промышленные рабочие, совершенно вытеснил из умов мысль о возможной революции, по крайней мере в Великобритании". Бесспорно, однако, что если бы тенденции, подмеченные Марксом, сохраняли свое действие, это рано или поздно привело бы к социальным катаклизмам.

Но тенденции изменились. Сейчас не время и не место анализировать сложнейший процесс эволюции капитализма. Отмечу лишь два момента. Во-первых, производительные силы развивались совсем не по той, механической, схеме, как представлял себе Маркс: гигантские машины, комплексы машин, сплошные фабрики и заводы. Во-вторых, выяснилось, что глубоко ошибочно его представление о производственных отношениях, которые будто бы не зависят от воли и сознания людей. Оказалось, что зависят — и в очень большой степени. Не вдаваясь в детальный анализ процессов, заметим, что производственные отношения эпохи развитого капитализма имеют мало общего с той примитивной схемой, которую рисовал Маркс.

Теперь, когда отрицать это уже невозможно, нам предлагают иную трактовку роли Маркса. Оказывается, всеми этими переменами "они" (кстати, кто они: рабочие? капиталисты?) обязаны Марксу и Октябрьской революции: Маркс вскрыл корни эксплуатации, революция явила собой образец общества социальной справедливости.

В какой-то (весьма ограниченной) степени это верно. Значительная часть западного общества восприняла работы Маркса как предостережение, как своего рода антиутопию. И в лозунгах революции (так и оставшихся лозунгами) Запад сумел выделить разумные моменты. Смешно, разумеется, представлять дело так, будто некий Тайный совет капиталистов, тщательно изучив труды Основоположника и опыт Октября, выработал рекомендации по спасению строя.

Все было куда прозрачнее. Общество развивалось по своим законам в сложном взаимодействии треугольника сил: работников (и представляющих их интересы профсоюзов), работодателей и государства. В ходе этого процесса — извилистого, противоречивого, не свободного от зигзагов и крайностей — и сформировалась система производственных отношений, определяющая облик современного западного общества. И если попытаться выделить в этом процессе главное звено, то таковым, по-моему, будет не учение Маркса и не опыт революции, а резкое обострение конкуренции. Это обострение выдвинуло на передний план проблему качества труда, а значит, проблему условий жизни, ибо сегодня все (кроме, может быть, марксистов) понимают, что хорошо работает лишь тот, кто хорошо живет.

Признаки перемен в производстве и обществе обнаружили уже при жизни Маркса. Неудивительно поэтому, что нотки явной растерянности ощутимы в последних работах Энгельса. Расхождения между учением и реальностью четче всего

сформулировал Эд.Бернштейн в труде "Предпосылки социализма и задачи социал-демократов" (1899). Действительность, признал он, не подчиняется законам Маркса. Эти отклонения затрагивают буквально все стороны бытия. Производство не концентрируется на огромных фабриках; богатство не сосредоточивается в руках немногих; промышленность не монополизирована; мелкое сельское хозяйство не вытесняется крупным; пролетариат не нищает ни абсолютно, ни относительно; буржуазное государство не выступает в роли послушного приказчика капитала...

Не исключено, что в этом отклонении жизни от схем — главная причина знаменитого ленинского нетерпения. Гневно клеймя оппортунистов всех мастей — от "радикала" Бернштейна до "умеренного" Каутского, Ленин, видимо, в глубине души ощущал, что мир развивается как-то не так, что еще немного и момент для революции будет упущен.

Разумеется, процесс эволюции капитализма шел неровно: замедляясь, ускоряясь, выписывая сложные зигзаги. Неравномерность в развитии отдельных стран, стечение исторических обстоятельств, локальные и мировые войны — все это затемняло картину, мешало выявить общие тенденции. Время от времени в той или иной стране возникала ситуация, чреватая взрывом. Одну из таких ситуаций — осенью 1917 года — и использовал Ленин. Это дало ему возможность провести великий эксперимент, проверив на практике третью (и может быть, важнейшую) аксиому Маркса.

2. Явление не только российское

Властолюбие Ленина несомненно. Столь же несомненно, однако, что власть интересовала его не сама по себе. Власть была нужна Ленину сначала для того, чтобы создать орудие пролетарской революции — партию, а затем — чтобы совершить эту революцию и реализовать идеи Маркса. На всех этапах этого пути компромиссы были неизбежны, и Ленин это понимал (он согласился, например, принять эсэровский лозунг: "Всю землю — крестьянам!"), но он никогда не уступал в главном. Главным же были коммунистические производственные отношения и диктатура пролетариата, призванная внедрить эти новые отношения в ткань старого общества. В том, что внедрять их придется силой, преодолевая сопротивление буквально всех (кроме пролетариата) классов, Владимир Ильич не сомневался. Об этом предупреждал Маркс, о том же свидетельствовал и его собственный опыт общения с эсерами, меньшевиками, интеллигенцией.

Нет смысла анализировать очередную гипотетическую модель: что было бы, если бы большевики, взяв власть, сохранили прежнюю систему производственных отношений, ограничившись проведением мер, которые давно назрели, но которые временное правительство не решалось осуществить. Вполне вероятно, что в этом случае большевики без особых усилий сохранили бы власть, и страна пошла бы примерно по тому пути, по которому шла Испания после победы Франко.

Социальная база царизма была узка, недовольство прежним порядком вещей — почти всеобщим. Так что основное сопротивление вызвала не революция (захват власти большевиками), а последовавшие за тем преобразования. То есть, говоря коротко, ломка всей системы отношений. Даже "ультрареакционное" казачество поднялось на борьбу не раньше, чем новая власть затронула его интересы.

Однако для Ленина такого варианта просто не существовало. Он для того и добивался власти, чтобы ломать одну систему отношений и строить другую. Это уже потом, задним числом, вождь объявил военный коммунизм состоянием временным и вынужденным, обусловленным трудностями гражданской войны. В действительности это была попытка перейти к тому самому коммунизму, к отношениям "прямого распределения", которые прокламировал Маркс. Характерно, что эпизод "военный", как свидетельствует в своих воспоминаниях "Виденное и пере-

житое” известный историк Н.Полетика, ”вошел в оборот лишь в 1921 г., после X съезда партии”.

Было бы, однако, неправильно рассматривать ”революционные преобразования” только под этим углом зрения. Да, ломка вызвала острейшее сопротивление многих слоев населения. Но одновременно – и об этом тоже нельзя забывать – сильнейший энтузиазм других. Этот энтузиазм – одна из основных слагаемых победы большевиков в гражданской войне; с ним связана и своеобразная атмосфера коллективизации, индустриализации, первых пятилеток.

Перед нами явление не только российское. Вспомним восстание на французском флоте в Одессе, брожение в английской армии на Севере, грандиозные демонстрации в Европе с лозунгами ”Руки прочь от Советской России”, ту поддержку, которой пользовалась советская власть в кругах прогрессивной интеллигенции даже в 30-е годы, когда лозунги революции превратились в фикцию.

Признаем, таким образом, что марксизм возник не на пустом месте. Вместо указанных Лениным трех его источников назовем два: реальные недостатки любой прежней системы отношений и извечная человеческая мечта о рае, обществе полной социальной справедливости. В разные периоды человеческой истории значение этих слагаемых менялось. Но сами эти предпосылки существовали всегда, вызывая взрывную реакцию в критические моменты. Так было, например, в 40-е годы прошлого века, когда язвы капитализма (реальные, без кавычек) создали острейшую революционную ситуацию в странах континентальной Европы. Ведь ситуацию, описанную в ”Манифесте”, Маркс и Энгельс не выдумали, они констатировали факт: ”Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма”. Так было и в 1917 году. Мировая война довела народы до критической точки, когда стали возможны самые разные варианты развития событий. В том числе крайний, октябрьский.

Конечно, наивно утверждать (как это делает, например, И.Клямкин), что для России этот вариант был единственно возможным. Вариантов было много, и выбор определялся множеством обстоятельств, включая случайные. Вообще гегелевская формула ”Все действительное – разумно” в привычном ее толковании столь же исторически ограничена, как марксизм, ибо применима лишь к обществу, построенному по тем же ”железным” законам истории. Понимание вероятностного характера общественных процессов пришло позднее. Тому, кто и дальше желает оперировать формулой Гегеля, стоило бы признать ”разумным” (то есть исторически необходимым) и режим Дювалье на Гаити, и власть черных полковников в Греции, и целый ряд других парадоксов, не делающих чести пресловутой логике истории...

Что же, однако, представляли собой те новые производственные отношения, которые должны были прийти на смену прежним? Как ни странно, но на этот главный вопрос Маркс не отвечает. Видимо, он был убежден, что в этом и нет необходимости. Производительные силы (и не только они, ведь от воли человека это не зависит) сами подберут адекватную им систему производственных отношений.

Маркс определил капитализм как господство системы наемного труда и товарно-денежных отношений. Очевидно, коммунизм надлежит определять от противного: как систему ненаемного труда и нетоварных отношений. Поразительно, но дальше этого определения через отрицание марксизм, в сущности не идет. Все, что по этому поводу сказано, сводится к идее обобществления орудий и средств производства, к преобразованию всех форм собственности в единую, общественную.

Интересно, однако, что, по Марксу, отношения собственности есть лишь ”юридическое выражение” чего-то несравненно более существенного – собственно производственных отношений. При капитализме это отношения наемного труда, а при коммунизме?

На этот фундаментальный вопрос классики тоже не отвечают. И Маркс, и Ленин сводят дело к элементарной технической операции. ”Производители могут, пожалуй, – писал, например, Маркс в ”Капитале”, – получать бумажные удостове-

ния, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда". Только в "Кратком курсе" мы находим попытку объяснить, что же это все-таки за новые отношения. Оказывается, если раньше это были отношения "господства и подчинения", то теперь — "сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей".

Ясно, что отношения сотрудничества чище и благороднее отношений господства. Однако сразу же после революции обнаружилось, что эти отношения, сами по себе превосходные, никак не способствуют нормальному функционированию производства. Попытки Ленина внедрить их силой кончились провалом. Не только эксплуататорские классы, не только реакционное крестьянство и оппортунистическая интеллигенция, но и передовые рабочие этих отношений не приняли. То есть было немало людей, которые теоретически их одобряли, готовы были даже идти за них на смерть. Только вот в обычной, будничной жизни эти отношения не привались.

Сейчас нет надобности доказывать эту истину, факты общеизвестны. К началу нэпа страна давала 2% довоенного производства чугуна, 3% сахара, 5–6% хлопчатобумажных тканей и т.д. Если называть вещи своими именами, уже к тому времени результаты великого эксперимента полностью определились: он провалился.

Однако наивно было бы ожидать объективности от миллионов людей, причастных к революции. От одних — потому, что они верили в эту мечту и сражались за нее на фронтах гражданской войны, от других — поскольку новый порядок вещей был им просто выгоден. Когда-то Маркс, анализируя опыт Парижской Коммуны, особенно подчеркивал значение таких мер, как "отмена выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы всем должностным лицам в государстве до уровня заработной платы рабочего". Ленин, верный поклонник Маркса, честно следовал заветам учителя. Он лишь внес в них небольшое практическое уточнение: систему закрытого распределения. "Что касается верхушки партаппарата, — пишет в "Известиях" доктор исторических наук В.Сироткин, — то для него... было все едино: снабжение, пайки, дачи, санатории и т.д. — шли с 1918 года от "военного коммунизма" через управление делами ЦК ВКП(б)".

Истинный смысл этого "уточнения" нам еще предстоит осознать. Дело не в продуктах, товарах и дачах (хотя всего этого тогда катастрофически не хватало) и даже не в нарушении социальной справедливости. Главное — признание вождем того фундаментального факта, что принцип "равной оплаты за равный труд" не срабатывает даже на уровне верхушки партийного аппарата, что производственные отношения, построенные по схеме "удостоверений" и "общественных запасов", есть чистойшей воды фикция.

Люди, воспитанные в современном духе, возраят мне, что тут нет никакого противоречия, что с помощью пайков и дач осуществлялся социалистический принцип "оплаты по труду". Тонкость, однако, в том, что этот "принцип" почему-то был реализован уже в 1918 году, когда в ходу были совсем иные идеи, коммунистические. Получается, что уже тогда Ленин выработал для себя два разных подхода: один, основанный на личной заинтересованности (в пайках, дачах, санаториях), — для избранных; другой (удостоверения в пустые магазины) — для остальных.

Эту новую систему производственных отношений, которой вскоре предстояло стать всеобщей, очень точно охарактеризовал Сокольников: "Кажется, что все превратилось в единую бестолковую канцелярию, в которой все происходит не для дела, а только для угождения отдельным лицам, от которых зависят дальнейшие пайки, суточные, добавочные и тому подобное".

Неужели Ленин всего этого не видел? Или видел и не понимал? Именно так: видел и не понимал. То есть он неплохо разобрался в мотивах своих ближайших

соратников, но упрямо верил, что у той абстракции, которую он именовал сознательными рабочими, мотивы совсем иные, сугубо возвышенные. И если крестьяне не хотят менять зерно на расписку, если интеллигенция не желает работать за скудные пайки, если даже рабочие бегут с национализированных заводов и фабрик, то это не норма, а отклонение от нормы, обусловленное недостатком сознательности.

Здесь просматривается своего рода закономерность: чем дальше человек от сферы, где непосредственно осуществляется "социальный эксперимент", тем сильнее он верит в его благие результаты. Даже во второй половине 30-х годов, когда в самой стране многое уже было ясно, гуманисты, жившие в Париже, Женеве, Лондоне, продолжали восхищаться обществом, построенном по законам социальной справедливости.

В книге В.Солоухина "Последняя ступень" (издательство "Посев"), есть глава "Читая Ленина". Глава чрезвычайно интересная, ибо в ней собраны высказывания Владимира Ильича по одному вопросу: как добиться, чтобы люди работали в условиях новых, коммунистических отношений. И хотя Солоухин рассматривает период всего в пять месяцев (с марта по июль 1918 года), картина впечатляющая. Оказывается, чтобы обеспечить "сотрудничество и взаимную помощь", необходимо привести в действие такие средства, как насилие, принуждение, повинность, суд, расстрел...

Кажется, сам писатель испытывает недоумение. Вроде бы Ленин не был тираном, извергом, каким-то особенно жестоким человеком. Откуда такая свирепость? Конечно же, оттого, что действительность не желала подчиняться "законам" Маркса.

Маркс убеждал, что экспроприация частной собственности позволит "быстро увеличить сумму производительных сил". В эту истину свято верил и Ленин. Собственно, быстрое увеличение этой суммы ("гигантское развитие производительных сил") и было предпосылкой революции в России. Если бы расчет оправдался, отсталая Россия в считанные годы перегнала бы самые передовые страны. А дальше пришла бы в движение вся цепь: производительные силы — производственные отношения — идеология...

Правоверные марксисты упрекали Ленина за отступление от "классики". И упрекали напрасно. Сейчас, с высоты конца века, отчетливо видно, что тогдашние "передовые" страны совсем не так сильно отличались от "отсталых". И если бы новые производственные отношения действительно открыли простор развитию производительных сил, то Советский Союз давно жил бы в XXI столетии. Так что в самом умозаключении все было правильно. Ошибка была в другом — в исходной посылке.

Ошибка поистине трагическая, ибо всю последующую историю страны (с 1918 года до наших дней) надо рассматривать, как одну непрерывную попытку заставить функционировать систему производственных отношений, которая к этому непригодна.

В статье "Почему трудно говорить правду?" И.Клямкин реконструирует старый спор Троцкого с Каутским. Спор этот относится к 1919–1920 годам. К тому времени Троцкому (а равно Ленину, Сталину и всем прочим вождям революции) было ясно, что работать "на основе сотрудничества и взаимной помощи" люди почему-то не хотят, и единственный способ добиться, чтобы они хоть как-то работали, — принудить их к этому силой. Возражая Троцкому из своего капиталистического далека, Каутский пишет: "Если бы правильно было утверждение Троцкого, что социализм нельзя осуществить без того принуждения к труду, о котором он говорит, — то дела социализма были бы очень печальны. Но это не так..."

В том-то и беда, что так! С дистанции, отделявшей Каутского от российских дел, можно было сохранять веру в "коллективного рабочего", который при со-

циализме "сливается со всем обществом", в "дурную славу" и "моральное давление", которые побудят самых ленивых рабочих стать прилежными. Читая этот лепет, Ленин, Троцкий и К^о горько усмехались: опыт первых же лет революции излечил их от идеалистических бредней.

Кстати, среди вождей революции именно Троцкий выделялся известной трезвостью. Убедившись, что проект трудовых армий провалился, он первым (еще в 1920 году) высказался за некое подобие нэпа. Тогда Ленин с возмущением отверг эту идею. И только нарастающая волна крестьянских восстаний и события в Кронштадте вынудили вождя отказаться от плана "прямого перехода" к коммунизму.

Коснусь любопытного замечания И.Клямкина в беседе с критиком Сергеем Яковлевым ("Литературное обозрение", № 4, 1989). Возражая на мою предыдущую статью "Петля" в № 1 "Страны и мира" за 1988 г. (спор шел о том, была ли Октябрьская революция "торжеством необходимости"), Клямкин сравнивает большевиков с якобинцами. Коль скоро, утверждает он, якобинцы не удержались у власти — значит, идеал нетоварной экономики был для Франции чужд, отсюда и термидор; для России же он был близок — поэтому большевикам и удалось сохранить власть. Экая наивность! Ведь смысл нэпа и состоял в отказе от нетоварной организации хозяйства. Другими словами, это был тот же термидор, только осуществленный самими большевиками и как раз потому, что иной возможности сохранить власть у них не было.

Сошлюсь на свидетельство Полетики. "Сам Ленин, как рассказывали мне в 1923 г. в Петрограде работники Коминтерна, считал НЭП и решение X съезда партии советским Термидором. "Да, это Термидор, — говорил он в частном разговоре французским делегатам III конгресса Коминтерна..., — но мы не можем позволить себе пойти на гильотину. Мы совершили Термидор сами"."

И ничего оригинального в идее нэпа нет. Ленин лишь принял экономическую программу Кронштадтского восстания. Конечно, подобное решение требовало незаурядной смелости — но это уже вопрос особый...

Понимал ли Ленин все значение этого поворота, понимал ли, что переход к нэпу означает крушение идейной базы Октябрьской революции, отказ от системы новых коммунистических отношений? Думаю, что в глубине души понимал. Разумеется, он еще храбрился (или маневрировал?), уверяя, что отступление это временное, что нэп — всего лишь передышка перед новым наступлением. Но перед наступлением на что? На наемный труд и товарно-денежные отношения? Глупо. Ведь было ясно, что если всю механику "равного труда и равной оплаты", "удостоверений от общества" и прочего не удалось ввести в обществе нищем, готовом довольствоваться самым необходимым, то насколько же труднее будет внедрять "равенство" среди людей, которые только что получили наглядный урок того, каким потенциалом обладает "отжившая" капиталистическая система. Даже урезанная, стесненная законами, налогами, правилами.

Существует немало свидетельств тому, что с Лениным дело обстояло именно так. В статье "Уроки нэпа" В.Сироткин цитирует слова вождя, записанные его секретарями: "Конечно, мы провалились... Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изображать перед ней возврат к меновой экономике... как некоторое временное отступление, но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась... Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос еще, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке".

Последняя фраза многое объясняет в последующих событиях — в том числе в истории Великого перелома. Многие, но не все. Коллективизация и индустриализация понадобились для того, чтобы "загнать население в новый строй силой", — это несомненно. И акция была хорошо подготовлена, так что опасения Владимира Ильича не оправдались: власть удалось не только сохранить, но и укрепить. И тем не менее вопросы остаются. Например, такие. Каков смысл Великого перелома — то есть отказа от вполне работоспособной системы в пользу уже доказав-

ших свою неэффективность идей "военного коммунизма"? Чем обусловлен тотальный характер репрессий? Где истоки социальной устойчивости режима, опирающегося на гнилой экономический фундамент?

3. Чья модель?

События, известные под именем Великого перелома, всегда были окружены густой пеленой тумана. Классовая борьба в деревне... Коллективизация как способ обеспечить народ хлебом и накопить средства для индустриализации... Высочайшие темпы развития, продиктованные надвигающейся войной...

Сейчас туман начинает рассеиваться. Мы узнаем, что "классовая борьба" была запрограммирована и организована сверху. Что средства, выколоченные из крестьян, были настолько ничтожны, что фактически не играли никакой роли в индустриализации. Что темпы развития были совсем не столь высоки. Что в двадцать девятом году угроза войны была не выше, чем в двадцать первом.

Да, многое проясняется. Но один вопрос по-прежнему остается открытым. Откуда Сталин заимствовал ту модель социализма, которая заменила нэп: все эти колхозы, совхозы, централизованное планирование, ведомства, министерства? По-настоящему, речь идет не о частностях, не о конкретных деталях, а о самих принципах государственного регулирования всей экономической деятельности в стране.

Истоки этой модели ищут в феодализме и древних деспотиях Востока, в трудовых армиях Троцкого и в рабовладельческих обществах. Между тем все проще. Так (или примерно так) только и могла реализоваться коммунистическая идея в условиях XX века.

Легко представить себе первобытных коммунаров, владеющих общей собственностью — убитым мамонтом и управляемых советом старейшин. Нетрудно вообразить и небольшие сельскохозяйственные коммуны и кустарные предприятия, принадлежащие тем, кто на них работает. Но что такое "общественная собственность" на огромный завод и кто должен им управлять, координировать его связи, изучать конъюнктуру, обеспечивать снабжение и сбыт? "Удостоверения", "общественные склады" и прочие благоглупости классиков тут явно не годятся. Нужна, очевидно, централизованная система.

Тем, кто сейчас обвиняет Сталина в том, что вместо истинного социализма он построил прусский его вариант, следовало бы поостеречься: в доме повешенного не говорят о веревке. В превосходной книге Ф.Хайека "Дорога к рабству" убедительно показано, что если идеи социализма и возникли не в Германии, то развитие и свое практическое воплощение они получили именно там. Интересно при этом, что и сам принцип управления экономикой страны, как управляют фабрикой, социалисты заимствовали из практики... прусского государства. "Определенного родства между социализмом и устройством Прусского государства, сознательно организованного сверху, как ни в одной другой стране, отрицать не приходится, — пишет Хайек. — Оно открыто признавалось уже первыми французскими социалистами. Задолго до того, как идеал управления целой страной по принципу управления фабрикой начал вдохновлять социализм девятнадцатого века, прусский поэт Новалис уже жаловался, что "ни одна страна никогда не управлялась настолько по образцу фабрики", как Пруссия после смерти Фридриха Вильгельма".

Влияние этого "передового опыта" ясно ощущимо в трудах Маркса. Но еще дальше пошел Ленин. Его работы буквально заполнены мечтами о такой организации общества, жалобами на многоукладность российского хозяйства, уверенностью, что государственный капитализм, государственная монополия открыли бы стране прямой путь в коммунизм.

Вот лишь несколько примеров. "Все общество превратится в единое учреждение, в единую фабрику с равным трудом и равной оплатой". "Если бы мы могли в России через малое число времени учредить государственный капитализм, это

было бы победой". "Государственный монополичный капитализм — есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных степеней нет".

Думаю, что с вопросом о том, откуда взялась "сталинская" модель социализма, более или менее ясно. Но никакие цитаты из классиков не могут, конечно, объяснить тот поразительный энтузиазм, с которым Сталин и миллионы его соратников принялись внедрять это прусско-коммунистическое изобретение.

Тут мы подходим к сути проблемы. И выбор социалистической системы, и ее устойчивость обусловлены общей причиной. Тем, что социализм отвечает интересам большой группы людей или, проще говоря, им выгоден. Это важнейшее его достоинство люди, пришедшие к власти, ощутили уже в период военного коммунизма и потому, естественно, восприняли нэп с нескрываемой враждебностью. И, напротив, горячо приветствовали Великий перелом — "новую ступеньку исторической лестницы", призванную увековечить ту систему отношений, которая только начала складываться в эпоху военного коммунизма. Правда, сами они смутно представляли, как должно быть организовано это общество "социальной справедливости", им нужен был идеолог, архитектор. Сталин и был таким человеком — одновременно идеологом и архитектором. Одно это гарантировало ему поддержку достаточно широких слоев.

Прежде всего, конечно, партийного. К тому времени "аппаратчики" занимали высокие посты, обеспечивающие им множество привилегий. Но им было этого недостаточно. За годы гражданской войны они ощутили вкус беспредельной власти — власти распоряжаться всем: людьми и заводами, железными дорогами и хлебом, узлами и целыми республиками. Нэп в какой-то мере ограничил эту власть. Теперь они рвались ее восстановить, упрочить, расширить. Сначала — на все сферы жизни в самой стране, потом и на весь мир. Спор между сталинистами и троцкистами касался главным образом тактики, последовательности операций. Начинать ли наступление сразу или сначала тщательно подготовиться, завоевав для социализма собственную страну? Победила более осторожная точка зрения, рисковать они не хотели.

Но, конечно, социальная база Великого перелома не ограничивалась партийным аппаратом. Она включала практически всю партию, ибо коллективизация и индустриализация сопровождалась созданием множества начальственных постов: от солидных — до вроде бы скромных, но тоже обеспечивающих власть, какая крупным капиталистам и не снилась. А главное, даже рядовой "партиец" чувствовал себя как солдат Наполеона, носивший маршальский жезл в своем ранце. Новая система еще только складывалась, все в ней было в развитии, в борьбе, в движении. Очередной виток этой борьбы мог вынести (и выносил) "рядового партии" на гребень власти. Для этого не требовалось ни образования, ни особого ума, ни выдающихся способностей. Всего лишь преданность вождю и немного удачи.

Однако и тому, кого удача обошла стороной, грех было жаловаться. Даже скромное начальственное положение давало блага, казавшиеся огромными на фоне нищей, разоренной страны, где гнали в Сибирь по этапу миллионы людей, где владелец жалкой коровы объявлялся кулаком-кровопийцей, а владелец лотка с папирусами — буржуем и эксплуататором.

Но и это не все. Великий перелом поднял со дна всякую муть: бездельников, пьяниц, неудачников, демагогов. Может быть, советская власть и не сделала их богаче, но она вернула им самоуважение, дала уверенность в том, что их "благородная бедность" неизмеримо выше любого богатства. Наконец, и это тоже немаловажно, избавила от ненавистной работы. Умение кричать, требовать, призывать, бороться — стало профессией куда более достойной, надежной и лучше оплачиваемой, чем крестьянский труд, слесарное ремесло, работа врача.

Особую роль в успехе Великого перелома сыграли внешние обстоятельства — мировой кризис 30-х годов. Многим (и внутри страны, и за ее пределами) казалось, что предсказания классиков сбываются: идет развал капитализма, крушение всей его системы. Контраст и в самом деле был разительным. На одном полюсе — банкротство компаний и банков, стремительный рост безработицы, массовые стачки, марши протеста; на другом — растущие как грибы заводы, фабрики, электростанции, рекорды, вселение рабочих в новые дома, "перековка" уголовников в ударников производства, полеты, экспедиции.

Нужно было обладать определенной внутренней свободой, чтобы не поддаться всеобщему гипнозу, не ощутить свою причастность к величайшему событию мировой истории: краху одной эпохи и победоносному шествию другой. Конечно, было все: голод, в котором гибли миллионы, скудная карточная система, этапы, лагеря. Но каждому из миллионов людей с разбитой судьбой чудилось, что его судьба — единична, что еще немного и страна достигнет сияющих высот. Вряд ли когда-нибудь удастся определить психохимический состав энтузиазма тех лет. Сколько в нем было от пропаганды и сколько от страха, а сколько от чистой веры в грядущее царство равенства и социальной справедливости. Но, может быть, это не так важно. Важно, что энтузиазм был. Как был и кризис в остальном мире — самый жестокий кризис за всю историю капитализма.

И вот тут-то мир подстерегала самая большая неожиданность. Конечно, кризис 30-х годов причинил много бед. Но устои системы он не затронул: фундамент капитализма — его производственные отношения — сохранились. Все изменения, которые были в них внесены (например, расширение социального законодательства), проводились в рамках системы. Благо система — и в этом еще одно ее принципиальное отличие от социализма — такие изменения допускает. "Единственное, чего не приемлет экономический либерализм, — пишет Ф.Хайек, — это вытеснение конкуренции методами, уступающими ей в эффективности".

С другой стороны, объективная оценка того, что было сделано в 30-е годы в Советском Союзе, приводят к не слишком оптимистическим выводам. Да, было построено множество крупных предприятий. Да, предприятия были оснащены современной (главным образом, иностранной) техникой. Да, заметно возросло производство чугуна, стали, электроэнергии. И тем не менее созданный в ходе перелома экономический механизм был изначально неэффективен. Экстенсивные методы хозяйствования, отсутствие стимулов к совершенствованию техники и улучшению качества продукции, низкая производительность труда — все эти важнейшие особенности современной советской экономики были заложены в нее именно тогда.

Получился парадокс. Миллионы людей, которые работали с полной отдачей по 12–14 часов в сутки, оказались не в состоянии конкурировать с западным обывателем, который отнюдь не горел на работе, а всего лишь выполнял то, что положено, понимая, что впереди его ждет не светлое будущее, а вполне заурядная зарплата.

Ссылки на известную российскую лень, на опыт и квалификацию ничего не объясняют. Практика свидетельствует, что советский рабочий, инженер, ученый, оказавшийся на Западе, работает если и не лучше, то и никак не хуже американца или израильтянина. Дело, очевидно, в качестве труда на всех этажах — от рабочего до министра. А это качество, в свою очередь, есть функция производственных отношений. Естественных — в одном случае, искусственных, вымученных, "изобретенных" марксистами, — в другом.

Маркс (не Маркс-революционер, а Маркс-исследователь) был прав, когда писал: "Необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним". Может быть, Сталину и удалось в 30-е годы навязать основной массе людей убеж-

дение, что установленный порядок отвечает их интересам. Но убедить в этом "экономические условия производства" было не по силам даже ему.

Остальное выводится отсюда, как теорема. Неэффективная экономика – низкий уровень жизни – недовольство – репрессии. Репрессии, которые могли быть только массовыми, ибо их цель состояла не просто в том, чтобы заглушить недовольство, но и заставить систему, по самой своей природе неэффективную, работать эффективно. Последнее было крайне важно, ибо система претендовала на универсальность: не только сам Сталин, но и его преемники стремились навязать эту противоестественную модель всему человечеству. И в чем-то, надо сказать, преуспели.

4. У них и у нас

Еще недавно принято было подчеркивать коренные различия двух систем: у них – одно, у нас – совершенно другое. Сейчас тенденция обратная. Публику уверяют, что различия, по крайней мере в экономике, совсем не так велики. Но и те, что есть, постепенно стираются.

У них наемный труд и у нас; у них свободный рынок, и мы к нему идем; у нас планирование и сильная социальная политика, и они все шире используют наш опыт. Конвергенция... Лишь одно смущает. У них магазины полны, у нас – пусты; их экономика выбрасывает на рынок все новые "потребительские стоимости", наша изобретает талоны, карточки и иные неторговые средства. Видимо, различия все-таки сохраняются.

Великий перелом часто рассматривают как возврат к методам военного коммунизма. Это не совсем верно. При всей своей приверженности к идеям Маркса Сталин сохранил внешние атрибуты капиталистической системы: наемный труд и товарно-денежные отношения. Он "всего лишь" ограничил сферу их действия, подчинив воле государства-монополиста. Тем самым он обозначил границы новых производственных отношений.

В известном докладе Т.Заславской, попавшем на Запад в 1984 г., было впервые сказано, что эти отношения – причина всех остальных бед советской экономики. С тех пор мы как будто ушли очень далеко. "Сейчас, когда экономика на перепутье, – пишет в майском номере "Известий" группа ученых, – очень важно правильно выбрать ту дорогу, где человеку будет несравненно легче и лучше жить, где он получит возможность полностью раскрыть свой интеллект и способности... В принципе ясно – это дорога к рынку, к рыночной экономике". То же говорит и главный идеолог страны В.Медведев: "Реформировать хозяйственный механизм, тем более радикально, нельзя, не затрагивая отношений собственности. Вне коренных изменений в социалистических производственных отношениях новые методы хозяйствования отторгаются как чужеродные". Нам предлагают поверить, что товарно-денежные отношения не противоречат социализму, что они вообще нейтральны и могут с успехом использоваться любой общественной формой.

О том же как будто свидетельствует и практика. В Советском Союзе все большее распространение получают кооперативы, подряд, аренда и иные формы отношений, восходящие к Древнему Риму. С другой стороны, многие страны Запада широко используют "социалистические методы" – национализацию крупных предприятий и целых отраслей, государственную систему перераспределения доходов, то есть помощи бедным за счет богатых. Стирание граней?

Но грани существуют, очень четкие грани. И ощущаются они прежде всего в важнейшей сфере человеческой деятельности – в сфере производства. Степенью вмешательства государства в дела производства (а отнюдь не в распределение) и отличается самое "либеральное" социалистическое общество от самого "планового" капиталистического. В условиях рыночной экономики "роль правитель-

ства, — пишет лауреат Нобелевской премии по экономике Милтон Фридман, — состоит в том, чтобы делать вещи, которые рынок не в состоянии сделать сам для себя, а именно определить правила игры, выносить по ним третейские решения и обеспечить их выполнение”. Все прочее рынок делает сам, автоматически. Сам определяет, что надо, а что не надо производить, формирует требования к изделию, устанавливает цены на товары и на труд, стимулирует развитие производства...

Делает он это отнюдь не идеально — на этом и построена марксистская критика капитализма. Но строй, провозгласивший отказ от наемного труда и рыночных отношений в пользу государственного регулирования, то же самое делает неизмеримо хуже. Наемный труд он замещает насильственным, рыночные отношения — распределением по системе привилегий. А самое главное: он сковывает производство, мешая ему развиваться и даже просто выполнять свои функции — удовлетворение потребностей человека.

Создается впечатление, что на нынешнем переломном этапе все упирается в собственность: допустимы ли в нашей стране какие-либо иные формы собственности, кроме государственной? Вопрос этот действительно очень важен, ибо частная собственность приводит в действие изощренный механизм личной заинтересованности, а этому механизму человечество обязано очень многим. Вспомним, однако, что, по Марксу, сами отношения собственности вторичны, что это лишь юридическая оболочка производственных отношений.

А суть этих главных, определяющих отношений при социализме в том, что это отношения не между людьми, наделенными по закону равными правами, а между всемогущим государством и его подданными. Государством — единственным собственником орудий и средств труда, единственным работодателем, единственным регулировщиком экономической и всякой иной деятельности, единственным носителем права и справедливости. А поскольку государство есть абстракция, то в роли носителя всех этих государственных функций выступает класс, чьи интересы никак не совпадают с интересами общества.

Вопрос, следовательно, не в том, будет ли вообще разрешена частная собственность. Собственника можно так же ограничить в правах и возможностях, как ограничены у нас все: кооператоры, арендаторы, государственные предприятия. Вопрос в том, готово ли государство (то есть класс, который себя с ним отождествляет) отказаться от своей роли творца всего сущего. Если нет, то не будет у нас ни изобилия, ни прогресса, ни интенсивных методов труда, ни свободы, ни демократии и всего остального. Так что дело не в собственности как таковой, а во всей системе отношений между человеком и государством, в распределении власти: нулевой — на одном полюсе, абсолютной — на другом.

К примеру, что за дело Егору Лигачеву до того, кому принадлежит сапожная мастерская или как функционирует рынок. Тревожит его совсем другое: угроза тому порядку вещей, при котором власть сосредоточена на одном полюсе. Мы удивляемся, что перестройка осуществляется медленно. Но речь идет, в сущности, не об экономических реформах, а об изменении системы, которая выгодна целому классу. И классу господствующему. Не стоит удивляться и непоследовательности главного архитектора перестройки. Ведь и он принадлежит к тому классу, которому социализм угоден и выгоден.●

О ТАКТИКЕ АКТИВНОЙ ЗАБАСТОВКИ

Летние забастовки 1989 г. означают возрождение в стране рабочего движения. Стачки бывали и раньше, но никогда еще после начала 20-х гг. они не становились политическим фактором. И дело не только в массовости и географической протяженности выступлений, не только в принципиально новом тоне средств массовой информации при освещении событий. Куда важнее высокий уровень организованности, реальное взятие стачкомами некоторых властных функций, характер выдвинутых требований. Новорожденное рабочее движение не похоже на младенца. Оно говорит веско и членораздельно, первые же его шаги отличаются зрелостью и ответственностью. Вопреки широко распространенному в среде интеллигенции, а особенно полуинтеллигенции, мнению о "рвачестве" рабочего класса, о том, что "работягу" ничего, кроме пол-литры и лишней десятки не интересует, основная часть требований стачечников имеет большое общественное значение. Я не знаю, почему многие бастующие старательно убеждали всех, да, похоже, и самих себя, что их требования — не политические. Но разве чисто экономическими являются требования независимости предприятий, права коллективов на выбор форм собственности и хозяйствования, регионального хозрасчета, наконец? Рабочие как будто инстинктом почувствовали, что в условиях нарастающего развала экономики требования типа повышения заработной платы, при всей их безусловной законности, оказываются тупиковыми, дают даже в случае их удовлетворения лишь кратковременный эффект, а в конечном счете усугубляют хаос, — главные же усилия надо направить на преобразование экономической и политической структуры общества. Без таких преобразований трудящимся придется расплачиваться и за кризис, и за тяготы выхода из него.

"Нигде в Европе стачки в XX веке не имели, не имеют и не могут иметь такого значения, как в России переживаемой нами эпохи. Почему?"

Да потому, что во всей Европе давно абсолютно закончен период демократических глубоких преобразований, а в России переживаемой нами эпохи на очереди стоят — в историческом значении этого слова — именно такие преобразования.

Отсюда общенародный характер экономических, а еще более неэкономических стачек в России" (В. Ленин, ПСС, XXII, стр. 353).

Трудно поверить, что это написано 76 лет назад! Вновь мы решаем задачу демократических преобразований, вновь одним из ключей оказывается рабочее движение, и от того, *каким* оно станет, зависит будущее нашей страны. Объективной потребностью является *сильное, независимое, цивилизованное и демократическое* рабочее движение. Но трудно действовать в отсутствие опыта и демократических традиций.

Забастовщики старательно подчеркивали "неполитический" характер стачек. Столь же старательно отмежевывались они от демократического движения (так называемых "неформалов"). Боюсь, что связано это не только с тактической осторожностью, но и с молодостью движения, с явственно проступившими чертами "пролетарского мессианизма", недоверия к интеллигенции, антидемократических предрассудков, вбитых десятилетиями пропаганды. Сумеет ли рабочее движение изжить свои "детские болезни"? Большая ответственность лежит и на демократическом "разночинском" движении — со своей стороны оно должно сделать все, чтобы доказать рабочим необходимость союза, жизненно важную и насущность общедемократических принципов и требований.

Брошюра З.Ковалевского представляет большой интерес, знакомя нас с нетрадиционной и малоизвестной формой борьбы рабочих. Польское рабочее движение 1980—81 гг. с самого начала было политизированным — знаменитые "21 требование" открываются именно политическими пунктами. У польских рабочих был уже богатый опыт, научивший их, что власти иногда могут быть принуждены к экономическим уступкам, но стремятся тем или иным образом отобрать их назад. Гарантии могут носить только политический характер. "История научила нас, — говорится в Программе "Солидарности", — что нет хлеба без

Брошюра З.Ковалевского, члена Президиума Лодзинского регионального правления Независимого самоуправляющегося профсоюза (НСПС) "Солидарность", была издана впервые в Лодзи в 1981 г. Русский перевод выполнен П.Кудюкиным (он же автор вступления) и распространяется в составе "библиотеки" самиздатского журнала "Открытая зона". Печатается с небольшой редакционной правкой и сокращениями.

свободы". Кроме того, рабочие быстро убедились, что традиционные экономические завоевания в условиях всестороннего кризиса общества быстро сводятся на нет, и бороться надо именно за изменение системы. Отсюда и выдвигание лозунга самоуправления, и пропаганда активной забастовки как средства его достижения. Следует иметь в виду, что если в 1980–81 гг. большинство участников "Солидарности" придерживалось идей самоуправленческого социализма (хотя само слово "социализм" часто отвергалось), то сейчас ситуация, насколько я могу судить по некоторым документам, заявлениям лидеров и личным беседам с активистами "Солидарности", видимо, изменилась – "социалистические" погонь на мундире крайне непопулярного режима сделали свое дело.

В наших условиях – по мере развития и "взреления" рабочего движения – активная забастовка может оказаться тем оружием, которое наконец-то сломит такую существенную часть "механизма торможения", как ведомственное управление экономикой и безответственное вмешательство партийных органов в принятие хозяйственных решений, заложит основы демократической системы хозяйственного управления.

Павел Кудюкин (Москва)

Мы объявим забастовку, но будем работать, а то, что произведем, отдадим не начальству, а обществу.

Лех Валенса

Введение

Возможность применения новой формы забастовки – активной забастовки, состоящей в осуществлении стачечным комитетом контроля над производством и распределением в интересах рабочего класса и всего общества – обсуждается уже несколько месяцев. Сам термин "активная забастовка" впервые был использован в докладе о рабочем самоуправлении, подготовленном еще в январе 1981 г. для Президиума Межзаводской Учредительной Комиссии¹. Он позаимствован из статей, посвященных всеобщей забастовке, которая в мае–июне 1968 г. потрясла Францию, охватив в течение месяца десять миллионов трудящихся.

Например, Эрнест Мандель, бельгийский экономист и профсоюзный деятель, писал: "На предприятиях Рон-Пуленк в Витри бастовавшие рабочие решили ввести прямые меновые отношения с крестьянами, пытались распространить этот эксперимент на другие предприятия и обсуждали возможность перехода к "активной забастовке" (то есть взятия в свои руки работы по управлению и планированию)". Вернер Гольдшмидт и еще два западногерманских ученых указали, что на предприятиях, где во главе забастовочного движения стали молодые рабочие совместно с частью инженерно-технического персонала, "они иногда стремились к немедленной передаче производства под контроль рабочих, например, на предприятиях-филиалах CSP (Общество беспроволочного телеграфа) в Бресте или в окрестностях этого города на заводе электрического оборудования, где производство продолжалось под руководством стачечного комитета". Затем они продолжают: "Кроме упомянутых выше попыток перехода к "активной забастовке", то есть возобновления производства под собственную ответственность, в рамках новой организации и в соответствии с новыми целями (в случае с предприятиями-филиалами CSF в Бресте производилось оборудование, необходимое для организации демонстраций, например, радиотелефоны и т.п., которые затем раздавали демонстрантам), дело доходило и до попыток создания регионального самоуправления одновременно с организацией товарообмена между промышленными предприятиями и крестьянскими организациями, созданием товарных рынков сельскохозяйственной продукции без паразитических посредников и т.д." В некоторых статьях активная забастовка названа "забастовкой за право на самоуправление".

¹ Временный руководящий орган региональной солидарности. - Все подстрочные примечания принадлежат переводчику.

В статье, напечатанной 6 июня 1968 г. в журнале "Temps modernes", говорится, что если бы стачечное движение развивалось не только стихийно, но опираясь на организации рабочего движения, обладающие соответствующей стратегией, активные забастовки могли бы широко распространиться. В таком случае забастовочное движение "могло бы приводить к установлению контроля снизу над целыми звеньями производственного, распределительного и административного аппарата, вызывая всюду, где рабочие к этому готовы, переход от занятия охваченных забастовкой фабрик и заводов к рабочему самоуправлению, возобновлению производства и внутренней реорганизации занятых предприятий... Такое развитие забастовки было технически возможно в равной мере как в промышленности, так и на предприятиях и в организациях сферы услуг (почта, связь, коммунальные службы, радио и телевидение). Забастовка за право на самоуправление в нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, на электростанциях и т.д. проложила бы путь к их обобществлению. Организация снабжения городов со стороны стачечных комитетов совместно с крестьянскими кооперативами и местными комитетами самоуправления положила бы начало вытеснению торговой спекуляции и обобществлению распределения. Общественное управление частью экономики, будучи условием длительности забастовки, стало бы и ее результатом. Кроме того, забастовка с занятием фабрик могла бы сопровождаться реорганизацией рабочих мест, с установлением новых форм или ритмов производства, с уничтожением иерархических отношений и изменением отношений между работниками физического и умственного труда, устранением из состава руководителей и специалистов деспотов и неспособных, а также немедленным назначением новых руководителей предприятий и их подразделений."

Так ставился вопрос об активной забастовке во Франции 1968 г. Польское общество 1981 г., и прежде всего рабочий класс, стоят перед необходимостью освоения, среди других форм борьбы, активной забастовки, использование которой может оказаться неизбежным в борьбе народа с пучиной кризиса, в которую он попал.

Экономическая власть централизованной бюрократии и борьба общества за свое раскрепощение

В последний период немецкой оккупации, накануне решающей борьбы за национальное освобождение, стремление польского общества к независимости и политической демократии сочеталось с сильным желанием глубоких структурных социально-экономических реформ, которые положили бы в основу устройства будущей республики начала социальной справедливости. Политические и военные власти подпольного польского государства пошли навстречу этим стремлениям и ожиданиям. Они не только обещали "провести без возмещения реформу крупной земельной собственности", но 22 июля 1944 г. главнокомандующий Армией Крайовой выступил с инициативой немедленного издания декрета "об обобществлении основных отраслей промышленности и создании советов коллективов".

Провозглашенный в тот же день Манифест Польского комитета национального освобождения¹ обещал взять под контроль государства крупные промышленные, торговые и другие предприятия, полностью умалчивая о той роли, какую могли бы сыграть в управлении ими коллективы. Руководство Польской рабочей партии уже тогда отходило от данного в марте 1943 г. в заявлении "За что мы боремся?" обещания, что обобществление основных средств производства будет сопровождаться "установлением контроля над производством обобществленных предприятий со стороны фабрично-заводских комитетов". Предоставление скромных

¹ Просоветское временное правительство Польши, провозглашенное в Люблине.

полномочий в сфере совместного управления предприятиями, признание заводского совета представительным органом предприятия в февральском декрете 1945 г. было направлено на то, чтобы обмануть низовое движение рабочего самоуправления, которое в виде фабрично-заводских советов и комитетов развивалось на многих предприятиях, пускало их в ход и брало организацию производства в свои руки. Более того, даже эти незначительные права были уже в ближайшие месяцы существенно ограничены Министерством промышленности, которое стремилось лишить предприятия и созданные на них органы всякого участия в управлении производством. Все более могущественный, сильно централизованный бюрократический аппарат вскоре не только подавил зародыши рабочего самоуправления, но и свел к минимуму возможности участия коллективов в управлении предприятиями.

Основные центры промышленного производства перешли из частных рук в руки государства. Идеология установленного тогда строя говорила — и говорит теперь — что тем самым промышленные предприятия стали собственностью всего народа, общественной собственностью. Но действительно ли они перешли в руки общества? Понятие "собственность" состоит в том, что собственник полностью распоряжается ею в своих интересах. Поэтому следует признать общественной только такую собственность на средства производства, которая отвечает двум критериям: во-первых, в общественной собственности находятся те средства производства, которые используются в интересах общества, а во-вторых, те, которыми общество полностью распоряжается.

Сегодня, когда мы не только переживаем чудовищный экономический кризис, последствия которого ощущает каждый, но и стараемся дойти до его основных причин, оказывается, что основные средства производства до сих пор вовсе не использовались в интересах общества — для удовлетворения его материальных и духовных потребностей. Если же дела обстоят так, то надо задать вопрос: распоряжалось ли общество до сих пор этими средствами производства вопреки собственными интересам или же кто-то другой использовал их в своих интересах, отличных от интересов общества. Здесь мы переходим к сути дела.

Основные средства производства, а следовательно, и огосударствленные предприятия, которые принято считать общенародной собственностью, никогда до сих пор не находились в руках общества, не были и не являются его собственностью. С того времени, как они перешли в собственность государства, ими фактически распоряжается небольшая группа, обособленная от общества, отчужденная от него и стоящая над ним, сосредоточенная в централизованном бюрократическом аппарате. Это привилегированное меньшинство, пользующееся монопольным доступом к политической власти, одновременно держит в своих руках и экономическую власть. Огромная экономическая власть, которую дает владение основными средствами производства, сосредоточилась в руках бюрократического аппарата, отнята у законного собственника — рабочего класса и общества. Лишение общества прав человека, гражданина и работника нашло свое выражение в потере обществом, в особенности рабочим классом, собственности на средства производства.

Однако это вовсе не означает, что узурпация экономической власти сделала централизованную бюрократию собственником средств производства: будучи обычно служебным слоем, она переродилась в настоящий господствующий класс, хотя и не стала носителем какого-то определенного способа производства и не добила исторической самостоятельности. Характерная черта централизованной бюрократии как господствующего класса состоит в том, что она не может быть собственником. В результате государственная собственность в действительности является ничьей. Отдельные бюрократические группы, выделяющиеся по вертикали и по горизонтали в иерархической структуре аппарата, имеют заранее очерченные сферы распоряжения средствами производства — определенные разрядкой из центра. С этой точки зрения средства производства, находящиеся в распоряжении этих групп, можно было бы считать их групповой собственностью. Однако это не так.

Благодаря фактическому распоряжению средствами производства бюрократия получает материальные и социальные выгоды, связанные с собственностью, освобождая себя одновременно от риска и обязанностей, которые собственность накладывает. Поскольку каждый представитель бюрократии лишь ограниченно распоряжается средствами производства, и к тому же живет все время в постоянной неуверенности, как долго продлится это распоряжение, он стремится максимально, и как можно быстрее, получить выгоды, связанные с распоряжением собственностью. Он тем легче это делает, что не считает собственность своей. Открыто хищническая эксплуатация как средств производства, так и рабочей силы, а равно природных и финансовых ресурсов являются логическим следствием такого получения благ от ничейной собственности. Циклические хозяйственные и политические кризисы, в том числе и страшный нынешний, имеют свой главный источник именно в этом — не только в отсутствии обобществления основных средств производства, но в еще большей степени в том, что в настоящее время они вообще не имеют собственника, который нес бы за них ответственность.

Мы либо не сможем выйти из нынешнего кризиса, либо будем по-прежнему неизбежно обречены на циклические кризисы, с каждым разом все более частые и грозные, до тех пор, пока общество не возьмет экономическую власть из рук централизованной бюрократии, пока не возьмет в свои руки основные средства производства и не начнет использовать их в своих интересах. Социальная революция, начатая рабочим классом в августе, не будет завершена до тех пор, пока общество не раскрепостит себя.

Существует единственный способ перехода основных средств производства в общественную собственность.

Во-первых, выделенная общенародная собственность — то есть та ее часть, которая находится на предприятии, — должна быть отдана по доверенности коллективу. Одним словом — власть на предприятии должна находиться в руках коллектива. Это значит, что органы самоуправления коллектива должны добиться права принимать стратегические и тактические решения, касающиеся деятельности предприятия, а следовательно, коллектив через свои органы самоуправления должен самостоятельно управлять деятельностью предприятия на началах хозрасчета и быть юридическим лицом. Переход власти на предприятии в руки коллектива позволит упразднить существующую систему власти на предприятии — систему внутризаводского деспотизма: свергнуть власть наместников централизованной бюрократии, назначенных сверху, из номенклатуры и кадрового резерва. Дирекция превратится в исполнительный орган заводского самоуправления, осуществляющий оперативное управление предприятием в соответствии с тактическими и стратегическими решениями, принятыми органом самоуправления. Во главе этого исполнительного аппарата на предприятиях станут настоящие специалисты, выдержавшие конкурс и назначенные советом работников предприятия. Осуществление их функций — планирования, организации и координации материальных ресурсов, нормального хода коллективного процесса труда и производства, обеспечения связи между всеми участниками этого процесса — возможно только при подлинном самоуправлении коллективов.

Во-вторых, установление самоуправления в коллективах должно сопровождаться созданием условий для взаимодействия коллективов на основе исторически сложившихся кооперационных, организационных и хозяйственных связей. Свободное развитие таких связей, будучи основой развития самоуправления трудящихся по горизонтали и по вертикали, позволит установить отраслевые и территориальные рамки, в которых должно планироваться, организовываться и координироваться взаимодействие коллективов.

В третьих, рабочий класс должен получить экономическую власть — возможность распоряжаться средствами производства, являющимися общенародной собственностью, через местные и центральные органы самоуправления трудящихся.

Это значит, что по уничтожении существующей организационно-экономической структуры, основанной на приказно-распределительном механизме центрального управления, оперативный хозяйственный аппарат, управляющий обобществленным сектором народного хозяйства, должен быть подчинен системе советов трудящихся. Одновременно непосредственные производители, владеющие обобществленными средствами производства, должны получить соответствующее представительство в Палате Самоуправлений (или Социально-экономической Палате) Сейма и в соответствующих палатах народных советов. Речь, таким образом, идет о том, что, как писал в 1956 г. проф. Оскар Ланге, "логическим следствием опоры управления народным хозяйством на только что родившееся рабочее самоуправление на предприятиях, на самоуправление кооперативов и иные формы крестьянского самоуправления, является создание в Сейме второй палаты представителей самоуправляемых отраслей социалистической экономики".

Не может подлежать сомнению, что стремление к установлению производственного самоуправления как способа осуществить действительное обобществление основных средств производства, возникло из естественных тенденций и собственного опыта польского рабочего класса. Наше общество сегодня в состоянии непосредственно и в собственных интересах распоряжаться основными средствами производства, то есть быть их полновластным собственником в несравненно большей степени, чем тогда, когда были предприняты первые попытки установить рабочее самоуправление на предприятиях (в 1944 и в 1956 гг.). Об этом свидетельствуют всеобщий характер забастовочной борьбы в августе 1980 г. и те ее формы, которые взял на вооружение НСПС "Солидарность", а именно оккупационный¹ характер массовых забастовок. Дело в том, что между оккупационной забастовкой и стремлением установить власть рабочих советов на предприятиях существует тесная, хотя и не всегда лежащая на поверхности связь. Склонность к проведению оккупационной забастовки как главной формы борьбы свидетельствует, что рабочий класс созрел до того, чтобы отнять основные средства производства у привилегированного меньшинства, до сих пор владевшего ими.

Уже в конце 30-х гг., во время крупных массовых оккупационных забастовок, в рабочем движении на Западе было замечено, что установление власти рабочих советов — иногда называемых фабричными комитетами — становится естественным продолжением ситуации, созданной развитием забастовки. Указывалось, что, независимо от того, какие требования выдвигали бастующие, временное занятие фабрик и заводов ставило в практической форме вопрос, кто является хозяином предприятия. Поскольку оккупационная забастовка ставит такой вопрос на определенное время, создание фабричного комитета дает ему институциональное выражение. Мощная волна оккупационных забастовок, прокатившаяся по многим странам Запада — писалось тогда — ясно свидетельствует о том, что лозунг взятия власти на предприятии фабричным комитетом не является в этих странах ни преждевременным, ни тем более утопическим.

Уже много раз, начиная с июля и августа прошлого года, рабочие в нашей стране не ограничивались только прекращением производственного процесса, но посредством стачечного комитета устанавливали полный контроль над средствами производства и свою власть на предприятиях. Задача самоуправленческого движения — удержание или взятие власти на предприятиях в условиях нормального хода производственного процесса.

Раздаются голоса, что "Солидарность" как профсоюз не должна вмешиваться в ту область, о которой идет здесь речь. Уступка подобным настроениям привела бы не только к отказу "Солидарности" от роли мощного общественного движения, единственного, которое в силах начать самоуправленческую реформу экономики и государства и проложить дорогу для выхода общества из кризиса. Это

¹ То есть с занятием предприятий.

было бы и изменой традициям профсоюзного движения. Во многих странах национализация главных отраслей промышленности, сопровождаемая установлением рабочего контроля над производством, является важной составной частью программы деятельности профсоюзного движения. Наш профсоюз, выдвигая лозунг обобществления основных средств производства путем установления над деятельностью предприятий рабочего контроля в его высшей форме — коллективного самоуправления, — делает не что иное, как реализует в наших условиях то, чего в других странах ожидают от передовых, наиболее преданных интересам рабочего класса профсоюзов. Такова в общих чертах стратегия, которой должна руководствоваться "Солидарность".

Экономическая реформа должна вызвать глубокие изменения в отношениях собственности — осуществить принципы общественной собственности на основные средства производства, принципы, которые до сих пор были ничем не подкрепленной фразой Конституции. Любая реформа в рамках системы централизованной бюрократии, не оспаривающая ее экономической власти и не передающая собственность обществу, неприемлема для рабочего класса и "Солидарности". "Солидарность" и движение за самоуправление коллективов борются не за то, чтобы предприятие стало групповой собственностью, а за то, чтобы оно стало общественным, находящимся в общенародной собственности.

Активная забастовка

Формы борьбы НСПС "Солидарность", в том числе и крайняя — массовая стачка, — должны быть подчинены стратегической цели, о которой шла речь в предыдущем разделе. Ведь именно цель борьбы диктует ее средства.

Оккупационная забастовка в той форме, как она применялась "Солидарностью" до сих пор, то есть в пассивной форме, является, как известно, оружием оборонительным. Прекращение производства в зависимости от того, как долго это прекращение длится, а также от его масштабов, всегда приводит к большему или меньшему торможению прироста материальных благ, а тем самым в определенных условиях может уменьшить возможность удовлетворения общественных потребностей. В нынешней ситуации углубляющегося экономического кризиса и нарастающей нужды обоюдоострость такого оружия как стачка очевидна. Дело здесь не в том, чтобы утверждать, будто благодаря отказу от стачек мы выйдем из кризиса. Никакие 90 или даже 1000 дней социального мира¹ не в состоянии вывести наше общество из кризиса, потому что возник он не из-за отсутствия социального мира, а из-за распада и гниения бюрократической системы политической и экономической власти. С другой стороны, опыт показывает, что очень неправдоподобно, чтобы без продолжительной всеобщей забастовки общество могло бы добиться чего-нибудь, кроме частных уступок со стороны бюрократии. Что еще важнее, социальный мир является лишь иллюзорным, и мы должны сознавать, что в каждый момент он может быть сорван.

От возможности прибегнуть к стачечной борьбе "Солидарность" отказаться не может, однако до сих пор применяемая пассивная оккупационная забастовка не может быть в этой ситуации единственным ее крайним оружием. Выход, как представляется, один. Если реакционные группы бюрократии, которые еще занимают влиятельные позиции в аппарате власти, окажутся в недалеком будущем настолько сильными и ловкими, что те или иные их действия, затронув права, достоинство и интересы рабочего класса и общества, поставят "Солидарность" перед необходимостью использовать свое последнее оружие, или если такая необходи-

¹ Намек на призыв В.Ярузельского 12 февраля 1981 г. к 90-дневному "забастовочному примирению".

мость будет продиктована нарастающим в обществе гневом против бессилия аппарата власти, то тогда мы уже не должны будем ограничиваться пассивной забастовкой. Мы должны быть готовы перейти к активной забастовке.

В ходе пассивной оккупационной забастовки заводская комиссия НСПС "Солидарность", преобразуясь в стачечный комитет, всегда брала власть на предприятии. Во время активной забастовки она должна сделать то же самое. Разница между этими двумя формами оккупационной забастовки лежит в другом: после кратковременной остановки производства, или пассивной забастовки, стачечные комитеты возобновляют его, устанавливая контроль над производством и над всей хозяйственной деятельностью предприятий. Поэтому после окончания забастовки власть на предприятиях — в отличие от пассивной забастовки — уже не возвращается в руки тех, кто осуществлял ее прежде, а передается органам самоуправления коллективов.

На предприятиях с непрерывным процессом производства фаза пассивной забастовки отсутствует, что, однако, не означает, что они не охвачены стачкой. Коллективы этих предприятий сразу приступают к активной забастовке. Стачечные комитеты берут на себя полный контроль над коммунальными службами, электростанциями и ТЭЦ, газопроводами, водоснабжением, пожарными частями и т.д. Региональный стачечный комитет может распорядиться о выходе части предприятий из активной забастовки, то есть об остановке производства, в связи с необходимостью приспособить организацию производства в регионе к ограниченным энергетическим и сырьевым ресурсам. Однако и эти предприятия вовсе не переходят к обычной пассивной забастовке. Их коллективы должны участвовать во всеобщей активной забастовке иным способом — выполняя различные общественно-полезные работы, такие, например, как ремонт машин и оборудования, а также всестороннее изучение предприятий, приведение их в порядок, начало работы над новым внутренним устройством предприятий и над альтернативными планами (о них речь пойдет ниже), несение патрульной службы в рядах гражданской стражи (там, где она создается), создание бригад, осуществляющих помощь в полевых работах крестьянам-единоличникам и т.д.

На типичном промышленном предприятии, коллектив которого начинает активную забастовку, взятие власти и установление контроля над производством со стороны стачечного комитета не означает, что он может осуществлять оперативное управление предприятием. Для этого нужны профессионалы — специалисты по организации и управлению. В зависимости от конкретной ситуации предприятием управляет либо прежняя дирекция, либо созданный в период активной забастовки административный комитет, состоящий из трех членов административно-управленческого персонала, которые, с одной стороны, являются хорошими специалистами, а с другой — пользуются доверием коллектива и стачечного комитета.

Чтобы обеспечить надлежащее оперативное управление предприятием во время подготовки к активной забастовке, необходим подбор кандидатов на такие должности, как технический директор¹, главный технолог, главный механик и т.д., а также руководители цехов и отделов. Речь идет о том, чтобы там, где лицо, занимающее важный управленческий пост, заведомо не будет выполнять своих обязанностей во время активной забастовки, либо вероятно осуществление им саботажа производства или оказание пассивного сопротивления, можно было бы заменить его другим человеком.

Стачечный комитет должен стать, от имени коллектива и в интересах общества, распорядителем общенародной собственности, доверенной предприятию, и принимать решения по всем существенным вопросам, касающимся деятельности предприятия во время активной забастовки. Никакое важное решение, принято ли

¹ Соответствует нашему главному инженеру.

оно дирекцией или руководством отдельного подразделения, не является действительным без утверждения стачечным комитетом. Дирекция или поставленный на ее место административный комитет являются исполнителями решений, принятых стачечным комитетом, и ответственны исключительно перед ним и коллективом.

Так же, как во время пассивной оккупационной забастовки, стачечный комитет должен создать рабочую стражу, обеспечить взаимодействие с промышленной охраной или установить над ней контроль, обеспечить постоянную охрану склада оружия, если он находится на территории предприятия, чтобы не допустить его разграбления, обеспечить снабжение заводских столовых и т.д. Одновременно, в случае всеобщей забастовки, организовать выдачу стачечным комитетом специальных мобилизационных стачечных карт заведующим складами, снабженцам, управляющим заводским транспортом и транспортными базами.

Активная забастовка обязательно должна сопровождаться принятием коллективами "декларации самостоятельности предприятия", главными элементами которой являются заявления о выходе из подчинения промышленному объединению и о прекращении выплат на содержание аппарата объединения. В то же время следует отказаться от вхождения в любые промышленные объединения, если только оно не будет обосновано с точки зрения экономических и общественных интересов.

Отказ подчиняться объединениям не грозит предприятиям недостатком информации о возможности кооперационных связей, потому что последние прекрасно известны предприятиям. Они, зная своих партнеров, должны установить с ними горизонтальные связи, чтобы обеспечить себе и в дальнейшем поставки от смежников до того времени, когда найдутся предприятия, готовые сотрудничать на добровольных началах. Следует произвести оценку установленных ранее кооперационных связей, изучить возможности приближения поставщиков к производителям конечной продукции, достигнув таким образом существенной экономии на транспортных, топливных и других расходах. По инициативе своих коллективов предприятия должны стремиться к заключению между собой договоров о сбыте и поставках, преодолевая ведомственные барьеры.

Вышеуказанные действия должны быть начаты еще на подготовительном этапе активной забастовки. На том же этапе необходимо приступить к определению способов использования резервов, которые предприятия получают от сокращения затрат на управление, от экономии сырья и запасов, от лучшей организации производства. Необходимо также убедить научно-исследовательские и конструкторские организации, заводские лаборатории и ячейки технического прогресса¹ провести за короткое время экспертизы, связанные с возможностями замещения импорта и других организационно-технических преобразований. Будет правильно, если заводские комиссии, готовясь к активной забастовке, создали бы две специальные группы: одну для проведения постоянной оценки партнеров предприятия, другую для анализа рынка и конъюнктуры, причем необходимо знать, чем занимается служба экономической и технической информации, которая обязана всегда быть информированной о всех возможных рынках предприятия.

Подготовка коллектива на случай объявления активной забастовки должна быть начата заблаговременно, и не только потому, что невозможно точно предвидеть нужный момент, в который может возникнуть такая стачка, но и потому, что чем больше времени, тем лучше подготовка. Приготовления нужно вести одновременно в двух направлениях: с одной стороны, быстро обеспечить минимум условий, необходимых для проведения активной забастовки, а с другой — начать долговременные приготовления, которые могут растянуться на несколько месяцев. Говоря о долговременных приготовлениях, прежде всего следует иметь в виду подготовку основательных обзоров состояния предприятий. Огромная ценность этой части

¹ Аналог наших БРИЗов.

подготовки к активной забастовке состоит не только в том, что обеспечиваются наилучшие условия для эффективной деятельности коллектива в период стачки, но и в том, что одновременно предприятие подготавливается к самоуправленческой экономической реформе, создаются предварительные наработки программы выхода предприятия из кризиса. То есть эта работа приносит плоды не только в момент возникновения активной забастовки, но и оказывается полезной независимо от того, дойдет ли дело до стачки.

Доклад о состоянии предприятия может готовиться самим коллективом, везде, где есть возможность, с привлечением смешанных групп — лучше двух, конкурирующих друг с другом, — состоящих из рабочих и инженерно-технических работников. Коллективы могут также поручить выработку такого доклада дирекции и затем дать его на рецензию экспертам из "Солидарности" или из научных учреждений и обществ. Важно, чтобы доклад в числе прочего содержал данные о степени использования производственных мощностей, о факторах, ограничивающих объем производства, о потерях ресурсов, выявил узкие места, связанные с нехваткой сырья, запасных частей, полуфабрикатов и энергии; наметил бы возможности замены сырья и материалов, возможности рационального сотрудничества с поставщиками и смежниками, выпуска заменяющей продукции или смены профиля продукции, применения капиталосберегающих методов для "расширения" узких мест и т.д.

Региональный стачечный комитет НСПС "Солидарность" играет во время активной забастовки чрезвычайно важную роль, не ограничиваясь только руководством и координацией стачки. Кроме той роли, которая принадлежит ему в обычных забастовках, стачком может взять на себя и совершенно новую роль. Самостоятельно либо вместе с региональной комиссией сотрудничества рабочих советов или региональным комитетом производственного самоуправления трудящихся — в зависимости от наличия такого органа — он может осуществлять централизованный контроль над экономической деятельностью в некоторых особо важных отраслях, таких как снабжение населения продовольствием, лекарствами, производство основных видов сырья и энергии, транспорт, а также над выполнением наиболее важных договоров о поставках между смежниками и на экспорт. Вместе с неотложными мерами по подготовке активной забастовки необходимо осуществлять долговременные меры, которые в нужный момент позволили бы "Солидарности" вместе с движением за самоуправление коллективов не только осуществлять контроль над экономической деятельностью в упомянутых отраслях, но и пойти значительно дальше — установить в них во время активной забастовки централизованную (хотя бы в пределах региона) систему управления. Это трудная задача, но ее нужно решать не только затем, чтобы многократно усилить эффективность активной забастовки, но и затем, чтобы общество смогло установить контроль над развитием кризиса и выработать независимую программу выхода из него.

Другой не менее важной задачей регионального руководства активной забастовки должно быть выявление всяческих возможных резервов, которые позволили бы поддержать снабжение жителей вещами и продовольствием на уровне удовлетворения основных потребностей. Один из таких резервов — возможность в сотрудничестве с независимым сельскохозяйственным профсоюзным движением призвать крестьян к проявлению солидарности с рабочими. Есть и другие резервы, такие как организация и увеличение производства промышленных товаров, хотя бы инструментов и инвентаря, которых так не хватает крестьянам, или оказание им помощи в работах бригадами с предприятий, прекративших работу. Важный общественный резерв рабочего класса крупных предприятий составляют рабочие — владельцы садовых участков, рабочие-крестьяне и крестьяне-рабочие, которые ездят из деревни на работу в город. Они могут стать и серьезными поставщиками продовольствия. Развитие такой деятельности позволит городу получить во время активной забастовки улучшенное снабжение продовольствием. Распределение продовольствия

предприятиях, которым в условиях кризиса грозит сокращение работников или полное закрытие. "Солидарность" обязана использовать активную забастовку для выдвижения требования, чтобы таким предприятиям было дано, скажем, полгода для выработки альтернативных планов или программ изменения своего профиля. Альтернативные планы дали бы возможность производить новую нужную обществу продукцию, позволили бы органам коллективного самоуправления спасти предприятие, а профсоюзам — противодействовать угрозе безработицы.

Основным условием окончания активной забастовки должно быть предоставление предприятию статуса самостоятельного самоуправляемого общественного предприятия. Это значит, что предприятие перестает быть объектом централизованного управления, основанного на приказно-распределительном механизме, что оно перестает использоваться в интересах централизованной бюрократии, и им начинает распоряжаться коллектив — в интересах общества и своих собственных. Предприятие должно быть вычеркнуто из реестра государственных и вписано в реестр общественных предприятий, являющихся общенародной собственностью.

Как мы уже говорили, с окончанием активной забастовки стачечный комитет НСПС "Солидарность" может передать власть на предприятии только органам коллективного самоуправления. В связи с этим во время забастовки обязательно создание организационного комитета коллективного самоуправления или избрание рабочего совета (совета трудящихся), — если такие органы не были созданы раньше. Одновременно, еще в период проведения активной забастовки, должна начаться работа над новой внутренней организацией предприятия, в том числе над программой введения внутривзводского самоуправления вплоть до бригад. Там, где возможно, уже во время активной забастовки самоуправляемые бригады должны при поддержке стачечного комитета подписать своего рода "трудовой договор" и самостоятельно организовывать, распределять, а затем и оценивать работу. Во время активной забастовки должен быть создан — там, где его еще нет — региональный орган движения коллективов за самоуправление (совет сотрудничества или организационный комитет по его созданию). В результате стачки этот комитет или региональный совет сотрудничества заводских советов должен найти возможности оказывать реальное воздействие на экономическую политику в регионе, в том числе осуществлять контроль с правом вето над деятельностью территориальных административных органов в общественно-экономической сфере.

Заключение

В 1944 и 1945 гг. сами коллективы восстанавливали предприятия в разрушенной войной стране, создавая для этого по собственной инициативе заводские советы и фабричные комитеты. В 1956 и 1957 гг. находившиеся в кризисе предприятия вновь были поставлены на ноги самими коллективами под руководством созданных ими рабочих советов. Исследовательская группа "Опыт и будущее" утверждает: "Каждый производственный коллектив, если в нем есть высококвалифицированные работники, можно за несколько месяцев поставить на ноги. Попробуйте это сделать". Мы должны пробовать, потому что другого выхода нет — непохоже, чтобы централизованная бюрократия вывела нас из кризиса. Тем самым мы начнем передавать средства производства в собственность общества и создавать общественные предприятия, используя метод, рожденный историческим опытом польского рабочего класса. Если "Солидарность" будет вынуждена прибегнуть к оружию массовой стачки — пусть это будет главным образом активная забастовка, которая заметно ускорит процесс самоорганизации общества как собственника и проложит пути выхода из кризиса. ●

и потребительских товаров, произведенных на предприятиях, участвующих в активной забастовке, должно происходить под контролем стачечных комитетов с участием стачечных контролеров — полномочных представителей регионального стачечного комитета. Магазины и склады должны охраняться рабочей или гражданской стражей, а снабженческие базы, распределяющие дефицитное сырье и другие продукты, должны осуществлять поставки в соответствии с распоряжениями стачечного руководства. Следует продумать целесообразность создания сети непосредственного снабжения некоторыми продовольственными товарами бастующих предприятий, а также введения "народных корзин" для престарелых и других категорий населения, требующих особой опеки.

Любые распоряжения административных властей, касающиеся социально-экономических вопросов и проблем правопорядка, а также и другие, могущие влиять на общую ситуацию в районе, охваченном активной забастовкой, требуют утверждения региональным стачечным руководством.

Следует считаться с возможностью применения различными звеньями и уровнями хозяйственной администрации блокады поставок сырья, запчастей и т.п. на промышленные предприятия с целью прекращения ими активной забастовки. Но следует отдавать себе отчет и в том, что на угрозу такого рода саботажа предприятия, охваченные активной забастовкой, могут ответить эффективным блокированием поставок для тех жизненно важных отраслей, которые остались за пределами стачечной борьбы. С этой точки зрения саботаж производства, контролируемого стачечными комитетами, был бы невыгоден центральной бюрократии.

Активная забастовка должна иметь своим главным лозунгом следующий: власть на предприятии — трудовому коллективу! Ведь первой задачей такой забастовки является поиск коллективом условий для установления подлинного самоуправления, а также вывод предприятий из кризисной ситуации. Требования, выдвигаемые во время активной забастовки, должны, следовательно, в первую очередь касаться полномочий органов самоуправления коллективов и экономической самостоятельности предприятий. Среди таких требований обязательно надо поместить право найма директоров советами трудящихся по итогам открытого конкурса и их увольнения на основе признания принципа, что дирекция — исполнительный орган коллективного самоуправления, ответственный перед органами последнего как высшей властью на предприятии.

Вместе с этими исходящими из принципа народовластия переменами в институциональной организации власти на предприятии необходимо выдвинуть требование полной отмены совершенно ненужных паразитических звеньев управления, таких как комбинаты и большинство промышленных объединений, а также всех ведомственно-отраслевых структур хозяйственного управления. Одновременно надо бороться за право создавать добровольные объединения предприятий, управляемые советами трудящихся. Необходимо добиться признания за предприятиями такого правового статуса, при котором бюрократический аппарат объединений не мог бы блокировать самостоятельные связи предприятий с банками, их экспортно-импортную деятельность и т.п.

Среди важнейших требований забастовки должна находиться и отмена всяческих показателей, на основе которых оценивается деятельность предприятия, за исключением произведенной прибыли или дохода, а также гарантия на участие коллектива в прибылях, чтобы он мог быть заинтересован в экономических результатах деятельности предприятия.

Среди требований, реализация которых обеспечила бы коллективам и их представительным органам право решать основные вопросы деятельности предприятий, обязательно должно присутствовать требование дать органам самоуправления возможность определять профиль производства. Это необходимо и для гибкости приспособления к запросам потребителей, и для создания везде, где возможно, условий для конкуренции между предприятиями. Речь в особенности идет о тех

ГДЕ НАЙТИ ИДЕОЛОГИЮ?

В ожидании перемен

Похоже, для умеренных социалистов в Западной Европе наступают хорошие времена. После десяти лет господства правых партий на политической арене континента поворот влево представляется многим естественным и даже неотвратимым. Выступая в июне в Стокгольме на конгрессе Социалистического интернационала, посвященном, кстати, столетнему юбилею этой организации, глава западногерманских социал-демократов Ганс-Юрген Фогель заявил с изрядной долей патетики в голосе: "Демократический социализм становится все более и более популярным". Где? В Восточной Европе? Да. Но в Западной — это не совсем так, ведь падение популярности правоцентристов, которое произошло повсеместно в Западной Европе, отнюдь не вынесло на поверхность "центристов слева". Это падение сыграло на руку мелким, некоммунистическим партиям, находящимся левее коммунистов, зеленым и крайне правым. Так произошло в Голландии и Норвегии в сентябре, а в Великобритании избиратели, недовольные правым правительством, как будто переметнулись к левым, но пока лишь это прогнозы различных служб по изучению общественного мнения. Почему же избиратели, сытые по горло правыми, не желают или, во всяком случае, колеблются отдать свои голоса левым? Вопрос простой.

Все западноевропейские левоцентристские партии — рабочие, социалистические, социал-демократические — обременены грузом социалистической идеологии. Правда, в наши дни все они говорят о "рыночном социализме", делая ударение на первом слове, однако не все понимают, для чего это делается. А делают это умеренные социалисты для того, чтобы сохранить доверие колеблющихся избирателей из среднего сословия. При этом, правда, они рискуют проиграть левосоциалистам, что и случилось на последних всеобщих выборах в Норвегии, где правящая партия г-жи Брундланди уступила свои позиции левым социалистам. В Испании глава Всеобщего рабочего Союза г-н Николас Ридондо заявил, что его профсоюз сыт по горло "левой элитой" и не будет больше поддерживать правительство социалиста Ф.Гонзалеса. Впрочем, падение популярности европейских социалистов началось не сегодня.

В 1975 г. социалисты находились у власти, делили ее с другими партиями или серьезно претендовали на власть почти во всех европейских странах. Тот факт, что они возглавляли правительства во многих европейских столицах, казался тогда совершенно естественным. Однако вскоре социалисты начали терять позиции. Первым в 1976 г. пало правительство социал-демократов в Швеции. (И это после 43 лет нахождения у власти!) В 1979 г. вынуждены были пересечь на скамью оппозиции британские лейбористы. Через три года правые пришли к власти в Дании, а голландские социал-демократы передали бразды правления право-центристской коалиции. В Западной Германии рухнула правительственная коалиция, возглавляемая лидером социал-демократов Хельмутом Шмидтом. Утешением может служить тот факт, что Латинская Европа в то же время двигалась в обратном направлении. Но обольщаться не приходится — избиратели в новых демократиях Испании и Португалии не столько выразили поддержку идеям социализма, сколько недоверие правым партиям, за которыми слишком очевидно маячили тени Франко и Салазара. Да и во Франции президентское кресло досталось Ф.Миттерану не потому, что избиратели уверовали в прочность союза социалистов и коммунистов, а потому, что за 23 года пребывания у власти правые изрядно надоели большинству французов. В 1986 г. социалисты проиграли на парламентских выборах, но верну-

лись к власти два года спустя в качестве партии меньшинства, ухватившись за фалды переизбранного президента. В Италии левые не сумели извлечь политическую выгоду из долгого пребывания у власти правых партий. Вообще же в этой стране понятия "правые" и "левые" потеряли всякий смысл, ибо социал-демократическая партия находится на правом фланге, а настоящие социал-демократы называются социалистами и обычно выступают в качестве младших партнеров в коалиции с правыми партиями. Итальянские коммунисты давно превратились в социал-демократов, сохранив лишь старое название, которое вероятнее всего тоже скоро исчезнет.

Почему же левые проиграли?

Левые потеряли поддержку избирателей повсеместно, и объяснить это просто падением их популярности из-за долгого пребывания у власти или случайным "невезением" невозможно. И в Европе, и в Америке пришло время неоконсерватизма. Вера в благотворное вмешательство государства в экономику и в функционирование социальных институтов была сильно подорвана. Многие избиратели, в том числе из рабочего класса, стали смотреть на рабочих лидеров всего лишь как на жадных до власти политиканов. И когда предприниматели стали возмущаться и доказывать, что меры, призванные защищать интересы трудящихся, отбивают у них желание вообще нанимать этих самых трудящихся, они были услышаны, причем услышаны прежде всего во все удлиняющихся очередях за пособием по безработице. Налогоплательщики были сыты по горло социальными экспериментами лидеров левых партий. Популярность "социалистического капитализма" достигла своего апогея и начала падать. Сравним результаты выборов, начиная с 1945 г.

В чем же причина падения популярности левых?

Прежде всего в том, что общество и, как любят говорить марксисты, "средства труда и производства", а на современном языке — технология, решительно изменились. Эти изменения привели к эрозии социальной базы левых партий — промышленный пролетариат в классическом, то бишь марксовом определении, — исчез. А вместе с ним отошла в прошлое идея одноклассовой партии.

Все это не означает, что социально-политические конфликты в Европе отошли в прошлое и социал-демократическим партиям вообще не к кому апеллировать. На смену профсоюзам промышленных рабочих — этих бастионов социализма — пришли не менее могущественные профсоюзы служащих коммунально-общественного сектора. Все чаще к лево-центристским партиям обращают свои взоры избиратели из среднего сословия и "белые воротнички". Более того, в последние годы эти общественные слои "поставляют" все больше и больше профессиональных политиков в социалистические и социал-демократические партии, в то время как представители рабочих в левых партиях просто-таки исчезают. В западногерманском бундестаге и в испанских кортесах среди социал-демократов и социалистов — лишь десять процентов выходцев из рабочей среды. Все больше и больше депутатов-лейбористов начинали свою карьеру как социальные работники, преподаватели, "белые воротнички". Во французской социалистической партии доминируют учителя, а греческим ПАСОК'ом руководят адвокаты. Проблема, однако, в том, что в последние годы прочные связи между рабочими профсоюзами и реформаторами из среднего сословия начали ослабевать, и этот социальный союз грозит через некоторое время распасться вовсе. Причина этого — не новый конфликт, а, напро-

Левые партии % голосов	Лучшие результаты	Последние результаты
Дания	38 (1979)	30 (1988)
Британия	49 (1951)	31 (1981)
Голландия	34 (1977)	31 (1989)
Норвегия	46 (1969)	34 (1989)
Франция	38 (1981)	35 (1988)
ФРГ	46 (1972)	37 (1987)
Италия*	44 (1976)	41 (1987)
Швеция	50 (1968)	43 (1988)
Испания	49 (1982)	44 (1986)

* Социалисты вместе с коммунистами.

тив, успехи европейских социал-демократов. Ведь главные цели европейских социалистов, провозглашенные еще в 30-е годы и начавшие воплощаться в жизнь после 1945 г. (всеобщее трудоустройство, опирающееся на государственные субсидии в экономике, государственное социальное обеспечение, социальные реформы и свобода профобъединений), оказались выполненными. (Исключение составляет лишь всеобщее трудоустройство.) Так что же теперь, когда программа социалистов в основном выполнена, левые партии ждут медленное умирание?

Пути выживания

Нет, оппонентам европейских левых радоваться рано. Социалисты континента с самого начала проявили удивительную гибкость и способность к выживанию, приводя в неистовство догматиков как справа, так и слева. Удастся ли им снова найти какую-то новую платформу, чтобы, не теряя лица, удержаться на поверхности политической жизни?

В течение одного столетия социалисты трижды резко меняли курс. Первый раз они променяли революцию на реформы. Первая мировая война развеяла мечты о мировом социализме, а революция в России расколола левых на социалистов и коммунистов. Хотя в то время победа коммунистов казалась неотвратимой, социалистам Европы удалось обойти коммунистов на избирательных пунктах. Французские коммунисты, некогда доминировавшие на левом фланге, сегодня далеко позади социалистов. В Италии разрыв между коммунистами-реформаторами и социалистами не так велик, как это было в прошлом. В 1976 г. коммунисты набрали 34% голосов, а социалисты — 10%. Результаты выборов 1989 г. (в Европарламент) — 28% и 15%, соответственно. В таких странах, как Кипр, Исландия и Финляндия, где коммунисты получают на выборах более 10% голосов, они давно уже перестали верить в революцию.

Вторым изменением курса социалистов был отказ от централизованного планирования и признание рынка. Шведы это проделали еще в 30-е годы, западные немцы — на своем знаменитом конгрессе в Бад-Годесберге в 1959 г., а социалисты Испании — в 70-е годы. Французы осуществили новый курс на практике, хотя предпочитают об этом помалкивать. Линия партии, проводимая Миттераном в области смешанной экономики, остается неизменной: ни дальнейшей национализации, ни передачи предприятий в частные руки. Тридцать лет назад британская лейбористская партия буквально разрывалась на части от попыток Хью Гейтскелла провести реформы, а в середине 70-х при Джеральде Вильсоне, занимавшем тогда пост премьер-министра, британские лейбористы по-прежнему продолжали строить грандиозные планы, связанные с государственным вмешательством в экономику. В 80-е, однако, лейбористы поддержали Н.Киннокка, который отменил эти древние догмы. Надо признать, что узакониваются эти перемены без излишней огласки. Социалистический интернационал принял в 1989 г. новую Декларацию принципов, где отказ от старых мечтаний о плановой экономике был мотивирован следующим образом: "Социальный контроль над экономикой — это цель, которой можно достичь применением самых различных экономических мер". Слово "государственный" было заменено на "социальный". А это уже приемлемо даже для американских демократов.

Третьим поворотом социалистов стало признание необходимости ограничить пределы государственного вмешательства в социальное обеспечение граждан. Даже в Швеции, на родине государственного социального обеспечения, министру финансов г-ну Квеллу Олофу Фельдту и его "правым теневым оппонентам" пришлось договориться о рамках государственной социальной помощи. План действий партии на 90-е годы, опубликованный в августе прошлого года, предусматривает снижение налогов, а будущие нужды социального обеспечения, согласно плану, должны удовлетворяться путем уменьшения расходов и увеличения выбора потребителя.

Четвертая смена приоритетов – поставить проблему загрязнения среды обитания во главу угла избирательной кампании – только лишь реализуется. Главный экономический пункт партийной программы немецких социал-демократов – это не столько сокращение рабочей недели, сколько "экологический" налог на горячее. В Швеции и Великобритании социалисты тоже начинают "зеленеть". Но они не единственные, кто ухватился за эту идею. Консерваторы, похоже, их опередили. И неудивительно. Великие цели реформистов прошлого в большинстве своем уже достигнуты. Сейчас возникла другая проблема, на которую, как показали июньские выборы в Европарламент, откликнулись сегодняшние энтузиасты (и которая, как подметила г-жа Тэтчер, не несет неприятных последствий в вопросе перераспределения общественного богатства).

Будет ли эта смена приоритетов достаточной, чтобы сохранить влияние социалистов? Или они сползают в опасную зону ниже 30% голосов, где дальнейшие потери приведут к их окончательному закату? Левым партиям в Европе открыто несколько возможностей. Одна, уже изрядно поношенная идея – собрать воедино женское движение, зеленых, правозащитные, эмигрантские группы, борцов за разоружение, гомосексуалистов, рабочие профсоюзы и безработных. Этот союз может породить движение протеста при условии, что все его участники увидят пользу в такой "разноцветной" коалиции. Но подобный союз не будет иметь четкой идеологической базы и даже близко не будет напоминать правящую партию.

Другая идея – стать европейским вариантом американских демократов, этих альтернативных администраторов капитализма с мягкими сердцами и без социалистического багажа строгого государственного контроля, планирования или общественной собственности. Такая тенденция уже проявляется, но парадокс в том, что сами американские демократы стоят перед той же проблемой, что и европейские социалисты, – угрозой потери собственного "я".

И все же вопрос выживания европейских социалистов в ближайшем будущем заключается в том, сумеют ли они стать ядром лево-центристской коалиции, чтобы защитить "капитализм с социалистическим лицом" от правых радикалов. Историк-марксист Эрик Хаббеаум советует британским лейбористам взять на вооружение стратегию, девизом которой стал бы лозунг "Вытесним Маргарет Тэтчер!". Г-н Киннок, кажется, услышал совет и пытается любой ценой доказать, что он приемлем не только для рабочего класса, но и для средних слоев. Но сможет ли вариант "противостояния" получить широкое распространение на континенте? Хотя некоторые экономические идеи г-жи Тэтчер схожи с теми, что давно реализованы на континенте, тем не менее сам по себе тэтчеризм столь же экспортируем в континентальную Европу, сколь европейские автомобили – в Японию. Г-жа Тэтчер хочет полностью свернуть систему государственного обеспечения, в то время как правительства стран континента ограничиваются тем, что сдерживают ее рост.

Социалистам, быть может, предстоит сыграть еще одну роль – послужить барьером для крайне правых в их попытках вступить в союз с консерваторами. Одна из разновидностей крайне правых только что получила 13% голосов на выборах в Норвегии. Основное ядро избирателей, голосующих за еще более опасный Национальный фронт Франции, составляет где-то 10%. Гораздо более опасные, если учитывать их историческое прошлое, западногерманские республиканцы получили 7% голосов на прошедших выборах в Европарламент. Некоторые христианские демократы в Западной Германии начинают подумывать, не объединиться ли им с республиканцами в том случае, если на предстоящих всеобщих выборах в будущем году свободные демократы потеряют голоса избирателей и оставят христианских демократов без четко выраженного большинства. Страх избирателей перед крайне правыми помог г-ну Миттерану в 1988 г. Он может помочь и социалистам других стран, но лозунг "Объединяйтесь против нетерпимости!" вряд ли может стать боевым призывом предвыборной кампании левых. Совершенно ясно, что эта идея не

предлагает никакой четкой идеологии даже если правый экстремизм возрастет настолько, что сделает союз социалистов и консерваторов необходимым.

Нужны идеи, а не имена

И все-таки, что бы там ни было, социалисты не сумеют придти к власти, пока не объяснят избирателям, как и в каких целях будут использовать власть. Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер продемонстрировали, что идеи в политике имеют вес! Социалисты нуждаются в новой социальной философии. Называйте ее как угодно: несоциалистическая, неосоциалистическая или просто социалистическая. В конце концов, само по себе название мало влияет на избирателей.

Социалисты — дети эпохи Просвещения. Они не настолько наивны, как иногда утверждают их оппоненты, чтобы думать, что человечество способно достичь совершенства но считают, что социальные условия можно улучшить путем политической борьбы. Началом нового, намного более интересного мышления социалистов является представление о гражданине как о потребителе. Закон свободного рынка диктует: "государство должно оставить индивидуума в покое" и "пусть все решает рынок". Социалисты возражают, заявляя, что свобода для щуки — это тирания для карася. Государство необходимо как действенный судья, чтобы, как минимум, контролировать монополии. В Германии социал-демократы хотят усилить антимонопольное законодательство. Г-н Ачилле Очетто, глава итальянских коммунистов, хотел бы обуздать власть большого бизнеса, чтобы дать больше возможностей средним и мелким фирмам. Опять же, с тех пор, как правительства отдельных стран уже не контролируют мировую экономическую политику, вопрос о контроле над ней перекладывается на плечи общественности. Социалисты должны четко представлять себе, какое значение для избирателей будут иметь вопросы мировой экономики. Но, с другой стороны, не следует забывать, что свобода для государства может обернуться тиранией для гражданина. Отсюда и вновь появившийся интерес левых к гражданским правам, ярко продемонстрированный британским движением "Чартер-88". Сторонники этого движения требуют принятия Закона о правах (а также пропорционального представительства на выборах). Последнее требование пока отвергается лейбористскими лидерами, которых вполне устраивает антидемократическая избирательная система, поскольку эта система позволяет и им время от времени находиться у власти.

Некоторые социологи-теоретики пытаются решить старую задачу: согласовать социалистические идеи равенства граждан с заботой либералов о свободе личности. Если всерьез принять идею о том, что все граждане имеют определенные "отрицательные права" или права на "свободу от...", такие, как равенство перед законом или право не быть дискриминированным, то в таком случае нужно принять идею о равных возможностях, то есть, что слабому положено столько же шансов в жизни, что и сильному. Согласившись с этим, мы сразу станем сторонниками радикальной программы. Она может включать в себя следующие требования: равноправие при приеме в учебные заведения, налоги на наследство, жесткие меры против дискриминации по признакам расы или пола, установление минимальной заработной платы и справедливой системы социального обеспечения.

Еще неясно, можно ли полностью или частично трансформировать все эти идеи в цельную и приемлемую для избирателей предвыборную программу. Как марксисты, так и поборники свободного рынка, в одинаковой степени сомневаются в том, что "равный брак" между социализмом и либерализмом состоится. Им это кажется полным вздором. Вздором это может показаться и избирателям. Надо признать — из всех возможных вариантов, имеющихся у социал-демократов и социалистов Западной Европы, этот — наименее трудный. Но если он "сработает", европейские социалисты обеспечат свое будущее. ●

Ж.Э. (Лондон)

Пол МЕЙДМЕНТ (Англия)

МИР ИЕНЫ

1. Новая расстановка сил в Восточной Азии и в бассейне Тихого океана

В годы, когда наше столетие готовится уступить место следующему, народы, населяющие тихоокеанское побережье (и особенно народы стран Восточной и Юго-Восточной Азии), задаются вопросом: следует ли им объединить свои силы и ресурсы в сфере экономики, и если да, то как и под чьей эгидой будет протекать процесс становления Тихоокеанского экономического сообщества? Даже если отнести к этому региону лишь прибрежные районы крупнейших континентальных держав (Америка, Советский Союз и Китай), общая его площадь составит две пятых земной поверхности, живет здесь почти половина населения земного шара. На долю стран региона приходится сорок процентов мировой торговли.

Не слишком ли велико пространство и не слишком ли разнообразны условия, чтобы говорить о едином экономическом районе? Безусловно. Ведь тихоокеанский регион включает в себя такие богатые и стабильные страны, как Япония, и такие бедные и нестабильные, как Китай; такие большие и открытые, как Америка, и такие малые и закрытые, как Северная Корея. Регион, переживший за последние сорок лет две кровавые войны — корейскую и вьетнамскую, — лишен тех исторических, культурных, языковых, государственных, религиозных связей, которые способствуют объединению людей, разделенных государственными границами.

И тем не менее, процесс становления Тихоокеанского сообщества уже начался, хотя пока что он охватывает лишь часть региона и формируется почти исключительно решениями, которые ежедневно принимают бизнесмены и деловые люди. Границы этого сообщества образуют стороны треугольника с вершинами в Сеуле, Сингапуре и Сан-Франциско — с продолжением (хотя и спорным) к Сиднею. Уже найдено и название этому треугольнику — "блок иены", ибо ритм экономической жизни Японии учащается с каждым днем и задает тон деловой активности в регионе. Недавно Япония открыла свой внутренний рынок для продукции стран региона (в то время как прежде туда допускалось лишь сырье), а в обратную сторону ринулся стремительный поток частного капитала, технологии и туристов. Правда, экономический круговорот в этом районе стимулируется не только Японией — он обусловлен еще и модернизацией и сближением стран Восточной и Юго-Восточной Азии — тем не менее именно в Токио определяют его темпы и решают, как далеко может зайти процесс интеграции.

Новая, едва намечающаяся политика Японии состоит в том, чтобы стимулировать интеграцию промышленности стран региона с помощью как государственных, так и частных вложений. При этом региональному сотрудничеству придается столь важное значение, что в Японии прежде всего стремятся достичь по этому вопросу национального единства.

Голосов в пользу того, что Японии следует усилить свое влияние в регионе, явно больше, чем голосов, призывающих это влияние умерить. Однако, достичь полного согласия в вопросе о том, как надлежит действовать в будущем, пока не удастся. Одни считают, что существующие экономические факторы действуют в благоприятном направлении и потому следует предоставить ситуации развиваться естественным образом. Другие придерживаются мнения, что все-таки следует легко и незаметно направлять ход событий в нужное для Японии русло. Третья точка

зрения сводится к тому, что процесс сближения и сотрудничества должен направляться региональными организациями, на которые Япония, в свою очередь, может влиять косвенно, используя свое экономическое могущество. Но проблема в том, что сами учредители региональных организаций пока не достигли согласия в вопросах статуса, сферы и масштабов их деятельности, а равно и в том, каким должно быть участие Японии в их создании и деятельности. Нужна ли, к примеру, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)? Следует ли подписать договоры о беспошлинной торговле, создать таможенный и валютный союзы? Возможна ли тихоокеанская версия Европейского сообщества, а если да, то кто войдет в его состав? Безусловно, страны Восточной и Юго-Западной Азии. А Австралия? США? Советский Союз? Канада? Должна ли Япония стать в этом союзе лидером или лучше предоставить эту роль Австралии, тем более, что премьер-министр Австралии Боб Хоук охотно взял бы ее на себя? В качестве экономического лидера Австралия явно пользовалась бы большим доверием не только Америки и Европы, но и азиатских стран. Переговоры по этому вопросу начались только в прошлом году.

Поклонники идеи "экономических заговоров" решат, что Япония стремится создать "блок иены", чтобы расчистить путь новой волне экспорта своих товаров, который в 60–70 гг. усиленно стимулировался японским Министерством международной торговли и промышленности. Этот вывод ошибочен по двум соображениям. Во-первых, нельзя не учитывать прагматизма японских политиков, которые чутко реагируют на любую угрозу японской экономике и "включают" механизмы защиты интересов страны задолго до того, как эта угроза станет реальностью. Во-вторых, не следует путать "заговор" с детально разработанной национальной политикой, в основе которой лежит предпосылка, что национальная безопасность прямо зависит от экономической мощи страны. Так что основная цель Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии — это укрепление стабильного свободного рынка, который обеспечил бы ее сырьем, промышленными полуфабрикатами, а также создал бы постоянно расширяющийся рынок сбыта для продукции японской промышленности. Одна из основных задач и японских фирм, и покровительствующих им министерств — выход японской экономики за пределы естественных географических границ. Ясно, что в будущем десятилетии успехи Японии будут во многом зависеть от того, по какому пути пойдет развитие Восточной и Юго-Восточной Азии.

Было бы преувеличением сказать, что Япония непременно добьется всего, к чему стремится. Огромное значение будут иметь, как средства, с помощью которых она будет усиливать свое влияние, так и умение лидеров страны учитывать интересы ее главного союзника, Америки. Наконец, многое будет зависеть от благоразумия восходящих Японией, но не очень доверяющих ей соседей. Если попытка создать Великую зону совместного производства будет предпринята преждевременно и окончится неудачей, это может стать в Азии сильнейшим эмоциональным противовесом соблазну получить японские капиталы и технологию. В прошлом году президент Сингапура Ли Куан Ю заявил: "Ни один из лидеров Дальнего Востока не одобряет создание блока иены. Это было бы шагом назад". Его сосед, премьер-министр Малайзии доктор Махафир Мохамад, хотя и считается сторонником "взоров, обращенных к Востоку", высоко ценит американское присутствие и считает его залогом региональной безопасности. Обоих политических деятелей раздражает настойчивость Японии и беспокоит грозящая их странам опасность развала многосторонней системы торговли из-за появления региональных экономических блоков.

Верная принципам свободной торговли Америка всегда держала свои рынки открытыми для Японии и для так называемых "старых развивающихся стран" — Гонконга, Сингапура, Южной Кореи и Тайваня, даже когда их экономический рост резко усилился. "Новые развивающиеся страны" — Индонезия, Малайзия, Филиппины и Таиланд — убеждены, что пришла и их очередь быть допущенными на амери-

канские рынки. Японский же рынок их интересует как дополнение к американскому, но отнюдь не как замена последнего.

Хотя в настоящее время богатство Японии позволяет ей играть ведущую роль в регионе, это не значит, что ей удастся задавать тон в Азии всегда или хотя бы достаточно долго. Огромные запасы избыточного капитала, позволившие японской экономике взлететь столь высоко в восьмидесятые годы, могут сократиться в следующем десятилетии, а к началу двадцать первого века — почти иссякнуть. Это означает, что Япония должна действовать очень быстро, если она желает перекрыть экономическую карту региона. Спешить ее заставляют и другие причины. Японцы боятся, что мир может повернуть от свободной торговли на основе Генерального соглашения по таможенным тарифам и торговле стран Атлантического Союза (ГАТТ) к экономическому регионализму. Японцы не считают это неотвратимым, но для опасений есть основания. Это, во-первых, американский Всеобщий закон о торговле, а во-вторых — вводящие в заблуждение слухи о превращении американо-канадского Пакта о беспопыльной торговле в американский блок протекционизма, в который войдет и Латинская Америка, а равно — о превращении Европейского сообщества в 1992 году в подобную же "крепость" в Европе. Если из обоих рынков будут исключены "посторонние", то у Японии просто не останется другого выбора, как создать свой собственный блок. Экстренный план действий на случай такого поворота событий уже разработан, но Япония продолжает серьезно изучать экономические, политические, социальные и другие аспекты азиатской интеграции. В работе участвует множество официальных и частных исследовательских групп. Ключевые фигуры в этом деле — Сабуро Окита, бывший министр иностранных дел и "серый кардинал" тихоокеанской интеграции, покровительствовать которой он начал еще в шестидесятые годы, и Юитиро Нагатоми, директор отдела таможенных тарифов Министерства финансов и неофициальный глава Фонда передовой информации и исследований (ФАИР). Этот фонд, а на деле "мозговой трест" Министерства финансов, под предлогом изучения тарифов и таможенной службы координирует значительную часть разработки проекта региональной интеграции. При поддержке премьер-министра фонду удалось создать Комитет азиатских и тихоокеанских исследований. Эта надежная "команда" подчиняется Тароичи Иосида, бывшему президенту Азиатского банка развития. В возглавляемом им комитете, одна из целей которого — заложить фундамент будущего тихоокеанского консенсуса, представлены все заинтересованные министерства Японии.

Другие азиатские страны тоже стремятся определить свои приоритеты. Многие из них желали бы получить от Японии капиталы и технологию. В то же время они стремятся выйти из тени "японского экономического чуда". Для Азии достаточно ясно, что создание Великого регионального содружества привело бы к разнообразию инвестиций и расширению рынков национального экспорта. Политический вес, приобретенный Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), служит образцом для развивающихся стран, которые хотели бы сплоченно выступать на таких международных форумах, как очередной раунд переговоров о торговле на основе ГАТТ в Уругвае.

Умерить свои амбиции Японию, по всей видимости, заставят и интересы других великих держав. Похоже, что Китай становится одной из ведущих тихоокеанских наций, хотя кровавые события 4 июня на площади Тяньаньмэнь могут поколебать эти надежды. В своей речи во Владивостоке в 1986 г. Михаил Горбачев заявил о заинтересованности Советского Союза в участии в региональной экономике. Неясно, правда, какую роль сможет играть Советский Союз в условиях возобновления советско-китайского детанта. Пока что советская военная мощь в регионе не ослабевает, равно как остается неизменной здесь и закулисная игра советской дипломатии.

Несмотря на стремление к "справедливому распределению бремени" в области обороны, Америка по-прежнему смотрит на регион сквозь призму своих глобальных

стратегических интересов. Хотя США настояли на более ошутимом участии Японии в региональной обороне, они сохраняют здесь свои военные базы и занимают очень твердую позицию в спорах с Новой Зеландией о целесообразности превращения тихоокеанского юга в зону, свободную от атомного оружия. Конечно, американцы понимают, что будущее Америки зависит от Азии не меньше, чем от Европы, но взоры многих (включая сотрудников администрации Буша) все еще обращены в сторону Атлантики. Если судить по недавнему выступлению государственного секретаря Джеймса Бейкера, основная задача тихоокеанского содружества – помочь Америке улучшить ее тихоокеанскую торговлю.

2. Узлы, которые связывают накрепко

Изменения структуры мировой торговли поистине поразительны. С 1970 г. торговый поток через Тихий океан рос гораздо быстрее, чем через Атлантику. В 1983 г. транстихоокеанская торговля вышла вперед и по абсолютным показателям. Впрочем, многие экономисты полагают, что где-то в начале девяностых годов объем торговли между странами азиатского побережья Тихого океана обгонит транстихоокеанский. Быстро растут и иностранные вложения в экономику стран региона. Поток капиталов идет не только из Японии, но из Южной Кореи и Тайваня, хотя, похоже, что в этой области Япония продолжает доминировать. Мерил Линч считает, что прямые японские капиталовложения в регионе (с 1988–го по 2000–ный годы) составят в среднем 18 миллиардов долларов в год.

Экспорт капитала неизбежно ведет к укреплению фундамента тихоокеанского экономического сообщества. До 1970 г. торговый оборот между Японией и развивающимися странами не превышал половины японо-североамериканского. Сегодня же Япония торгует с азиатскими странами более интенсивно, чем с Северной Америкой. Хотя Соединенные Штаты все еще остаются самым крупным торговым партнером Японии, расширение внутрорегиональной торговли убеждает, что время для создания блока иены уже пришло. Убежденность эта подкрепляется многими соображениями. Главное из них – превращение Японии в крупный рынок для промышленных товаров азиатских стран. Конечно, мы помним время, когда и в Азии, и в Америке выражали острое недовольство тем, что Япония держит свой рынок закрытым для промышленных товаров, "грабя" природные ресурсы региона. С некоторых пор, однако, положение изменилось. Скажем, с 1985 г. промышленный экспорт в Японию растет примерно на 20% в год. Причем рядовые потребители и крупные импортеры в Японии охотно приобретают хорошие и дешевые (благодаря высокому курсу иены) товары азиатских стран.

Целесообразность создания блока иены обусловлена повышением роли японской валюты во внутренней торговле, на международных рынках капитала, а также в валютных резервах многих стран. Интересно, что превращению иены в важную международную валюту долго противилось Министерство финансов Японии, опасаясь, что это подорвет его контроль над финансами страны. Опасения были оправданы в то время, когда проценты на внутренние займы регулировались правительством. Переход к свободной системе, при которой ссудный процент зависит исключительно от рыночной ситуации, позволил снять это ограничение.

Стремление крупных фирм и правительств многих стран получить японские кредиты объясняется низкими процентами на ссуды, что связано с наличием в Японии огромных свободных капиталов. Многие страны, правда, вынуждены брать денежные ссуды в иенах, ибо получают японскую экономическую помощь, которая, как правило, предоставляется как раз в форме дешевых займов. Если страна или фирма не в состоянии сразу же перевести растущую в цене иену в другую валюту, она вынуждена покрывать свои долги Японии экспортом товаров из расчета стоимости иены. Растущие потребности внутреннего рынка Японии облегчают эту задачу. Вместе с тем, многие страны охотно используют иену для пополнения своих ва-

лютных фондов. Поскольку торговля с Японией растет, им приходится серьезно считаться с японской валютой при определении своего денежного курса. Южная Корея, например, стремится поддерживать курс своей национальной валюты (вона) на более или менее постоянном уровне как по отношению к доллару, так и к иене. Таиланд включает иену в общую корзину, на основе которой определяется цена его валюты, бата.

Существует и еще одна причина, заставляющая верить, что для Японии настало время возглавить новый экономический блок. Борьба за низкую себестоимость продукции вывела японскую промышленность далеко за пределы собственных границ. В то же время развивающиеся страны Азии перестали быть просто "сборщиками японских изделий" или "уполномоченными Японии по экспорту" на Запад товаров, для изготовления которых не требуется высокой технологии. Они сами стали производителями многих недорогих и несложных деталей, поставляемых в Японию и на японские предприятия в других странах региона для использования в производстве, оснащаемом высокой технологией. Так что горизонтальная интеграция стран Восточной и Юго-Восточной Азии стимулируется и экспортом в Японию, и импортом из нее капитала и передовой технологии.

Интересно проследить, как реализуются подобные тенденции. Скажем, полупроводники для видеомэгафонов, выпускаемые в Малайзии фирмой "Hitachi", продаются в Сингапуре. Фирма "Mitsubishi Motors" намеревается наладить выпуск автомобилей для регионального рынка таким образом, чтобы в разных азиатских странах (за пределами Японии) изготовлялись не только нужные детали, но и производилась окончательная сборка самого автомобиля. Поговаривают даже о "региональном" производстве самолетов. Вполне вероятно, что таким путем пойдет оборонная промышленность Японии и ее лидер — самолетостроительная фирма "Mitsubishi Heavy Industries".

Но это еще не все. Горизонтальная экономическая интеграция продолжает расширять свои границы. Сравнительно недавно началось перемещение японских производственных фирм из старых развивающихся стран в Китай и те государства, которые только вступают на путь развития. Так фирма "Uniden", изготавливающая электронные новинки вроде переносных телефонов, перенесла свое производство из Тайваня и Гонконга на Филиппины и в Китай. На смену фирмам-производителям типа "Uniden" в старые развивающиеся страны приходят инвесторы, которые вкладывают средства в промышленность, занятую окончательной доработкой и сборкой изделий, а также в розничную и оптовую торговлю, недвижимость, банки, индустрию развлечений. Новые инвесторы используют растущую платежеспособность населения этих стран и расточительность все увеличивающегося потока японских туристов, готовых потратить за три дня тысячу долларов. Дэвид Робинс, представитель фирмы "UBC-Phillips & Drew", считает, что японские туристы израсходуют в тихоокеанском регионе за пять лет, предшествующих 1992 г., до 55 миллиардов долларов.

Южнокорейские и тайваньские производители тоже стремятся выйти за пределы своих стран. Их экспансия обусловлена ростом стоимости труда в своих странах и повышением курса национальных валют. Чтобы выдержать конкуренцию новых развивающихся стран, им приходится интенсифицировать экспортное производство у себя дома и переносить наиболее трудоемкие операции в страны АСЕАН. Так, Таиланд стимулирует развитие промышленности, нацеленной на экспорт, и поощряет капиталовложения в отечественное производство не только из Японии, но и из развивающихся стран. Становятся заметными тайваньские капиталовложения в Таиланде. Менее заметны постороннему глазу вложения Тайваня в Китае. Тайваньское правительство все еще запрещает прямые вклады в Китай, хотя ограничения на торговлю между двумя странами ослаблены. Деньги попадают в континентальный Китай через посредников из Гонконга и других стран. По неофициальным подсчетам, в 1988 г. тайваньские вложения в Китае увеличились вдвое и достигли 200 миллионов долларов.

Бизнесмены Южной Кореи тоже "принюхиваются" к Китаю. Хотя между двумя странами нет дипломатических отношений, южнокорейское правительство с явным одобрением относится к тому, что его предприниматели способствуют установлению тесных связей с великим соседом. Китайцы, со своей стороны, тоже были бы рады закрепить эти связи, поскольку корейская технология более соответствует уровню их технологического развития, чем японская.

Наконец, Китай и сам вкладывает средства в экономику других стран Азии. К началу восьмидесятых годов он превратился в крупного инвестора в Гонконге, хотя сведения об этом не фигурируют в официальных отчетах. Китайские деньги направляются в другие районы Азии как непосредственно через правительственные учреждения, так и через китайские общины за океаном. Не исключено, что капитал из красного Китая попадает и на Тайвань.

3. Стратегия гусиного клина

Известно, что стая гусей в полете выстраивается клином. Японские чиновники охотно используют этот образ при описании модели экономического развития Восточной и Юго-Восточной Азии. Япония – вождь; за ней следуют развивающиеся страны; в третьем ряду – страны, только вступающие на путь развития, и прибрежный Китай. Эта конструкция действительно напоминает гусиный клин: она так же упорядочена, скоординирована и целенаправлена. По сложившейся традиции, японское правительство стремится держать бразды правления в регионе в своих руках, хотя, казалось бы, ведущая роль и без того Японии гарантирована. Однако в 1987 г. политика Японии в вопросах регионального сотрудничества изменилась.

Если последние 20 лет львиная доля японской помощи шла по правительственным каналам и предназначалась главным образом странам – поставщикам сырья для японской промышленности (Китай, Индонезия, Филиппины, Южная Корея и Таиланд), то сейчас положение изменилось. Япония не только расширяет географию своей помощи, но главное – использует для этой цели ресурсы не только государства (прямая экономическая помощь и техническое сотрудничество), но и возможности частных предпринимателей с их собственными капиталами и технологией. Задача сейчас состоит в том, чтобы поднять экономику новых и старых развивающихся стран до такого уровня, когда она сможет способствовать перестройке японской экономической структуры. В частности, создавать дешевые производства полуфабрикатов для японской промышленности и рынки сбыта для товаров из "метрополии".

Какова же конечная цель новой стратегии? Эта цель заключается в том, чтобы путем интеграции экономики старых и новых развивающихся стран создать нечто напоминающее "Великую японскую корпорацию". Сердцем этого образования, по замыслу его авторов, должна стать, естественно, Япония. Промышленную политику всего сообщества стала бы координировать из Токио группа, которую окрестили "мозгом Азии". Эта группа руководила бы распределением капиталовложений как в Японии, так и в старых и новых развивающихся странах, а также обеспечивала бы необходимую поддержку правительств этих стран. "Мозгом Азии", как нетрудно догадаться, должен стать государственный аппарат Японии. Разумеется, в Японии понимают, что прежде чем приступить к планам широкой интеграции, необходимо решить ряд щекотливых вопросов – например, преодолеть исторически сложившееся недоверие к их стране со стороны соседей. Однако большинство японских политиков убеждены, что это возможно – все зависит от того, как преподнести идею интеграции. Как бы то ни было, но из таких важных документов, как годовой обзор Министерства международной торговли и промышленности и пятилетний план ЭПА (1988–1992), следует, что японское правительство пришло к определенным выводам и намерено взять на себя инициативу в создании Великого регионального экономического содружества (на первом этапе – в Восточной и

Юго-Восточной Азии). Причем содружество это должно базироваться не на двусторонних соглашениях и даже не на союзе Япония — блок АСЕАН, а строиться как единая экономическая система, включающая Японию и старые и новые развивающиеся страны. Этот новый подход уже проявляется в отношениях Японии с Малайзией и Таиландом.

4. Действовать, сознавая опасность

Новая политика (как и попытка Японии добиться регионального сотрудничества в шестидесятые годы) представляет собой реакцию на изменение внешних экономических условий. Напомню, что тогда Японией руководил страх. В Токио считали, что Европейское экономическое сообщество и Атлантический союз выбросят Японию с мировых рынков. Япония решила эту проблему, заключив соглашения о беспошлинной торговле с экономически развитыми странами Тихоокеанского побережья — США, Канадой, Австралией и Новой Зеландией.

На сей раз Японию беспокоит предстоящая в 1992 г. интеграция европейского рынка и договор о беспошлинной торговле между Соединенными Штатами и Канадой. За четверть века, однако, наш мир сильно изменился. Динамичный рост старых и новых развивающихся стран, детант между США и СССР, потепление отношений между Советским Союзом и Китаем — все это толкает Японию к "вспахиванию собственного огорода". Предполагается, что одним из первых шагов в этом направлении будет создание целой сети отдельных зон свободной торговли, где в разных сочетаниях будут участвовать Япония и другие страны региона. В дальнейшем планируется слияние отдельных зон в единую зону свободной торговли. Наиболее привлекательная для Японии идея — создание соответствующих зон свободной торговли и с азиатскими партнерами, и с Америкой. Смысл таких союзов для Японии в том, что она готова стать потребителем азиатского экспорта (который в противном случае направился бы в Америку) в обмен на сохранение свободного доступа к американским рынкам. Последнее условие для японских фирм чрезвычайно важно, ибо они производят все больше товаров и не могут себе позволить лишиться рынков Америки и Европейского сообщества.

Однако в то время, как в Японии заняты поисками прочных оснований долгосрочного регионального сотрудничества, на Западе все чаще раздаются голоса, упрекающие Японию за слишком большой разрыв между ее экспортом и импортом и малое участие Страны восходящего солнца в расходах на оборону Запада. Чтобы как-то приглушить эту критику, Японии приходится размещать излишки своих капиталов не совсем так, как того требуют интересы регионального сотрудничества. Кроме того, приходится приспосабливаться к завышенному курсу иены (на чем настояла Америка), что тоже отнюдь не способствует перестройке японской экономики. Но главная уступка Японии западным союзникам — согласие координировать свой банковский процент с американским и немецким, дабы увеличить спрос на товары из этих стран на внутреннем рынке.

На региональном уровне Япония стремится обеспечить поддержку своих идей широкого экономического содружества прежде всего со стороны местной элиты: государственных деятелей, ученых, бизнесменов и пр. За последнее время состоялось несчетное количество конференций и семинаров, многие из которых, начиная со встречи министров стран АСЕАН в 1988 г. и кончая ежегодной ярмаркой тихоокеанской индустрии путешествий и туризма, были проведены в Японии. Япония приложила усилия и к тому, чтобы выработать ускоренную процедуру принятия решений Тихоокеанской конференцией по экономическому сотрудничеству (ПЭКК), созданной в 1980 г. при участии бизнесменов, ученых и правительственных чиновников. Конференция образовала Центральный фонд ПЭКК и начала выпуск отчетов "Тихоокеанская экономическая перспектива". Благодаря этим изменениям, ПЭКК может стать главным региональным форумом, превратиться в такой же

консультативный, политически ориентированный клуб, каким является Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Тихоокеанская версия ОЭСР, горячим сторонником которой был бывший премьер-министр Ясухиро Накасонэ, имела бы немало достоинств. Но, похоже, Япония предпочтет ПЭКК, которую она уже научилась держать под контролем. Кроме того, Япония провела два других важных мероприятия. Одно из них – принятие нового Азиатского плана промышленного развития, известного под невинным названием "Новый план помощи". Другое – учреждение Фонда развития "Япония – АСЕАН". Обе эти меры – первые, но важные шаги Японии по пути промышленной интеграции Восточной и Юго-Восточной Азии. Особенно большие надежды в Японии возлагают на "Новый план помощи".

5. Бойтесь данайцев

"В сущности, – сказал как-то американский политолог Дэвид Арас, – Новый план помощи использует обязательство, данное Японией ее западным союзникам, для контроля над региональной экономикой Азии". Именно об этом говорил в Бангкоке в 1987 г. господин Тамура из МИТИ, изобразив, однако, картину в несколько ином свете. Политическая цель Плана, согласно Тамуре, – связать воедино официальную помощь, торговлю и избыток частного капитала, чтобы проложить дорогу для прямых инвестиций Японии в развивающиеся страны. Новый план не ставит сногшибательных задач. Но он делает нечто большее, – он определяет основное направление и детализирует японскую политику по отношению к будущему экономическому содружеству. План переводит стрелку японской экономической помощи со специфических инфраструктурных проектов (таких, как строительство дамб и новых дорог) на путь поддержки тех или иных отраслей промышленности в развивающихся странах и регулирования их экономических структур.

Как же мыслят себе в Японии практическое воплощение Нового плана в жизнь? Прежде всего план предусматривает использование правительственных средств, отпущенных на перевод японской промышленности в азиатские страны с низкими издержками производства, как приманку для частного промышленного капитала. Цель – побудить частных вкладчиков способствовать политике, которую проводит правительство страны. Далее мыслится использовать старый и хорошо отработанный прием для достижения успеха – плыть по течению, используя приливы, то есть привязывать свои грандиозные планы к тем изменениям, которые происходят сами собой по законам рынка.

Новый экономический план не подгоняет рынок к прилавку. Экономическая интеграция региона – процесс естественный; японские фирмы устремляются прочь от своих берегов, чтобы избежать трудностей, связанных с повышением цен дома и политикой протекционизма за границей. План просто искусно использует эту тенденцию. Он отвлекает прямые капиталовложения из Америки и Европы в Азию и размещает их так, как деятели, определяющие экономическую политику страны, считают наиболее целесообразным для японской экономической структуры в целом.

План соответствует и интересам японской внешней политики – например, ослаблению зависимости (не только Японии, но и других азиатских стран) от американского рынка. Он позволяет Японии продемонстрировать процесс либерализации своего внутреннего рынка.

6. Круговая оборона

Хотя в реализации Нового плана участвует много сторон, подлинные его масштабы видны только из Токио. Япония уже осуществляет экономическое сотрудничество в рамках Плана с Таиландом, Малайзией, Индонезией, Филиппинами, Китаем и Индией. За ними может последовать Пакистан.

Новый план помощи внедряется в каждой стране в три фазы. Вначале представители Японии изучают экономику данной страны и выбирают те отрасли, развитие которых представляет наибольший интерес с точки зрения конкуренции на международных рынках. Затем разрабатывается Генеральный план развития этих отраслей посредством прямых капиталовложений и внедрения технологии японскими частными фирмами, правительственной помощи, технического сотрудничества и иных форм поддержки. Кроме того, японские специалисты рекомендуют правительствам стран – получателей помощи изменить их экономическую политику с тем, чтобы устранить препятствия для развития избранных отраслей. Затем при посредстве Министерства иностранных дел Япония вовлекает страну-получателя в политический диалог. Для этого учреждается Объединенный руководящий комитет, задача которого – разработать национальный план индустриализации (с помощью Японии). Япония уже создала совместные комитеты с Таиландом и Малайзией и намеревается сделать то же самое с Филиппинами, Индонезией и Индией. Наконец, японские официальные представители командированы в правительственные учреждения данной страны, отвечающие за выполнение планов индустриализации. Японское Управление по международному сотрудничеству (ЯИКА) уже имеет двух своих представителей в тайландском Департаменте содействия промышленности и одного – в малайзийском Управлении индустриального развития.

Следующий шаг японского правительства направлен на то, чтобы на основе собственного Генерального плана разработать стратегические директивы по развитию специфических отраслей промышленности в странах – получателях помощи. Это предполагает развитие там новых инфраструктур, в частности так называемых гибких инфраструктур, то есть юридических, налоговых и инвестиционных условий, необходимых для привлечения японского частного капитала. Если, скажем, японское правительство намерено способствовать развитию промышленного комплекса в Лаем Чабанге (близ Бангкока), а инфраструктура там, по мнению японских фирм, развита недостаточно, то японцы рекомендуют правительству Таиланда принять нужные меры. Обе первые фазы внедрения Нового плана финансируются правительством Японии и осуществляются в форме технического сотрудничества.

Третья фаза – практическая реализация Нового плана. Осуществляется она в трех направлениях. Все начинается с создания инфраструктуры в стране – получателе помощи. Игру начинает главное учреждение по оказанию помощи – Институт внешнего экономического сотрудничества (ОЭСФ). Институт предоставляет займы (в иенах), которые идут на строительство портов, промышленных комплексов, развитие телекоммуникаций и пр. ЯИКА ведает технической помощью по всем вопросам, связанным с разрабатываемым проектом.

Второе направление – помощь в повышении квалификации местного руководства (менеджеров), улучшении технологии, маркетинга, рекламы и т.д. Японская Организация внешней торговли (ЯЕТРО) занимается созданием рекламных центров. ЯИКА и Корпорация внешнего развития Японии комплектуют штаты инструкторов на местах, а Ассоциация технического обучения (АОТС) и японские центры АСЕАН набирают и привозят стажеров в Японию. Когда речь идет о Китае, те же функции выполняет другое, полугосударственное учреждение – Совет по расширению японско-китайской торговли.

Третье направление – финансирование и инвестиции. Это, в основном, "сва-товство" вкладчиков капитала, содействие в создании совместных предприятий и широкая реклама товаров. Посредниками выступает множество организаций, в частности, Проект азиатской индустриализации, Торгово-промышленная палата и другие. Управление МИТИ по мелкому и среднему предпринимательству тоже консультирует по вопросам иностранных капиталовложений. На последней стадии Импортно-экспортный банк Японии и ЯОДК рассматривают и удовлетворяют заявления о финансировании в рамках Нового плана.

Существует, впрочем, и еще один инструмент внедрения этого плана — Фонд развития Япония—АСЕАН (ЯАДФ). Пользуясь своим обязательством внести в фонд 20 миллиардов долларов, японское правительство направляет деятельность Фонда по интеграции экономики стран региона в нужное ей русло.

7. Этот могущественный дядя Сэм

Какие бы грандиозные планы ни вынашивала Япония, создание экономического союза в тихоокеанском регионе будет проходить скорее всего под эгидой Соединенных Штатов, а не Японии. Сколько бы ни говорили о конце Pax Americana, тотальной потере Америкой веры в свои силы и пр., очевидно, что США остаются главной мировой державой, противостоящей коммунистическому миру. Любой же сверхдержаве необходима военная и экономическая мощь, а также политическая воля. Ни один из союзников США, не исключая и Японии, не обладает всеми этими качествами в такой степени, чтобы заменить Америку в этой роли.

Что действительно меняется, так это степень американского превосходства. Оставаясь "главой семьи", Америка уже не может запросто указывать "детям", что им делать, и бранить их за непослушание. Как выразился Роберт Скалапино из университета Беркли, миновали дни послевоенных альянсов, когда сверхдержавы брали на себя твердые экономические и оборонные обязательства в обмен на нерушимую политическую верность стран-сателлитов. Эти альянсы постепенно превращаются в союзы, в которых обязательства сверхдержав ставятся в зависимость от финансовых и политических жертв, приносимых малыми странами. В свою очередь, обещания последних стали более двусмысленными, и руководить такими союзами в Азии — трудная задача для обеих сверхдержав.

Что касается Америки, то ее главной заботой в региональных объединениях являются вопросы обороны и торговли. Требования, которые она всегда предъявляла Японии (обновление экономической структуры, либерализация рынков, урегулирование валютного курса и повышение расходов на оборону), распространились теперь на Тайвань и Южную Корею и, в меньшей степени, на Таиланд. Причины этих требований очевидны: раздутый бюджет и дефицит платежного баланса США, которые явились результатом снижения налогов, с одной стороны, и увеличения правительственных расходов на оборону — с другой. С точки зрения Америки, ей пришлось нести основное бремя расходов, связанных с холодной войной с Советским Союзом, как раз в то время, когда она не могла себе этого позволить. Курс доллара падал слишком медленно, чтобы как-то выравнять внешний дефицит. В то же время, американские экспортеры, потерявшие конкурентоспособность на внешних рынках, оказались плохо подготовленными к использованию преимуществ, которые предоставлял подешевевший доллар. Экспорту же сельскохозяйственных продуктов (а на некоторых рынках и промышленных товаров) препятствовал международный протекционизм. Американцев воротит сегодня от таких выражений, как "режим наибольшего благоприятствования", "честная игра", "культурные барьеры на пути торговли". Все эти слова используются конкурентами, чтобы заставить Америку держать свои рынки открытыми. Соединенные Штаты твердо намерены прекратить эту грабительскую торговую практику, помочь американским фирмам занять прочное место на внутреннем рынке, восстановить или получить новые рынки за океаном. В этом — основная цель программы "Супер-301", пункта нового американского закона о торговле. Закон предусматривает обязательство союзников предоставить американскому экспорту более широкий доступ на свои рынки. У Америки остается не так много "пряников", чтобы предложить их в обмен на торговые льготы, поэтому она сегодня рассчитывает регулировать доступ на американский рынок с помощью законов. Создается впечатление, может быть и ошибочное, что Америка отказывается от системы свободной торговли и превращается в сторонника протекционизма.

Азиатские (как и европейские) союзники Америки не хотят смешивать вопросы торговли и обороны. Они подозревают, что США пытаются заставить их платить за дорогостоящие капризы своей собственной экономики. Превращение Америки в должника, очевидная эскалация протекционистских настроений, неудачные попытки сократить двойной дефицит — все это дает союзникам основание усомниться в том, что Америка в состоянии выпутаться из неприятностей своими силами.

Подобные настроения сильнее всего чувствуются в Японии. Оно и понятно, ведь две экономические сверхдержавы — США и Япония — это сегодня сложный симбиоз кредитора и должника, потребителя и производителя, нападающего и обороняющегося. Те, кто вырабатывают экономическую политику по ту и по другую сторону Тихого океана, разрываются между сознанием взаимозависимости и желанием сохранить свободу рук. Это приводит к частым осложнениям в отношениях между двумя странами, усугубляющимися тем, что правительственные учреждения Америки — Белый дом, госдепартамент, Министерство обороны и т.д. — преследуют разные и порой взаимоисключающие цели в отношении Японии, равно как и японские правительственные органы — по отношению к Америке. Но в любом случае для многих американцев экономическая мощь Японии стала просто пугалом. Конгресс уже пытается обуздать прямые японские вложения в Америке, которых так добивались губернаторы более чем сорока штатов. Непрямые же вложения, без которых Америка была бы не в состоянии покрывать огромный дефицит своего бюджета, порождают страх, что страна теряет контроль над будущим своей экономики.

Все это примеры того, что отношения между Америкой и Японией стали намного сложнее, чем просто отношения хозяина и клиента, как это было раньше. Японцам нравится сравнение американско-японских отношений с отношениями старшего и младшего братьев. Это сравнение предполагает определенную близость и наличие долга и ответственности в отношениях между двумя странами. Именно это и имел в виду Накасонэ, когда назвал Японию "непотопляемым авианосцем" Соединенных Штатов. Его преемник, Такесита, заявил, что отношения с Америкой станут "несгибаемым стержнем" политики его правительства. Этот новый тон отражает как появившуюся у Японии уверенность в себе, так и сознание того, что отношения с Америкой, а не с кем-либо из тихоокеанских партнеров, были, есть и будут основной заботой Японии. Все сказанное означает, что успех экономической реорганизации региона будет зависеть главным образом от того, насколько в Японии поймут и учтут интересы Америки. Чтобы не проиграть, Япония должна разыграть американскую карту тонко и осторожно — ведь у нее только одна сильная масть, а слабых — три.

8. Трудная партия

Козырь Японии — деньги. Однако к концу столетия (а по некоторым прогнозам — и раньше) огромные накопления страны могут растаять. Избыточный капитал может сократиться из-за расходов на обновление экономической структуры и переноса производства за рубеж, из-за роста импорта и туристского бума. Все больше денег расходуется внутри страны. Растут правительственные затраты на социальное обеспечение все возрастающего числа пожилых людей. Чтобы компенсировать снижение уровня накоплений, японским инвеститорам необходимо поступать так, как это делали их американские и европейские собратья, то есть вкладывать доходы, полученные из-за рубежа, у себя дома, вместо того, чтобы их "репатриировать".

Но даже если Японии удастся удержать в руках главный козырь — деньги, его одного явно недостаточно, чтобы сохранить свободу рук, то есть право перемещать капиталы исключительно по собственному выбору. Если Япония попытается поступать таким образом, ей придется столкнуться с Америкой как раз в тех сферах, где последняя обладает очевидным преимуществом. Во-первых, Америка —

сверхдержава. Она доминирует на международной арене, что внутри страны и за ее пределами воспринимается как нечто само собой разумеющееся. В то же время Япония остается страной-островом, замкнутой на себя. Рекламуемая политика интернационализации рассматривается большинством японцев скорее как обязанность, нежели естественное положение дел. Даже широкие региональные замыслы Японии продиктованы в основном нуждами ее собственной экономики.

Во-вторых, Америка обладает колоссальной военной мощью. Для подкрепления своих слов и дел у нее есть сила. У Японии ничего подобного нет, несмотря на то, что ее ежегодные расходы на вооружение находятся примерно на том же уровне, что у Англии и Франции. Для того, чтобы стать мощной военной державой, Японии придется преодолеть немало препятствий. Подавляющее большинство японского населения настроено против этого, равно как и соседи Японии по региону: слишком уж свежа память о Второй мировой войне. Не желают этого и американцы. Им бы хотелось, чтобы Япония платила как можно больше по счетам за противоядерную защиту — как свою, так и всей Восточной и Юго-Восточной Азии, но они не хотят, чтобы Япония сама стала ядерной державой и проводила более независимую военную политику.

В-третьих, слабость Японии в том, что Америка рассматривает ее как всего лишь одно из составляющих в сложной мозаике своих интересов в Азии, причем не меньшее место здесь занимает другая тихоокеанская сверхдержава — Китай.

Итак, хочет того Япония или нет, ей во всех случаях придется считаться с международным весом и военной мощью Америки, а в случае необходимости искать у нее поддержки и защиты. Что касается Америки, то она безусловно хочет, чтобы Япония в полной мере использовала свои ресурсы для нужд обороны региона и частично компенсировала затраты США на дело обороны Запада. Понятно, Соединенные Штаты не возражают против того, чтобы Япония сама решала, как расходовать деньги. Но Америка хочет оставить последнее слово за собой. Не далее как в июне Япония поступила в полном соответствии с американскими желаниями, осудив кровавые события на площади Тяньаньмэнь и приостановив работу по программе помощи Китаю на 1990—1994 гг., хотя такие акции противоречат японской политике поддержки китайского правительства. Однако такая линия должна восстановить доверие к Японии не только американцев, но и многих азиатов.

9. Смутная тень на горизонте

До конца 70-х годов Китай не помышлял о себе, как об участнике тихоокеанского сообщества, да и другие тихоокеанские страны до середины 80-х годов не думали о такой возможности. Однако, когда маоистский изоляционизм ушел в прошлое и Китай под руководством Дэн Сяопина вступил на путь модернизации экономики, там все чаще стали обращать взор в сторону тихоокеанского содружества, рассматривая его в качестве возможного источника помощи.

Первый шаг по этому пути был сделан в 1980 г., когда при Академии общественных наук Китая был создан Исследовательский институт по экономике тихоокеанской Азии. В 1984 г., вслед за учеными, изменили "линию партии" и новые лидеры страны, прагматизм которых взял верх над догмами идеологии. Практические дела не заставили себя ждать. Учреждение особых экономических зон (таких, как Чжаньцзян), где доминируют рыночные отношения и частная собственность, сделало идею сотрудничества капиталистической и социалистической экономик не только приемлемой, но и реальной.

Начиная с 1984 г., китайские лидеры стали искать пути сближения со странами тихоокеанского бассейна. В 1985 г. заместитель министра иностранных дел Цянь Цишень заявил на ежегодной встрече Экономической и социальной Комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), что Китай "устоялся" как азиатско-тихоокеанская нация и готов оказывать активную поддержку региональному эконо-

мическому сотрудничеству. В то же время на научных конференциях в 1984 г. в Шанхае и в 1985 г. в Ухане китайцы попытались достичь консенсуса по вопросу о том, какую выгоду может извлечь их страна из регионального сотрудничества. Центральной фигурой китайской тихоокеанской политики стал Хуань Сян. Главный специалист министерства иностранных дел по международной экономике, он сегодня известен как китайский "Mister Pacific". Сян считает, что динамичный рост экономики региона поможет Китаю развить промышленность высокой технологии в городах побережья. Согласно его схеме, Шанхай должен стать главным посредником между развивающимися странами и Китаем – с его обширными природными ресурсами и девственным (чтобы не сказать, едва ли существующим) рынком. Одна из причин, почему китайцы так заинтересованы в экономических связях с Южной Кореей – желание втянуть ее в свою "прибрежную экономическую дугу".

При всем том остается неясным, как отразятся недавние беспорядки в стране на новом подходе Китая к тихоокеанскому содружеству. Политический курс Китая, видимо, останется неопределенным пока не окончится борьба за власть, которая неизбежно развяжется после кончины Дэн Сяопина.

Однако в то время, когда реформаторы еще доминировали в пекинском руководстве, Китай присоединился к нескольким региональным организациям. В 1986 г. он вошел в ПЭКК и был допущен в члены Азиатского банка развития (АзБР). Интересно, что хотя Китай и не признает суверенитета Тайваня и отвергает политику признания двух Китаев, он согласился с тем, чтобы Тайвань оставался членом банка. Став членом АзБР, Китай пока лишь черпает оттуда деньги, но не вносит вкладов, располагая при этом большим числом голосов, чем какая-либо другая страна (за исключением двух главных "доноров" – Японии и Америки). Членство Китая в АзБР и его особое положение там вызывают озабоченность других стран региона. Китай огромен, но беден. Потенциально он представляет собой бездонный колодезь для свободных ресурсов региона и имеет возможность первым их получить. Так что озабоченность тихоокеанских стран вполне оправдана. В 1987 г. (последнем, за который ОЭСР располагает полным набором данных) Китай получил 35% всего объема ассигнований, выделенных для азиатско-тихоокеанских развивающихся стран (против 12% за три года до этого).

Некоммунистические страны региона беспокоит и другое: Китай может использовать организации типа АзБР для достижения своих внешнеполитических целей. Некоторые из этих целей относительно безвредны (скажем, борьба за отказ от международного признания Тайваня). Однако другие вызывают серьезное беспокойство – например, призывы Китая к АзБР предоставить помощь Вьетнаму и снять с этой страны торговую блокаду, установленную странами АСЕАН с целью принудить Вьетнам уйти из Камбоджи. Страх перед китайской гегемонией так же силен, как и перед японским империализмом.

Что касается самих китайцев, то они не верят в добрые намерения Японии. Впрочем, за последние годы публичные заявления Китая по поводу Японии стали более нейтральными, хотя там до сих пор считают, что японская региональная политика служит интересам США в их противостоянии коммунистическому миру. В целом, похоже, отношение Китая к Японии строится на предположении, что китайско-японское экономическое сотрудничество может стать моделью для всех стран региона. От Японии требуется лишь одно – открыть свои рынки для китайских товаров и предоставить Китаю современную технологию и кредиты!

10. Еще один вопросительный знак

В прошлом Советский Союз смотрел на район Тихого океана и Дальнего Востока сквозь призму своих глобальных интересов и отношений с Америкой. К зарождающемуся здесь экономическому сообществу он относился как к некоей новой политической ассоциации, созданной специально для конфронтации с Советским Союзом и

для того, чтобы вбить клин между ним и Китаем. Выступая во Владивостоке в 1986 г., М. Горбачев недвусмысленно намекнул, что у СССР имеются собственные национальные интересы в регионе и что политика его правительства на Дальнем Востоке и в районе Тихого океана приобретет новую направленность. Увы, пока за этой риторикой ничего не последовало.

Мотивы, которыми будут руководствоваться в Москве, достаточно очевидны. Уже сейчас ясно, что ни о каком "вбивании клинов" между СССР и Китаем не может быть и речи. Строительство тихоокеанского экономического сотрудничества отнюдь не привело к ухудшению отношений между двумя этими странами. Напротив, сегодня между Москвой и Пекином происходит явное сближение. Главная же проблема СССР в регионе — отношение с Японией, с которой он формально продолжает находиться в состоянии войны. Советскому Союзу, по всей видимости, будет проще "вписаться" в систему регионального сотрудничества, нежели одним махом разрубить гордиев узел своих старых проблем с Японией. Тот факт, что сотрудничество и, тем более, активное участие в региональном экономическом сотрудничестве сослужило бы СССР великую службу в развитии его собственной экономики (причем, не только дальневосточных районов), очевиден. Впрочем, произойдет ли сближение СССР с тихоокеанским сотрудничеством и как далеко пойдет в этом отношении Советский Союз, будет зависеть от успехов политики перестройки.

11. Стратегические перспективы

Являемся ли мы свидетелями рождения мира иены, и суждено ли этому новому миру вытеснить мир доллара так же, как мир доллара в свое время, на заре века, вытеснил мир фунта стерлингов? Общие тенденции мирового развития как будто благоприятствуют иене. Совершенно очевидно, что повсеместное стремление к региональному экономическому сотрудничеству в 90-е годы будет усиливаться и стимулировать становление экономического сотрудничества на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Конечно, идея мировой безблоковой системы свободной торговли отнюдь не умерла, но даже самые рьяные ее поклонники признают, что ограничение могущества двух великих держав может привести к краху мирового порядка. Уже сегодня экономическая мощь является более сильным оружием поддержания порядка и стабильности в мире, чем "дипломатия канонерок". Так что тенденция концентрировать экономическую мощь в определенных центрах — экономических блоках — кажется предпочтительней, нежели рассредоточение ее по десяткам стран. И тенденция эта явно предвещает иене и ее "уполномоченному" — Японии — новую роль в мире.

И все же у блока иены есть своя ахиллесова пята. Центральное место в новом блоке занимает Япония. Но ее экономическое могущество не безгранично, а главное — не может расти бесконечно. Вероятнее всего, через десятилетие оно достигнет зенита. Захочет ли, сможет ли Япония продолжать усилия по реализации своего суперграндиозного замысла? Не совершит ли какой-нибудь фундаментальной ошибки новое поколение японцев, уверенных, что грядущий век — это "тихоокеанский", а точнее, японский век? Помехой на пути блока йены является еще одно обстоятельство. Ясно, что план строительства блока иены имеет своей конечной целью создание "Большой Японии". Легко допустить, что реализация этой идеи способствовала бы общему процветанию, но народы Азии явно не склонны приветствовать такое развитие событий.

Еще в начале века тогдашний государственный секретарь США Джон Хэй сказал: "Средиземное море — это океан прошлого, Атлантика — океан настоящего, Тихий океан — океан будущего". Кто знает, может быть, он окажется пророком. ●

”До освобождения от японских захватчиков в 1945 году Пхеньян был грязным и запущенным колониальным городом, где царили голод и нищета. По улицам бродили толпы безработных. 428748 бомб сбросили на город американские империалисты во время корейской войны и превратили его в руины и пепел. Ныне Пхеньян, как сказал Великий Вождь, Президент Ким Ир Сен, — сердце корейского народа, столица социалистической Родины и колыбель Революции. Город-герой стал прекрасным современным городом...”

Так написано в путеводителе. Я листаю его, глядя на город с сорок пятого этажа гостиницы ”Корио”, импозантного сооружения, которое неплохо смотрелось бы и в Гонконге, и в Сингапуре.

И правда, панорама почти двухмиллионного современного города, широко раскинувшегося по берегам реки Тэдонган, впечатляет. Благодаря обилию зелени кварталы больших жилых корпусов кажутся не такими унылыми; широкие площади, помпезные памятники и парадные здания — театры, музеи, дворцы культуры и спорта вносят необходимое разнообразие в монотонный облик этой столицы. Того, что так характерно для городов всех социалистических стран, — ветхости новых домов — здесь как-то не видно. Движение даже на магистралях довольно слабое, но улицу можно переходить только под землей; две скоростные полосы отведены для начальства. Новенькие ”мерседесы” и ”вольво”, снабженные особыми номерными знаками, сворачивают на улице Чонхвон в ворота наглухо отгороженного квартала для семей номенклатурных работников, довольно близко от нашей гостиницы.

Чучхэ — таков пароль государственной идеологии, волшебное слово, с помощью которого народ ”своими силами” должен соорудить рай на земле. На корейской земле. В тридцати пяти томах своих сочинений Ким Ир Сен, именуемый также Солнцем Нации, изложил основы нового учения. Его сын и наследник Ким Чен Ир, который носит титул Дорогого Вождя, снабдил их комментариями. Первое, что слышит или видит посетитель, войдя в мастерскую, школу, амбулаторию, собираясь посмотреть цирк или аттракцион в парке, — ”Спасибо нашему Великому Вождю за его любовь и заботу”. На каждом доме, порог которого однажды перешагнул вождь и отец, красуется мемориальная доска с датой незабываемого визита золотом на красном фоне. Внутри такие же таблички прибиты к каждой двери, куда он входил.

Шестидесятиметровая триумфальная арка напоминает о том, что в 1945 году полководец Ким Ир Сен вступил в город после победы над Японией. Этой победой, по официальной версии, народ всецело обязан революционной борьбе товарища Ким Ир Сена. Рядом с аркой высится монумент Чхоллима: крылатый конь корейской мифологии несет рабочего и колхозницу в царство коммунизма. Над Тэдонганом стоит гранитная Башня Идеологии высотой 170 метров; двадцатиметровый факел из плексигласа озаряет окрестность светом идей чучхэ и заодно позволяет экономить электроэнергию, — правда, только до 11 часов вечера. На противоположном берегу, с холма Мансу, столицу осеняет сам творец великого учения ростом в 25 метров. В путеводителе о нем сказано так:

”Бронзовая статуя Великого Вождя представляет собой величественную фигуру. Его взор устремлен вдаль. Его левая рука покоится на талии, а его правая рука поднята и указывает народу путь, которым надлежит идти.”

Там, куда указывает рука, находится университет имени Ким Хьон Йика, героического дяди Великого Вождя. Университет воспитывает будущих наставников народа в духе чучхэ. И тут же рядом, по воскресеньям неожиданно раздаётся: ”Credo in unum Deum” и ”Pater noster qui es in coelis”¹. Неисповедимы пути государства, милостиво разрешившего корейским христианам, от которых, казалось, не осталось и следа, сохранить и поддерживать в приличном состоянии две церкви, одну католическую и одну протестантскую.

Не так давно в Пхеньяне вступил в действие метрополитен: две линии скрещиваются у вокзала ”Фронтальной товарищ”. Столь же приятные имена носят другие станции: ”Слава”, ”Богатый урожай”, ”Победа над врагом”, ”Лучезарный факел”, ”Триумфальное возвращение”. Пхеньянское метро похоже на московское; каждая станция пышно украшена, все из самого дорогого материала: мраморные колонны, роскошные люстры, скульптура, мозаика и особенно — монументальная настенная живопись. Огромные картины — натуралистическая транскрипция мексиканских murales в духе какого-нибудь Диего Риверы — живописуют ”величественную эпопею вечно цветущей державы чучхэ и славные революционные подвиги, совершенные корейским народом под водительством своего самого любимого Отца и Учителя”. На одной станции вы видите Великого Вождя верхом на белом коне, скачущем навстречу восходящему солнцу, на другой — вождь гладит детишек или стоит, изваянный из гипса, ростом вдвое выше нормального, в нимбе ослепительного света, так что в конце концов, выходя на последней остановке восточного направления, путешественник не удивляется, узнав, что станция называется ”Рай”. Несколько по привыкнов ко всему этому блеску и сиянию, он замечает, что подземные вокзалы повсюду снабжены тяжелыми, герметически закрывающимися дверями и толстыми стенами, — в случае чего метро может быть превращено в атомный бункер. Этим, вероятно, объясняется и то, что эскалаторы везут пассажиров на очень большую глубину, необычайную для станций метрополитена в европейских и американских городах.

На пути к ”Раю” вас ожидают сюрпризы. Сначала поезд останавливается на станциях, где с обеих сторон туннеля стоят солдаты с автоматами. Затем скорость возрастает. Внезапно за окнами вагона пронесётся мертвенно-освещённый пустой перрон. Вокзал призраков. Дело в том, что над ним расположен президентский дворец. Ни на одном плане этот дворец не обозначен, ни в одной книге, посвящённой городу, нет его фотографий. Тщательно отгороженную, забаррикадированную во всех сторон крепость-резиденцию великого отца и благодетеля можно узнать издали лишь по развевающемуся флагу: Он — там...

Время от времени — когда, это никому не известно, — вождь спускается из дворца под землю и по собственной линии, минуя станцию ”Рай”, в бронированном вагоне едет в личный бункер. До Ким Ир Сена своя отдельная линия метро от Кремля до Кунцева была только у Сталина.

Местонахождение тайного убежища выбрано исключительно удачно. Толпы паломников изо дня в день поднимаются по ступеням лестницы шириной в 340 метров на холм Чужак, где находится кладбище Революционных мучеников. Но мало кто знает о бункере, который скрыт глубоко под холмом. О кладбище стоит сказать несколько слов. На постаментах в виде колонн водружено сто десять бронзовых бюстов мучеников внушительного размера. Одни погибли в партизанских сражениях с японцами, другие скончались в собственной постели. Некоторое количество свободных мест оставлено в ожидании смерти от старости ныне здравствующих ветеранов. В стороне, на особо почетном месте стоит стела с бюстом Ким Чун Сок, первой жены Великого Вождя и матери Дорогого Вождя. Ее окружают ярко-алые цветы, выведенные одним садоводом, который дал своему дитищу название ”Кимирсения”.

¹ ”Верую во единого Бога” и ”Отче наш иже еси...” (лат.).

Снова садимся в метро и едем на запад. Конечная остановка на другом конце линии называется "Возрождение". Таково же и наименование шестикилометровой аллеи, которая пересекает квартал, построенный для XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Зрелище феерическое — нечто такое, что должно заткнуть за пояс олимпиаду в Сеуле: слева и справа от просторной, в сто метров шириной, "улицы Возрождения" возвышаются циклопические сооружения самых причудливых форм — башни, цилиндры, полуциркульные и L-образные жилые дома, в том числе восемь 42-этажных зданий. Двадцать пять тысяч квартир, целый город, окруженный стеной, с величайшей в мире гостиницей посередине (высота Эйфелевой башни, 105 этажей, 6000 коек, 80 лифтов), дал приют антиимпериалистической "юности мира", у которой много свободного времени и, что еще важнее, много долларов, каковы она и оставила здесь.

Я приехал незадолго до фестиваля, когда строительные работы были еще не совсем закончены. Десятки тысяч мужчин и женщин таскали на деревянных носилках песок и камень, пилили и гнули металлические фермы, месили руками бетон и заливали его в формы. Машин было мало. Даже земляные работы производились вручную бригадами из трех человек. Один втыкал в землю совковую лопату, двое вытаскивали за веревку полный совок. Из радиорупоров гремели патриотические песни и марши. Часть работы выполняла армия. Солдаты обоего пола в походной форме трудились под охраной своих товарищей, державших винтовки с примкнутыми штыками.

Стремление любой ценой переплюнуть южного брата-врага (угнаться за которым нелегко) чувствуется и в спортивных сооружениях. В Пхеньяне уже есть несколько крупных стадионов, которые вмещают до 100 тысяч зрителей. Тем не менее строится новый стадион на 150 тысяч мест под крышей, на острове посреди реки Тэдонган. Еще одиннадцать сооружений этого рода — два стадиона и девять просторных спортивных залов — воздвигнуто на улице Юности, впадающей в улицу Возрождения. Четкие современные контуры, все из стекла и белого бетона. Примером этого стиля может служить Центр настольного тенниса. Из мраморного холла лестница, выполненная из того же дорогостоящего материала, ведет в зал на 4300 мест. Зал оборудован кондиционерами и приспособлениями, гасящими звук. Мастера игры в пинг-понг могут состязаться одновременно на сорока столах. Все это было создано ради фестиваля, который продолжался восемь дней.

Много чудес может увидеть приезжий в Северной Корее и ее столице. Одно ему заказано — заглянуть в человеческие сердца, поговорить с людьми. Рестораны, театры, вокзалы — все снабжено отдельными входами и отсеками для иностранцев; специальные опекуны плотной стеной ограждают постороннего, словно прокаженного, от контактов с местными жителями. Лишь тайком, нелегально, оторвавшись от вездесущих сопровождающих, удавалось мне пройтись по улицам города и приобщиться к его повседневной жизни. Люди с озабоченными лицами спешат по своим делам, не видно, чтобы кто-нибудь прогуливался ради удовольствия, разглядывал витрины. Многочисленные светофоры по большей части не функционируют, вместо них слабыми транспортными потоками управляют женщины-полицейские; вообще начальства здесь явно больше, чем нужно. Велосипедисты изгнаны из города. В школьном дворе ни шума, ни бедотни; ученики маршируют колонной, с боевой песней. По выходным дням — воскресники: горожане чистят улицы, полют и поливают газоны. Что происходит, думал я, в головах этих людей, которые шагают мимо с отсутствующим видом, с портретами Великого Вождя на груди? Отчего так редко можно увидеть родителей, гуляющих с детьми? Почему ни одного ребенка нет в зале, где идет цирковое представление, сплошные серьезные лица взрослых, мужчины и женщины отдельно? Почему в новом родильном доме, который с гордостью показывают иностранцам, из тысячи коек занята лишь одна треть? Кто он такой, каков он, этот "новый человек", вскормленный и вспоенный идеологией чужд, снабженный всем необходимым и только необходимым, привыкший жить по команде и ежечасно благодарить своего вождя и учителя, величайшего ученого, величайшего полководца, величайшего, величайшего...

ПОСЛЕ ХОЛОДОВ

Возможно, кто-то думает, что холодная война окончилась, причем окончилась победой Запада. Однако сумма оборонного бюджета США — 300 миллиардов долларов — отнюдь не свидетельствует об этом. Многие политические деятели считают, что конфликт между Востоком и Западом отнюдь не разрешен, что программа реформ М.Горбачева потерпит провал и его преемник вновь вернется к политике агрессии. Но по крайней мере один государственный деятель — Роберт Макнамара, бывший министр обороны США и президент Международного банка реконструкции и развития — более оптимистичен. В отношениях между Востоком и Западом он видит глубокие и обнадеживающие перемены, особенно ярко проявившиеся в предложениях Горбачева. Эти предложения "настолько эффективны, настолько революционны, — пишет Макнамара, — что они могут означать только одно — желание положить конец холодной войне".

Как должен реагировать Запад на инициативу Горбачева? И если с холодной войной действительно будет покончено, что потом? В своей новой книге "Out of the Cold", которая вышла 28 сентября в издательстве Саймон и Шустер, Макнамара анализирует советские предложения и реакцию на них Запада. В отрывке, который мы публикуем, Макнамара предлагает "комплекс радикальных мер в политической и военной сфере", призванных послужить основой новой американской внешней политики и оборонной стратегии.

Первой реакцией Запада, и в особенности Соединенных Штатов, на предложения Горбачева о пересмотре политических и военных отношений между Востоком и Западом был скептицизм и чрезмерная осторожность. Наверное, так оно и должно было быть. На протяжении 40 лет главными факторами, определяющими внешнюю политику и оборонную программу Соединенных Штатов, был страх перед советской экспансией и стремление противостоять ей. Для того, чтобы выработать новые национальные цели и определить нашу роль в мире, не раздираемом борьбой между Востоком и Западом, понадобится недюжинное воображение. Прежде чем дать ответ Горбачеву, нужно представить, каким может стать мир без конфронтации Восток—Запад. Очевидно, что внутренние и межнациональные конфликты не исчезнут. Но как бы мир изменился, если бы сверхдержавы договорились о том, что ни одна из них не попытается воспользоваться этими конфликтами, чтобы усилить свое политическое или военное влияние, их взаимоотношения будут строиться на основе правил, исключающих применение силы. Насколько мне известно, никто еще не выдвинул широкой и долгосрочной (рассчитанной на десятилетия) программы политических и военных мероприятий, необходимых для того, чтобы перестроить отношения в мире. Я попытаюсь это сделать, предлагая сначала необходимые политические меры, а затем изменения в области оборонной стратегии.

Совершенно очевидно, что какой бы ни была в XXI веке политика Советского Союза и Соединенных Штатов, отношения между этими странами будут непохожи на те, какими они были в послевоенные десятилетия. Мы будем жить в многополюсном мире, и наша внешняя политика и оборонная стратегия должны учитывать новую реальность. Мы уже были свидетелями подъема экономической мощи Японии. Надо полагать, что эта страна будет играть важную роль на мировой арене, принимая на себя все большую политическую и экономическую ответственность. То же можно сказать и о Западной Европе, которой предстоит в 1992 году сделать гигантский шаг по направлению к экономической интеграции. А к середине грядущего столетия некоторые из тех стран, которые мы сегодня относим к разряду слаборазвитых, настолько увеличат свой экономический потенциал, что смогут на равных участвовать в принятии решений, имеющих серьезные последствия для международ-

ных отношений. Соединенные Штаты должны подготовиться к тому, чтобы занять политические позиции в этом новом мире.

Настала пора вернуться к концепции Франклина Д.Рузвельта о мире, где порядок поддерживался бы путем международного сотрудничества при помощи институтов ООН и региональных организаций. Западу и Востоку пора принять "Кодекс сосуществования", распространяющийся на их собственные взаимоотношения и на отношения между ними и другими странами. Проект "новых правил сосуществования" предложил составить и сам Горбачев. Основные пункты "Кодекса" могут быть сформулированы следующим образом:

1. Страны каждого блока будут добиваться политических целей с помощью дипломатии, не прибегая к угрозам и насилью.
2. Вооруженные силы обоих блоков будут перестроены исключительно для целей обороны и резко сокращены. При этом необходимо добиться паритета в области вооружений на максимально низком уровне.
3. Сверхдержавы не будут вмешиваться в региональные конфликты.
4. Страны Востока и Запада, и в особенности сверхдержавы, будут решать глобальные и региональные проблемы с помощью международных организаций.

Кодекс сосуществования призван предотвращать односторонние акции вроде советского вторжения в Афганистан или американской интервенции во Вьетнаме, содействовать достижению стабильных отношений между Восточной и Западной Европой, а также созыву международной конференции по проблемам Ближнего Востока.

Одновременно с уже предпринимаемыми шагами в направлении разрядки между Востоком и Западом необходимо ускорить переговоры по контролю над вооружениями, причем переговоры должны охватывать как можно более широкий круг проблем разоружения. На повестку дня должен быть поставлен вопрос о скорейшем завершении переговоров о сокращении стратегических вооружений (START), резком форсировании мероприятий по перестройке и сбалансированию на значительно более низком уровне обычных вооружений в Европе и о значительном сокращении тактических ядерных сил.

В переговорах о сокращении стратегических вооружений START мы достигли критического момента. Новое советское руководство придает сокращению вооружений чрезвычайно серьезное значение. У нас, в США, политический консенсус, приведший к ратификации Соглашения о ядерном оружии среднего радиуса и поддерживающий переговоры о сокращении стратегических вооружений, находится под серьезной угрозой. Соглашение, предложенное на этих переговорах, вызывает возражения по нескольким причинам.

Противники переговоров START связывают сокращение стратегических вооружений с опасностью возникновения конвенциональной войны в Европе и предлагают четко связать сокращение стратегических вооружений с выравниванием баланса конвенциональных сил. Они заявляют, что сокращение стратегического оружия нанесет ущерб нашей стратегии ядерного сдерживания. Однако я не представляю, как это может случиться. Поскольку сокращение вооружений, предложенное на переговорах START, четко сбалансировано, оно может только повысить эффективность американских стратегических сил. Кроме того, у нас останется достаточное количество тактического ядерного оружия, чтобы поддерживать стратегию НАТО. Наша способность использовать ядерные силы для защиты Европы не уменьшится. Какую бы роль ни играли сегодня стратегические ядерные силы в сдерживании советской конвенциональной агрессии (я считаю эту роль минимальной), они будут играть такую же или даже большую роль и после того, как сократятся до уровня, установленного соглашениями START. Поставить же заключение соглашений о сокращении обычных вооружений в качестве неопременного условия для подписания Договора о сокращении стратегических вооружений означает отложить переговоры START на неопределенное время.

Основной нерешенной проблемой, стоящей на пути к заключению соглашения на переговорах START, является статус Стратегической оборонной инициативы (СОИ) – противобаллистической ракетной системы, предложенной президентом Рейганом. Хорошо известно, что я – противник этой программы. Я вижу в ней несравненно больше риска, чем выгоды. Правительства Соединенных Штатов и Советского Союза должны найти выход из тупика¹. Мне представляется, что новой американской администрации лучше всего было бы придерживаться традиционной двусторонней интерпретации Договора по антибаллистическим ракетам от 1972 года, накладывающей четкие ограничения на испытания и развертывание противоракетных систем в космосе. В противном случае выход может найти Советский Союз. Он может в одностороннем порядке заявить, что испытания СОИ ставят под удар национальные интересы СССР и противоречат Договору по антибаллистическим ракетам. Право договаривающейся стороны отказаться от своих обязательств в договоре типа того, что может быть заключен на переговорах START, четко оговорено, – она может это сделать, если ее национальные интересы оказываются под угрозой.

Что касается обычного оружия, то проблема заключается в том, что Советский Союз обладает значительным численным превосходством, причем именно в основных видах этого оружия. Для восстановления баланса требуется понимание и очень серьезный анализ асимметрии между Востоком и Западом в их географическом положении, качестве вооружений и нуждах обороны. Но шансы добиться успеха на переговорах резко возросли. Смелые предложения Горбачева о резком сокращении обычных вооружений основаны, по его словам, на готовности Советского Союза перестроить собственные конвенциональные силы так, чтобы добиться “разумной достаточности” – а не превосходства, и занять оборонительную, а не наступательную позицию. Пока еще не ясно, что все это означает. Но в наших собственных интересах воспользоваться новой возможностью, для чего необходимо понять суть и оценить серьезность предложений советского лидера. Соглашение об обычных вооружениях стало бы одним из величайших достижений нашего века. Оно не только стабилизировало бы ситуацию в Европе, при резко сниженном уровне вооружений, но и послужило бы началом геополитической трансформации Европы.

Еще одним спорным вопросом остается будущее ядерных ракет ближнего радиуса действия, находящихся на вооружении НАТО. Горбачев заявил о желании договориться о сокращении арсеналов и ликвидации ядерных ракет с радиусом действия до 500 км. Между тем союзники по НАТО считают, что на данной стадии, ввиду явного советского превосходства в области обычных вооружений, вопрос об этом не подлежит обсуждению. Вместо этого они разрабатывают предложения по модернизации и усовершенствованию таких ракет.

Одним из печальных последствий Соглашения о ядерном оружии среднего радиуса действия является реакция на них Западной Германии. Справедливо или нет, но западные немцы, независимо от политических убеждений, считают, что из них сделали козла отпущения. Они убеждены, что ядерные ракеты НАТО, установленные на территории ФРГ, являются главной мишенью для ракет потенциального противника и в случае войны первый удар придется на их страну. Это обстоятельство мешает прийти к какому-либо согласию по поводу модернизации оружия. Пока дискуссия продолжается, страсти несколько улеглись, но как только решение о модернизации системы ЛАНС – тактических ракет, размещенных в Западной Германии, – будет принято и объявлено о планах их размещения, споры, несомненно, вспыхнут снова. Я считаю опасным связывать переговоры о сокращении тактических ядерных сил НАТО с мерами по сбалансированию конвенциональных сил, но сегодня это представляется неизбежным. Тем не менее я надеюсь, что мы сможем найти возможность сокращать вооружения вместо того, чтобы подстегивать их гонку.

¹ На переговорах в Вашингтоне в конце сентября Э.Шеварднадзе снял советские возражения, связанные с СОИ.

В последние годы я открыто высказывал сомнения в разумности угроз НАТО применить ядерное оружие первыми в случае конвенциональной агрессии со стороны Советского Союза. Однако покуда мы продолжаем придерживаться политики "первого удара", наши усилия по модернизации вооружений должны быть сосредоточены на оружии, поднимающем порог ядерной угрозы, а не опускающем его. Это значит, что артиллерийские ядерные снаряды будут играть все меньшую роль, ибо это оружие оказывает мощное психологическое давление на командующих войсками — так сказать, "пан или пропал". Сходным образом модернизация — в той степени, в какой она необходима, — должна коснуться, главным образом, систем высокой живучести, то есть систем, способных выдержать ядерный удар противника.

В прошлом нередко обсуждалась идея односторонних мер по контролю над вооружениями. В последнее время, поскольку правительства США и СССР добились некоторых успехов на двусторонних переговорах, эта идея отошла на задний план. Мы будем продолжать переговоры о контроле над вооружениями, но я считаю, что проблема вооруженной конфронтации в Европе в целом прекрасно поддается решению с помощью односторонних мер как со стороны Востока, так и со стороны Запада. Заявление Горбачева о значительном одностороннем сокращении советских конвенциональных сил, сделанное им в ООН 7 декабря 1988 года, показывает, сколь много можно еще сделать в этом отношении. В частности, что касается НАТО, то оно могло бы с помощью односторонних мер развеять опасения западных немцев. Наш арсенал в Европе насчитывает около 1600 ядерных артиллерийских снарядов. Односторонняя ликвидация как минимум тысячи из них могла бы значительно разрядить атмосферу в Западной Германии. Этот шаг был бы очень важен сам по себе, ибо наличие такого огромного количества этого "легкого" ядерного оружия в случае вооруженного конфликта может привести только к эскалации военных действий. Односторонние "согласованные" меры дали бы возможность приступить к сокращению оборонных бюджетов. США, например, могли бы заявить, что планируют постепенно, в течение пяти лет, сократить расходы на оборону, если СССР поступит так же. Понятно, что проверить абсолютные цифры расходов невозможно, но средства наблюдения, тем не менее, позволят определить общую тенденцию. Любая из сторон может в любой момент отказаться от своих планов, если не будет удовлетворена ответными действиями партнера. Начал такому подходу было положено в 60-х годах, когда я был министром обороны США. Но после первых обнадеживающих шагов все рухнуло из-за увеличения военного бюджета в связи с ситуацией во Вьетнаме. Такие односторонние шаги могут послужить и катализатором в двусторонних переговорах по контролю над вооружениями. Меры же по установлению взаимного доверия, в свою очередь, увеличат шансы на достижение договоренности по сокращению обычных вооружений.

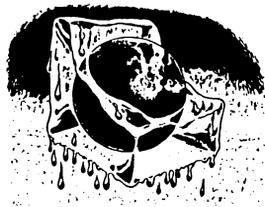
Итак, "краткосрочная программа" сводится к следующему: завершение переговоров по сокращению стратегических вооружений START, установление баланса конвенциональных сил в Европе, сокращение числа тактических ядерных ракет и меры по укреплению доверия. Эти шаги позволят в значительной степени стабилизировать ситуацию. Однако и после завершения "краткосрочной программы" в арсенале НАТО и стран Варшавского договора останутся тысячи ядерных боеголовок, а стратегия НАТО будет по-прежнему основываться на принципе "первого удара". Опасность ядерной войны — разрушения нашей цивилизации — уменьшится, но не будет полностью устранена. Можем ли мы продвигаться еще дальше?

Безусловно, да. В будущем два обстоятельства могут способствовать этому. Переход конвенциональных сил на оборонные рельсы при четко сбалансированном уровне вооружений резко уменьшит необходимость в силах ядерного устрашения. А переговоры START приведут к выравниванию ядерной мощи США и СССР, то есть к ситуации, когда ни одна из сторон не сможет победить в ядерной войне. А это, в свою очередь, лишит ядерное оружие зловещей роли "сверхоружия", с помощью

которого можно выиграть войну "одним ударом". Такая "антипобедная" структура стратегических сил подразумевается в соглашениях, предложенных на переговорах START.

Ну, а если будет решено покончить с политикой ядерного устрашения, как можно этого добиться? М.Горбачев предложил, чтобы США и СССР направили усилия на полную ликвидацию своих ядерных арсеналов к 2000-му году. Но джинн уже выпущен из бутылки — мы не в состоянии стереть из людской памяти знания о том, как производить ядерное оружие. Соглашение о полном ядерном разоружении почти наверняка приведет к новой гонке вооружений. Было бы лучше, если бы НАТО, страны Варшавского договора и другие ядерные державы договорились в принципе о том, что ядерный арсенал каждой страны не должен превышать уровня, необходимого для предупреждения любых неожиданных ситуаций. Но каким должен быть этот арсенал? Выработать соглашение о вооружениях, которое ограничивало бы арсенал каждой из сторон до небольшого количества ядерных боеголовок, вполне возможно при современных методах контроля. В этом случае число боеголовок определялось бы тем, сколько страна может произвести их, не будучи "схваченной за руку". Я не слышал об исследованиях, указывающих, каким может быть это число (такие исследования стоило бы начать), но оно, безусловно, не превысит нескольких сотен, скажем, максимум 500 (а то и десятков) единиц ядерного оружия. К такому соглашению можно было бы прийти, предположим, к 2000-му году. Так не сделать ли подобное соглашение конечной целью стратегии разоружения? Продвигаясь к этой цели и завершив план перестройки и сокращения конвенциональных сил, предложенный Горбачевым, можно было бы значительно сократить оборонный бюджет США. Вполне допустимо, что военные расходы можно было бы урезать наполовину относительно ВВП — то есть сократить до 3%. Это позволит высвободить 150 миллиардов в год (в ценах доллара на 1989 год и относительно ВВП на 1989 год), направляя их на нужды частного потребления, на нужды нашего общества и стран Третьего мира. А это, в свою очередь, закрепило бы за промышленностью США место лидера в технологическом мире XXI века. Не следует думать, что сумма оборонного бюджета в 3% от ВВП — плод фантазии. Расходы на оборону в сегодняшней Японии составляют 1% от ВВП, а расходы всех стран НАТО вместе взятых, за исключением США, составляют в среднем те же 3%.

Те политические шаги и меры по контролю над вооружениями, которые я предлагаю, должны поддерживаться совместными действиями Запада и Востока в области экономики и охраны окружающей среды, научного и культурного обмена. Все это послужит более полной интеграции Советского Союза в современном мире, где взаимозависимость стран постоянно растет. Любой из предложенных шагов может быть сделан независимо от других. Но все вместе они будут гигантским шагом вперед к более спокойному и безопасному миру. ●

Агнеш ГЕРЕБЕН (Будапешт)

ПЕРВЫЙ ГОД НОВОЙ ВЕНГРИИ

“Разбитая нация”

Как летит время... В стремительном развитии Восточной Европы все отчетливее ощутимы разительные черты демократизации. Мне кажется, что именно в глобальности процесса — залог его необратимости в отдельных странах региона. С этой точки зрения и следует, по-моему, рассматривать годовой опыт демократизации в Венгрии.

Похоже, в более легком положении оказались страны, которые начали позднее. Многопартийная система, свободные выборы и вообще все демократические институты, к которым в Венгрии и Польше пришли постепенно, после мучительных игр “шаг вперед, два шага назад”, в ГДР, Болгарии, Чехословакии с первой минуты стали главным, безоговорочным требованием масс, как только они вынудили к отступлению отчаянно сопротивляющихся лидеров старого режима.

Да, массы. Во всех странах они по-разному проявили себя в событиях. В том странном, на первый взгляд, факте, что богатая демократическими традициями Чехословакия опередила одну лишь несчастную Румынию, нельзя не видеть последствий сравнительно недавнего тяжелого поражения реформ и реформистов. “Чехословакия — разбитая нация”, — сказал в Будапеште в дни годовщины подавления Пражской весны Павел Когоут. “На протяжении жизни одного поколения мы потерпели три поражения. Три мечты умерли. Первая — демократическая республика — в Мюнхене; вторая — демократическая и социалистическая республика — в политических процессах 1950-х годов; третья мечта, мечта о перестройке социализма, умерла в 1968 году. Конечно, с тремя такими историческими поражениями с трудом справляется нация. Тот факт, что новое руководство в 1970 году наказало или выгнало из страны всех, кто имел отношение к реформам, до сих пор висит над обществом как кошмар. Не забывайте, что пока оппозиционно настроенные писатели в Венгрии могли писать и вести дискуссии (о Польше и говорить нечего), чехословацкая литература 21 год была полностью запрещена. В 1970 и 1971 годах только из Коммунистической партии было исключено 500 тысяч человек. А кого исключали из партии, выгоняли и с работы. Уволили и всех некоммунистов — инициаторов реформ. Полтора миллиона мыслящих людей исчезли из экономической и культурной жизни Чехословакии... Люди жили в своих квартирах и домах, съездившись, в страхе, что и этот дом у них отнимут.”

Как отличались этим летом от горьких, разочарованных, униженных в своем достоинстве чехов немцы, бежавшие из ГДР! Их исход, а вместе с ним и вся бурная политическая радикализация, как известно, начались в Венгрии. Именно здесь немецкие туристы, в том числе те, кто, переступая границу, и не думал об эмиграции, опьянели от “сладкого воздуха” венгерской свободы и, побросав все, кинулись к очищенной от колючей проволоки “зеленой” границе Венгрии с Австрией. Летом, ожидая автобуса у ворот самого большого пункта для беженцев (пионерский лагерь “Чиллеберц”, предоставленный в распоряжение венгерского Красного Креста и Мальтийского ордена), я сама стала свидетельницей того ожесточенного, что ли, порыва, который охватил немцев. Об исходе многое написано, много волнующих кадров снято на пленку. Однако в моей памяти навсегда останется бесконечная цепь машин с напряженно смотрящими перед собой людьми — почти все моложе 30 лет. Бегство уже совершилось, в кармане у каждой семьи новый паспорт, но ни у кого, даже у маленьких детей, на лице не было улыбок.

ки... Эта картина возникает передо мной и когда я вспоминаю слова писателя Стефана Гейма, человека, отчасти близкого к прежнему восточноберлинскому руководству, но пользующегося уважением и на Западе: истерия масс сыграла жуткую роль в немецкой истории XX века...

А в Венгрии? В Венгрии массы прямо не участвовали в процессе демократизации. Вернее, с самого начала и до референдума 26 ноября 1989 года – то есть полтора года! – участвовали преимущественно своим неучастием. Апатией, скрытым злорадством, насмешливыми замечаниями, разочарованием, равнодушием, усталостью – в зависимости от того, отождествлял ли себя человек с 33-летним режимом Кадара, просто верил в то, что говорили, или считал себя жертвой системы.

При всех различиях общая редакция была одинакова. Этим летом, когда после отзыва пятнадцати депутатов-догматиков были назначены промежуточные парламентские выборы, во многих округах люди предпочли остаться дома. В результате по ряду округов выборы пришлось повторять.

Если не считать трагической судьбы двухмиллионного венгерского меньшинства в Трансильвании, у страны не было цели, не было лозунга, который смог бы мобилизовать людей. В Венгрии – в отличие от других стран региона – не было ни одного массового митинга, и просто жалко было смотреть по телевидению на пустые аудитории, где население призывали вступать в различные партии. Создавалось впечатление, что люди в Венгрии с отвращением наблюдают (или предпочитают вовсе не видеть) за шумихой с участием нескольких сот словоохотливых интеллектуалов, целиком сосредоточившись на том, чтобы как-то свести концы с концами в семейном бюджете – занятие тоже не слишком перспективное.

Это плохо, но еще не самое худшее. Процесс демократизации с самого начала (а началом следует считать отставку Яноша Кадара на майской партконференции 1988 года) и позднее, с момента принятия закона о свободе создания обществ и ассоциаций от 10 января 1989 года, был сосредоточен в руках ограниченного числа людей. Не в пример Польше, где два института политической оппозиции – католическая церковь и профсоюз "Солидарность" – опирались на массы, в отличие от ГДР и Чехословакии, где революция вообще началась и победила на улицах, в Венгрии весь первый этап процесса демократизации совершался в парламенте и прокуренных помещениях, где собирались лидеры политических партий.

По сравнению с развитием других восточноевропейских стран венгерский вариант является, однако, более "узким" не только в пространстве. Уже и круг людей, которые совершают поворот. С некоторым преувеличением можно сказать, что все в руках людей, которые давным-давно знают друг друга.

Это тоже одна из характерных черт венгерской демократизации, о которой почему-то забывают. Формы контактов между представителями властей и оппозиции в прошлом были самые разнообразные. В результате сегодня на политических переговорах о переходе к демократии за одним столом сидят люди, которых связывают многолетние сложные отношения гонителя и жертвы. Но поскольку у нас, в отличие от Советского Союза, инакомыслящих последние 28 лет не отправляли в концентрационные лагеря или психбольницы, то взаимоотношения врагов нередко сводились к попыткам убедить и переубедить друг друга, вызывая смешанные чувства любви-ненависти. Да, режим Кадара, "самый веселый барак в лагере", создал широкую гамму отношений, включающих "дружеские уговоры", шантаж, угрозы, встречи в заставленных книгами квартирах в II, V, XII районах Будапешта, где живет большинство представителей власти и лидеров оппозиции.

В делегациях разных партий на переговорах есть и люди, которые в молодости вместе изучали марксистскую философию в университетских кружках, а оказавшись по разным сторонам баррикад, не забывают о прошлом, хотя далеко не всегда вспоминают его добром. Венгрия, как известно, маленькая страна, мы порой даже слишком много знаем друг о друге.

Или такой вот пример своеобразных отношений между властями и оппозицией, отношений, которые тоже коренятся в 33-летних традициях Венгрии Кадара, "грандиозного труженика на ниве компромиссов" (выражение его бывшего лично-го секретаря Роберта Рибанского, вместе с К.Гроссом, Я.Беренцем и другими руководителями бывшей ВСРП основавшего недавно собственную правоверную коммунистическую партию).

Из Венгрии сравнительно рано, с конца 60-х годов, стали выпускать людей за границу. Вслед за туристскими поездками венгерские интеллектуалы стали получать приглашения от университетов США и Западной Европы. Обычно по иностранным стипендиям посылали, как у нас говорят, "одного гусара и одного цыгана" то есть собственно по приглашению ездили оппозиционеры, а по рекомендации Министерства просвещения ВНР — люди, близкие к правительственной элите. В 1984 году, когда я находилась некоторое время в университетах США (за свой счет), такой "состав" стипендиатов из Венгрии бросался в глаза. Признаться, система показалась мне тогда крайне подозрительной. Сегодня уже ясно, что мое чистоплюйство было ошибкой: время, проведенное за границей, безусловно пошло на пользу и тем, и другим. Сейчас это ощущается по обе стороны стола переговоров.

Конечно, в этом узком кругу гораздо легче найти формы мирного перехода к демократической системе, чем при массовой конфронтации. И хотя переговоры между властями и оппозицией пережили немало критических моментов, порой грозя разрывом на самом трудном этапе процесса — при отказе партии от власти, удалось избежать стихийных потрясений. И это чрезвычайно важно, ибо не только немецкая, но и венгерская история XX века являет нам ужасающие примеры последствий массового озлобления...

Политическая программа 47 партий

В ситуации, когда на плечах малоопытных, не располагающих ни достаточными финансовыми средствами, ни необходимой инфраструктурой новых политических партий лежит такая, без преувеличения, историческая ответственность, особенно важно знать, какова их идеологическая основа, какой общественный строй и экономический порядок они представляют, что они предлагают венгерскому народу, как мыслят себе конкретно новое государственное устройство.

Обо всем этом пока можно сказать очень мало утешительного. Факт, что венгерские политические партии — практически без исключений — считают своим врагом номер один государственную партию и партийное государство. Как ни странно, на проходившем в начале октября учредительном съезде даже представители Венгерской социалистической партии (и по сей день руководящие страной) объявили, что видят свою цель в ликвидации партийного государства. И они, и оппозиционные партии (от Демократического Форума до Союза свободных демократов, от социал-демократической партии до партии мелких хозяев) единодушно именуют последние 40 лет отечественной истории коммунистической диктатурой. И в этом — только в этом — с ними согласны десятки крохотных партий, которые возникли как "оппозиция оппозиции"; эти люди обвиняют участников оппозиционного круглого стола в том, что они "продали себя коммунистам" — уже тем, что сели с ними за один стол.

В то время как все наши партии неустанно бичуют централизованную власть и диктаторский бюрократизм, никто даже не заикается о другом, очень важном моменте (по мнению известного венгерского социолога Элемера Ханкиша, едва ли не самом важном) — о своеобразии нашего развития, позволяющем избежать "китайского варианта", использования силы политической элитой для сохранения своей власти. В своем знаменитом исследовании, подготовленном в начале 1989 года (то есть во времена уже исторические...), Ханкиш показал, что лидеры коммуни-

стического режима добровольно отказываются от политической власти с тем, чтобы сохранить экономическое могущество.

И действительно. Используя возможности достаточно открытой венгерской экономики, многие коммунисты (включая даже лидеров ВСРП!) через членов своих семей заняли ключевые позиции в венгерской экономике. И не в убыточных ее отраслях, разумеется.

Настоящая коалиция, утверждает Ханкиш, возникает не столько в парламенте или на переговорах властей с оппозицией, сколько за обеденным столом в семейном доме: глава этого семейства — лидер или ответственный сотрудник руководящей партии. Сидит он рядом с женой, владельцем доходного магазина в центре Будапешта, с сыном — председателем банка и с дочерью, у которой пансионат на берегу Балатона. Ясно, что этот руководитель, — а таких в Венгрии много, от бывшего генсека ВСРП Кароя Гросса до кандидатов в президенты страны, — не будет во что бы то ни стало и уж тем более такой ценой, как резня в Тбилиси или провокация в Кишиневе, цепляться за власть. Ведь ему есть куда отступить. И он прекрасно понимает, что выгоды, обеспечиваемые экономической властью, не менее значительны, чем то, что гарантирует власть политическая. Эти политические лидеры отлично знают, что кровопролитие, а вслед за ним гражданская война может смести и магазин, и банк, и гостиницу...

Трехсторонний круглый стол

Главный форум политических переговоров о мирном переходе к многопартийной демократии — институт не менее уродливый, чем само его название: "Трехсторонний круглый стол". Во-первых, эта акция с самого начала была лишена какой-либо правовой основы. Учреждение, где решались основные проблемы политического устройства будущей Венгрии, даже не упоминается в венгерской конституции. Факт существенный, ибо можно опасаться, что в обозримом будущем его припомнят те политические силы — слева и справа, — которым будет выгодно оспаривать результаты первых свободных парламентских выборов весной 1990 года или любые другие меры, которые будут проводиться на основе договоренности, достигнутой на этом форуме.

Трехсторонний круглый стол был создан в соответствии с соглашением, подписанным 10 июня 1989 г. разными по масштабам и влиянию организациями. История начала этих переговоров не лишена интереса, ибо дает представление о своеобразных чертах развития венгерской (а может быть, и не только венгерской) демократии. Вскоре после принятия уже упомянутого закона о создании ассоциаций, дающего возможность каждому гражданину Венгерской (тогда еще народной) республики создавать общество или ассоциацию, не противоречащую конституции, руководители Венгерской социалистической (тогда еще рабочей) партии начали консультации с представителями различных общественных организаций, будущих партий и т.п.

Жест этот, призванный продемонстрировать добрую волю (и получить информацию, конечно), стал историческим событием. Через двадцать дней после начала консультаций между слабыми оппозиционными группировками и еще сильной ВСРП, 22 марта восемь ярких, авторитетных групп сформировали оппозиционный Круглый стол. Первую свою задачу — избежать дробления сил оппозиции — ОКС начал решать сразу, сорвав план ВСРП вести только двусторонние переговоры, и то лишь с удобными для нее партнерами.

Подготовительные консультации по поводу того, кто будет участвовать в переговорах и о чем, собственно, они будут вестись, выявили настолько существенные разногласия сторон, что 2 мая переговоры были приостановлены и возобновились лишь через 25 тягостных дней. В ходе следующих раундов руководящая Венгрий партией и представители оппозиции подписали, наконец, 10 июня

соглашение о проведении трехсторонних политических переговоров. Третья сторона была включена в соглашение по требованию ВСРП. Она должна была представлять такие массовые (и тогда еще монолитные) организации, как профсоюз, Отецественный фронт, Совет женщин и прокоммунистические группировки разного толка: и объединившее старых догматиков Общество им. Ференца Мюнхиха, и Левая альтернатива, куда входила часть молодой партийной интеллигенции. (Часть этих организаций, особенно массовые, скоро поняла, что их неподготовленность, безликость, принадлежность к государственной партии и партийному государству лишает их реального влияния на столь существенных для будущего Венгрии переговорах. Делегация профсоюза, осознав унижительный характер ситуации, позднее демонстративно покинула зал голосования.)

Заседания Трехстороннего круглого стола выбили почву из-под парламента: с повестки дня сразу же были сняты обсуждавшиеся тогда законопроекты о партиях и о создании конституционного суда. По сути Трехсторонний круглый стол взял на себя функции главного законодательного органа Венгрии, а также многие прерогативы исполнительной власти. (Легитимность парламента, созданного по принципам партийного государства, с самого начала оспаривалась оппозицией; но общественная эрозия оказала действие и на коммунистов, еще составлявших в 1985 году 78% всех депутатов. Постепенно из парламента были отозваны наиболее ортодоксальные депутаты, определяющие направление его работы. Их место заняли депутаты от оппозиционных партий, а в созданную вместо ВСРП Венгерскую Социалистическую партию вступили лишь немногие из бывших членов руководящей партии.)

На переговорах Трехстороннего круглого стола, проходивших на различных уровнях, все более активное участие принимали средства массовой информации. В результате уже к середине осени его участники достигли существенных успехов. Так, стороны определили основные принципы и процедуру демократического перехода. В их числе: поправки к конституции, учреждение конституционного суда, основы закона о партиях, закона о выборах, правовые гарантии, исключающие применение насилия в политической жизни, изменения в уголовном и уголовно-процессуальном праве, закон об информации, стратегия преодоления экономического и социального кризиса, внешней задолженности, инфляции, новая структура промышленности, реформа собственности и прежде всего преобразование государственной собственности, закон о кооперативах, пересмотр государственного бюджета, правовое регулирование предпринимательства и многое другое.

Референдум

Интенсивная работа Трехстороннего круглого стола позволила парламента, когда он осенью все-таки возобновил свою работу, обсудить и принять разработанные на переговорах законопроекты, получившие название основных законов.

Тут, однако, возник конфликт с далеко идущими последствиями: власти отказались принять целый ряд требований. Отказались распустить Рабочую милицию (армия ВСРП), распустить первичные парторганизации ВСРП на всех рабочих местах, дать населению отчет об источниках имущества, принадлежащего партии. Наконец, — и тут ВСРП получила поддержку большинства оппозиционных участников круглого стола, — правящая партия продолжала настаивать, чтобы выборы президента прошли до первых свободных парламентских выборов.

В результате Союз свободных демократов (СДС), самая подготовленная и искусная в практической борьбе группа оппозиции, вместе с Союзом молодых демократов отказалась подписать соглашение об итогах переговоров. Уверенные не только в своей правоте, но и в чрезвычайной важности этих вопросов для судеб венгерской демократии, оба союза начали сбор подписей в пользу проведения референдума.

Закон о референдуме, знаменующий определенный шаг в демократическом развитии страны, был принят ранее в рамках концепции разделения властей, главной конституционной гарантии против бесконтрольной диктатуры одной партии. Интересно, что Венгрия сравнительно рано пошла по этому пути: уже к началу марта 1989 года лидеры ВСРП отказались от ведущей роли партии, зафиксированной в конституции. Это, безусловно, связано с активной деятельностью оппозиции. Заметим, что в юридическом смысле деятельность оппозиции, по крайней мере до 10 января (или даже до сентября 1989 года, когда парламент, наконец, принял закон о партиях), была неправомочной.

Но это формальная сторона дела. На практике, в условиях растущей гласности (хотя пока еще далеко не свободы слова), венгерские газеты и журналы, заинтересованные в читателе, охотно публиковали выступления деятелей оппозиции. В этих статьях и интервью открыто звучали немыслимые раньше обвинения в адрес коммунистического руководства страны. Лидеры ВСРП, не привыкшие к такого рода критике, терялись, понимая, что они не в силах вывести страну из политического, экономического и морального тупика. Именно в этих условиях представители министерства юстиции уже в марте 1989 года выдвинули план детального разделения сфер деятельности парламента и правительства (которое с тех пор стали все реже называть Советом министров). Четкое размежевание законодательной и исполнительной власти дало возможность призвать к ответственности всех, кто занимал ответственные должности в этих сферах государственной жизни. Ответственность добилась отъезда из парламента ряда депутатов-догматиков, вынудила министра охраны окружающей среды подать в отставку. Вообще появился неизвестный ранее фактор риска — опасность потерять власть.

В начале марта были выдвинуты и другие законопроекты, обеспечивающие контроль над властью. В их числе — законы об учреждении таких демократических институтов, как конституционный суд, куда каждый гражданин может обратиться в случае ущемления его прав, учетная палата, контролирующая финансовые операции правительства и экономические последствия деятельности парламента. Сюда же относится и закон о референдуме, который был принят в начале лета и впервые применен 26 ноября по инициативе Союза свободных демократов.

Развитие шло с поразительной быстротой. Пока активисты ССД собирали на улицах Будапешта и других городов нужное для проведения референдума число подписей (свыше 150 тысяч), в Статистическом управлении шла проверка достоверности данных. Тем временем парламента, по предложению правительства, с лихорадочной поспешностью одобрил те самые решения, от принятия которых еще 2—3 недели назад отказались и власти, и семь других участников оппозиционного Круглого стола, считая их нереальными.

Однако Союз свободных демократов, ко всеобщему удивлению, не отказался от идеи проведения референдума. Лидеры этой партии — из поколения сорокалетних интеллектуалов, "детей 1968 года", — мотивировали свою позицию четко: пусть решает народ. Если вдуматься, это не пустая риторика. Ведь если парламента, испугавшись сбора подписей, неожиданно принял решение о роспуске рабочей милиции, запретил партийные организации по месту работы и т.д., то он в любую минуту мог проголосовать и в противоположном смысле.

Что касается самих вопросов, вынесенных на референдум, то тут правота позиции Союза свободных демократов сомнений не вызывает. Возьмем, например, проблему роспуска рабочей милиции, учрежденной после подавления народного восстания 1956 года для охраны власти ВСРП. Ясно, что в демократической стране не может существовать вооруженная сила, подчиненная не главнокомандующему, который присягает конституции, а руководству одной из партий, имеющей возможность использовать эту силу по своему усмотрению. При многопартийной системе вообще не могут существовать вооруженные силы партий. Или, если уж их имеет

одна партия, то они должны быть у всех. А это не только абсурд, но и явный источник опасности.

Так же обстоит дело с первичными парторганизациями. Как показал опыт, участие коммунистов в управлении производством приводит к тому, что решающее значение приобретают политические моменты – в ущерб профессиональным, экономическим. Кроме того, если одна партия представлена на заводе партийным комитетом, то очевидно, что и остальные 47 политических партий вправе требовать помещений, средств, штатов и т.д. Только этого не хватает задыхающейся венгерской экономике...

Едва появились оппозиционные партии, как стало ясно, что без инфраструктуры – помещений, машин, типографий, средств связи и пр. – не может быть и речи о равенстве шансов, одном из главных лозунгов молодой венгерской демократии. Так называемые "исторические партии" – социал-демократическая, партия мелких хозяев, христианско-демократическая и др., которые были запрещены при введении однопартийной системы в 1949 году, стали требовать возвращения своих бывших зданий и значительного имущества, отнятого в 40-е годы. В свою очередь новые партии заявили, что им тоже необходимы средства существования.

Правительство выделило определенную сумму, затем удвоило ее. Однако многие из оппозиционных партий отнеслись к этому без восторга. Они утверждали, что эти средства, сами по себе незначительные, все же слишком велики для страны с огромным дефицитом государственного бюджета. Ясно, что такая "щедрость" вызовет гнев населения, а это выгодно руководящей партии. Логичнее, чтобы партия, завладевшая чужим имуществом, отчиталась за это перед народом и парламентом, который затем и распределит его между партиями в соответствии с числом их членов и процентов голосов, полученных на выборах в парламент.

Большинство лидеров ВСРП наотрез отказались от такого предложения. Собственность, заявили они, принадлежит исключительно членам партии, и отчитываться руководство будет либо перед ними, либо перед специальным судом – если закон о партиях распространит подобное обязательство на все партии.

Оппозиция, однако, не приняла этой оговорки. Так как отчисления для ВСРП производились из госбюджета, это были, очевидно, народные деньги, и значит, коммунистам надлежит за них отчитаться.

В конце августа выяснилось, что пока делегация ВСРП на переговорах Трехстороннего круглого стола тянула время, руководители партии передали все дома отдыха, типографии, партийные школы, даже компьютеры в распоряжение частной фирмы и таким образом "спасли" имущество. Регистрацию этой фирмы, с тех пор ставшей в Венгрии символом ожидавшего нас будущего, можно было предотвратить, опираясь на закон, ибо выяснилось, что ВСРП хотела спасти то, что ей не принадлежало. Многомиллиардные средства – земли и здания – были предоставлены ей когда-то в пользование, а не в собственность, так что по закону она должна вернуть их государству.

После этого инцидента ВСРП (а затем ее наследница – ВСП) стала сдавать позиции. Однако опасность таких комбинаций отнюдь не миновала. Поэтому Союз свободных демократов продолжает добиваться, чтобы "глас народа" заставил партию отчитаться, "просветить", как говорят венгерские юристы, свои финансовые дела.

Четвертый, самый спорный вопрос референдума – сроки проведения выборов в президенты: до или после первых свободных выборов в парламент. Инициаторы референдума считали, что при выборах в первоначально назначенное для них время (ноябрь 1989 года) президентом был бы избран кандидат от ВСРП (затем от ВСП) Имре Пожгаи, поскольку из всех кандидатов население знает только его. Много лет почти ежедневно Пожгаи показывают по телевидению, передают его интервью по радио, передают сообщения о его поездках по Венгрии и за границу, беседы в Белом доме с президентом Бушем...

Многие политики и обозреватели — в том числе на Западе — считают, что пока президент Венгерской республики не располагает чрезмерной властью, этот пост вполне можно доверить "коммунисту" Пожгаи, вызывающему симпатии своими демократическими взглядами. При нынешнем трудном положении Венгрии было бы желательно провести выборы как можно раньше, создав условия для спокойного развития страны. Ведь иностранный капитал, говорят сторонники быстрого проведения выборов, буквально ждет у границ страны, когда будет создано коалиционное правительство, созван парламент, когда вступит в должность президент. Дошло до того, что некоторые американские миллиардеры венгерского происхождения, например, Эндрю Шарлош, прикрепив к пиджаку портрет Пожгаи, сами агитируют за этого кандидата.

Политические альтернативы

Тем не менее выбор президента вряд ли сыграет большую роль в судьбах Венгрии. По крайней мере до тех пор, пока в стране не будет введена "президентская система" по типу американской. О такой возможности у нас много говорили до середины 1989 года; вероятно, после парламентских выборов вопрос этот встанет снова. Но пока что куда более важная роль в процессе демократизации принадлежит упомянутым сорока семи венгерским политическим партиям.

Кстати, о 47 партиях. Люди, интересующиеся развитием Венгрии, часто спрашивают, какие, собственно, перспективы эти партии предлагают народу и чем они отличаются друг от друга. Сегодняшнюю палитру венгерской политической жизни можно охарактеризовать как "отрицание отрицания". Все 47 политических партий против:

а) однопартийной диктатуры в политике, ибо на деле она означает бесконтрольную власть, произвол и беззаконие;

б) планового хозяйства в экономике, поскольку оно привело к самовольному и бездарному управлению, не считающемуся ни с объективными законами рынка, ни с потребностями населения;

в) государственной собственности, которая и в самом деле означает бесхозяйственность;

г) марксистской идеологии и всего, что с ней связано.

Политическая программа по крайней мере 42 (из 47) венгерских политических партий основана на том, что 23 октября, в минуту провозглашения Венгерской республики, вырвалось из груди десятков тысяч людей, стоявших на площади перед парламентом: "Нет коммунизму!"

Такая чисто негативная программа чревата, на мой взгляд, очень серьезными последствиями, так как позитивных идей у подавляющего большинства партий нет. Пока что можно определенно сказать только то, что политически все они за многопартийную демократию, а экономически — за рыночную систему, которую явно идеализируют.

Подробно разработана только программа Союза свободных демократов. В программе (с красноречивым названием "смена системы") изложены как реформа отношений собственности, так и параметры социальной защиты тех слоев населения, которые непременно пострадают при перестройке экономики.

Свои программы опубликовали и другие партии. Там тоже говорится о преобразовании отдельных отраслей хозяйственной жизни (например, аграрного сектора), но в целом все пока остается на уровне антикоммунистических лозунгов. Лозунгов этих, вроде "Бог, семья, родина", недостаточно для того, чтобы сделать Венгрию европейской демократией с сильной экономикой. К тому же как свидетельствует русская история, причем не только советского периода фразы подобного рода (например, "Православие, самодержавие, народность"), удобны тем, что под их прикрытием можно творить что угодно: от преследования граждан за

убеждения до еврейских погромов. Что касается "оппозиции оппозиции", то эти крохотные, но очень шумные группировки выделяются не политическими программами, а лишь антисоветскими и антикоммунистическими демонстрациями, на которых журналистов и милиционеров, обеспечивающих проведение "мероприятий", всегда больше, чем самих участников. Спросите их: с помощью каких мер они собираются превратить Венгрию в развитую страну? Они ничего не скажут, кроме трюизмов.

Вопрос вопросов: экономический кризис

Подводя итоги последнего года, можно сказать, что при всех конфликтах, разногласиях (порой крайне резких), проявлениях корысти, карьеризма, при всем пустословии, недостатке опыта, процесс демократизации в Венгрии идет поразительно уверенно и надежно. Если не помешают отношения сверхдержав, если советская партократия в союзе с русскими националистами не свергнет Горбачева, Венгрия и в самом деле начнет возвращаться в Европу, о чем у нас столько говорят. Сегодня уже нет реальной опасности реставрации прежней власти, и мало кто опасается повторения событий 4 ноября 1956 года, когда советские танки положили конец обновлению. Маловероятно и прекращение диалога между властями и оппозицией о мирном переходе к многопартийной системе. Действительно серьезная, поистине пугающая угроза — почти неизбежный экономический крах страны.

Этого, конечно, не понимают десятки тысяч туристов из Советского Союза, которые, несмотря на резкое повышение цен, все еще считают Венгрию лучшим местом для поездок, а о положении страны судят по набитым товарами полкам будапештских магазинов.

Нам, однако, магазины, где растет масса товаров, недоступных рядовому покупателю, напоминают о другом. О том, например, что дефицит государственного бюджета к началу декабря 1989 года достиг 1,4 миллиардов долларов. Это, в два с половиной раза больше, чем планировалось, и несравненно выше предела, установленного западными банками в качестве условия предоставления дальнейших кредитов. А без кредитов венгерское хозяйство очень быстро развалится.

С течением времени становится все очевиднее, что Венгрии придется просить об отсрочке выплаты долгов. Это мгновенно приведет к нарушению нормальных финансовых отношений с внешним миром. Обстановка требует новых крутых мер по ограничению потребления, то есть еще одного радикального повышения цен. Между тем уже в 1989 году инфляция составила 18 процентов, причем рост цен в основном коснулся продуктов питания. С 1 января 1990 года цены на продукты вообще станут "свободными".

Неудивительно, что в Венгрии появились (и еще появятся) новые массы бедняков. К этой категории относятся теперь не только миллионы пенсионеров. Кража буханок хлеба и бутылок с молоком стала ежедневным явлением, и крадут люди, честно прожившие всю свою долгую жизнь. Не в состоянии свести концы с концами и обычная семья с двумя детьми, где работают оба взрослых. К концу минувшего года в нашей 10-миллионной стране четверть всего населения не имела минимального прожиточного уровня.

За полтора года демократизации страны как лидеры Венгрии, так и большие оппозиционные партии поняли, что решение надо искать совместно. Правительство Миклоша Немета знает, что его дни сочтены и все соглашения, которые оно заключит с Международным банком реконструкции и развития или другими организациями, будет выполнять не оно, а члены будущего коалиционного правительства. Венгерский демократический форум, самая популярная среди избирателей партия правохристианского направления, уже заявил, что в случае победы на выборах (а это вполне вероятно) он примет на себя ответственность за управление страной только в случае приемлемых для него международных соглашений.

Чтобы избежать полного экономического развала страны, руководители Союза свободных демократов (которые, как мы видели, действовали четко и последовательно) предложили правительству прекратить политическую борьбу с ним, если оно объявит себя независимым правительством, а не институтом Венгерской социалистической партии. Это условие было выполнено.

В результате уже в ноябре правительственные эксперты и ССД начали совместную разработку пакета экономических мер. При этом обе стороны проявили настоящую политическую зрелость: по словам заместителя премьер-министра Петера Меддеша, члены правительства ведут себя так, будто политическая коалиция уже существует.

“Один из главных тормозов развития, — сказано в совместном заявлении сторон, — негодная экономическая структура, опирающаяся почти исключительно на социалистический рынок. Перестройка этой структуры — в интересах всего общества. Новая структура создается преимущественно деятельностью самих предприятий и предпринимателей, но не может обойтись без деятельного участия государства. В этой связи необходима ликвидация убыточных предприятий и создание вместо них рабочих мест, способствующих росту национального дохода”.

Иными словами, и правительство, и оппозиция сулят венгерскому народу массовую безработицу тем же тоном, каким в начале Второй мировой войны Черчилль обещал английскому народу слезы и страдания. Это связано даже не с обновлением структуры и закрытием убыточных предприятий, а с тем, что в следующие три года Венгрия должна выплатить — в порядке погашения кредитов — 11 миллиардов долларов. Для этого понадобится бы ежегодный прирост национального дохода на 10%. Это невозможно в принципе. Что касается реального роста венгерского хозяйства, то в 1989 году он составил всего 1%, тогда как потребление возросло на 4%. Разница была покрыта опять-таки за счет новых иностранных кредитов.

В результате дефицит госбюджета, вместо запланированных 800 миллионов долларов, составил в нынешнем году полтора миллиарда. Правда, сюда входит и пассив Советского Союза в двусторонней торговле с Венгрией: на 15 ноября задолженность советской стороны была равна 640 млн. рублей.

О венгерских событиях можно говорить и говорить. Я не упомянула, например, о чрезвычайно активной внешней политике Венгрии, которая в последнее время все явственней берет курс на Западную Европу. Тут можно вспомнить и демонтаж железного занавеса, и пропуск восточных немцев через границу с Австрией, и массовое бегство венгерского меньшинства из Румынии, и присоединение Венгрии к Женевской конвенции по делам беженцев, и организацию лагерей беженцев, где в ноябре 1989 года впервые получил право убежища гражданин СССР, и многое другое.

Однако с позиций будущего еще важнее просьба Венгрии о присоединении к Европейскому Совету, уже осуществляющийся план многосторонней политической и экономической кооперации с нейтральной Австрией, Югославией, с членом НАТО Италией. Здесь планируется не интеграция в традиционном смысле, а координация усилий: совместные капиталовложения, объединение информационных систем и их инфраструктуры.

Весь 1989 год следует рассматривать под углом зрения начала возвращения Венгрии в Европу. Насколько перспективен этот процесс и каковы гарантии успеха, каждый может судить сам, исходя из своих политических взглядов и опыта. Отмечу лишь, что судьба Венгрии будет во многом зависеть от судьбы Горбачева и его линии, которая сделала возможными и первые шаги на пути демократизации. Что же касается внутренних тенденций развития, то демократизация в Венгрии не имеет альтернативы — тут нет сомнений. ●

Томас ШМИДТ (Гамбург)

ГОСУДАРСТВО УХОДИТ — ОБЩЕСТВО РОЖДАЕТСЯ

Революция в Восточной Германии

Мы устали от широковещательных формулировок, слово "исторический" навязало в зубах — и все-таки то, что происходит в ГДР, рухнувшая берлинская стена и все последующие события представляют собой нечто небывалое в немецкой истории. Да и не только в немецкой. Вместе с этими событиями — равно как и с переменами в Польше, в Венгрии, в Чехословакии, в Болгарии, не говоря уже о Советском Союзе, — злосчастный конфликт Запада и Востока, многие десятилетия отвлекавший страны и народы от решения подлинно насущных задач, разрешается и уходит в прошлое. Но не в этом своеобразии общественного землетрясения, потрясшего государство, где еще вчера царила кладбищенская тишина. Неповторима — и не в одной лишь немецкой истории — та поразительная стремительность, с которой не только рухнула в считанные недели политическая система, но и расторгнут целый общественный договор — и притом без пароксизмов ненависти, без пролития крови. Редкая революция могла этого избежать.

Общество не есть само собой разумеющееся. Понять, как возникает общество, на чем оно держится, помогает концепция общественного договора. Авторитарная традиция рисует его как некий акт, совершившийся в незапамятные времена, в результате которого рядовой человек добровольно уступает свои права носителю власти. Либеральная же (или либертарная) традиция требует, чтобы этот договор постоянно обновлялся, чтобы общественный договор не был предан забвению, не стал правовой рутинной. Другими словами, чтобы он не превратился в свою противоположность — не стал легитимирующей оболочкой иллегитимной власти. Общества обязаны сохранить за собой право расторгать общественный договор и ставить часы истории заново. Именно об этом говорит Руссо в знаменитом трактате "Contrat social" ("Общественный договор"), в главе под названием "Средства, как предупредить узурпацию власти": "Я исхожу из того, что в государстве нет такого основополагающего закона и даже общественного договора, который нельзя было бы отменить; ибо если все граждане соберутся, чтобы по общему согласию объявить этот договор недействительным, какое же может быть сомнение, что он будет расторгнут совершенно правомерно?"

Именно это произошло в ГДР.

Была ли это демократическая революция, остается ли она ею? Я бы скорее назвал это восстанием. В мгновение ока, словно под действием чар, Восточная Германия вовлеклась в то, о чем грезили чуть ли не все политические философы Нового времени и чего, как черт ладана, боялись все политические классы Нового времени: в ситуацию изначальности. Подобные ситуации — истинные звездные часы, не потому (или не только потому), что низы в это время господствуют над верхами, массы торжествуют победу над государством, но и потому, что тут торжествует *воля* людей и общественное поле предстает нетронутым и свободным, как *tabula rasa*. Власть буквально лежит под ногами, шатаются институции; все начинается сызнова, и для всех в принципе открыт доступ к социальному творчеству.

Но такие ситуации безмерной человеческой открытости как раз и не предусмотрены в сценариях новейшего времени. Хотя в них так много говорится о

свободе и свободах, о перспективах разумного устройства общества, Новое время прямо-таки влюблено в так называемые законы необходимости; будущее мыслится как исполнение неизбежных предписаний эволюции, как высвобождение и развертывание потенций вчерашнего и сегодняшнего дня, так что люди охотно деградируют до уровня исполнителей, — собственная воля людей представляется ничтожной, незначительной величиной. Мы и сегодня страдаем от этого вердикта — и воля к творчеству нового то и дело рискует заблудиться в лабиринте всевозможных "если", "однако" и "ничего не поделаешь".

Революции Нового времени по большей части так и не порвали с этой традицией. Они были скорее переворотами; настоящего начала, подлинной новизны в них не было. Нигде это не выступает с такой отчетливостью, как в той самой революции, с которой парадоксальным образом связана в сознании нашего времени идея обновления: в революции 1917 года в России. Ведь по сути дела это была не революция, а путч. Ибо, как выяснилось очень скоро, она сокрушила старую власть не для того, чтобы возложить на общество задачу создать новые формы социальной жизни. Но она скорее переняла власть и переместила ее; она мгновенно превратилась в выполнение заранее намеченного плана, который ни на минуту не мог быть оспорен и вообще не подлежал обсуждению. Вот он, горчайший урок столетия: революционный импульс — социалистический, коммунистический — не сумел создать ситуацию свободного решения, ситуацию изначальную и созидательную. Наоборот, он прочно скомпрометировал идею преобразования общества и создал незаслуженный ореол западным обществам, которые живут рутинной и слышать не хотят о том, чтобы обновить общественный договор. И то, что теперь вопрос о новом общественном договоре с таким блеском выдвинут в стране, еще вчера изнывавшей от идиотизма и жестокости традиций 1917 года, — самая яркая и прекрасная черта восстания в ГДР.

Какое общество нам нужно? Этот вопрос, такой простой и такой необъятный, и на Востоке, и на Западе оставался компетенцией экспертов и начальства и обсуждался прежде всего с точки зрения преемственности господства (но не общества!). Какого общества мы хотим? Именно об этом идет сейчас спор по всей Восточной Германии. Там случилось то, о чем говорится в сказке о новом платье короля: наваждение исчезло, обо всем приходится говорить заново и впервые. И вот на наших глазах бушует — правда, не всюду так решительно, как в Лейпциге, — демократия митингов и словопрений. Ничего подобного никогда не было у нас в Германии, где демократия — подарок, полученный из чужих рук. В этом смысле можно сказать, что ГДР обогнала Федеративную республику; стоит присмотреться и прислушаться к тому, что там происходит.

Что прежде всего бросается в глаза? То, что профаны — теперь эксперты и судьи, что сегодня в ГДР каждый стоящий перед микрофоном в состоянии точно и с сознанием собственной ответственности охарактеризовать наличную ситуацию и события, которые ей предшествовали. В этом смысле можно сказать: перед нами общество равных. Никогда еще в республике все ее население так долго, так упорно и настойчиво не вело открытую дискуссию о политике, общественной жизни и конституции. Причем народ демонстрирует удивительную политическую зрелость. До сих пор страной управляли ничтожные мелкотравчатые людишки. И нечего удивляться тому, что теперь жителей страны, как огонь, охватил гнев: отвращение к лжецам и лицемерам, горечь сознания даром растраченных лет. О преступлении партии сказано вслух, и — в отличие от того, что было в 1945 году, — люди не хотят просто изгнать, забыть прошлое. При этом, однако, опять-таки в противоположность иным речам, раздававшимся у нас, — тон самодовольства, прокурорский тон и уверенность в своей непричастности отсутствуют, вина не перекладывается на чужие плечи, и сострадание к самим себе отнюдь не перевешивает все остальное: для нас, немцев, скажем прямо, нечто неслыханное. Наоборот, все чаще обвинения звучат в свой собственный адрес: ибо поистине раб создает ти-

рана, а тиран — раба. Люди выступают не "сплоченными рядами", не от имени коллективов, но скорее отдельные лица создают новое общество, соединяются в общество. Люди задают вопросы. Царит изумление перед вновь обретенным человеческим достоинством.

Нигде это достоинство, пожалуй, не заявляет о себе так отчетливо, как в решении — его разделяет большинство тех, кого мы опросили, — не превращать ГДР в рабскую копию Федеративной республики. Само собой разумеется, Запад с его благосостоянием и возможностями социальной дифференциации оказывал и оказывает на граждан ГДР колоссальное давление. Вот почему трудно переоценить ту осмотрительность, с которой — притом что так много упущено и придется теперь с огромным напряжением догонять этот Запад, догонять мир, — граждане не торопятся перенимать наши порядки. "Я знаю, что у нас жестокое общество", — сказал один человек из ГДР, придя в Западный Берлин на другой день после того, как сломали стену. То же самое говорят многие, очень многие. Они отнюдь не против свободного рынка, и они понимают, что соединить цветущую рыночную экономику с "социализмом" невозможно; они вообще предпочитают не говорить о социализме. Но при этом они убеждены, что "капитализм", как они его понимают, — не совсем то или даже совсем не то, чего им хочется. Они с трудом освобождаются от бессмысленной альтернативы; крах скомпрометированного — социалистического — общественного проекта отнюдь не дает в их глазах права капиталистическому способу хозяйствования считаться единственно возможным и приемлемым. Граждане ГДР, выступая публично, как правило, свободный рынок не отвергают; просто им кажется, что этикетка "рыночное хозяйство" сама по себе недостаточно характеризует общество. Сакраментальная формула "рынок плюс свободные выборы" их, как видно, пока еще не ослепляет.

Напоследок еще одно: высказывания восточных немцев часто бывают неясны, уклончивы, противоречивы. Все как будто приходится называть заново и мерять новыми мерками. Журналистам хотелось бы услышать от них не вопросы, а ответы. Но похоже, что торопиться не следует. Крушение режима, бесспорно, оставило вакуум; но попытка поскорее его заполнить привела бы к тому, что мы получили бы в ГДР слепок нашей собственной системы, опробованной и испытанной временем. Этого граждане Восточной Германии не хотят. Сегодня там некое междуцарствие, но оно-то и делает ситуацию плодотворной. Оппозиция и общество, совершившие неслыханный шаг навстречу общественному преобразованию и новообразованию, нуждаются в резерве времени, требуется передышка, мораторий — а не решения экспертов и благодеяния треста Тиссен. Свободное общество отличается от несвободного тем, что над ним не сияет холодная звезда экономического разума, что оно вообще не ставит *общественные* решения в однозначную зависимость от *экономики*. Этой мыслью, как кажется, руководствуются те, кто отвергает импорт общественной модели из ФРГ в Восточную Германию. Перед нами уникальный исторический эксперимент: общество в поисках самого себя. Многое будет зависеть от того, удастся ли гражданам ГДР продолжать дебаты — и в ходе этих дебатов найти, нащупать контуры нового полиса, нового общественного договора. То, что ГДР пока еще не имеет своей модели, — не слабость, но скорее преимущество: несравненный шанс. Ничье будущее давно уже не было столь открытым.

Григорий НИЛОВ (Израиль)

УРИЦКИЙ, ВОЛОДАРСКИЙ И ДРУГИЕ

До 1927—28 годов Сталин был представителем умеренного течения в партии... "Перемена" в личности Сталина совпадает во времени с изменениями в партии, в обществе и государстве. Без индустриализации и без коллективизации теряли смысл и революция, и идеология, во имя которой она совершалась.

Милован Джилас

Трудно сказать, что понимает автор "Нового класса" под тогдашней умеренностью партии, но вряд ли ему неизвестно, что по приказу "умеренного" Сталина еще в 1925 году на операционном столе был умерщвлен М.В.Фрунзе.

Неожиданная смерть этого еще совсем молодого и полного сил человека имела не только трагический, но и странный характер... Операция началась в 12 часов 40 минут. При этом сразу же выявилась полная ненужность операции... Неизбежно возникает вопрос — почему... оба консилиума постановили делать операцию? Это невероятное для опытных врачей решение можно объяснить только давлением извне. А такое давление существовало. Известно, что вопрос о болезни Фрунзе обсуждался даже на Политбюро, причем именно Сталин и Ворошилов настаивали на проведении операции... Выяснилось также, что перед консилиумом В.Н.Розанова вызвали к себе Сталин и Зиновьев... Выступая 3 ноября с речью на похоронах М.В.Фрунзе, Сталин сказал: "Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу?" (*Пою Медведева, "К суду истории"*).

Но, может быть, Джилас просто неточно обозначил дату "изменений в партии, в обществе и государстве"? Может быть, уже в 1925 году для индустриализации, коллективизации и идеологии необходимо было, "чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу"? Или это проявилось еще раньше? И на этот вопрос находится ответ в работе Джиласа:

Но при любом вожде был неизбежен избыток насилия и произвола; безусловно, и при Ленине. Иначе не могло быть с того момента, когда речь пошла о достижении идеологически утопических целей.

А были ли эти цели? Вернее, были ли они именно такими, как их декларировали? Совпадали ли истинные цели вождей с "идеологически утопическими целями" партии? Или объявленные цели социальной справедливости служили прикрытием куда более низменных личных целей?

Поиск ответов на поставленные вопросы необходим хотя бы потому, что оценка действий во многом зависит от понимания целей и мотивов этих действий. Так, консилиум может собраться ради спасения тяжело больного и, как мы знаем, ради маскировки убийства здорового человека. Разумеется, в последнем случае преступная цель отнюдь не декларируется. Любая гнусность чем-то оправдывается: необходимостью индустриализации, прогрессивной ролью колхозов, соображениями социальной справедливости...

И все-таки понимание истинных целей тех или иных действий возможно на основе анализа средств их достижения. Цель не оправдывает средства, но определяет их. Если какая-то общественная группа — союз, партия, фракция, хунта, фаши — узурпирует власть, используя обман и демагогию, а придя к власти, тер-

роризирует не только своих противников, но и сторонников, то цель этой группы проясняется: самовластие. Сначала самой группы, затем ее лидеров, наконец, — одного вождя, фюрера, дуче, аятоллы...

Изначальное намерение большевиков узурпировать власть ясно выражено в словах Мартова, сказанных с трибуны Второго Всероссийского съезда советов сразу после залпа "Авроры":

Гражданская война началась, товарищи!.. Там, на улице стреляют в наших братьев! В тот момент, когда перед самым открытием Съезда советов вопрос о власти решается путем военного заговора, организованного одной из революционных партий...

По-настоящему гражданская война начнется позже, когда выяснится, что большевики и не думают выполнять постановление Съезда советов:

Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров...

А пока — до созыва Учредительного собрания 28 ноября 1917 г., то есть на один месяц — одно Временное правительство (где из 16 министров 10 были социалистами) решено было заменить другим, тоже временным социалистическим правительством с очень схожей программой, только абсолютно однородным: все 15 министров были большевиками.

Намерение большевиков любой ценой и невзирая на средства удержать власть в своих руках навсегда стало очевидным сразу после разгона Учредительного собрания, когда впервые избранный демократическим путем высший законодательный орган страны отказался одобрить декреты "народных комиссаров".

Средства осуществления этих намерений тоже выяснились довольно скоро: массовый террор, взятие заложников, наконец, организация концентрационных лагерей сразу после покушения на Ленина и убийства Урицкого 30 августа 1918 года.

Вот краткая хроника эскалации террора:

31 августа в газетах было опубликовано сообщение ВЦИК о покушении на В.И.Ленина. ВЦИК призвал трудящихся усилить борьбу с контрреволюционными элементами и объявил, что "на покушения, направленные против его вождя, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции". 1 сентября 1918 г. ВЧК заявила о том, что обнаглевшая контрреволюция поднимает голову, делая попытки вырвать из наших рядов вождя рабоче-крестьянского дела. Предательский выстрел в Ленина ВЧК с полным основанием расценила как преступление против рабочего класса в целом...

Прервем цитату из книги Д.Л.Голинова "Крушение антисоветского подполья в СССР", чтобы читатель смог оценить логику ВЧК, по которой действия против "вождя" отождествляются с действиями против "класса". Позднее по этой логике противники и соперники вождя станут "врагами народа".

2 сентября ВЦИК, заслушав сообщение Я.М.Свердлова о покушении на жизнь В.И.Ленина, принял резолюцию, в которой предупредил прислужников российской и союзнической буржуазии, что за каждое покушение на деятелей советской власти будут отвечать все контрреволюционеры и их вдохновители. "На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти, — говорилось в резолюции, — рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов." Народный комиссар внутренних дел Г.И.Петровский подписал приказ, в котором требовал от местных властей положить конец расхлябанности и миндальничанию с врагами революции, применяющими массовый белый террор против рабочих и крестьян. В приказе предлагалось взять из буржуазии и офицерства заложников и при дальнейших попытках контрреволюционных выступлений в белогвардейской среде принимать в отношении заложников репрессии. Подтверждая законность применения красного террора, Совет Народных Комиссаров объявил 5 сентября 1918 г., что все лица, причастные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, подлежат расстрелу.

Итак, красный террор получил как бы законодательное обоснование. И еще раз обратим внимание на логику большевиков: если 1 сентября "выстрел в Ленина ВЧК с полным основанием расценила как преступление против рабочего класса в целом", класса, понятно, многочисленного, то на другой день в приказе Петровского уже клеймится "массовый белый террор против рабочих и крестьян". За сутки к рабочим прибавились и крестьяне. Видимо, массовость белого террора катастрофически нарастала. А на массовый белый террор надо отвечать массовым же красным террором. Логично. Надо только привыкнуть к мысли, что выстрел в Ленина равнозначен стрельбе по рабочим и крестьянам "в целом".

Посмотрим, как описывает эти события советский автор Д.Л.Голинков, в прошлом следователь по особо важным делам прокуратуры РСФСР и СССР, человек искушенный в юридических вопросах и уж никак не склонный обелять преступников, посягнувших на жизнь вождей рабочего класса и крестьянства:

30 августа в девятом часу утра на Дворцовой площади появился велосипедист. Он остановился у дома № 6, где помещались Комиссариат внутренних дел Петроградской коммуны и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Велосипедист — молодой человек в кожаной куртке и фуражке офицерского образца — поставил велосипед у подъезда и вошел в здание. В Комиссариате был приемный день. В вестибюле ожидали посетители, и никто не обратил внимания на молодого человека, который уселся в кресло неподалеку от входной двери.

Около десяти часов утра к зданию подъехал в автомобиле народный комиссар внутренних дел Петроградской коммуны и председатель Петроградской Чрезвычайной комиссии М.С.Урицкий. Он прошел через вестибюль, направляясь к лифту. Швейцар открыл дверь лифта — и вдруг раздались выстрелы... Стрелял неизвестный в кожаной куртке, который, увидев Урицкого, подошел к нему вплотную и сделал несколько выстрелов из револьвера. Урицкий, смертельно раненный в голову, упал и на месте скончался. Убийца выбежал на улицу, схватил свой велосипед и пытался скрыться. Но вызванная дежурным швейцаром охрана погналась за ним на автомобиле по Миллионной улице. Бросив велосипед, покушавшийся вбежал в подъезд Английского собрания. Через несколько минут передетый убийца (поверх кожаной куртки на нем было пальто) пытался выйти на улицу, но, увидев красноармейцев, открыл по ним стрельбу и был схвачен. В Чрезвычайной комиссии убийца назвался Леонидом Канегиссером, студентом 4-го курса Политехнического института, 22 лет. Он заявил, что является социалистом, но назвать партию, к которой принадлежит, отказался. Свое преступление объяснил политическими мотивами, утверждал, что действовал один, по собственной инициативе, вне связи с какой-либо организацией или партией.

В день, когда был убит Урицкий, приблизительно в 7 часов вечера в Замоскворецком районе Москвы на заводе бывш. Михельсона состоялся митинг, на котором Ленин выступал с докладом. Когда собрание закончилось, Ленин направился к выходу, во двор завода. Уже во дворе, около автомобиля, он остановился, продолжая беседу с рабочими. В это время один за другим раздались три револьверных выстрела. Толпа отхлынула, рассыпалась в стороны. У автомобиля неподвижным остался лежать тяжело раненный двумя пулями Владимир Ильич. Третьей пулей была ранена беседовавшая с ним М.Г.Попова — кастелянша Петропавловской больницы.

Шофер Ленина С.К.Гиль, находившийся в автомобиле, в момент стрельбы заметил на расстоянии не более трех шагов от Ленина какую-то женщину с револьвером в руке. Он выскочил из машины, рванулся к этой женщине, но она бросила ему под ноги револьвер и скрылась в толпе. Раненого Ленина поместили в автомобиль и повезли в Кремль. А в это время случайно находившийся на собрании помощник военного комиссара 5-й Московской пехотной дивизии С.Н.Батулин бросился разыскивать убийцу. Вот что он потом рассказал: "...Добежавши до так называемой "стрелки" (трамвайной линии, — Д.Г.) на Серпуховке, я увидел... позади себя около дерева, с портфелем и зонтиком в руках, женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования... Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: "А зачем вам это нужно?" Тогда я, обыскав ее карманы и взяв портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. По дороге я ее спросил, чья в ней лицо, покушавшееся на товарища Ленина? "Зачем вы стреляли в товарища Ленина?", на что она ответила: "А зачем вам это нужно знать?"... На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в товарища Лени-

на. После этого я еще раз спросил: "Вы стреляли в товарища Ленина?", на что она ответила утвердительно..."

Террористку привели обратно на завод. Здесь ее опознал и председатель заводского комитета Н.Я.Иванов, приметивший ее еще до начала собрания, когда она подслушивала разговоры рабочих о скором приезде В.И.Ленина.

С.Н.Батулин и заводские рабочие-активисты доставили преступницу в военный комиссариат Замоскворецкого района, куда вскоре прибыли работники органов следствия. В расследовании приняли участие заместитель председателя ВЧК Я.Х.Петерс, народный комиссар юстиции Д.И.Курский, член коллегии НКЮ М.Ю.Козловский, председатель Московского революционного трибунала А.М.Дьяконов, член ВЦИК В.Э.Кингисепп, заведующий отделом ВЧК по борьбе с контрреволюцией Н.А.Скрыпник и др.

Террористка назвалась Фаней Ефимовной Каплан, 28 лет... Преступница упорно скрывала соучастников злодеяния и изображала его "индивидуальным" политическим актом. Она упрямо твердила: "Ни к какой партии не принадлежу... Я совершила покушение лично от себя. Революцией я была недовольна — встретила ее отрицательно. Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за это..." На вопросы об оружии, которым она стреляла, о найденных у нее деньгах и железнодорожном билете Томилино—Москва она отвечала: "Из какого револьвера я стреляла, не скажу... Кто дал мне револьвер, не скажу... Когда я приобрела железнодорожный билет Томилино—Москва, я не помню... В Томилино я не была. Откуда у меня деньги, я отвечать не буду".

В напряженных условиях того времени ВЧК расследовала обстоятельства убийства М.С.Урицкого и покушения на жизнь В.И.Ленина. Непосредственные исполнители террористических актов Канегиссер и Каплан отказались назвать сообщников и раскрыть связи с какими-либо политическими организациями. ВЧК вынесла решение о расстреле их. 3 сентября 1918 г. комендант Московского Кремля П.Д.Мальков выполнил постановление о расстреле Каплан; был расстрелян в Петрограде и убийца М.С.Урицкого Канегиссер.

Центральный комитет партии правых эсеров официально в печати заявил: "...Ни одна организация партии к этим актам отношения не имеет". Лишь в 1922 г. обстоятельства покушения на жизнь В.И.Ленина были раскрыты во всей полноте.

Последнее утверждение Голинкова нуждается в уточнении: в "наибольшей полноте" обстоятельства этого покушения были раскрыты в 1938 г., когда "выяснилось", что его вместе с эсерами организовал соратник Ленина — Бухарин. Заметим также, что эсеры в 1922 г., как и Бухарин в 1938 г., пополняли историю покушений, находясь в следственных подвалах ВЧК; свидетельства оттуда едва ли стоит доверять.

Книга Д.Голинкова (выпущенная в 1975 г.), разумеется, не единственный доступный сейчас источник сведений о событиях 30 августа. Выбор именно этого описания определяется прежде всего тем, что оно перенесено в книгу без изменений из журнала "Пролетарская революция" № 6—7 за 1923 год и, следовательно, свободно от последующих искажений. Кроме того, надо полагать, следовательно по особо важным делам прокуратуры СССР имел доступ к архивным материалам по делам Каплан и Канегиссера. И, наконец, свидетельства других авторов мало отличаются от приведенного. Например, если следовать книге доктора исторических наук профессора П.Г.Софинова "Очерки истории ВЧК", то Урицкий был убит в своем служебном кабинете, а не в вестибюле ВЧК, стрелял в него эсер Кенигиссер, а не студент Канегиссер; пули, ранившие Ленина, были отравлены ядом кураре, а Каплан была опознана детьми рабочих, находившимися во дворе завода... В остальном описания сходятся. Однако вот что удивительно: ни следовательно по особо важным делам, ни профессор истории, ни кто-либо другой из советских авторов, описавших покушение на Ленина, ни разу не сослался на подлинник воззвания ВЦИК от 30 августа 1918 г., хотя этот документ выставлен для всеобщего обозрения в Центральном музее Ленина:

ВСЕМ СОВЕТАМ рабочих, крест., красноарм. депут., всем армиям, всем, всем, всем.

Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Двое стрелявших задержаны. Их личности выясняются.

Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов... Председатель ВЦИК *Свердлов*.

Между 30 августа и 3 сентября 1918 г. второй "стрелявший" бесследно исчез из истории. И из жизни тоже. В музее нами получена следующая справка:

Им оказался некто по фамилии Протопопов – злейший враг советской власти. Сам он не стрелял, но помогал Каплан скрыться. Сразу же расстрелян.

Не правда ли, удивительно, что столь серьезные исследователи истории ВЧК, как Голиков и Софинов, не подтверждают и не опровергают существование этого "второго". Не выдумал же его Свердлов! И если второй все-таки существовал, то почему он – только "помогавший скрыться" Фанни Каплан – был расстрелян раньше нее?

Рассмотрим теперь странные детали, общие для обоих покушений. Каждую странность можно объяснить случайным стечением обстоятельств. Но, собранные вместе они заставляют задуматься.

1. Бросается в глаза совпадение обоих преступлений в Москве и Петрограде: они совершены в один день. Такая синхронность была бы понятна, если бы ответственность за покушения публично взяла на себя какая-либо оппозиционная партия или организация. Как известно, таких заявлений не было. Да и трудно вообразить, чтобы при тогдашнем состоянии средств связи подпольщики могли столь четко координировать свои действия. Случайное совпадение?

2. Поведение обоих преступников дает основание подозревать их в психической ненормальности или в намерении совершить самоубийство.

Студент Канегиссер, отправляясь стрелять в самого председателя Петроградской ВЧК, украшает голову офицерской фуражкой, что в 1918 г. и без выстрелов могло стоить ему головы! Смысл тут мог быть только один: привлечь к себе внимание, ибо законные владельцы таких фуражек сняли их и спрятали еще в октябре предыдущего года.

Уходя от погони, Канегиссер вбегает в помещение Английского собрания, где его, очевидно, ждали, раз он там переоделся. Впрочем, все переодевание – пальто поверх кожаной куртки, той, в которой его видели на месте преступления. Офицерскую же фуражку он не снял. Почему? Чтобы преследователи его не потеряли? Или в Английском собрании не нашлось шляпы?

Столь же странно ведет себя Фанни Каплан. Совершив покушение на главу правительства, она стоит под деревом у трамвайной стрелки с портфелем и зонтиком в руках. Интересно, так она истреляла, не выпуская из рук этих достаточно заметных предметов? И сумела при этом, трижды выстрелив, ранить Ленина и его собеседницу? А затем, швырнув под ноги шоферу Гилю револьвер, убежала, размахивая зонтиком и портфелем? Ответы Каплан на вопросы задержавшего ее Батулина, право же, наводят на мысль о том, что она сумасшедшая. Или самоубийца.

С другой стороны, допустив, что оба преступника – безумцы или камикадзэ, мы сразу же столкнемся с вопросом: почему в таком случае они пытались скрыться с места преступления и, хоть и крайне неловко, бежали от преследования?

3. Поразительна легкость, с которой обоим террористам удалось уйти с места преступления. Предположим, в приемный день злоумышленникам было нетрудно попасть в помещение ВЧК и вплотную приблизиться к ее председателю. Гораздо труднее представить, как после нескольких выстрелов убийце удалось покинуть здание ВЧК.

Наконец, где была и куда смотрела охрана в тот день? Охрана если не Урицкого, то главы советского правительства Ленина? Может быть, большевистское правительство вообще легкомысленно относилось к личной безопасности народных комиссаров? Судя по документам, дело обстояло иначе. Вот свидетельство Джона Рида:

Я проводил почти все время в Смольном. Попасть туда было нелегко. У внешних ворот стояла двойная цепь часовых, а перед главным входом тянулась длинная очередь людей, ждавших пропуска. В Смольный пускали... предварительно установив личность каждого и узнав, по какому делу он пришел.

Почему в октябре предыдущего года Смольный охраняла и проверяла пропуска "двойная цепь часовых", а в августе 1918 в здание ВЧК проходил всякий, кому не лень? Почему преступницу Фанни Каплан отыскал только "случайно находившийся на собрании помощник военного комиссара 5-й Московской пехотной дивизии С.Н.Батулин"?

Может быть, после переезда в Москву Ленин вообще отказался от личной охраны? Нет, не отказался: "Личная охрана Ленина состояла из двух человек и была увеличена до четырех после покушения Фанни Каплан".

Это свидетельство подтверждают некоторые фотографии 1918 года, выставленные в музее вождя. Вот 1 мая на Красной площади Ленин беседует с секретарем МК РКП(б) В.М.Загорским; в трех шагах от собеседников стоит вооруженный пистолетом красноармеец. Вот Ленин и Крупская 28 августа выходят из здания высших женских курсов; у двери — человек в военной форме, явно телохранитель.

Так где же были вечером 30 августа эти охранники? К семи часам вечера, когда Ленин приехал на завод Михельсона, и сам Ленин, и московская Чека уже не могли не знать, что утром злодейски убит Урицкий.

4. Если странности покушений 30 августа еще могут быть как-то объяснены стечением случайных обстоятельств, то события последующих четырех дней, отделяющих поимку преступников от их расстрела, совершенно непонятны.

Прежде всего странно, что Каплан и Канегиссер были расстреляны без суда. Это противоречило интересам самой власти. Хотя бы потому, что если бы в ходе судебного процесса возникли сомнения в их виновности, это означало бы, что настоящие преступники и их сообщники не найдены и, возможно, готовят новые злодеяния.

Еще удивительнее, что в обоих случаях власти обошлись по существу без следствия: за четыре дня явно невозможно установить все детали и проверить версию заговора. Похоже, однако, что к выяснению никто и не стремился. Например, Каплан спросили, из какого револьвера она стреляла. Но разве револьвер, брошенный под ноги Гиля, не был найден? Пули, ранившие Ленина и его собеседницу, тоже не удалось обнаружить? И разве не было установлено, что пули выпущены именно из того револьвера, который был в руках Каплан? Не менее странно, что никто из высоких должностных лиц, проводивших это спринтерское расследование, не поинтересовался тем, как располагались в момент покушения зонтик, портфель и револьвер. Зато сколько внимания было уделено билету Томилино—Москва! Через четыре года на судебном процессе по делу группы членов ЦК партии эсеров выяснится, что в 1918 г. этот билет был тем ружьем, который висит на стене в первом акте драмы, чтобы выстрелить в последнем.

...Было установлено, что Каплан стреляла из револьвера, данного ей Семеновым — командиром эсеровского центрального боевого отряда... Из показаний участников семеновского отряда выяснилось, что на даче в Томилино находилась конспиративная квартира отряда, и там неоднократно бывала Каплан, приезжавшая из Москвы.

Замечательно, что все эти детали, без выяснения которых немислимо любое серьезное расследование, были "добыты" только через четыре года после расстрела преступницы. А пока единственным результатом молниеносного следствия по делу Каплан было признание ею своей вины. Этот результат вполне удовлетворил высокую следственную комиссию. Странно? Вовсе нет, если комиссия знала, что суда не будет.

5. Не слишком логичен и вывод, содержащийся в уже цитированном заявлении ВЧК от 1 сентября 1918 г.:

Преступная авантюра с.-р., белогвардейцев и всех других лжесоциалистов заставляет нас на преступные замыслы врагов рабочего класса отвечать массовым террором.

Идут всего вторые сутки момента "преступной авантюры", задержанные решительно отрицают свою принадлежность к какой-либо партии и уверяют, что действовали самостоятельно. Однако ВЧК решительно обвиняет в преступлении прежде всего эсеров. Поразительная, но, как выяснилось в 1922 г., вполне объяснимая прозорливость!

На этом можно бы и закончить перечисление странных обстоятельств, которые способствовали началу красного террора. Явная взаимосвязь этих событий, высокая плотность во времени — не более четырех суток от выстрелов до расстрелов — позволяют предположить, что все загадки должны иметь одно ключевое решение. И оно, как нам кажется, существует. Достаточно допустить, что оба покушения 30 августа были организованы *самой ВЧК*.

Нетрудно убедиться, что в этом случае все события укладываются в одну логичную схему.

1. Синхронность покушений в Петрограде и в Москве, которой едва ли могли достичь подпольщики, была вполне по силам такой организации, как ВЧК. И была ей нужна — как доказательство "массового" белого террора и оправдание ответных мер.

2. Странности в поведении Каплан объясняют, почему именно ее выбрали на роль козла отпущения:

Обладая сильным дефектом зрения, Каплан физически была неспособна совершить покушение с той точностью, с какой оно было осуществлено. Этот же дефект зрения объясняет отчасти ее испуганный и затравленный вид. Она просто ничего не видела в темноте осенней ночи (*Б.Орлов*. "Миф о Фанни Каплан", журн. "Время и мы", 3, 1976).

Остается думать, что "второй стрелявший" обладал завидной остротой зрения. Но одного он не знал: что убийца, подсланный сильными мира сего, не надолго переживет свою жертву.

Канегиссеру, похоже, досталась та же роль, что и Каплан:

Шеф Чрезвычайной Комиссии вошел в дверь и направился к подъемной машине. Посетитель поспешно сделал несколько шагов в его направлении... Грянул выстрел. Народный Комиссар свалился без крика, убитый наповал. Убийца стрелял на ходу с шести или семи шагов в быстро идущего человека. Только верная рука опытного стрелка могла так направить пулю, — если не ошибаюсь, Канегиссер совершенно не умел стрелять (*М. А. Алданов*, "Леонид Канегиссер", Париж, 1928).

Если Алданов, лично знавший Канегиссера и его семью, прав, то трудно сказать, кто менее способен был "совершить покушение с той точностью, с какой оно было осуществлено": не умеющий стрелять Канегиссер или полуслепая Каплан?

Верно, что оба они признали свою вину. Однако признал себя виновным в покушении на Ленина и "любимец партии" Бухарин...

Возможно, впрочем, что в покушении на Урицкого Канегиссеру была отведена роль не просто подставного лица.

За несколько дней до убийства Канегиссер с усмешкой сказал одному своему знакомому:

- А знаете, с кем я сегодня говорил по телефону?
- С кем?
- С Урицким.

Больше ничего... И все-таки это очень странно (*М.А.Алданов*, там же).

Заметим, случай этот очень напоминает убийство Кирова. И там, и тут будущий убийца появляется на горизонте незадолго до преступления, оба беспрепятственно проникают в высокое советское учреждение, обоим достаточно снайперского выстрела, обоих расстреливают фактически без суда и следствия. Михаил Алданов приводит отрывок из "документа официального происхождения" (И. Антипов. "Очерки из деятельности Петроградской Чрезвычайной Комиссии", газ. "Петрозаводская правда", 1918):

Установить точно, когда было решено убить тов. Урицкого, Чрезвычайной Комиссии не удалось, но о том, что на него готовилось покушение, знал сам т. Урицкий. Его неоднократно предупреждали, и определено указывали на Канегиссера, но т. Урицкий слишком скептически относился к этому. О Канегиссере он знал хорошо, по той разведке, которая находилась в его распоряжении.

О том, кто предупреждал Урицкого о готовящемся покушении и на основании каких фактов его разведка была нацелена именно на Канегиссера, "документ официального происхождения" умалчивает. Как, впрочем, и о том, была ли проведена экспертиза оружия, доказавшая, что председатель ВЧК убит пулей из револьвера Канегиссера.

3. Ненадежность охраны властей и легкость, с которой покушавшиеся скрылись, особых объяснений не требуют.

4. Когда расследованием руководят организаторы преступления, все объяснимо: и быстрота следствия, и отсутствие судебной процедуры, и поспешный расстрел преступников.

5. Ясновидение ВЧК находит простое объяснение. Уже тогда ее руководители знали свои цели и своих жертв — те группы населения, против которых будет направлен своим острием террор.

Разумеется, нет никаких оснований утверждать, что ВЧК действовала самостоятельно. Напротив, можно сказать с уверенностью, что в этот период вся ее политика определялась волей партийных вождей. Вспомним хотя бы поведение следственной комиссии. Она явно была уверена, что ни ЦК партии, ни ВЦИК не потребуют судебного процесса и примут без возражений невразумительные результаты расследования.

Не противоречит ли это утверждение тому факту, что жертвой покушений стали вожди самого высокого ранга? Но разве Троцкий, Киров и Фрунзе, убитые руками ВЧК—НКВД по приказу Сталина, не были вождями высокого ранга? И разве убийство Кирова и Фрунзе помешало причислить их к лику мучеников? Разве смерть Кирова не была использована как предлог для развертывания нового массового террора? И еще одно. Нет сомнений в том, что красный террор был необходим большевикам в 1918 году как средство удержания власти. Сохранение узурпированной власти легче всего достигается комбинацией трех методов: демагогии, обмана и террора.

О терроре, кстати, стоит сказать немного подробнее. Вот, например, гневное послание Ленина председателю Петроградского Совета Зиновьеву. Письмо написано 26 июня 1918 г., то есть спустя пять дней после убийства Володарского и за два месяца до выстрелов Канегиссера и Каплан.

Т. Зиновьеву.

Также Лашевичу и другим членам ЦК.

Т. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает.

Привет! Ленин.

P.S. Отряды и отряды: используйте победу на перевыборах. Если питерцы двинут тысяч 10–20 в Тамбовскую губернию и на Урал и т.п., и себя спасут, и всю революцию, вполне и наверное. Урожай гигантский, дотянуть только несколько недель.

Причинная связь между ожидаемым урожаем и необходимостью террора выражена в этом письме достаточно ясно. Ведь не собирать урожай, а отбирать его в Тамбовской губернии и на Урале должны были 10–20 тысяч питерцев.

Полагая, что преступление всегда совершает или организует тот, кому это выгодно, и принимая во внимание праведный гнев Ленина по поводу неиспользования убийства Володарского, логично усмотреть связь между покушениями 20 июня и 30 августа. Тем более, что и в первом случае не обошлось без загадок и странностей. Обратимся снова к книге Д.Голикова.

20 июня 1918 г. в Петрограде проходили рабочие собрания в связи с кампанией перевыборов в Советы. На этих собраниях выступали виднейшие деятели большевистской партии, в том числе член президиума Петроградского Совета, комиссар по делам печати, пропаганды и агитации В.Володарский. Во время поездки Володарского по городу в связи с этой кампанией автомобиль из-за нехватки горючего остановился на одной из пустынных улиц, недалеко от фарфорового завода. В.Володарский и сопровождавшие его сотрудники Смольного, Н.А.Богословская и Е.Я.Зорина, выйдя из автомобиля, направились к находившемуся поблизости зданию районного Совета. В это время на улице появился неизвестный, который, по-видимому, узнав Володарского, быстро направился к нему и, приблизившись, сделал в него несколько выстрелов в упор, а затем бросился бежать. За убийцей погнались люди, находившиеся недалеко от места происшествия, но он, бросив бомбу, скрылся. Володарский, смертельно раненный в сердце, скончался на месте.

Очевидно, что заранее предвидеть место, где двигатель заглохнет из-за нехватки горючего, никак нельзя. И тем не менее именно в этом месте и в это самое время на пустынной улице оказывается террорист, вооруженный пистолетом и бомбой. Чудеса...

Но хотя удачливому стрелку и бомбометателю удалось скрыться не опознанным, Ленин, выступая уже на следующий день в Сокольническом клубе Москвы, уверенно назвал организаторов убийства:

И как только массы убеждаются, куда привели их меньшевики и правые эсеры, последние остаются без поддержки масс. Их оставляют. Тогда они в последней надежде прибегают к спекуляции на голоде, а когда и это не выходит, они не брезгают такими приемами, как убийство из-за угла.

Вы знаете, что убит старый работник, расплачивавшийся за свои убеждения страданиями и лишениями, товарищ Володарский. Конечно, может быть, им удастся убить и еще нескольких активных деятелей Советской власти, но это только укрепит ее в массах.

Еще один образец ясновидения. И весьма точного: "правые эсеры и меньшевики". Неужто монархисты прониклись к тому времени симпатией к большевикам? А левые эсеры, кадеты, анархисты? Столь конкретный адрес мог указать лишь тот, кто заранее знал, что ни монархисты, ни кадеты, ни анархисты не причастны к этому убийству, и не собирался их в этом обвинять. Разумеется, и это преступление раскрылось "во всей полноте" в 1922 году. И, конечно же, "гениальное предвидение" Ленина оправдалось: убийцей оказался эсер Сергеев.

Сравнивая политические последствия двух убийств – Володарского и Урицкого, – понимаешь, почему красный террор, в котором так нуждалась власть, не удалось запустить в июне, в ответ на первое покушение, и удалось после выстрелов 30 августа. Очевидно, в самом Петрограде существовал человек, который этому противодействовал. Человек, видимо, достаточно могущественный, чтобы действовать вопреки ясно выраженной ленинской воле и воле "рабочих в Питере", ко-

торые "хотели ответить на убийство Володарского массовым террором". Ясно и другое: обладая такой властью в июне, лицо это лишилось ее после августа. Есть основания полагать, что такой фигурой мог быть только председатель Петроградской ЧК Урицкий.

В годы гражданской войны, — пишет Рой Медведев, — Зиновьев был фактическим руководителем большевистской организации в Петрограде. Нельзя не отметить, что в этот период Зиновьев проводил часто весьма жесткую политику, причем это далеко не всегда было оправданным. Даже председателя Петроградской ЧК М.С.Урицкого Зиновьев считал чересчур "мягкотелым" для своего поста. Ни в одном городе Советской России красный террор не был осенью 1918 года более массовым, чем в Петрограде, широко практиковался здесь и расстрел заложников.

Именно осенью — после убийства в последние дни лета "мягкотелого" Урицкого! Мягкотелым председатель Петроградского ЧК отнюдь не был. Но, видимо, критерии, которыми он руководствовался, были все-таки иные, чем у Зиновьева и Ленина. Может быть, по этой причине на него и пал выбор.

Надо сказать, что с этой точки зрения Урицкий представлял собой идеальную мишень. Его устранение позволяло решить сразу несколько проблем. Начать "ответный" террор; устранить фигуру, препятствующую развертыванию террора в Петрограде, а значит, и в стране; избежать опасности разоблачения истинных организаторов июньского покушения, расследованию которого Урицкий уделил особое внимание, ибо с Володарским его связывали годы товарищества по совместной эмиграции в США (1913—17). Можно не сомневаться, что "мягкотелость" не помешала бы ему самым тщательным образом допросить и шофера злополучного автомобиля, и попутчиц Володарского, и всех, кто, "случайно" оказавшись 20 июня на "пустынной улице", не сумел задержать преступника.

Почему же спустя несколько часов он сам стал мишенью? И почему, оправившись от ранений, санкционировал более чем странные выводы комиссии и не назначил нового следствия? На первый вопрос проще всего ответить встречным вопросом: если можно было ликвидировать Володарского, Урицкого, Фрунзе и Кирова, то почему нельзя было попытаться таким же образом убрать с пути и Ленина, чтобы расчистить путь другим, рвущимся к власти вождям партии? Судя по тому, как относились к Ленину во время его болезни ближайшие соратники, он многим мешал. Ответ на второй вопрос прост: новое и тщательное расследование могло выявить подлинных инициаторов убийства Володарского и Урицкого. Надо полагать, что в 1918 году Ленину было выгодней закрыть глаза на обстоятельства собственного ранения, чем допустить раскрытие всей механики политической преступности.

ПОСЛЕ НАШЕГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

В прошлом номере нашего журнала было опубликовано письмо нашего читателя из Москвы Л.Таненгольца, который сообщал, что у него при возвращении в СССР из-за рубежа из багажа был изъят комплект нашего журнала на том основании, что в нем появляются "лихие статьи". Л.Таненголец написал протест в Московскую таможенную, после чего изъятые журналы (а также большинство книг) ему были возвращены. Обращаем на это внимание всех наших читателей, могущих попасть в сходное положение.

Марк ХАРИТОНОВ (Москва)

У Ч А С Т Ь

Об Илье Габая

В ночь после смерти Ильи Габая я прочел его стихи — и заново открывшегося слуха впервые коснулась пророческая их пронзительность:

Я ощутил до богооткровенья,
 Что я погиб. Что лето не спасенье,
 Что воробьи и солнце не спасут.

Это написано за пять с лишним лет до гибели, но лишь после нее прозвучало вдруг во всей подлинности, в обнаженности души, — исповедь и объяснение, горестное и скорбное. "Мне невозможно жить", "Мне стыдно, что я жив, когда творят правед безжалостность и жадность, ложь и вошь", — слова, многими произносимые в худую минуту искренне и все же риторично, для него были исполнены смертельной серьезности.

О.Мандельштам говорил о смерти художника как о "телеологической причине", высшем акте творчества, как о последнем, заключительном звене в цепи творческих достижений. Не знаю, ко всем ли можно отнести эти слова, но я вспоминаю их, когда думаю о судьбе и творчестве Габая.

Как немислим для него был разрыв, зазор между стихами и жизнью, так не оказалось его между стихами и смертью.

В марте 1971 года он писал мне из Кемеровского лагеря о своих стихах: "Я недавно многие из них перечел (мысленно) и подивился одному обстоятельству: многое все-таки было предугадано. Интересно, интуиция ли это или как-то мало-заметно подгоняешь жизнь под стихи, которые все-таки при всех обстоятельствах — определенная квинтэссенция помыслов".

Стихи всегда о главном для него, а по сути единственном: о трагическом самоощущении человека, обнаженная душа которого воспринимает, как свои, все боли времени, о страстных поисках достойной позиции в разорванном, невозможном мире.

Задохнулись в крошечном угаре
 Дети Сарры и дети Агари...
 Значит, должен я выискать место
 В этом крошечном месте и свар?
 По какому наитию? Родства?
 Но, сударыня, что за родство

С задыхнувшейся речью пророка
 У ублюдка, не пасшего стад?
 Значит, должен я выискать место?
 По какому наитию? Чести?
 Но откуда ж мне ведома честь
 Государственных тяжб и воительств?

Однако именно потому, что стихи всегда о главном и единственном, Габай как личность не сполна выражается и уж во всяком случае отнюдь не исчерпывается в них. Он был много шире и значительней. Стихи для него могли быть лишь этапом душевного поиска, событием, и возникали редко. Его складу предельно чужд принцип "Ни дня без строчки", чужда фиксация впечатлений, мыслей и состояний. Подготовкой к стихам были не черновики или этюды, а проживаемая с огромной внутренней интенсивностью жизнь.

Недавно мне — в который раз — довелось услышать знакомое застольное рассуждение о том, что всяким делом надо заниматься профессионально. "Когда мы, художники, начинаем ввязываться в политику, это выходит непрофессионально."

Верно. А вот можно ли жить профессионально? Политикой ли занимался Габай?

Но откуда ж мне ведома честь
 Государственных тяжб и воительств?

Он мыслил не политически: для этого слишком мало в его действиях было забот о победном результате.

— Мы чистоплюи, — усмехнулся он как-то, — мы не согласимся ни на какой политический пост, чтобы не пачкать рук. Даже если предложат что-нибудь по специальности.

И в своем последнем слове на суде в 1970 году, ярком, страстном, умном слове, которое, надеюсь, когда-нибудь войдет в хрестоматию по истории нашей общественной мысли, по праву мог заявить: "Мне, я думаю, не свойственно общественное честолюбие".

Исходным мотивом его действий всегда был непосредственный нравственный импульс, чувство невозможности терпеть:

...не разумом, но кожей
 Я чувствую ничтожество, доносов, краж и драк
 Отлаженную ладно систему, косность, власть, —

писал он в лагере ("Выбранные места"). И раньше (1968):

Ах, слава Богу, мы не Робеспьеры,
 Но почему должны терпеть мы стыд?

Любимым героем Габая всю жизнь был Дон-Кихот. Он говорил мне об этом в первый год нашего знакомства и верность "священному донкихотству" сохранил до конца.

Есть прирожденные бойцы, уверенно, хотя и с риском, нацеленные на победу; у них своя честь. И своя — у тех, кто предчувствует, что в столкновении с властью людей, не претендующих на власть, нет иной победы, кроме моральной. Возможно, это не более трагично, чем жить, заведомо предвидя смерть. Но рождаться нам или нет, мы не выбираем. Впрочем, может, и нравственный императив, а с ним и жизненный выбор определен человеческим устройством больше, чем мы думаем, — когда человек всем существом ощущает, что просто не может иначе.

Но ты отмечен свыше: ты помечен
 Обязанностью к действиям вотще.

Чем были бы мы без таких людей?

Стихи Габая, — быть может, самый полный свод противоречивых раздумий, вопросов, которые на разный лад задавала себе в наше время и в наших условиях душа совестливого и мыслящего человека. Но ответов они не дают. "Крутись, как хочешь, если взял и исподволь перерос, вырос из состояния элементарной цельности", — писал он мне 25 октября 1971 г.

Счет его к самому себе труден — соразмерял ли он посильность своей ноши?

Я сам свой бог. Но слабый, вздорный бог,
Издерганный, юродивый, убогий.
Не дай вам Бог любить такого бога,
И быть, как он, не приведи вас Бог.
Я, верно, бог. Порочный, жалкий бог.
Но если я и вправду Лик пречистый,

То дай вам Бог быть мирным атеистом,
А богом быть — не приведи вас Бог...
Но божьего величия — карать
Не пожелаю ближнему: не смею
Желать ему таких шахсей-вахсеев.
Не дай вам Бог — как Бог, себя карать.

Меньше всего его позиция способна дать уверенность и основу для самоутверждения. Но она служит уверенности, показывая читателю, что он не один в своих сомнениях и поисках. Она расшатывает самодовольство, половинчатую мудрость, показывает "сомнительность сиянья тщеславной чистоты".

Начаток кривды и неправоты
В надменности душевной: в убежденьи,
Что ты дошел до смысла и черты

Сокрытого, что ты проник до корня
Познания, до азбуки пыльцы.
Вот за чертой — заблудшие слепцы,
И ты им поводырь, креститель, кормщик.

Мироощущение и поэзия Габая трагичны. Чтобы не быть трагичным в трагической действительности, надо либо обладать известной степенью толстокожести и поверхностности, способностью отстраняться, не замечая этого трагизма, — либо возвыситься до некоего надличного представления о мире как о вечном и неизбежном круговороте жизни и смерти, радости и страданий, — представления, не знающего ни страха перед миром, ни отрицания, ни оправдания его. Крушение отдельной человеческой судьбы выглядит тогда частной дисгармонией внутри гармонического целого; ценность ее относительна, все происходящее имеет свой смысл, и даже предательство Иуды служит вышей славе Христа. Такая мудрая примиренность с судьбой тоже не дается без потерь. Страсть, любовь порождены напряжением, которое говорит об утрате целостности; не всякому дано прорваться к гармонии через напряжение и разрыв, можно считать целостностью и отсутствие страсти, неспособность к истовому жизненному подвигу. Возможно самодовольство, самолюбование в трагизме; искусство нередко служит зеркалом такого самолюбования. Это мироощущение заведомо отказывается от поисков выхода, считая его иллюзорным, зато находит нравственно сомнительное утешение в чувстве превосходства над другими, неспособными к столь героической позиции. Так Ницше призывал мерить ценность человека пределом страданий, которые он способен вынести. Этот аристократический эстетизм высокомерен и лишен любви; он знает лишь о своем страдании.

У Габая нет примирения с жизненным трагизмом, приятия его, уважения к нему, столь близкого равнодушию. Терпя в своем поиске поражение за поражением, он не отказывается от него — он не верит в право души не искать выхода из противоречий.

Свести — но воедино как свести?
Ищи рубеж — но где его найти?
Мятеж иль месть? Смиренность или смиренность?
И нет жрецов в покинутых кумирнях,
Которые мелькнули на пути...

Он так и не сумел свести воедино свой трагически разорванный мир. Тот, кто считает, что ему это удалось, пусть спросит себя: какой ценой?

Начинались времена, когда небольшие, разбросанные по Москве компании вроде нашей какой-то неясной еще тягой находили друг друга, соприкасались, перемешивались, — как ртутные брызги и капли сливаются во что-то готовое растечься.

Тогда это еще не называлось демократическим движением и вообще никак не называлось. Встречались, знакомились, собирались люди самых разных возрастов, специальностей, судеб, достоинств, даже взглядов, — хотя взглядам еще лишь предстояло во многом оформиться и уточниться, — и все эти знакомства, обсуждения, споры немало тому способствовали. Объединяла этот переливчатый конгломерат людей разве что неудовлетворенность общественным состоянием, потребность прояснить его, что-то, может, изменить, — это смутное поначалу брожение тоже со временем уплотнялось в различные формы протеста против замалчивания и искажения прошлого, против новых несправедливостей, о которых узнавалось теперь друг от друга, в терминологию заявлений о гражданских правах, в демонстрации и письма. Без этого незрелого движения не было бы многого позднейшего. Далеко не все тут были правдоискатели по натуре: могли же терпеть притеснения по службе, житейские несправедливости, обыденную ложь — и помалкивали, даже не чувствовали себя несвободными; а тут, где лично многих из них как будто еще не кололо, молчать и терпеть казалось вдруг постыдно и невыносимо. Ведь здесь-то явен был риск, еще непривычный, здесь требовалась самоотверженность, пусть даже относительная, и хотя у многих ее не хватало всерьез и надолго, свойство это тоже можно назвать единым признаком группы; оно делало этим людям честь — впрочем, отнюдь не даря безусловного патента на благородство.

Взаимное сближение здесь было потребностью не только ради выработки мнений; оглядка друг на друга давала поддержку на все более рискованном пути. Эта близость делала конкретными и более сильными чувства: одно дело говорить о несправедливостях, арестах, обысках вообще, или в прошлом, или где-то в неизвестных краях, другое — переживать за человека, которого успел узнать близко, оценить, полюбить, в достоинстве и благородстве которого убедился. Как же можно его?.. И уже совсем по-новому видел других, своих сверстников и людей постарше, и юных совсем ребятешек, с которыми это происходило вот сейчас, пока мы в многолюдной прокуренной комнате по очереди читаем, беря друг у друга листки, о новых несправедливостях, арестах и обысках, а потом за разговором узнаем еще о многом, о чем пока не дошло книг и писем: цепная ли пошла реакция или просто росла осведомленность и понимание — мир вокруг полон был боли, исковерканных судеб, лжи, несвободы, и казалось невозможно, совестно жить чем-то другим...

Потом ты выходил на улицу, в электрическую зелень сквера, после дождя пахло весенними почками, мимо шли спокойные и даже веселые люди, для которых не существовало всего, что ты знал и чувствовал, им это было д о ф е н и — а неужели иначе? — и по странному закону психологического восприятия, когда от протесторки глаза зависят, увидишь ты на рисунке выпуклый куб или полый ящик, — можно было утверждать, что каждый взгляд имеет свое обоснование...

Илья Габай был в этом кругу явлением незаурядным; он неизбежно должен был стать одним из центров притяжения.

Пятого декабря 1965 года он впервые принял участие в демонстрации на Пушкинской площади; в марте 1966 написал письмо в "Правду" об опасности возрождения сталинизма. Не знаю, сохранилось ли оно у кого-нибудь; я помню главный его смысл: "Мне как учителю было бы стыдно смотреть в глаза детям, если бы произошло возрождение сталинизма". Недели через две из "Правды"

пришел ответ, где ему предлагали следить за материалами очередного съезда партии.

В январе следующего года – снова демонстрация на Пушкинской площади против очередных арестов и введения новой статьи уголовного кодекса (наказание “за распространение заведомо ложных измышлений” – той самой статьи, по которой его потом и осудили). Илью задержали, потом на время отпустили, и он успел рассказать подробности состоявшегося разговора.

– А, старый знакомый! – встретил его генерал С., беседовавший с ним год назад. – Ну, долго вы будете выступать против советской власти?

– А долго *вы* будете выступать против советской власти? – сказал Илья.

– То есть как? – немного опешил генерал.

– А так. Долго вы будете издавать и поддерживать законы, противоречащие Конституции, отменяющие свободу совести, слова, собраний?

– Этот закон принят Верховным Советом. Верховный Совет – это советская власть? Значит, выступая против закона, принятого Верховным Советом, вы выступаете против советской власти.

– Тогда скажите, если бы в сорок шестом году я выступил против закона, по которому выселяли чеченцев и ингушей, я тоже был бы против советской власти? – В сорок шестом – да, – ответил генерал.

Им бы жить в разных измерениях, каждому по своей логике и совести, не соприкасаясь! Нет, столкновение было неизбежно.

Через три дня, после обыска на квартире, где Илья тогда жил, его арестовали вновь. Истекли 72 часа, допустимые для заключения предварительного, – случившееся стало фактом.

Следствие длилось меньше месяца. 17 февраля Габая привезли на суд вместе с В.Хаустовым, но в самом начале заседания прокурор возбудил ходатайство: в связи с открывшимися фактами новых преступлений Габая дело его передать на следствие.

Хаустова в тот же день осудили на три года заключения; Илья просидел под следствием еще до мая. Трудно сказать, какие умонастроения сменялись в инстанциях, причастных к делу. В конце мая возник слух, что Габай будет освобожден.

Его выпустили поздно вечером 22-го. Худой, нестриженный, смеется, притопывая, как ребенок, вытворивший занятную проделку: ловко, мол, я! – но чувствовалось за этим какое-то смущение. На следующий день квартира его, в которую он впервые вселился, была полна народу: пол-Москвы. Илья рассказывал о своих соседях по камере: валютчике и колымчанине, попавшемся на продаже золота, о том, как они не могли взять в толк, ради каких наслаждений и выгод он-то рисковал свободой; о молоденьких, после десятилетки, надзирателях, еще красневших на своей работе и охотно исполнявших просьбы, о том, какой отрадой было услышать музыку или футбольный репортаж из окна машины, остановившейся под окнами...

Выпустили его под расписку; он по-прежнему числился под следствием, но было ясно, что дело спускается на тормозах. 27 июля 1967 г. его вызвали к следователю, дали прочесть последнюю страницу дела; на этой странице все обвинения против него перечислялись и подтверждались, но (тут начинался второй пункт) его решено было не считать организатором и *активным* участником, а потому дело прекращалось.

Этот странный и, кажется, беспрецедентный тогда поворот внес, пожалуй, некоторую двусмысленность в его самоощущение. Вроде бы самое трудное решение было уже позади – но нет, вышвырнуло на прежнюю позицию, обдав холодком, обратив поступок в репетицию, – теперь он знал, чем все пахнет, чего стоит, должен был заново подумать об оправданности, цене и результатах:

Совет покуртуазничать – и баста?
Совет покрасоваться – и уйти?

Летом, получив эту вольную – или отсрочку, он уезжал в археологическую экспедицию; на ближайшие два месяца это давало возможность не заботиться об устройстве и заработках.

– Как-то смешно все получилось, – сказал он мне, прощаясь. – Но я все равно сяду. Уж больно мы с этой властью не сходимся.

В августовские дни 1968 года Габай был в Молдавии, и я, что скрывать, чувствовал облегчение. Будь он в Москве, он наверняка стоял бы с другими на Лобном месте. (Потом не раз думалось, как все могло бы сложиться по-другому, если бы он прошел по этому, сравнительно мягкому процессу.) Но речь могла идти только об отсрочке – путь его был предопределен: "Я и впотьмах сыскал, как видно, тропку", – напишет он потом в лагерной поэме.

Философы утверждают, что ситуация, в которой оказывается человек, не совсем для него случайна: она знак его личности, и судьба, быть может, заложена в душевной структуре, как в генетическом коде.

Я ощутил до богооткровенья,
Что я погиб. Что лето не спасенье,
Что воробьи и солнце не спасут.

Это написано в ту самую молдавскую передышку. Он вернулся в Москву в начале сентября – вырвался, не дожидаясь конца экспедиции. Изменившийся, с отросшей рыжеватой бородой, перебинтованным торсом (у него было сломано ребро).

– А я-то думал: хорошо, что тебя нет, – усмехнулся я при встрече.

– Но ты, надеюсь, понимал, что я не мог не приехать, – ответил он без улыбки.

Это я понимал. Но, слабый человек, надеялся, что обойдет его жребий. А уже были пролистаны "страницы пророческих косноязычных книг", он уже сказал в знакомых мне стихах,

Что возвращение к полупобедам
Заведомо таит в себе побег.
Что не сбежать. Что нет тебе побега.
Что просто ты нелепый человек.

Потом был суд над участниками августовской демонстрации – об этом он рассказал сам ("У закрытых дверей открытого суда", 1968). В октябре он уехал в Ивановскую область, ему была обещана работа в деревенской школе; в Москве он уже не мог устроиться. Но долго не выдержал, кажется, уже зимой вернулся, с головой ушел в нараставшую деятельность. Печатались с его участием "Хроники", составлялись письма и обращения, приезжали из Средней Азии и останавливались у него крымские татары, он ходатайствовал по их делам.

19 мая 1969 года его арестовали в последний раз, в январе 1970 осудили на три года и отправили в Кемеровский лагерь общего режима.

Лагерь обернулся для Габая испытанием страшней, чем для многих других. "Общий режим", считавшийся легче специального, вынуждал жить не среди политических, где были возможны хоть какие-то отношения, солидарность, чувство общности, а среди уголовников, блатных; можно только представить, что это могло значить для еврея, не сильного физически, с обнаженными нервами, – только вообразить в этих условиях органическую бескорыстность Ильи Габая, полнейшее нежелание и неспособность выгадывать житейские блага (здесь – почти неизбежно за чей-то счет), простую невозможность хотя бы припрятать от жадных

глаз доставшийся в передаче кусок — да много чего еще... Он признался в лагерной поэме,

Что испытанье пагубой и порчей,
Проверка униженьем и стыдом
Не для моей отнюдь, тщедушной почвы.

Не так давно я читал созданную в заключении книгу талантливого писателя, где лагерь будто и не пропущен сквозь душу, воспринят со стороны, как фольклор. С первых умных, наблюдательных, хронологически расположенных записей и до последних страниц не чувствуешь, что пять лет "мертвого дома" хоть в чем-то изменили автора, как меняют человека пять лет и менее напряженной жизни. Он пришел сюда зрелым, со сложившимся духовным миром, и толкая тачку, продолжает "думать о птице Сири" — есть в этом свое достоинство. "Писателю и умирать полезно", — записывает автор афоризм одного из своих сокамерников, знающего, видно, толк в накоплении писательского "жизненного опыта".

Этот афоризм мог бы служить основой для различения двух типов не только художнического отношения к жизни: жизни-сюжета, с накоплением всегда увлекательных ощущений и замет — и жизни-сживания себя, где все невосвратимо и слово стоит боли.

В письмах из лагеря Илья был поразительно сдержан, и объяснялось это не просто всегдашней оглядкой на цензуру. Это была душевная собранность, не допускавшая жалоб, переключившаяся на других своих тягот. Лишь изредка, намеком, прорывалось: "Есть, дорогой мой, и некоторые поводы для житейских огорчений, но в предвидении нового, невысокого года это все побоку" (20.XII.70). "Я в последнее время в совершенной подавленности. На это есть причины юмористические, когда все это станет воспоминанием о прошлом, но очень существенные, совершенно выбивающие из колеи — меня с моими нервишками особенно" (25.I.71).

Да и вернувшись потом, рассказывал о пережитом предельно сдержанно, и лишь деталями прорисовывались иногда страшные эпизоды блатных расправ, лагерного ужаса и унижений. Все главное с полной обнаженностью выплеснулось в стихах:

Я не сумею вам открыть воочью
В такой ночи — такое чувство ночи
Кромешной: это чувство нелюдей.
Что делать мне? Какая даль иль близь
В каком краю предстанут мне защитой?
Так нету сил! (И где мой утешитель?)
Так худо мне! (И чем же мне спастись?)

Тягостное состояние усиливалось к концу срока. "Ослабел я маленько, брат, — писал он, — поверишь, дошел до того, что пару ночей назад взял подшивку прошлогодних "Огоньков" и стал решать кроссворд за кроссвордом" (31.I.72). В следующем письме он спешит извиниться за сорвавшееся сетование: "Судя по тому, как ты меня постоянно успокаиваешь, я написал тебе, очевидно, неврастеническое и мизантропное письмо. Прости, дружище; что-то, стало быть, не ладилось с самоконтролем" (9.II.72). В последнем письме, пришедшем из лагеря, все же вырвалось: "Я сильно устал, душевно особенно... Но это сетование привычное и, подозреваю, малопонятное" (21.II.72). Примерно в те же дни, в конце февраля, состоялось его последнее свидание с женой, он был неспокоен, не мог есть привезенных яств, боялся, не случится ли чего за неполных три месяца, оставшихся до конца срока, — можно только вообразить, как он при тогдашних нервах считал дни и что значило для него, когда за два месяца до конца, в марте, его перевели в Москву для дачи показаний по новому делу.

Это был рассчитанный ход изошренных тюремных психологов.

Похоже на дурную притчу: во время одного из этапов, на следствии или до следствия, Габай услышал разговор заключенного — крымского татарина о том, что вообще-то русских и евреев надо бить, что мир спасет ислам и что арабам надо скорей кончать с Израилем... Илья потом рассказывал об этом с усмешкой, спокойно — он мог предполагать нечто подобное:

А знали же, знали, что преданность наша без прока,
 Что мы предавались стихами, главой и *крестом*
 Не очень-то нашей, но прожитой нами эпохе.

Новое, высокое понимание, созревшее за мучительные годы лагеря, не отменяло прошлого. Он пробивался к нему, сохраняя противоречивую цельность, с постоянной оглядкой: не означает ли это понимание "предательства", от которого он остерегал себя еще в поэме "Книга Иова"? Собственные стихи стояли на страже: стихи-обет, стихи-напоминание, стихи-укор; из строк глядел на него требовательный, полный последней надежды взгляд самого Бога, обращающего свою горестную мольбу к Иову:

Мне страшно знать изнанку слов.	Я так хотел бы обмануться
Мне невозможно не взмолиться:	В цене бесстыдных льстивых слов.
Не предавай меня, Иов!	Не предавай меня, Иов!

Эти стихи, на мой взгляд, — среди самых сильных у Габая. Они всегда вызывали у меня в памяти знаменитое двустишие Силезского Ангела:

Ich weiß, daß ohne mich Gott nicht ein Nu kann leben,
 Wird'ich zunicht, er muß von Not den Geist aufgeben.
 (Я знаю, Богу без меня не прожить и мгновения,
 Стинь я — и он поневоле испустит дух.)

Этот уязвимый Бог предъявляет свои требования к чести; само существование его возможно лишь благодаря человеческой истовости в поисках — здесь звучит подлинно библейское ощущение взаимозависимости с могучей духовной силой, создавшей тебя и созданной тобою, когда твоя гибель или отступничество приводят к краху целый мир ценностей, живущих в тебе:

Я обессилел от чудес.	Сменить бессмертие небес...
В минуту слабости всесильной	Но, бог и раб бесстрастных слов,
Я, обессилев от чудес,	И я не вправе измениться;
Готов идти дорогой пыльной,	Мне остается лишь молиться:
Готов принять земную плоть	"Не предавай меня,
И на юдоль земного люда	Иов!"

За два месяца до конца срока для Ильи Габая начался новый тур допросов, изошренного давления и угроз. От него требовали новых показаний; угрозы касались теперь не только его, но его близких и друзей; ему заявляли, что многие из них уже арестованы. С особым нажимом указывали на несоответствия и неточные утверждения в документах и "Хрониках", написанных при его участии или без него. (Бог весть, какими путями и от кого попадали иной раз сведения в этих искаженных условиях; допрашивавшим Габая порой было это лучше знать.) Делалось как будто все, чтобы выбить из него формальное раскаяние и отречение. Добиться удалось куда меньшего — обязательства воздерживаться впредь от общественной деятельности. С тем его пока и выпустили.

19 мая 1972 г. мы с женой Ильи и Ю.Кимом всю ночь дежурили у Лефортовской тюрьмы: вдруг выпустили бы его сразу после полуночи, с началом новых суток.

Ждали почти до полудня в нарастающей нервности: неужели не выпустят? — и не решались навести справки. Оказалось, Илья в это время уже был дома. Его выпустили в восемь утра через дверь следственного корпуса, за которой мы к этому времени перестали следить. Может, умышленно постарались предотвратить встречу. До нашего приезда он успел принять ванну, переоделся и встретил нас до удивления не изменившийся — даже волосы отросли за время следствия; только что разве более худой, чем обычно, какой-то миниатюрно-тонкий, — но и это стало привычным через полчаса. А речь, шутки, интонации — те же, как будто вчера лишь расстались... В дверь звонили, намерение уберечь Илью в этот день от утомительных встреч сразу пошло насмарку, он был, казалось, в прекрасной форме, только ощущения немного притуплены, все воспринималось сквозь легкое головокружение.

— Мне кажется, что я вижу сон, — сказал он. — Я думал, что половины из вас уже не встречу. Так угрожающе со мной говорили.

И только на фотографии, приклеенной к документу об освобождении, он был совсем на себя не похож (так неузнаваем потом был он в гробу). Возможно, фотообъектив выявил то, чего в первый момент не разглядели мы: это был уже потрясенный человек.

Потянулись месяцы неустроенности, поисков работы, безденежья, домашних трудностей, новых вызовов и допросов. Жить приходилось на зарплату жены, кое-что подбрасывали друзья; иногда удавалось достать приработок, чаще оформленный на чужое имя. Положение было нервным, неопределенным. Уже начинала поторапливать с трудоустройством милиция. Нигде его не брали. Сотрудники КГБ, в свое время обещавшие помочь, демонстративно удивлялись трусости отделов кадров (как им не удивляться!). Наконец, подыскали место корректора в газетной редакции. Утомительное механическое чтение мелкого шрифта при его зрении и нервах сказывалось болезненно, он приходил с работы разбитый, и это влетало в общую подавленность и бесперспективность.

То, что прежде было жизненной опорой, поколебалось и утратило былую прочность... В июне арестовали Якира, вскоре за ним Красина; где-то осенью мы услышали о их показаниях. Илья узнал про них одним из первых, но не говорил другим, за что потом его упрекали: надо было многих предупредить об опасности.

— Я просто подумал, как станут плясать на их костях разные чистоплюи, — объяснил он.

— Да это они пляшут на костях... мать... — выругался Толя Якобсон, и, увы, он был прав.

Начался очередной приступ вызовов и допросов. Илье предъявляли новые показания, требовали новых показаний от него. Как всегда, он подтверждал лишь то, что было связано с ним лично, и отказывался говорить о других.

— Вы ведете себя неумно, — сказали ему. (В другой раз выразились: неискренне). — Мы и так все знаем, нам нужно лишь формальное подтверждение от вас. (Классическая полицейская уловка на сей раз была, увы, близка к истине.) — Вы только делаете себе хуже.

Однажды спросили:

— Вы не собираетесь уехать за границу?

Он ответил:

— Мне бы не хотелось. Но здесь я не вижу никаких возможностей.

— Держать вас не будем, — намекнули ему.

У него давно уже лежал вызов от мнимых израильских родственников, он продлевал срок его действия, но воспользоваться им не хотел.

Этот некровожадный способ избавляться от неудобных людей был опробован и по-настоящему пущен в ход, когда Илья был еще в лагере. Я писал ему о нашем

общем знакомом, который одним из первых использовал этот путь. Илья отвечал: "Трудно поверить, что он мог когда-нибудь кровно воспринимать сионские боли. Я тоже наверно не смог бы — а без этого как же жить там?" (16.XI.71).

За день до смерти он сказал близким, что все-таки решился уехать. Порой мне кажется, что отъезд оказался бы вариантом отсрочки, — не представляю его там. Он метался, он был болен и слаб, воля его была подточена. Летом у него родилась дочь; казалось, и это событие он воспринял сквозь туманную пелену. Прибавилось забот, обострилось сознание необходимости содержать семью; детский плач усугублял бессонницу. Таблетки не помогали. Как-то он пожаловался мне на кошмары и галлюцинации.

Однажды обрадовал меня, сказав, что пробует писать, конспектирует библейскую "Книгу Иова" для продолжения своей поэмы. Потом я видел эти выписки; очень жаль, что сейчас ими не располагаю, — их характер мог бы много сказать о тогдашнем его умонастроении. О, теперь-то, после пережитого — как мог бы он дописать Иова! Если бы дело было только за душевным опытом! Дальше выписок дело не пошло. В последний день августа 1973 года я провожал его от себя, спросил, пишется ли ему. Он усмехнулся:

— Я, может, скорей напишу последнее письмо.

И я все еще не слышал? Слышал, как же еще! Мы говорили об этом с друзьями, гадали, что бы придумать, и не могли придумать больше, чем помочь деньгами, подыскать заработок; надеялись на таблетки, на то, что обойдется, — а он уже падал, падал со смертельной высоты, медленно, как в страшном сне, — и как во сне, мы не умели шевельнуться, чтобы удержать его...

В предсмертной записке он просил друзей и близких простить все его вины: "У меня не осталось ни сил, ни надежды". Сам почерк записки и то, как он позаботился положить рядом с ней очки, подтверждают, что все совершалось в ясном разумении.

Заупокойную службу по нему, неверующему, служили в православной церкви (что возле Преображенского кладбища), в иерусалимской синагоге и в мусульманской мечети: крымские татары убедили муллу забыть о недозволенности отпевать самоубийцу.

Он погиб тридцати восьми лет, и праздное дело гадать, чем могла бы еще стать эта жизнь; она имеет свою законченную цену. Илья трагически доказал подлинность своей человеческой и поэтической последовательности. Можно ли на таком напряжении спроса к себе не надорвать силы жить?..

Через два года после его смерти я сравнялся с ним возрастом и теперь становлюсь старше. Я лишь начинаю постигать требования, которые предъявляет ко мне эта смерть, память о нем, его стихи.

А время каменеет, и у фраз
Нет свойства передать из дальней дали,
Что люди жили, мучались, страдали,
А не свершали действия напоказ.

Когда-нибудь, при яркой вспышке дня
Грядущее мое осветит кредо:
Я в человеках тож. Я вас не предал
Ничем.

Друзья, молитесь за меня!

Я счастлив, что на кручах,
Узнав хоть краем боль,
Я обрету не роль,
А участь, друг мой. Участь.

КОМСОМОЛЬСК НА МАРНЕ

В этом году в издательстве "Книга" вышел томик сонетов французского поэта XVI века Гийома дю Вентре "Злые песни". Книга эта станет открытием не только для русского читателя, но и для тех, кто читает на языке оригинала. Этот томик займет свое место рядом с книгами А.Солженицына, В.Шаламова, Ю.Домбровского, Е.Гинзбург и других мучеников и героев сталинских лагерей, но также и рядом с блистательными литературными мистификациями Волошина, Чаттертона и Макферсона.

Мне хочется рассказать о Гийоме дю Вентре и его авторах. Это еще и мой долг, ибо эти люди волею судеб вошли в мою жизнь и, может быть, я знаю о них чуть больше, чем другие.

Красивый, остроумный, изящный Яков Евгеньевич Харон вместе с матерью, работавшей в советском торгпредстве в Германии, жил в Берлине, где учился сначала в гимназии, а потом и в консерватории. Вернувшись в начале 30-х годов в СССР, он стал работать звукооператором на Мосфильме у таких мастеров, как Е.Дзиган, Г.Рошаль и др.

В 1930 году, неполных 23 лет, Яша был арестован. О физических и моральных пытках, которым он подвергся во время следствия и о которых он мне потом рассказывал, я не хочу, по крайней мере пока, говорить. Яша получил по приговору "тройки" 10 лет как "ка-эр" (больше в то время еще не давали). В лагере он встретился и подружился с таким же "контриком" Георгием Вейнертом. В лагере же Яша Харон и Юра Вейнерт воплотились в поэта Гийома дю Вентре.

Лихой гасконец, друг и соперник Агриппы д'Обинье и самого Генриха Наваррского — автор насмешливых и гневных, любовных и саркастических сонетов. Многие из лирических сонетов были посвящены "маркизе Л." (любимой девушке Юры Люсе, работавшей в ВТО). Волею его творцов Гийом дю Вентре (само это имя — почти анаграмма имени Георгия Вейнерта) стал очевидцем и одной из жертв Варфоломеевской ночи — массовой резни гугенотов, этих диссидентов XVI века, учиненной французским королем Карлом IX и Екатериной Медичи.

На одном из лагерных заводов друзья сумели напечатать на синьке 64 сонета гасконца, переплести их в изящный томик, на обложке которого было написано: "Сонеты дю Вентре. Перевод с французского Ю.Вейнерт. Вступительная статья, общая редакция и комментарии Я.Харон". Было указано и место издания: "Chalon-sur-Marne" (Комсомольск-на-Амуре). Был даже помещен портрет Гийома дю Вентре — искусная дорисовка фотографии Юры: пририсованы усы, бородака, пышные, спадающие на плечи локоны, камзол. Во вступительной статье излагалась биография поэта, описывался кошмар Варфоломеевской ночи, изгнание... Переводчики сетовали на трудности перевода со старофранцузского, приводились различные варианты перевода одной из строф.

После освобождения Яши и Юры количество сонетов возросло до 100. Появились новые подробности истории обнаружения "оригинала" сонетов. В сочинении этих подробностей немного помогал авторам и я. Но все это было позже...

Путями, неведомыми властям, но испокон веков существующими для гонимых, томик сонетов Гийома дю Вентре попал из лагеря к нам с женой.

Стремясь облегчить участь "переводчиков", мы давали читать сонеты не только друзьям, но и писателям, имеющим официальный вес: К.Симонову, И.Эренбургу и другим. Все они высоко оценили стихи дю Вентре и качество переводов, подчеркивали значение открытия для русского читателя замечательного французского поэта XVI века, но на просьбы помочь узникам лишь беспомощно разводили

руками. Кстати, из всех читавших только поэт Николай Адуев понял, что это мистификация. "Я всю жизнь занимаюсь историей французской литературы времен Лиги и Варфоломеевской ночи, — сказал он. — Не было такого поэта — Гийома дю Вентре. Это мистификация, но мистификация блестящая." Однако и Адуев ничем не мог помочь товарищам по перу.

Поэт, как и каждый человек, — сын своего времени. Но какого же времени и какой страны сын Гийом дю Вентре? Ну конечно, Франции второй половины XVI века. Он близок по духу своему предшественнику Вийону, своим современникам Агриппе д'Обинье и Ронсару. Как Вийон, прославлял он земные радости, издевался над аскетизмом и ханжеством; как д'Обинье и Ронсар, писал стихи, исполненные жизнелюбия и презрения к тиранам. Приметы времени в его сонетах — не только из романов Дюма и Мериме, но и в немалой степени из "Юности Генриха Четвертого" Генриха Манна. Гийом дю Вентре — не русский поэт нашего времени, переодетый в одежды XVI века и пересаженный во Францию. Это именно гасконец времен Карла IX и Генриха IV, его принадлежность к своему времени и своей стране сомнений не вызывает. И в то же время стихи его удивительно созвучны России XX века. Я чуть было не написал: они могли бы быть созданы у нас и в наше время, но пришлось напомнить себе, что ведь так оно и есть. Эпиграфом к сборнику дю Вентре можно было бы поставить строки одного из авторов:

Что когти филина — орлиным крыльям?
 Не раздробить морским валам гранит.
 Так мысль моя над Смертью и Бастилией
 Презрительное мужество хранит.¹

Если вслед за Моммзеном признать цикличность процессов исторического развития, то эпоха Гийома дю Вентре и время сталинской тирании могут послужить хорошей иллюстрацией этой теории.

Поэтому не только сами поэты Юрий Вейнерт и Яков Харон, но и их создание — французский поэт Гийом дю Вентре — сын нашего века, сын России. Дерзкий перевод *Chalon-sur-Magne* как "Комсомольск-на-Амуре" более чем оправдан. Хранить там презрительное мужество было, пожалуй, труднее, чем в Бастилии.

Наутро после Варфоломеевской ночи Гийом дю Вентре, стоя на залитых кровью ступенях Лувра, среди еще не остывших трупов жертв, сам лишь случайно избежавший той же участи, слагал грозные стихи:

Взойдут плоды кровавого посева!
 Для новых битв отточим шпаги гнева,
 А для тебя, король-мясник, — топор.

Голос грозного пророка, предрекающего Божье возмездие не только "варфоломеевским" убийцам, но и далеко превзошедшим их будущим ученикам, не раз звучит в стихах дю Вентре.

Сто лет спустя школяр или поэт,
 Прилежный Альд Мануция потомок,
 Из недр архивных извлечет на свет
 Моих сонетов уцелевший томик.

Сквозь мрак веков, раскрыв забвенья гроб,
 Воскреснет дю Вентре на книжной полке.
 Ханжи-философы нахмурят лоб,
 а молодежь полюбит втихомолку.

¹ Здесь и далее тексты дю Вентре, цитируемые мною, местами отличаются от тех, что воспроизведены в сборнике издательства "Книга". Я цитирую по сохранившемуся у меня первоначальному "изданию". В публикацию же вошли тексты, доработанные позднее Я.Хароном.

Я гнев и гордость властно в ней зажгу, —
 Пускай без страха вденет ногу в стремя,
 Пусть бросит жизнь наперерез врагу!

Как колокол, в дни бедствия звеня,
 Встают мои стихи навстречу дням:
 Готовься к бою, сумрачное время!

И все же, может быть, по-настоящему самим собою становится Гийом дю Вентре в совсем иных стихах, когда голос его теряет металл, как например, в сонете "Крестьянский бог":

Во Франции привыкли к двум богам:
 Один — Владыка сильных и богатых;
 Ему аббаты курят фимиами,
 Он любит власть и блеск, парчу и злато.

Другой — аскет, иссушенный постом,
 Суровый деспот и слепой фанатик.
 В Его псалмах — громовые проклятья,
 Он царство на земле воздвиг мечом.

Есть Третий — вспылчивый и добрый Бог,
 Не слишком строгий к прегрешеньям нашим;
 Сам винодел, и сам Он землю пашет,
 Идя за плугом в золотых сабо, —

В вине и девках понимает вкус...
 Parole d'hommeur — вот истинный француз!

В 1947 году, отсидев свои 10 лет, Яша и Юра вернулись. Какое-то время Яша обитал у нас, хотя и был лишен права жить в Москве. Тем летом я уехал в археологическую экспедицию в Литву. Экспедиция, начальником которой я был, состояла из пятнадцати литовцев, только я был русским. Работали мы в Западной Литве — Жемайтии, в лесах и болотах которой скрывалось тогда много "лесных братьев". Измученная сталинскими, гитлеровскими, а потом снова сталинскими репрессиями, Литва изнемогала, ожесточилась. Но мы, археологи, быстро находим с людьми общий язык, и вскоре я на долгие годы подружился со своими литовскими товарищами-экспедиционниками. Частенько во время досуга они пели литовские песни. Самой любимой их, а потом и моей была песня на слова замечательного литовского поэта Майрониса "Летува мано". Вернувшись из экспедиции, я рассказал о ней Яше и дал ему подстрочник песни. Яша перевел ее, и первую строфу в его переводе я опубликовал тогда в журнале "Вокруг света", в статье "Разведка в Жемайтии".

Литва моя, отчизна, край любимый,
 Под синим небом, на земле твоей,
 В курганах, среди лесов непроходимых
 Хранишь ты прах своих богатырей...

Имя Майрониса тогда находилось под запретом, как, впрочем, и имя Якова Харона. Поэтому в статье не оказалось ни имени поэта, ни имени переводчика.

Вскоре Яша был вынужден уехать в Свердловск, где поступил на работу на местную киностудию. Оттуда он не раз приезжал к нам.

В 1948 году Яшу арестовали снова, а на следующий год за ним последовал и Юра.

Люся, которая ждала Юру все эти долгие 10 лет, вскоре после его второго ареста скорострительно скончалась. Известие об этом подорвало волю к жизни у Юры. Он трагически погиб при обстоятельствах, наводящих на мысль о самоубийстве. Яша же отправился в вечную ссылку в Красноярский край.

В это время заочно, по письмам, о Яше узнала Стелла Корытная. Отец ее был крупным партийным деятелем Украины, другом Хрущева. Мать, Изабелла Эммануиловна, мягкая, обаятельная женщина, была сестрой известного советского военачальника, командарма первого ранга Ионы Эммануиловича Якира. В 1937 году был арестован и расстрелян Корытный, а вскоре и Якир вместе с Тухачевским, Егоровым, Уборевичем и другими виднейшими военачальниками. Изабеллу Эммануиловну посадили. Осиротевшая Стелла попала в специальный детдом. Она умудрилась все же окончить школу и даже университет, но в 1949 году была, в свою очередь, арестована. Находясь под Воркутой в лагере, Стелла подружилась с другой заключенной – Соней, давнишней приятельницей Яши, которая переписывалась с ним. Подруги вместе читали яшины письма и сонеты дю Вентре, и Стелла заочно влюбилась в Яшу.

После смерти Сталина Хрущев, знавший и любивший Корытного, Якира и их семьи, предпринял меры к освобождению уцелевших. Но даже ему это удалось не просто. В сентябре 1953 года Стеллу перевели из лагеря в одиночную камеру на Лубянке и освободили только через три месяца, перед ноябрьскими праздниками. Хрущев разыскал и ее мать Изабеллу Эммануиловну, и вдову Якира, и сына его, Петра, который с 14 лет мыкался по тюрьмам и лагерям. Изабелла Эммануиловна и Стелла с помощью Хрущева получили квартиру из двух комнат в Москве на Садово-Сухаревской улице. В один из вечеров, когда мать и дочь еще только приходили в себя после всего перенесенного, к ним приехал Хрущев. Он просидел весь вечер, пил чай, плакал, вспоминая погибших друзей. Он сказал Стелле: "Никто не сможет заменить тебе отца, и я не смогу. Но если что, давай прямо ко мне..."

Между тем состоялось и личное знакомство Стеллы с Яшей, нелегально приехавшим в Москву из Казахстана. Измученные долгими годами испытаний, сознанием гибели самых близких людей, они полюбили друг друга преданно и нежно. Может быть, особенно нежно потому, что и это последнее прибежище их душ – любовь не могла существовать свободно. Ведь Яша все еще находился в ссылке, "на вечном поселении", и даже в официальном оформлении брака власть им отозвала.

Стелла, в отчаянии вспомнив о словах Хрущева, с большим трудом ему дозволилась и сказала, что хочет его видеть по важному делу, сразу в просторном кабинете Хрущев усадил ее в кресло, и Стелла, запинаясь, стала рассказывать ему о своей любви, о судьбе Яши, которого она называла своим мужем, о том, что он не может приехать из ссылки, что он ни в чем не виноват. Хрущев побагровел от гнева, ударил кулаком по столу и закричал: "Там не было и нет виноватых, там только несчастные! Скажи мне его имя, фамилию и где он находится."

Полностью реабилитированный, Яша вернулся в Москву и почти сразу же познакомил нас со Стеллой, с которой мы тут же подружились. Она просила, чтобы мы называли ее Светой, имя Стелла казалось ей слишком торжественным. В дальнейшем я так и буду ее называть.

Оба они окунулись с головой в интеллектуальную жизнь Москвы. В журналах стали появляться их статьи. Яша написал блестящую книгу "Записки звукооператора", которой, увы, суждено было увидеть свет лишь через много лет после его смерти, в 1986 году. Света тоже успела опубликовать книгу "Пером и объективом. Киногеничен ли духовный мир?" Вот что она написала на экземпляре, подаренном нам с женой: "Кто-то сказал: "Если дадут тебе линованную бумагу – пиши поперек". А мне выдали в клеточку. И вот вам, дорогие Жора и Майя, первая проба писания... по диагонали. Любящая вас Света. 3.III.66".

Супруги жили сначала у матери Светы. Изабелла Эммануиловна, еще находясь в вечной ссылке, вышла замуж за такого же бесправного, как и она, зэка – Давида, кроткого и приветливого человека. Работая за пределами зоны, он как-то ехал на грузовике, в кузове которого находились бутылки с серной кислотой.

Грузовик опрокинулся, разлившаяся кислота страшно изуродовала Давида. Он ослеп, все лицо было в шрамах.

Через некоторое время они получили квартиру, оставив прежнюю Свете и Яше.

В доме молодых супругов собирались самые разные люди, которых объединяла любовь к Свете и Яше, а зачастую и сходная трагическая судьба. Однажды, когда собралось десять человек, мы с женой подсчитали, что их общий тюремно-лагерный срок превысил 200 лет.

В этом доме бывали известный драматург Александр Гладков, автор героической комедии в стихах "Давным-давно", Евгений Гнедин – человек глубокого ума, дипломат, журналист и писатель. Было много других выдающихся людей. С некоторыми из них, например, с поэтом и драматургом Юлием Кимом мы подружись, дружба эта продолжается до сего дня.

Особенно мы с женой привязались к супружеской паре – двоюродному брату Светы, сыну расстрелянного командира Петру Якиру и его жене Валентине Савенковой.

Петя был исключительно яркой, одаренной личностью. Его темперамент, жизнелюбие, мужество не сломили сталинские лагеря, тюрьмы и ссылки, где он находился с 14-летнего возраста. Как-то, когда мы с женой гостили в Ленинграде, к нашей хозяйке пришла приятельница, проведшая 17 лет в тюрьмах и лагерях. Когда я подивился, как она смогла все это перенести, она сказала: "Там тоже были люди, которые не давали умереть вере и надежде, поддерживали дух и тело. Вот на одном из этапных пунктов мы оказались в зоне, отделенной от мужской зоны только колючей проволокой. Неожиданно на столб, стоявший почти рядом с этой оградой, влез какой-то черноволосый парнишка и стал кричать, обращаясь к нам: "Такая-то, – он называл фамилию, имя и отчество, – твой муж, брат, отец находится там-то и там-то, срок такой-то, жив" и т.п. Охранники приказывали ему спуститься, угрожали, даже стреляли в воздух, но он продолжал кричать, висая на столбе. Он ничего не сказал о моем муже, да и не мог: муж был уже расстрелян, и все же то, что он сделал, вывело меня из состояния полного отчаяния. Подруги по заключению сказали мне, что это Петр Якир – сын командира".

Недавно в воспоминаниях А.М.Лариной, вдовы Бухарина, я прочел о Пете нечто подобное. Значит, он прodelывал такое не раз.

Его жена Валя с первого же взгляда вызывала симпатию. Скромная и добрая, она излучала благожелательность, душевную щедрость, чистоту. Она воплощала в себе классический идеал русского национального характера, тот самый, который в последние годы черносотенцы яростно и тупо пытаются подменить напыщенным самолюбованием и ненавистью к "инородцам".

Валя жила в Мурманске, училась в десятом классе, когда ее, комсомолку и отличницу, хорошо знавшую немецкий язык, направили для шефской работы в местный интернациональный клуб моряков. А затем для профилактики, как потенциальную "шпионку", 17-летнюю девушку, едва успевшую окончить школу в 1942 году, арестовали и дали пять лет лагерей. Лагерь оказался смешанным: мужские и женские бараки в одной зоне. Там она и познакомилась с Петей и стала его женой. Через пять лет, освободившись, Валя уехала к родственникам в Сибирь, в поселок Ярцев Красноярского края. Затем кончился очередной срок и у Пети. И вот он, истощенный, измотанный тюрьмой и лагерем, без гроша в кармане, с единственным документом – справкой об освобождении, отправился пешком за две тысячи километров от Воркуты до Ярцева, к Вале. Шел и дошел.

В 1948 году у Вали родилась дочка Ирочка. В 1949 году Валу снова арестовали (Петю – еще раньше). Маленькая девочка осталась на попечении прабабушки. Первую в своей жизни куклу она увидела восьмилетней девочкой, когда вместе с родителями вскоре после приезда в Москву пришла к нам в дом. Ира выросла, стала красивой, не по возрасту серьезной и задумчивой девушкой. Она вышла замуж за Юлиа Кима.

Петя после возвращения в Москву нашел в себе силы окончить историко-архивный институт. Он поступил на работу в Институт истории Академии наук СССР, читал лекции, написал диссертацию о гражданской войне. Однако он отказался выкинуть из диссертации упоминания о Троцком, и защита не состоялась.

Петр Якир стал одним из первых, выступивших против попыток реабилитации сталинщины. Он стоит у истоков правозащитного движения, которое позднее не очень удачно стали называть диссидентским. И этой его роли не уменьшает главная трагедия его жизни: последний арест в 1972 году, сломленный дух, вынужденное покаяние...

В 1982 году Валя (в январе) и Петя (в ноябре) умерли. Недавно, во время "Недели совести" я видел фотографию Вали Якир на стенде, посвященном жертвам сталинских палачей.

Я коснулся трагической истории только двух друзей Яши и Светы, а мог бы вспомнить многих. Философ и поэт Илья Габай, которого дважды арестовывали — за участие в демонстрации против суда над Ю.Даниэлем и А.Синявским и за помощь крымским татарам в борьбе за возвращение в Крым. В 1973 году Илья покончил с собой... Герцен Копылов — доктор физико-математических наук, специалист в области частиц высоких энергий и одновременно автор блистательных сатирических произведений, которые читателю еще предстоит для себя открыть. Гера умер от инфаркта в расцвете сил в 1976 году... Трагический этот список можно продолжать и продолжать.

Мы с женой часто бывали у Харонов, а они у нас, мы вместе переживали бурные события конца 50-х и 60-х годов. Атмосфера в стране становилась все более гнетущей. Травили Сахарова, Солженицына, травили "Новый мир" Твардовского и театр на Таганке. Арест следовал за арестом. Произошла интервенция в Чехословакию. Особенно тяжело воспринимала происходящее Света. В один из июньских дней 1969 года Света натерла пол в квартире, приготовила обед, сделала еще кое-какие домашние дела и повесилась.

Вскоре после ее гибели у Яши снова открылся полученный еще в лагере туберкулез, и в 1973 году он скончался.

Томик сонетов поэта-гасконца в последние годы жизни Яши продолжал пополняться, хотя уже далеко не так интенсивно, как тогда, когда они работали вместе с Юрой. Теперь, с кончиной Яши, отошел в мир иной — из второй своей жизни — и Гийом дю Вентре.

Дадим ему слово в последний раз.

Пока из рук не выбито оружие,
Пока дышать и мыслить суждено,
Я не разбавлю влагой равнодушья
Моих сонетов терпкое вино!

Не для того гранил я рифмы гневом
И в сердца кровь макал свое перо,
Чтоб луврским модным львам и старым девам
Ласкали слух рулады сладких строф!

В дни пыток и костров, в глухие годы,
Мой гневный стих был совестью народа,
Был петушиным криком на заре.

Плачу векам ценой мятежной жизни
За счастье — быть певцом своей Отчизны,
За право — быть Гийомом дю Вентре!

Вячеслав ВОЗДВИЖЕНСКИЙ
(Москва)

ПРОГУЛКИ С ШАФАРЕВИЧЕМ И БЕЗ...

Вообще говоря, прогулки эти начались давно. Первая состоялась еще в семидесятые годы, когда я прочел статьи И.Шафаревича в сборнике "Из-под глыб". Как попутчик и собеседник он не показался мне интересен, и я о нем практически забыл. Конечно, об этом эпизоде собственной биографии я мог бы и не сообщать. Да дело в том, что за последние полгода И.Р.Шафаревича начали усиленно навязывать всем нам в спутники и собеседники — и в "Кубани", и в "Нашем современнике", и в "Новом мире", и в "Книжном обозрении", не говоря уже о "Литературной России". Будто сигнал какой-то дан. Впрочем, может быть, и не сигнал, а просто лагерь русских националистов в попытках привлечь внимание к себе подбрасывает новое топливо в свой без конца затухающий костер. Так что пришлось прогулки возобновить. Попутчик и собеседник большого интереса к себе по-прежнему не возбуждал. Тем не менее я догулял с И.Шафаревичем до конца — до самого его публичного доноса (в соавторстве с М.Антоновым и В.Клыкковым) на "Октябрь" и статьи "Феномен эмиграции" в той же "Литературной России", ставшей своего рода комментарием к этому патриотическому акту. (Недолго мы отдыхали от этой практики — подтверждать доносом свою любовь к отечеству.)

Одним из пунктов донесения грех была публикация "Октябрем" фрагмента из "Прогулок с Пушкиным" Андрея Синявского — Абрама Терца. Для меня тут худо оказалось не без добра: бездоказательные выпады И.Шафаревича как бы побудили заново прочитать эту замечательную, на мой взгляд, книгу, еще раз войти в мир Абрама Терца — гротескный, сардонический, рассчитанный на людей с воображением и юмором. У Шафаревича ни того, ни другого, ни, главное, понимания природы художественного творчества не оказалось. Содержание практически неизвестной нашему читателю книги он на всю Россию обьявил кощунством, глумлением над национальной святыней. Был он, кстати говоря, в советской печати не первым: еще до него пытались походить опорочить Синявского-Терца В.Бондаренко в "Молодой гвардии" и М.Лобанов в "Нашем современнике", а затем вступила в дело "Литературная Россия", перепечатав давнюю статью зарубежного русского писателя Романа Гуля "Прогулки хама с Пушкиным" и поместив письма на ту же тему. О Р.Гуле я еще скажу, из высказываний же В.Бондаренко, М.Лобанова и корреспондентов "Литературной России" ясно, что Абрама Терца, которого взялись судить, они едва ли читали, повторяя одни и те же обвинения почти одинаковыми словами.

Считаю себя обязанным защитить "Прогулки с Пушкиным" от невежественных нападок. Дело, однако, будет непростым. Придется оставить шутки. Ведь защищать Абрама Терца предстоит не от Шафаревича или Бондаренко с Лобановым: они лишь вторят чужому голосу. Это голос А.И.Солженицына. Именно он положил начало кампании против "Прогулок с Пушкиным". Первые обвинения их автору, слова о глумлении над национальным гением прозвучали в статье А.Солженицына "...Колеблет твой треножник" ("Вестник Русского Христианского Движения", 142, 1984). И уж потом на отечественной почве эти обвинения стараниями Шафаревича и других стали приобретать столь знакомые очертания — очертания организованной травли.

Мне могут возразить: прежде Солженицына о "Прогулках с Пушкиным" высказался Роман Гуль ("Новый журнал", кн. 24, 1976). Но статья Р.Гуля — скорее

литературное недоразумение: писатель старого закала, традиционного художественного мышления, он просто не смог понять и принять парадоксального хода мысли автора "Прогулок..." и парадоксального способа ее изложения. (Иное дело, что это непонимание переняли и повторили молодые люди из современных советских изданий, но на это есть свои причины). Побудительные мотивы А.Солженицына посерьезнее. Они лежат в сфере современной борьбы идей, идут от глубоких расхождений во взглядах на назначение искусства, на судьбы отечества.

Хочу сразу сказать, что в "Прогулках с Пушкиным" Абрам Терц действительно глумится. Но не над Пушкиным, а над долго царившей у нас традицией видеть в искусстве прежде всего служебную, подсобную категорию. Чуть не два столетия от писателя требовали *служить*: обществу, государству, царю, отечеству, освободительному движению, патриотическому долгу, русской идее – кому что требовалось. Между тем искусство выполняет свою роль в человеческом обществе не тем, что служит. Этой традиции А.Терц и противопоставил Пушкина как художника, до предела свободного ото всех и всяких обязательств, навязываемых извне. Чтобы заострить, усилить свою мысль, он прибегает к парадоксу, утрируя стихию пушкинской свободы. Синявский-Терц, кстати, вообще определяет свою творческую манеру именно так – "утрированная проза", и это относится не только к его художественной, но к исследовательской и критической прозе тоже. Вот почему в "Прогулках с Пушкиным" высок удельный вес иронии, гротеска, пародийного вызова. Далеко не все в книге подлежит буквальному пониманию. Но как раз в этом ее обаяние.

Почему же всего этого не захотел принять во внимание А.Солженицын? Здесь нужно отступление.

На 1990 год в нескольких журналах в издательствах объявлена публикация романов А.Солженицына, составляющих эпопею "Красное колесо". Вслед за "Архипелагом Гулаг" это станет выдающимся событием не только и, может быть, не столько литературной, но прежде всего общественной жизни, общественной истории страны: писатель, первым бросивший открытый вызов господствующему строю, в лицо обвинивший его в преступлениях, – этот писатель, наконец, предстанет перед широким отечественным читателем со всеми своими достоинствами и слабостями. Да, и слабостями: это тоже обнажит публикация. Многие убедятся в движении *художественного* творчества А.Солженицына по нисходящей: от литой, упругой, дышащей живым словом прозы "Одного дня Ивана Денисовича" и "Матернина двора" к тяжеловесному и маловыразительному повествованию в "узлах" "Красного колеса". Романы этого солженицынского цикла, на мой взгляд, эстетически немногим отличаются от привычных для советской литературы безнадежно девальвированных квазиэпопей.

Можно предположить, что повествовательный дар А.Солженицына просто "не рассчитан" на роман, на масштабную форму, что в настоящем своем блеске он проявляется как раз в жанре повести. (В этом нет и не может быть никакого умаления таланта писателя.) Однако главное все же в другом: на наших глазах художника в Солженицыне съедала, поглощала идеология. С годами он все больше подчинял свое творчество проповедничеству, именно к нему сводя главный смысл писательства. Идея, которой он стал служить, состояла в утверждении национального развития России не по западному образцу, не на путях свободы. Свобода для А.Солженицына – вообще лишь условие, "форма для осуществления других, высших задач". Правда, за 30 лет он так и не определил ясно, что это за задачи; понятно лишь, что они лежат в сфере духа. Зато он с непреложной ясностью определил, что Россия не нуждается в демократии, в политических свободах, гражданских правах. Лучшее для нашего отечества устройство – власть авторитета, авторитарный строй. Так было в прошлом: "Россия веками привычно жила в авторитарных системах..." С этим же строем А.Солженицын предлагает связать и ее будущее: "...Может быть, следует признать, что эволюционное

развитие нашей страны от одной авторитарной формы к другой будет для нее естественней, плавнее, безболезненней?"

Это высказано в 1973 году, и с тех пор творчество Солженицына стало по существу развитием, пропагандой, иллюстрацией этого основного тезиса, развертыванием его в картинках и монологах. Писатель, с такой непреклонностью и выразительной силой восставший против системы лишения свободы в стране, в итоге сам отказал своей родине в свободе. Василий Гроссман очень точно заметил, что основой созданного при Сталине режима был государственный национализм, который подпитывался "бешеным национализмом людских масс, лишенных свободы и человеческого достоинства". А.Солженицын провозглашает по существу тот же идеал государственного национализма, который опирается на верноподданность масс, лишенных свободы. Конечно, по мысли А.Солженицына, это национально-государственный строй, так сказать, с обратным знаком, но история научила нас, что в странах, легко уступающих авторитарной власти, политический вектор этой власти так же легко и произвольно обратим.

Убежден, что подчинение художественного повествования такого рода идеям и иссушало "узлы" солженицынской эпопеи. Из-за этого мы по существу потеряли в сегодняшнем Солженицыне, сочинителе "Красного колеса", беспримерного прозаика, положившего начало даже не течению, а целой эпохе в отечественной литературе.

Тем не менее владеющую им гипотезу А.Солженицын преподносит со всей жесткостью воинствующей идеологии. Когда в стране будут напечатаны его исповедальная и одновременно полемическая книга "Бодался теленок с дубом" и такие статьи, как "Наши плюралисты" или "...Колеблет твой треножник", многие отечественные читатели обнаружат, что именно нетерпимость водела пером их автора. А.Солженицын словно не допускает, что те, кто понимает судьбы отечества и задачи литературы иначе, чем он, могут быть хоть сколько-нибудь правы, хоть сколько-нибудь достойны уважения. Таков безжалостный императив любой идеологии, вторгшейся в искусство. Литератор, вверивший ей свое творчество, становится гонителем товарищей по перу. А.Солженицын по существу в точности повторил образ действий тех государственных и литературных чиновников, которые изгнали его из Союза писателей и из Союза ССР и которых он в свое время с такой справедливой беспощадностью выставил на всеобщий позор. Так же, как шельмовали его самого, Солженицын попытался публично заклеить тех, кого он называет "плюралистами", а с ними и самое право на свободу мнений.

Нетрудно догадаться, почему автор "Прогулок с Пушкиным" оказался одним из первых среди отвергаемых А.Солженицыным плюралистов. С непринужденною свободой Терц-Синявский осмеивает как раз идею, вернее, химеру национально-государственного *служения* искусства. Здесь причина неприятия Солженицыным его книги, да и позиции Терца-Синявского в целом. А не в покушении на национального гения.

Ибо на национального гения Абрам Терц и не покушался, не пытался поколебать его треножник. Может показаться, что он и в самом деле пишет о Пушкине непозволительные вещи:

"Пустота — содержимое Пушкина. Без нее он был бы не полон, его бы не было, как не бывает огня без воздуха... Пушкин был достаточно пуст, чтобы видеть вещи как есть, не навязывая себя в произвольные фантазеры, но поднясь ими до краев... В столь повышенной восприимчивости таилось что-то вампирическое... вся полнота бытия вместилась в момент переливания крови встречных жертв в порожнюю тару того, кто в сущности никем не является, ничего не помнит... а лишь, наливаясь, твердит мгновению: "ты прекрасно!"

Действительно, черт знает что. Но разберемся спокойно. По существу Абрам Терц говорит здесь о великой и великолепной способности искусства передавать нам действительность как она есть, не отягощая ее чьими-то субъективными

представлениями. "Пустота" или "вампиризм" — это лишь метафоры, чтобы парадоксально, вызывающе, утрированно передать эту мысль о редчайшей способности Пушкина вмещать в себя, в свои строки всю полноту бытия, как бы живьем, с плотью и кровью вбирая в свой художественный мир встреченных им людей, окружающие его явления, события, вещи.

Конечно, эти метафоры не всем легко понять: их переносный смысл далеко отходит от предмета, который ими обозначен; он начинает жить как бы своею собственной жизнью. И уж совсем независимой жизнью, развернувшись в целый сюжет, живет переносный смысл метафоры о трупe, всегда "присутствующем" в любом пушкинском произведении. Этой метафорой, однако, Абрам Терц выражает опять-таки точную и достаточно простую мысль: Пушкин спешит запечатлеть и утвердить полноту бытия как раз потому, что остро ощущает его непрочность, сознает обреченность всего живого на умирание: "...Чем ближе к нам, чем больше мрачный полюс небытия, тем мы неистовее, полноценнее и художественнее проводим эти часы, получившие титул: "Пир во время чумы"."

И одновременно сколько изящества в этой, казалось бы, мрачной теме о трупe. Это изящество иронии, это изящество скрытого озорства: с невозмутимым и совершенно серьезным, чуть ли не удрученным видом Абрам Терц развертывает на этих страницах блистательную пародию. На кого, на что? Роману Гулю этого было, конечно, не понять, но А.Солженицын мог бы и догадаться. В сталинские 30–50-е годы Пушкин был канонизирован, сделан своего рода эталоном общественно-значимого и государственно-содержательного искусства. Шутить по его адресу не позволялось. С тех пор повелось непременно видеть в пушкинских произведениях сумму сакраментальных истин, находить их у поэта "и здесь, и там". Именно это и пародирует Абрам Терц, повсюду обнаруживая у Пушкина покойников вместо утешительных, душегрейных истин.

А.Солженицыну, всецело поглощенному одной из таких истин, принять подобные шутки нелегко. Однако не надо забывать еще, что "Прогулки..." — это озорство лагерника. Именно в лагере под Потьмой была написана эта книга и переправлена из зоны на волю под видом писем жене. Лишенный свободы, но одновременно и свободный там, за колючей проволокой, от всех условностей, обязанностей, правил, автор от души потешается над мудростями казенного пушкинизма. И хотя главная идея Абрама Терца — идея полной независимости искусства от всяких служений — А.Солженицыну чужда и враждебна, это-то, вольную волю зека, он мог бы и оценить.

С тем же блеском иронии, скрытым одушевлением пародии и гротеска исполнена глава о том, как Пушкин "нарочито писал роман ни о чем". Передавать эти страницы своими словами невозможно. Как бы резвяся и играя парадоксами, Абрам Терц раскрывает тут изумительная, непостижимое искусство Пушкина в "Евгении Онегине": цельная и выразительная картина бытия создается здесь не стремлением ставить и решать его "главные" проблемы, а постоянными отступлениями к второстепенным, частным, случайным подробностям "текущей жизни". Но они-то непостижимым образом и увековечивают круговорот "непроизвольного бескрайнего существования". "Роман утекает у нас сквозь пальцы, и даже в решающих ситуациях, в портретах основных персонажей... он неуловим, как воздух..." Как воздух! — блестяще сказано: если природа, предмет пушкинского романа неуловимы, как воздух, то они также и естественны, безусловны, как воздух, без которого нет живой жизни.

Абрам Терц не просто виртуозно раскрыл эстетическую природу пушкинского романа. Он также и указал тем самым на еще одну повествовательную традицию, существовавшую в русской литературе наряду с той, которая хорошо известна. Мы привыкли к весомой, зримой, наглядной проблемности отечественной прозы. Норма ее — все то, что вышло из гоголевской "Шинели", а вершина — романы Достоевского с их очевидной, подчеркнутой идеологической насыщенностью, обязательным

"предметом осмысления". В "Прогулках с Пушкиным" Абрам Терц открывает нам иной тип повествования — свободный от обязательной, наглядной проблемности. Именно в этой традиции написан, скажем, один из величайших русских романов нашего века — "Мастер и Маргарита" Михаила Булгакова. Его автор точно так же не стремится поставить в фокус главные, явные проблемы бытия, а представляет жизнь в ее текущем облике, в ее, казалось бы, случайных, частных, второстепенных чертах, в исключительных, диковинных, маловероятных эпизодах. Тем не менее картина действительности со всеми ее безднами и всем ее обаянием предстает и в своей пластике, и в бесспорной содержательности.

Я бы назвал "Прогулки с Пушкиным" эстетическим манифестом этого направления, этой традиции отечественной прозы. Абрам Терц говорит о Пушкине: "Он бы никогда не написал "Евгения Онегина", если бы не знал, что так писать нельзя. Его прозаизмы, бытопись, тривиальность, просторечие в большой степени строились как недозволенные приемы, рассчитывающие шокировать публику". Пушкин действительно входил в литературу чуть ли не как нигилист, ниспровергающий общепризнанные ценности. Потом об этом забыли; Пушкин стал классиком. Абрам Терц освежает нашу литературную память, возвращая нас к истокам русской литературы нового времени. И одновременно сам строит свою книгу по тому же образцу. Его наблюдения, анализ, выводы тоже подаются "как недозволенные приемы, рассчитывающие шокировать публику". Это может не нравиться; это уже не понравилось и еще не понравится многим, но право Абрама Терца на остранение, парадокс, озорство обеспечено бесспорной содержательностью его книги. Думаю, что в этом эпизоде из современной борьбы идей неправ все-таки А.Солженицын.

А при чем здесь Шафаревич? — спросят меня. Да вот, как выяснилось, ни при чем. Это получилось непроизвольно, но для разговора по делу сочинения И.Шафаревича оказались непригодны; в них просто нечего всерьез обсуждать.

Не могу судить об И.Р.Шафаревиче как математике, но как гуманитарный мыслитель он выступает на весьма примитивном уровне. Элементарную мысль, что общество должно развиваться как живой организм, а не как создаваемая кем бы то ни было система, автор "Русофобии" эксплуатирует ради нечистых целей: свалить вину за все беды нашего национального бытия на чужую голову — на инородные элементы, которые и навязывают нам негодные общественные системы. Это и есть "руссофобы", или "Малый Народ", неустанно трудящийся над разрушением всего того, что поддерживает существование "Большого Народа". Все это иллюстрируется как бы примерами из истории, произвольно извлеченными из их реального исторического контекста. Ничего нового в таких открытиях нет. Автор "Русофобии" кончает свою работу на высокой ноте, заявляя, что "не мог бы спокойно умереть", не попытавшись "произнести, наконец, боязливо умалчиваемые слова". Напрасная патетика. Я желаю И.Р.Шафаревичу, как любому из людей, долгих лет, но он мог бы отойти вполне спокойно: "слова", которые он попытался "произнести" на 104 страницах среднего формата, были до него произнесены уже не раз. Скажем, Дмитрием Шиповым, Сергеем Шарповым, Василием Шульгиным, Иваном Шевцовым, Геннадием Шимановым — это если перечислять авторов только на ту же шипящую, что и сам И.Р.Шафаревич. Не открою большого секрета, если напомню Игорю Ростиславовичу, что едва ли не на каждую букву русского алфавита найдутся авторы, задолго до него высказавшие все то, что он теперь открывает заново в своих статьях. К счастью, движение русской духовной жизни и русской культуры шло мимо их усилий.

Уже выступили и, вероятно, выступят еще те, кто стремится всерьез обсудить статьи И.Шафаревича, всерьез опровергнуть его попытку подпереть юдофобию историософией. Ненужное занятие. Любительский уровень суждений И.Шафаревича не стоит серьезного разговора. Но главное не в этом; главное — в омерзительной бесчеловечности его конечных целей. Он их не особенно скрывает. В статье

"Феномен эмиграции", предназначенной не на вынос, не для публичной трибуны "Нового мира", а для домашней кухни "Литературной России" (№ 36, 8 сентября 1989 г.), И.Шафаревич высоко оценивает реакцию мусульманских фундаменталистов на пресловутые "Сатанинские суры" Сальмана Рушди. С самой книгой И.Шафаревич, разумеется, не знаком. Однако мнение о ней у него имеется: "Это, по-видимому, нечто вроде исламского варианта "Прогулок с Пушкиным"." Это вполне неплохое сближение вовсе не так забавно, как может показаться: оно нужно, чтобы исподволь предложить очень определенную программу, поставить нам, русским, в пример фанатиков Среднего Востока. Шафаревич с одобрением напоминает, что ответом на книгу С.Рушди "были грандиозные демонстрации, то, что в столкновениях с полицией сотни людей отдали свои жизни, — и в результате удалось добиться запрета книги во многих странах. Но наш-то ответ еще впереди".

Вот его программа, вот что хотел бы И.Шафаревич России — взрыва фанатической истерии, способной унести сотни жизней. Что после этого с ним можно обсуждать?

Не сомневаюсь, что все, постоянно ждущие новой пищи, нового подтверждения своим "истинно-русским" настроениям, приятно утешены и возбуждены статьями И.Шафаревича. Стоит ли придавать им значение? От тех, кто напуган химерами, родившимися в их собственном воображении, кто провоцирует национальную истерию, отечеству вряд ли можно ждать добра. Но и омрачить его настоящее и будущее, как многие опасаются, они тоже едва ли в состоянии. Россию гнетет сегодня груз реальных проблем, — и если нация действительно возьмется их одолевать, то вымышленных и воображаемых она просто не заметит.●

Владимир ВОЙНОВИЧ

ДВЕ СКАЗКИ

МЫ ЛУЧШЕ ВСЕХ

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были мы, и мы были лучше всех. Вернее, сначала мы были такие, как все. Вечером ложились, утром вставали, весной сеяли, осенью собирали, зиму на печи проводили, детей зачинали.

Но однажды мы решили, что мы лучше всех. Скинули царя, поставили председателя, стало у нас не царство, а председательство. Председатель согнал нас на митинг: "Отныне, говорит, товарищи, мы лучше всех. Кто за? Кто против? Кто воздержался?"

Ну, сначала были такие, которые против, их, понятно, уволокли. На мыло. Потом уволокли воздержавшихся. Назначили новое голосование. Кто за то, что мы лучше всех? Мы стали в ладоши хлопать. Позвольте, говорит председатель, ваши аплодисменты считать одобрением нашей всехлущести. Мы, понятно, позволили, захлопали продолжительно. Позвольте, говорит, ваши продолжительные аплодисменты считать одобрением предыдущих аплодисментов. Мы ему в ответ выдали бурные аплодисменты. Позвольте ваши бурные аплодисменты считать одобрением продолжительных. Тут мы и вовсе впали в раж и в овации. Да здравствует председатель, да здравствует председательство, да здравствуем мы, которые лучше всех! Кричим, плачем, руками плещем, на ладонях мозоли такие набили, хоть гвозди без молотка заколачивай. Гвозди, однако, заколачивать некогда, надо же засесть на собраниях, выступать на митингах, помахать ручками на демонстрациях.

Тут надо несколько слов сказать о наших обязательствах. Мы, конечно, и так уже были лучше всех, но собираясь между собой, брали на себя обязательство быть еще лучше. Один, скажем, говорит: "Беру на себя обязательство стать лучше на шесть процентов". Аплодисменты. Другой обещает быть лучше на четырнадцать процентов. Продолжительные аплодисменты. Третий говорит: "А я беру обязательство стать лучше на двести процентов". Ему, конечно, самые бурные аплодисменты и звание — "лучший из лучших". Но не самый лучший, потому что самым лучшим у нас завсегда был наш председатель.

А вокруг нас другие люди живут. Раньше они считались такими, как мы, но с тех пор, как мы стали лучше всех, они, понятно, стали всех хуже. Ну и в самом деле. Живут скучно, по старинке. Вечером ложатся, утром встают, весной сеют, осенью собирают, зиму на печи проводят, детей зачинают, в свободное время пряники жуют. Обыватели, одним словом. Бюргеры. А мы живем весело. На работу ходим колоннами. С песнями и знаменами. Лозунги произносим: выполним, перевыполним, станем даже лучше самих себя. А планы у нас серьезные, планы у нас грандиозные. Накопаем каналов, просверлим в земном шаре сквозную дыру, соединимся с Луной при помощи канатной дороги, растопим Ледовитый океан, а Антарктиду засеем овсом. И тогда уж станем настолько лучше всех, что даже страшно. Надо сказать, что постоянно улучшаться очень помогали нам наши философы, писатели, поэты и композиторы. Философы создали передовую теорию всехлущизма, теорию всем понятную и доступную: "Мы лучше всех, потому что мы лучше всех". Писатели написали много романов о том, как просто лучшее побеждает менее лучшее, а затем уступает дорогу еще более лучшему. Поэты и композиторы на эту же тему сочинили немало песен и опер, которые помогали нам достичь небывалых высот всехлущизма. Высот мы достигли, но всех планов все же не выполнили. Землю сверлили, недосверлили, канат тянули, не дотянули, льды топчили, не растопили, а овес в Антарктиде еще не взошел. Но наворочали много. Мы бы еще больше наворочали, но голод не тетка. Эти-то, которые хуже нас, они свое наработали, сидят, пряники жуют с маслом. Мы на них смотрим с презрением как на бескрылых таких обывателей, а кушать, однако, хочется.

Собрал нас председатель: "Мы, говорит, хотя и лучше всех, но в пути немного затормозились. А чтобы стать нам еще лучше, надо, говорит, догнать и перегнать тех, которые хуже всех". Ну стали догонять и перегонять. Те, которые хуже всех, зимой еще греются у печи, да детей зачинают, а мы уже на поля вышли с песнями да знаменами. Они ждут милостей от природы, когда весна сама к ним в гости придет, когда солнышко пригреет, и только тогда идут сеять, а мы дожидаться не стали и по снегу все засеяли, и этих, которые хуже всех, враз догнали и перегнали. Эти, которые хуже, по осени еще на полях ковыряются, урожаем собирают, а у нас уже все готово и собирать нечего. Опять зима наступила, эти пряники жуют, а мы лапу сосем, как медведи. Лапа, как известно, продукт диетичный. Ни холестерина, ни солей; ни диабета не дает, ни жировых отложений. При таком питании и мозг отлично работает, все время одну и ту же мысль вырабатывает: где бы чего поесть? А поскольку поесть в общем-то нечего, то мозг еще лучше работает, и стала возникать в нем такая мысль, что, может быть, мы лучше всех тем, что мы хуже всех. И мысль эта распространяется, проникает и внедряется в наши массы. Мы лучше всех тем, что мы хуже всех. И хотя на митингах и собраниях мы все еще говорим, что мы лучше всех, но между митингами и собраниями думаем и поговариваем, что мы всех хуже. Ну, иногда, конечно, среди нас попадают разные смутьяны, которые хотят нас принизить и оскорбить, намекая на то, что мы не лучше всех и не хуже всех, а такие, как все. И мы до определенного времени слушаем это и терпим, но долго терпеть не будем, уволокем их на мыло. Потому что мы всегда готовы быть лучше всех, в крайнем случае сойдемся на том, что мы хуже всех, а вот быть такими, как все, мы нет, не согласны.

СКАЗКА О НЕДОВОЛЬНОМ

Жил-был один человек и всегда чем-то был недоволен. Идет снег, ему не нравится — холодно. Светит солнышко, он недоволен, что жарко. Дождь идет, ему мокро.

Вот такой привередливый человек. Но если бы речь шла только о климате. Так нет же, ему и всякие другие обстоятельства жизни тоже не нравились. То ему горько, то ему кисло, то жестко, то тесно, женой недоволен, детьми недоволен, самим собой и то недоволен. Мы, конечно, проявили гуманизм, понимание и терпение. Мы его вызывали, мы с ним беседовали по-хорошему, мы надеялись, что он поймет все и осознает. Мы ему говорили: ну как же тебе не стыдно! Ну допустим, климат у нас не тот, и жена у тебя неряха, и сын двоечник, и у самого печень болит, но ты посмотри вокруг, сколько чего хорошего делается! Как преобразается жизнь, какие строятся заводы, электростанции и прочие вещи. Говорили мы с ним обо всем этом, а толку — ничуть. Все равно всем недоволен, товарищеским нашим советам внимать не хочет, проявляет заносчивость, недоверие к коллективу, на путь исправления не становится. Пришлось применить более строгие меры. Арестовали его, судили, приговорили к расстрелу.

Ну, конечно, насчет арестов и приговоров мы в свое время допускали некоторые перегибы, отклонения и нарушения. О чем мы впоследствии честно и смело признались. И вернулись к нормам. И хватит об этом. Тем более, что этого недовольного мы не расстреляли, не успели. И даже напротив, в период возвращения к нормам вновь пересмотрели его дело, взвесили обстоятельства, учли его молодость, глупость, политическую незрелость и, руководствуясь чувством гуманности, решили расстрел заменить лагерным сроком. Отправили на лесоповал бревна пилить.

Казалось бы, радоваться человек должен, испытывать чувство благодарности, должен был бы оценить наш гуманный подход. А он опять недоволен. Климат, говорит, суровый, срок большой, бревна толстые, а пайка тонкая.

Мы опять проявили понимание, терпение, гуманизм. Погоду не улучшили, но срок скостили, норму по бревнам снизили, а пайку увеличили. А он все недоволен.

Ну хорошо. В период второго возвращения к нормам заменили ему лагерь ссылкой. С лесоповала перевели на лесопилку. Ну уж, казалось бы, совсем стало хорошо. Ни тебе заборов, ни конвоиров, ни собак. Только и делов-то, что ходить на лесопилку да в милиции по вечерам отмечаться, и из дому позже восьми вечера не отлучаться. Разве это не гуманно? А он, что вы думаете? Опять недоволен. На лесопилку ходить не хочет, в милиции — трудно, что ли? — отмечаться не желает, и по вечерам дома сидеть ему тоже не нравится. За такую капризность его следовало бы наказать, но руководствуясь чувствами свойственного нам человеколюбия, мы в процессе третьего возвращения к нормам уже даже на такую крайнюю меру пошли, что вовсе от наказания его освободили. Живи, где хочешь (за исключением, понятно, столиц, областных центров, больших городов и городов-героев). Теперь он сторожем на складе пиломатериалов работает, зарплату получает восемьдесят рублей, комнату ему дали в полуподвале рядом с котельной, а в нем опять никакой благодарности, напротив, сплошное недовольство. Вот какой трудный, неуживчивый человек. Сколько для него ни старайся, сколько ни угождай, он все равно недоволен.●

ПОБЕГ ИЗ СОЦРЕАЛИЗМА, ИЛИ ДРУГАЯ ПРОЗА

Некоторое время тому назад "Литературная газета" напечатала письмо женщины, которая делится своими впечатлениями от недавно прочитанных книг. Не отказывая авторам в способностях и литературном мастерстве, признавая, что "читать их интересно", она излагает свои претензии: "Но такое впечатление, что они то ли обрушивают на тебя ведро с помоями, то ли заталкивают в палату для буйнопомешанных. Ни глубоких мыслей, ни красивых чувств, ни привлекательных героев, ни малейшего просвета надежды. Только мрак, только грязь, только ничтожные, жалкие людишки — и ничего больше! Неужели от такой "правды" есть хоть какая-то польза? Неужели писатели забыли, что литература должна возвышать, просветлять человека, а не пригибать его к земле?"

1. Делать жизнь — с кого?

Возмущение читательницы легко понять. Действительно, в задачу названных ею писателей вовсе не входит возвышение человека, и они категорически отказываются "сделать читателю красиво", как того требовал Главначпупс. Взять хотя бы Валерию Нарбикову, повесть которой "Равновесие света дневных и ночных звезд" дала импульс к письму в "Литературку". Налицо полное отсутствие "глубоких мыслей" и "красивых чувств", герои хоть и влюблены друг в друга, но отнюдь не возвышенно: только и думают о том, где и как бы им переспать. Да и не поймешь ничего: "Ей хотелось известно что, известно с кем. Но известно кто не звонил, зато звонил неизвестно кто. На улице тоже было неизвестно что. Вчера обещали, и шло то, что обещали..." и т.д. В самом деле, смахивает на "палату для буйнопомешанных". А Людмила Петрушевская, которую тоже поминает раздосадованная читательница? Попробуйте найти "привлекательных героев" или "малейший просвет надежды" в ее рассказах, сплошь заселенных алкоголиками, наркоманами, физическими или нравственными уродами. И легко ли советскому читателю, привыкшему к стерильной литературе в белых перчатках, читать о любовнике, который обмочился в постели рядом с женщиной ("Али-Баба"), или о муже, брошенном женой в тяжелейшем гриппе и соскребающем высохший клей со стенок кастрюли, чтобы не умереть с голоду ("Грипп")? Вот и возникает эффект "ведра с помоями". Что же до третьего объекта читательского раздражения — Татьяны Толстой, то нельзя не признать, что она большой спец по изображению "ничтожных, жалких людишек", с которых никак не "сделаешь жизнь".

А если так, стоит ли удивляться, что эта проза не удовлетворяет читателя, воспитанного на произведении соцреализма и привыкшего предьявлять к изящной словесности требования, которые были сформулированы еще в 1934 году, на первом съезде советских писателей. Правда, можно подивиться тому, что высказывания читательницы 1989 г. чуть ли не буквально совпадают с мыслями героини романа А.Солженицына "Раковый корпус", написанного в конце 50-х годов, что, несомненно, являет нам яркий пример неразрывного единства литературы и жизни. В сцене обсуждения в больничной палате статьи Владимира Померанцева "Об искренности в литературе" дочь номенклатурного работника Русанова, начинающая поэтесса Авиета, раздражается характерной тирадой: "Субъективная искренность может оказаться против правдивости показа жизни... Говорить народу правду — это совсем не значит говорить плохое, тыкать в недостатки. Можно бесстрашно говорить о хорошем, чтоб оно стало еще лучше. Откуда это фальшивое требование так называемой "суровой правды"? Да почему вдруг правда должна быть суровой? Почему она не должна быть сверкающей, увлекательной, оптимистической? Вся литература наша должна стать праздничной! В конце концов людей обижает, когда об их жизни пишут мрачно... Описывать то, что есть, гораздо легче, чем описывать то, чего нет, но ты знаешь, что оно будет. То, что мы видим простыми глазами сегодня, это не обязательно правда. Правда — то, что должно быть, что будет завтра. Наше чудесное завтра и нужно описывать."

Стоит сравнить письмо с этим монологом, чтобы убедиться, что за 35 лет особо значительных сдвигов в сознании советского потребителя литературы, по-видимому, не произошло.

Не произошло крупных перемен и в теории литературы. Социалистический реализм никто не отменял, он по-прежнему остается "основным методом советской художественной литературы и литературной критики" (из Устава ССП, 1934). Перелистав последнее, 1988 года, издание литературного энциклопедического словаря, мы найдем все те же загадочные определения народности, партийности как непренменных компонентов метода, то же требование положительного героя, в образе которого "литература раскрывает цели общественного движения и пути их достижений", те же ритуальные заверения, что "социалистический реализм постоянно расширяет границы, обретая значение ведущего художественного метода современной эпохи". Поистине, "дурно пахнут мертвые слова".

Правда, критики и литературоведы все позволяют себе усомниться в том, что этот термин заключает в себе некое реальное содержание. Мих.Голубков пишет в "Литературной газете": "Понятие "соцреализм" стерлось настолько, что выполняет в статьях о современной литературе ту же роль, что определенный артикль в английском языке: обозначает принадлежность данного явления (произведения) к определенному классу подобных явлений (к советской литературе вообще)". Участники круглого стола, проведенного газетой в августе прошлого года, говорили о "вульгарно-социологическом кентавре", "лишенном эстетического или духовного содержания и несостоятельном". Подлил масла в огонь и "Новый мир" (статья Е.Сергеева "Несколько застарелых вопросов"): теория соцреализма — "бессодержательное доктринерство", пора убрать "исчерпавший себя метод" из Устава Союза писателей. "Верховная власть ориентировала литературу вовсе не на выражение социалистических идеалов, а на иллюстрацию правильности административных идей". Автор другой статьи (А.Гангнус, "На руинах позитивной эстетики") выводит метод социалистического реализма из утопической и идеалистической философии богостроительства и выносит приговор соцреализму, который, "доказав свою несостоятельность, доказал и свою враждебность истинному идеалу, измена которому наказывается неотвратимо и страшно... И если мы действительно хотим строить н а у ч н ы й социализм, мы должны сперва отстоять и выстрадать идеал свободного исследования. А руины лживых прекраснодушных обещаний и обманутых надежд надо оставить в назидание потомству".

Появление статей такого рода можно воспринять как предвещие перемен в сфере литературной теории, однако до подлинного обновления еще очень далеко. Зато перемены произошли в самой литературе, и это проницательно подметила все та же разгневанная читательница, уловив необычность, "чуждость" перечисленных ею произведений, которые, по словам критика С.Чуприна, "воспринимаются как явления одного литературного ряда, если не противопоставленного, то по крайней мере внеположного общему контексту современной прозы".

2. Другая проза

Именно эта внеположность, а вернее — неположенность, является основным признаком "новой", или "другой", прозы — это определение охватывает вещи самых разных, не похожих друг на друга писателей. Конечно, новой эта проза может показаться лишь читателю канонической советской литературы. Для тех же, кто знаком с русской литературой по другую сторону государственной границы, ничего неожиданного в ней нет, ее истоки прослеживаются у Синявского и Даниэля, у Юза Алешковского, в повести "Москва — Петушки" Венедикта Ерофеева. Да и те, кого нынче причисляют к авторам "новой прозы", пишут ее тоже не со вчерашнего дня. Кое-кто работает в литературе уже добрых двадцать лет, но печататься начал только сейчас. Так что новизна и по времени, и в эстетическом смысле весьма относительна, и потому кажется логичным принять на вооружение второе обозначение — "другая проза".

Как уже сказано, "другая проза" отнюдь не однородна. О каком-то определенном поколении не может быть речи: старшие, как Михаил Кураев и Людмила Петрушевская, приближаются к 50 годам, младшим — Валерии Нарбиковой, например, — 20 с небольшим, средний возраст 35—37 лет: Татьяна Толстая, Сергей Каледин. Да и в смысле эстетическом и стилистическом "другая проза" не есть единое течение, ее авторы не похожи "лица необщим выраженьем" не только на соцреалистических зубров, но и друг на друга, и мало-мальски искушенный читатель никак не спутает произведения, скажем, Петрушевской и Пьецуха, а их, в свою очередь, с легкостью отличит от Виктора Ерофеева.

Пора, однако, перейти к чертам объединяющим, которые позволяют все же свести всех этих авторов под общей крышей. В первую очередь следует назвать нечастое в советской литературе отсутствие ориентации на злобу дня. "Другая проза" тяготеет к экзистенциальным темам, она принципиально беспартийна и деидеологизирована, она не становится ни на чью сторону, не занимает никаких "позиций", не обличает и не поучает. Она просто изображает, несколько даже демонстративно ограничивая свою задачу самим процессом показа, и скорее сводит роль автора к роли хрониста. Наконец, она пользуется непривычно широким для советской литературы спектром стилистических средств: здесь и сюрреалистический гротеск, и пародия, и сказ, и поток сознания. А если попробовать подытожить все эти свойства, то, наверное, главным и общим качеством "другой прозы" окажется внутренняя свобода и даже в некотором смысле бесстрашие, которые проявляются и в выборе тем, и в отборе средств изображения. Это, конечно, сильно мешало "другим прозаикам", их годами не печатали. Замечательный прозаик-сибиряк Евгений Попов вспоминает, как в середине 60-х одна сочувствующая редакторша советовала ему, если он желает издать сборник, "переписать рассказы, чтобы их действие происходило в Америке, такие ваши герои не пройдут". И не проходили. Ни у Евгения Попова с его макабрически-абсурдистской прозой, ни у Людмилы Петрушевской с ее интересом к "материально-телесному низу", к приватной жизни, с ее стремлением заглянуть в самые темные закоулки души. Под доброй половиной произведений "другой прозы", появляющихся сейчас в советских журналах, стоят давние даты: 1968, 1969... А публикацию в "Огоньке" рассказа Петрушевской "Такая девочка" предваряло краткое предисловие о том, что рассказ за шестьдесят восьмому году был отвергнут "Новым миром" с резолюцией Твардовского: "От печатания воздержаться, но связи с автором не терять".

3. Я женщина трезвая

Проза Петрушевской отвергает один из важнейших постулатов советской литературы — ее непрменный исторический оптимизм. Как писал когда-то Аркадий Белинков, вопрос об "историческом оптимизме или пессимизме — это вопрос не расположения духа, а мировоззрения", и речь идет не о том, веселой или невеселой может быть книга советского писателя. "Оптимистический характер советской литературы связан с тем, что она всегда знала, чем все кончится (то есть построением коммунизма. — Е.Г.). Советская литература всегда заявляла, что она не боится печальных концов. Но она всегда настаивала на том, что печальный конец — это не конец всему. Печальный конец она рассматривала как возможный, но, конечно, нежелательный случай". В прозе Петрушевской счастливые концы исключены, как говорится, по определению.

Ее рассказы — это чаще всего монологи, произносимые взахлеб, на высочайшей ноте душевного отчаяния. Ситуации, на которых строится повествование (если кривой, напряженной, трудной прозе Петрушевской вообще применимо это академическое определение), необычны и вместе с тем совершенно обыденны, в них нет ничего нарочитого, придуманного, искусственного, это — *отклонения от нормы, ставшие нормой жизни и быта*. В них нелегко вычленить внутреннюю логику, самый драмати-

ческий момент не педалируется, но как бы тонет в массе других, по-своему не менее драматических подробностей, которые частоколом обставляют его и за которыми его иной раз и не распознать. Поэтому чтение Петрушевской требует ответной работы, отдачи читателя, его полной вовлеченности в ритм событий. Для адекватной реакции необходимо не просто врубиться в текст, но стать как бы сенсором, улавливая исходящие из текста импульсы и токи.

Петрушевская изображает в основном мир того социального слоя, который кто-то метко назвал "люмпен-интеллигенцией"; ее герои часто имеют ученые степени и даже достигают известных высот в жизни, люмпенство же заключается в абсолютной нравственной глухоте, в полном отсутствии каких бы то ни было нравственных ориентиров. Нет таких нравственных преград, которые они, эти люди, не могли бы переступить, сметая по пути все живое. Сочувствие, милосердие, сострадание — таких слов не существует в их лексиконе; любовь заменена сожительством; вместо друзей — собутыльники; сомнению подвергается даже самая кровная, прочная связь — между ребенком и матерью. "Я женщина трезвая, — рассуждает героиня рассказа "Такая девочка". — Я понимаю, что детская привязанность и любовь не направлены на родителей как на конкретных людей. Любое другое сочетание лица, фигуры, цвета волос, характера, ума он с такой же силой полюбил бы. Он любил бы меня, если бы я была убийцей, великой скрипачкой, продавцом магазина, проституткой, святой. Но это только до поры, пока он сосет из меня жизнь. Потом, все так же безразличный ко мне как к человеку, он уйдет."

Героиня рассказа "Смотровая площадка" Артемида, "юное, гибкое и свежее существо", вполне соответствующее своему имени, однажды проходила весь день с гвоздем в сапоге, и к вечеру нога вся была в крови. "Кровь была потому, — философически замечает автор, — что железное острое сидело в живом мясе, а хромать себе Артемида не позволяла". Эта метафора применима едва ли не к каждому персонажу Петрушевской: у всех у них — гвоздь в сапоге, какая-нибудь беда, разодравшая жизнь, у всех тупиковая ситуация. Страдая сами, они причиняют страдания другим — возникает цепная реакция, люди мечутся, мучаются, совершают странные, дикие, непотребные, непонятные поступки.

"Уродливо, страшно проявление материнской заботы у героини? Увы, уродливы условия, в которых так извращается материнское чувство", — размышляет советский критик о рассказе "Свой круг": героиня, оставленная мужем, зная о своей смертельной болезни, на глазах у друзей избивает семилетнего сына. Друзья решают отобрать мальчика у негодной матери — чего она и добивалась. Она убеждена в своей правоте и очень довольна тем, что устроила такой "дешевой ценой" судьбу своего ребенка: "Так бы он после моей смерти пошел по интернатам и был бы с трудом принимаемым гостем в своем родном отцовском доме... Вся дешево доставшаяся сцена с избиением младенцев дала толчок длинной новой романтической традиции в жизни моего сироты Алеша с его благородными новыми приемными родителями, которые свои интересы забудут, а его интересы будут блюсти. Так я все рассчитала, и так оно и будет". У героини нет сомнений в том, что примененная ею шоковая терапия — единственный способ достучаться, докричаться до кого бы то ни было. Не возникает сомнений и у читателя.

Вместе с Сергеем Калединым, автором повести о могильщиках "Смирное кладбище", Л.Петрушевская представляет своего рода неонатуралистическое течение внутри "другой прозы". Для обоих характерен интерес к прежде закрытым, "стыдным" сферам жизни, жестокая бескомпромиссность, жесткость и точность взгляда, отсутствие всяких иллюзий.

4. Смерть взаимы

Другое течение осуществило догадку, около тридцати лет назад высказанную Андреем Синявским в статье "Что такое социалистический реализм". Он писал, что от социалистического реализма литература скорее всего повернет к художе-

ственной фантазмагории, к гротеску и внешне бессмысленной фантазии. Такое направление и можно было бы назвать фантастико-гротескным, — правда, с некоторой условностью. Ибо вымысел здесь завуалирован, ирреальные события происходят с вполне реалистическими героями, соседствуют с реалистическими описаниями. Героиня одного из рассказов Татьяны Набатниковой, обыкновенная домашняя хозяйка, проживающая в стандартном микрорайоне, в одну прекрасную ночь выскакивает на улицу и отбирает ребенка у мучающей его отвратительной карлицы, которая явилась в современную действительность откуда-то из сказок Гофмана. В пространстве, создаваемом Евгением Поповым и Татьяной Толстой, постоянно творятся какие-то трудно мотивированные — веселые и мрачные — чудеса. А ленинградец Михаил Кураев ищет своих героев на перекрестках, где рядовой человек сталкивается с историей, в историческом времени. "Где же еще прикажете искать фантастических героев и фантастические события, как не в черных дырах истории, поглотивших, надо полагать, не одного любопытствующего, нерасчетливо заглянувшего за край", — излагает он свое кредо.

Повесть Кураева "Капитан Дикштейн" снабжена подзаголовком "Фантастическое повествование", и на первый взгляд кажется, что и в самом деле — фантастическое. Высокий старик, известный всей Гатчине под именем "капитан Дикштейн", вовсе не Дикштейн: в дни расправы над участниками Кронштадтского мятежа чубатый кочегар присвоил себе фамилию бывшего студента Игоря Дикштейна, расстрелянного из-за того, что кому-то приглянулись его сапоги. Однажды в "Правде" мне попалась на глаза заметка о том, что имя известного теоретика советской космонавтики Ю.В.Кондратюка на самом деле было Александр Игнатьевич Шаргей; автор писал: "Не буду пересказывать трагическую историю жизни бывшего студента Петроградского политехнического института, мобилизованного в деникинскую армию и бежавшего оттуда, вынужденного взять документы умершего от туберкулеза своего сверстника Юрия Васильевича Кондратюка и под этим именем погибшего под Москвой 3 октября 1941 года". Поразительное сходство с историей, которую рассказывает Кураев, — за исключением того, что его герой отнюдь не знаменитость: это вечный тип русской литературы — маленький человек.

Взяв себе чужое имя, он живет ничем не примечательной, но *чужой* жизнью, создавая мифологический характер своей тени-двойника, подлаживаясь к этому воображаемому характеру и ломая свои собственные привычки, потому что "тот неведомый ему Игорь Иванович всегда был умнее, строже, благороднее и честнее чубатого кочегара из третьей котельной". Даже смерть не принадлежит ему, она чужая, заемная и уже состоялась однажды: описание смерти "капитана Дикштейна" — от инфаркта, на улице, в снегу — совпадает с описанием последних мгновений настоящего, расстрелянного Дикштейна. "Пал он уже мертвым", — эта фраза повторяется в обоих случаях.

Психологиею маленького человека, сумевшего, в отличие от капитана Дикштейна, "слиться с эпохой", писатель исследует и во второй своей повести "Ночной дозор". Название вызывает в памяти картину Рембрандта, но можно предположить, что в нем содержится намек на некогда популярное произведение раннего немецкого романтизма — роман "Ночные сторожа" (другой перевод — "Ночные дозоры") неизвестного автора, скрывшегося за псевдонимом Бонаventura. Эту загадочную книгу приписывали то Гофману, то Шамиссо, то Шеллингу, то Брентано; согласно одной из последних гипотез, ее написал Э.Клингеман. О "Ночных дозорах" как о "замечательнейшем произведении" романтического гротеска довольно подробно писал М.М.Бахтин. Такая аналогия дает основания рассматривать повесть Кураева не только в рамках четко прослеживаемой русской литературной традиции, но и в более широком контексте.

"Мир романтического гротеска, — писал Бахтин, — это в той или иной степени страшный и чуждый человеку мир. Все привычное, обычное, обыденное, обжитое, общепризнанное оказывается вдруг бессмысленным, сомнительным, чуждым и враждеб-

ным человеку. С в о й мир вдруг превращается в ч у ж о й мир. В обычном и нестрашном вдруг раскрывается страшное”.

Именно это происходит в повести Кураева, где бывший чекист, а ныне сторож, рассказывает напарнику по ночной службе истории из своего славного прошлого, и привычный мир преобразуется: ленинградские здания предстают ареной трагических событий. Отсюда уводили людей по ночам в Небытие, в Никуда; сама ночь, прославленная петербургская белая ночь, превращается в лучшее время для страшных, темных дел. “Хорошо в такую ночь на обыск идти или на изъятие!” — вздыхает кураевский герой.

Мастерски владея двухголосым, “внутренне-диалогизированным словом” (Бахтин), писатель пользуется этим приемом и в подзаголовке повести — “Ноктюрн на два голоса при участии стрелка ВОХР тов. Полуболотова”, и в выборе эпиграфов: их два, из Гоголя и из Сталина, оба касаются одной и той же материи — правды. Из “Вечера накануне Ивана Купалы”: “Но главное в рассказах деда было то, что в жизнь свою он никогда не лгал, и что бывало ни скажет, то именно так и было...”. Из Сталина, том XII, речь 1929 года “О правом уклоне в ВКП(б)”: “Не дай бог, если мы зарзимся болезнью боязни правды”. Внутренне диалогизирована и речь персонажа: повесть представляет собой почти сплошной монолог, где стандартная риторика 30—40-х годов перемешана с лирико-поэтическими признаниями. “Была задача — слиться с эпохой, и я с ней слился. А эпоха была прекрасная, каждый день приносил на алтарь новые успехи, благодаря сознательному отношению кадров к своему делу. И я свой долг исполнял до забвения самого себя и своей семьи...” И дальше: “прожил, как велели”, “себя не жалел, делу отдавался”, “жил не для себя, был солдатом, был отточенным штыком”. Это партия Полуболотова, чекиста и патриота, которого “от эпохи своей не оторвешь”. Но ведь и поэтом было сказано: “Попробуйте меня от века оторвать...” И тут же герой повести размышляет о красоте и прелести ночного ландшафта: “Белая ночь для чего-то людям нарочно дана, может быть, это еще до конца и не понято...” — или о соловьином пении: “Ночью любой звук становится особенным, вес у него другой, чем днем, и оттого, что ночью звук редкость, задумываешься над ним, смысл в нем ищешь. Запоет — будто небо раздвигается, земля шире становится”. Это — партия Полуболотова-человека, частного лица, существующего как бы вне своей “прекрасной эпохи”.

5. Иго литературы

К фантастическому направлению принадлежит и сравнительно недавно начавший печататься Вячеслав Пьецух, который опубликовал несколько рассказов и повесть “Новая московская философия”. Действие происходит в течение четырех дней, с пятницы по понедельник, в коммунальной квартире в центре Москвы, на Покровском бульваре.

Повесть Пьецуха — откровенный парафраз “Преступления и наказания”, хотя сюжет, перенесенный в наши дни, существенно меняется, — по крайней мере, топором здесь никто не орудует. Просто — в квартире пропала старушка, и несколько дней коммуналка живет под знаком розысков, одновременно жильцы предьявляют свои права на освободившуюся жилплощадь. Тут уже одним Достоевским не обойтись, в повести явственно звучат отголоски из Булгакова (“проклятая квартира” и “квартирный вопрос их испортил”), из Ильфа и Петрова (“воронья слободка”), но более всего чувствуется присутствие Зощенко — в описании быта — и Хармса — в той обстановке непринужденного абсурда, в которой разыгрывается действие. Опять же, эта привязанность к литературным источникам не только не скрыта, но даже откровенно декларируется: “Это удивительно, но русская личность издавна находится под владичеством, даже игом родного слова. Датчане своего Кьеркегора сто лет не читали, французам Стендаль, пока не помер, был не указ, а у нас какой-нибудь саратовский учитель из поповичей напишет, что ради будущего нации хорошо было бы выучиться спать на гвоздях, и половина страны начинает спать на гвоздях... Мы так же безу-

словно верим в литературу, как наши прадеды в судный день..., у нас куда жизнь, туда и литература..., у нас не только по-жизненному пишут, но частью и по-письменному живут... Духовная власть литературы у нас настолько значительна, что в некоторых романтических случаях вполне здравомыслящему человеку может прийти на ум: Алеша Карамазов так бы не поступил”.

Персонажи повести “Новая московская философия” словно вышли из недр классической литературы: вечный студент и философ Вася Чинариков, фармаколог Никита Иванович Белоцветов, мужчина лет сорока пяти, читающий Кьеркегора, объявивший войну “злодейству” и разрабатывающий медикаментозный метод лечения зла, девятиклассница Любовь Голова, родная сестра Сони Мармеладовой. И все же нельзя усомниться в том, что проживают эти персонажи-маски в Москве конца 80-х годов, в перестроечную эпоху. Их бытие фантазмагорично не больше, чем фантазмагорична и абсурдна сегодняшняя советская действительность. В повседневных заботах, в речах и спорах обитателей коммуналки широко отражаются реалии нынешней жизни общества — аналогиями, сопоставлениями, а то и прямыми цитатами. Жильцы, жаждущие расширения жилплощади, винят в отсутствии человеческого жилья Рейгана — “по милости вашингтонской администрации мы вынуждены предпоследнюю рубашку жертвовать на гонку вооружений вместо того, чтобы строить благоустроенное жилье”; кто-то высказывает предположение, нет ли “в советском департаменте ЦРУ ответственных за картошку, то есть таких специальных агентов империализма, которые отвечают за то, чтобы в наших магазинах с картошкой были постоянные перебои” (здесь угадывается пародия на труды адептов общества “Память”). Решая вопрос, кому достанется комната, жильцы приходят к выводу, что “пора, наконец, осваивать демократию — все-таки на носу семьдесят вторая годовщина советской власти, прошли дремучие времена, сейчас на дворе такая эпоха, когда демократия и гласность решают все”. А кто-то даже предлагает сделать из комнаты исчезнувшей старухи “мемориал коммунальной жизни, вообще быта маленького советского человека”. В кружке при домоуправлении изучают не кройку и шитье, а великие любовные треугольники, например: Блок — Любовь Дмитриевна — Андрей Белый. “Самым интересным был треугольник Чернышевский — Ольга Сократовна — весь Саратов”, — сообщает участница кружка. Бывший студент МГУ и бывший “афганец”, ныне дворник Вася Чинариков, знающий самые неожиданные вещи, например, сроки разложения групп, и говорящий о себе: “Я такое видел, что в добрые времена человеку видеть не полагается”, — в дуэте с карапузом Петром поет на коммунальной кухне афганскую песню: “Только эхо разнесется в горах, и душа моя домой полетит. У него за каждым камнем аллах, а меня кто, сироту, защитит...”

Вечная трагедия сводится к “трагедии новейшего образца”, больше напоминающей фарс, — и это было бы, наверно, весело, когда бы не ясно ощутимая тоска по утраченным духовным ориентирам (тут же, впрочем, подвергаемая ироническому переосмыслению). Из-за масок милых соседей то и дело на миг-другой выглядывают свиные рыла доносчиков, ханжей, невежд, прелюбодеев, эгоистов. “У нас и зло не как у людей, и добро не как у людей, — размышляет идеалист Белоцветов, — превращенные они какие-то, пропущенные через семьдесят один год социалистического строительства”. В смерти старушки, скончавшейся от разрыва сердца на бульваре (оказалось, что уже мертвой, в самом центре Москвы она просидела на скамейке тридцать часов), никто не виновен — и виноваты все. Силой вещей, по рождению, образованию, воспитанию, эта незаметная и никому не нужная старушка оказывается единственной носительницей традиций, последним — и грубо порванным — звеном, связующим настоящее с прошлым. Сквозь фарс и абсурд просвечивает срез общества, начинающего — в который раз! — с нуля. “Впервые за всю историю русского народа у нас явилось поколение людей, у которых нет никаких нравственных ориентиров, которые просто не знают, что хорошо, а что плохо, что нужно, а чего нельзя... Такое чувство, будто со временем что-то произошло и они впервые на земле. Библия, Христос, римское право, Спиноза, энциклопедисты, “свобода, равенство, братство” — это все впереди...” Сказано это о “юном неандертальце”, девяти-

класснике Мите. Но "умноглазый" технократ Митя, не читавший "Преступления и наказания" и вообще не верящий в русскую литературу, впервые в жизни охвачен чем-то вроде угрызений совести после смерти старушки, и не зря этот Митя наделен горящей фамилией — Началов. На него-то, быть может, и возлагает надежды автор, когда говорит устами того же Белоцветова: "Нашему обществу выпала миссия дальнейшего нравственного строительства. Вот такая новая московская философия. А старая — это чаадаевщина, в том смысле, что от России толку не было и не будет". Впрочем, если "дальнейшее нравственное строительство" станет задачей таких, как Митя, не имеющих ни малейшего представления о том, что за ними, сомнительно, чтобы эти надежды оправдались.

6. Бесконвойное поколение

Имя Татьяны Толстой, которую можно отнести к этому же направлению, пожалуй, самое известное среди авторов "другой прозы". Период "застоя" на ней никак не сказался, она быстро добилась известности и признания и в стране, и за ее пределами. Но в самой стремительности этого взлета чудится некая опасность. Блоку принадлежат замечательные слова о том, что "писатель — растение многолетнее. Как у ириса или у лилии росту стеблей и листьев сопутствует периодическое развитие корневых клубней, так и душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его — только внешние результаты подземного роста души". Читая последние рассказы Толстой, ловишь себя на мысли, что "подземный рост души" писательницы, так бурно совершавшийся от рассказа к рассказу, застопорился. Выплеснув дюжину виртуозно сделанных вещей, обнаружив отточенное мастерство, доскональное знание мифов и комплексов современной интеллигенции, Толстая, похоже, не то чтобы иссякла, но начала повторяться, кружась в заколдованном лабиринте собственного творчества, поворачивая то одной, то другой стороной однажды найденный сюжет, отражая его в зеркалах меняющихся ситуаций, но оставляя неизменной структуру внутренних отношений. Ее дальнейшая литературная судьба зависит, вероятно, от того, сумеет ли писательница преодолеть уже сложившийся стереотип.

Третье направление "другой" прозы скорее всего следует обозначить как экспериментальное. Андрей Битов, представляя в "Юности" повесть своей ученицы по Литературному институту Валерии Нарбиковой, предлагает вниманию публики не просто новое имя, но "немое поколение". Очень точное определение — не только потому, что ему не давали говорить, но еще и потому, что оно, это поколение, видимо, ощутило свое существование внутри привычного литературного языка как немому и пустилось на поиски нового языка. Нарбикова, к примеру, стремится переименовать все и вся. Одного ее героя зовут Отматфеян (якобы армянская фамилия, образованная, конечно, "от Матфея"), второго — Аваакум, третьего — Чящяжышын (набор невозможных по правилам русской орфографии сочетаний). Виктор Ерофеев играет с временем и пространством, выноса своих героев за скобки привычных измерений ("Письмо матери", "Попугайчик").

Как ни удивительно, но экспериментальные произведения, в которых ясно — иной раз и чересчур — чувствуется влияние не только Кафки и Фолкнера, но и Джойса, и Ричарда Брейтгигена, и французского сюрреализма и "нового романа", — оказались созвучны эпохе перестройке. Журнал "Урал", вырвавшись в передовики, отдал им целый номер, который стал бестселлером и в зале периодики Ленинки зачитан до ветхости. Повесть Нарбиковой и рассказ Виктора Ерофеева удостоены премий. В этом несколько неожиданном официальном признании вспучило отразилась нынешняя ситуация "другой прозы": пройдя через годы немоты и непризнания, намаявшись в редакциях и отлежавшись в ящиках письменных столов, она, похоже, именно вследствие своей инакости заняла видное место в советской литературе — и вряд ли это смогут изменить письма недоумевающих или негодующих читателей. Шаг в сторону от социализма совершается у нас на глазах и в данный исторический момент не расценивается как побег и не карается пулей, разносом или доносом, закрытыми дверями редакций и эмиграцией. ●

ТРОИЦА РУБЛЕВА И ТРИНИТАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Три ангела под Мамврийским дубом (Троица ветхозаветная) — один из самых поразительных сюжетов византийской иконописи. Даже посредственные реплики вызывают глубокий отклик. Напротив, я не знаю ни одного хорошего воплощения Троицы новозаветной (в виде седобородого Отца, чернобородого Сына и голубя — Святого Духа). В самом каноне Троицы ветхозаветной есть какое-то прикосновение к тайне. В Отце и Сыне с голубем этой тайны нет.

Композиция Троицы ветхозаветной — одна из последних вспышек эллинского художественного гения. Так же как интеллектуальная икона Троицы, то есть символ веры и связанные с ним догматы, — последний великий взлет греческого философского гения. Языковой барьер отделил древнюю Русь от глубин византийского богословия (об этом писал Г.П.Федотов)¹; но от "умозрения в красках" (Евг. Трубецкой) языковой барьер не ограждал, и русская иконопись не уступает греческой. В создании образа Богоматери византийцы остались непревзойденными. Но так же непревзойденны рублевский Спас и Троица. Судя по репродукциям, ничего лучшего и даже равного не было.

Принято подчеркивать национальные особенности русской иконы. Я думаю, что такой в строгом смысле слова во времена расцвета русской иконописи (XIV—XV вв.) не было. Был единый культурный круг православия с единым, созданным византийцами канонам живописи. Рублев, кажется мне, ближе к Византии (к Владимирской Божьей матери, например), чем к несколько вольному, красочно-яркому искусству новгородцев и псковичей (где чувствуется скорее сходство со средневековым Западом). Но было что-то в воздухе времени, давшее искусству Рублева новое дыхание. Может быть, надежда, иссякающая у греков?²

И Спас, и Троица Рублева суть Спас и Троица, а не символы единства Руси. Однако очень может быть, что молитва у рублевской иконы помогла собрать полки против татар. И сейчас созерцание Троицы, может быть, внесет бесстрашие духа в наши споры. Великие святые не создаются для национальных и других политических целей. Но именно по своей воплощенной божественности, по своему общечеловеческому призыву — они могут укрощать распри, вдохновлять мужество, объединять и мирить.

Вернемся, однако, к нашей мысли: даже второстепенные реплики Троицы ветхозаветной дают чувство прикосновения к великой тайне. А двое мужчин с голубем не трогают сердца, не захватывают. Мы сразу понимаем, что голубь, порхающий над Отцом и Сыном, обозначает Святой Дух, но мы не чувствуем присутствия Святого Духа.

Совершенно ясно, кто есть кто. Достаточно бросить беглый взгляд. И большего вы не увидите.

Печатается с небольшими сокращениями.

¹ Славянский перевод Ветхого и Нового Завета сделал ненужным изучение классических языков. Между тем даже Добротолюбие (труды отцов церкви и великих подвижников) было переведено только в XVIII в. Отсюда философская неискушенность России, сказавшаяся, по Федотову, и в трагедии интеллигенции, в тяготении к философии попроще, без метафизических глубин.

² О дыхании надежды в русской иконописи я писал в "Снах земли", часть I ("Духовное ядро"). Хочется подчеркнуть, что дух, который иногда пронесется над страной, нельзя смешивать с постоянными свойствами жителей этой страны.

Наоборот, Троица ветхозаветная неотразимо покоряет и приковывает к себе. Чем дальше, тем больше вы погружаетесь в наплывы смысла, в море оттенков духовной жизни, осязаемых и невыразимых. Вы познаете, но что? Это никогда нельзя выразить до конца. Что-то в вас входит, что-то превосходящее и покоряющее вас. Перед вами открываются глубины Бытия, но их не осмыслишь, не перескажешь. Невозможно даже ответить на простой вопрос — кто есть кто. Больше того, человек, действительно чувствующий рублевскую Троицу, непременно чувствует и то, что вопрос, кто есть кто, здесь праздный и отвлекающий от сути, что неслиянность и нераздельность ангелов — самая суть дела; а начав различать, мы тут же превратим Троицу в "трех коров", как выразился Мейстер Экхарт.

Именно этот вопрос был задан от имени царя Ивана IV Стоглавому собору: который из ангелов Христос? Кого подобает писать в нимбе с перекрестием? Вопрос содержал в себе нелепость и кощунство, не замеченное ни царем, ни отцами собора.

Смысл нимба с перекрестием — превосходство чести, которое дается Христу перед окружающими его апостолами и святыми. Но ипостаси равночестны; так что надо бы писать с перекрестием все три лица, всех трех ангелов; такие реплики Троицы есть, но их немного. Собор ответил, что Христос — средний ангел, сидящий выше двух других, писать с перекрестием надо его. Это очень любопытное решение. Речь идет, правда, не о догмате (к словам Писания древние русские люди страшились прикоснуться), но о толковании иконы. Однако икону чувствовали тогда сильнее, чем туманные формулы богословия, и соборное решение — своего рода догмат поместной церкви, поставившей Сына даже не рядом с Отцом (как сделали католики, преданные анафеме), а выше Отца. Ибо положение фигуры на иконе имеет богословский смысл.

С решением собора согласился и видный искусствовед проф. Лазарев. Он также считает возможным однозначно определить, кто есть кто, и признает Христом среднего ангела, ибо рука этого ангела ближе к чаше, обозначающей жертву, а чертами лица он похож на рублевского же Спаса.

Невольно возникает возражение: если говорить о сходстве, то прежде всего три ангела удивительно похожи друг на друга. У всех почти одно лицо — в разных поворотах, в разных духовных состояниях. Кроме того, на кого же походить, кроме Христа? Бога не видел никто и никогда. Святого Духа тоже. И Спас — не портрет Христа, а символ Бога во всех его ипостасях. Образ Спаса дает в Сыне почувствовать Отца и веяние Святого Духа. Антоний Блюм ссылаясь на богословскую традицию, признавшую в иисусовой молитве обращение ко всем трем ипостасям, хотя непосредственно там нет обращения к Отцу и Св.Духу. Тем более можно и нужно говорить о символическом присутствии трех ипостасей в иконе. Что касается расстояния между рукой и чашей, то перст среднего ангела, обращенный к чаше, можно понять и как указующий перст, как повеление взять чашу.

Наконец, поиски сходства легче начать, чем кончить. Я прошу у читателя извинения за этот несколько грубый прием, но попробуем пойти по дороге, указанной проф. Лазаревым, и подумаем, на кого похожи другие ангелы. Мысленно закроем среднего и взглянем на них. Правый (от нас) весь погружен в созерцание, слушание, вбирание чего-то огромного, как голос из бури, нарастающего изнутри. Глаза полузакрыты: ангел глядит в Царство Божие, которое раскрывается в Духе. Иногда кажется, что его лицо запечатлено страданием, но это страдание экстаза, по ту сторону просто страдания и просто радости, чувство блаженства на грани разрыва сердца и у порога смерти, "радость-страдание".

Левый ангел уже побывал во Всецелости — и выходит из нее. В глазах, взглянувших на мир наш, — тихая, грустная, но непреклонная решимость. Чем больше вглядываешься, тем больше видна эта непреклонность, этот огонь веры. Если кто-то из ангелов — Слово, то именно левый. Кажется, что сейчас он заговорит и весь, всем собой станет Божьим глаголом.

Если тихое восприятие женственно, а слово, мысль, действие — мужественно, то правый ангел — воплощение женственности духа, левый — его мужской, творческой силы. Отъем у правого ангела крылья, оденем его в мафорий, покроем платком голову — и перед нами Богоматерь, принимающая "страстную весть". А левый — вестник Творца, Гавриил.

Если теперь снова посмотреть на среднего и попытаться решить, чего в нем больше: женственности или мужества, святого восприятия или святого порыва, то, мне кажется, ни то, ни другое в нем не перевешивает. Средний ангел как бы парит над порывами из мира внутрь и изнутри в мир, над радостью и страданием, над всем, что может быть названо. Правый готов упасть в обморок, левый — встать и заговорить, средний ангел — в покое, глубину которого ничем не возмутить, в точке равновесия между страстным вниманием и страстной волей. Вспоминаются слова апокрифического Евангелия от Фомы: если не позабудете разницу между мужским и женским — не войдете в Царство.

Можно ли считать этого среднего ангела Христом? И да, и нет. В нем есть и Христос, Христос во славе, созерцающий с небес, как Гавриил приносит весть о Его рождении... Или созерцающий из недр Отца свою же готовность пойти на крест. В обоих случаях Христос во славе, средний ангел неразрывно сливается с Отцом. При однозначном чтении символов легко возникает та языческая триада, которую представлял себе Мохаммед (упрекая христиан в многобожии): Отец, Мать, Сын. При той огромной роли, которую Богоматерь играет в культе, и совершенно ничтожной роли Святого Духа ошибка Мохаммеда естественна. Не зная богословия, судя только по литургии, по молитвам христиан, по их иконописи, трудно представить себе, что третья ипостась — Святой Дух. Третье место, а иногда даже второе в христианском культе занимает Дева Мария. Положение Святого Духа напоминает положение Брахмы, отодвинутого в дальний угол Шивой и Вишну.

С точки зрения догматического христианства, представление Мохаммеда о Троице — нелепость, рожденная невежеством. Но эта нелепость выразила дух практического христианства. Замена одной из ипостасей вечно-женственным — постоянная тенденция, выступающая то в крайностях православного учения о Софии, то в аскетической мариологии.

Теперь отбросим все прежние ассоциации и еще раз посмотрим на икону, на правого ангела. Можно увидеть в нем не женственность, а жертвенность агнца, готового к закланию. Тогда правый ангел определился бы как Исаак, а левый, полный решимости, — как Авраам, готовый занести нож над своим единственным сыном. Отец, вдохновленный на жертву, и Сын, готовый к жертве. В решимости левого ангела вся творческая энергия Отца, которую может вместить в себя человек. Средоточие творческой энергии в рублевской Троице — не средний ангел, а именно левый. И можно считать его образом Отца, но только отчасти. Если это просто Отец, то опять не выходит православной Троицы. Опять Христос во славе (средний ангел) созерцает, как Отец приносит его, страдающего, в жертву. Опять две природы Христа стали ипостасями, вытеснив в незримую глубину Святой Дух.

Я должен признаться, что разница между природой и ипостасью не кажется мне безусловной, непреодолимой. Эти категории в моем понимании тоже единосущны и равночестны. Неслиянность и нераздельность (форма связи, осознанная в спорах о двух природах Христа) целиком относится к отношениям ипостасей (они тоже неслиянны и нераздельны). Можно указать на талантливую ошибку, сравнимую с ошибкой Мохаммеда: Г.Гачев в одном из своих рассуждений относит догмат о неслиянности и нераздельности именно к ипостасям и приписывает его Константинопольскому и Никейскому соборам. Такие ошибки часто выражают исторические возможности, оставшиеся невыявленными. Но нельзя представить себе, что подобным образом думали византийцы, создавшие канон Троицы. Они были строгие догматики.

Я не сомневаюсь, что православные иконописцы посадили Сына одесную Отца (то есть для зрителя — слева). Средний ангел в каноническом своем значении — Отец.

Мягкий Отец. Бесконечно сострадательный Отец. Не суровый Бог старых пророков, а Отец наш, к которому обращается молитва: и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим... Отец, раскрывающий свои объятия блудному сыну. Отец, принимающий молитву мытаря: Господи, буди милостив мне грешному. Отец сидит чуть выше других (православие сохраняет неравенство Отца и Сына по отношению к Св. Духу). Ошую (то есть от нас справа) — Святой Дух, исходящий от Отца. Богословы Стоглавого собора не подумали о том, что посадив Сына в центре, они заставили Святой Дух исходить от Сына, а не от Отца (отсаженного одесную Сына и отделенного от Святого Духа). С точки зрения моего вероятностного богословия, допускающего несколько образов одной непостижимой тайны, это не очень большая беда, но византийцы предпочли гибель своего государства и турецкое рабство католическому *filioque*.

Православный Отец не может сидеть ниже Сына. Это решает. Полуоборот к Сыну, указующий перст, направленный к чаше, сострадание в чертах лица не противоречат образу евангельского Отца, отдающего Сына в жертву. В левом, готовом к подвигу, изображен Сын. Правый, восхищенный в духе, посильно изображает Святой Дух. В этом смысле можно понять и наклон его головы, повторяющий наклон головы среднего ангела, как бы удваивающий его лик своим ликом. Относительно правого ангела, впрочем, нет споров. В рамках церковного учения о Троице можно спорить о левом и среднем рублевских ангелах. В левом сливается творческая решимость Создателя вселенной и решимость Христа к подвигу, в среднем — сострадательный Отец Евангелия и Его страдающий Сын. В правом явно преобладает восхищенность в Духе, и лучший образ Св. Духа (который как-то ведь надо изобразить) невозможно себе представить.²

Однако если смотреть на Троицу глазами нецерковного человека, разные смыслы снова наплывают друг на друга. И не только в иконе, но и в словесном образе Троицы. В каждом лице ее как-то ощутимы, как-то присутствуют и другие лица. Если изобразить это формулой, выйдет $A=A=B=C$. В Отце присутствует Дух, присутствует и Сын, единосущный Отцу и до всех времен пребывавший в недрах Отчих, в Сыне — Отец, волю которого он творит, в Духе — Бог, из которого Сын исходит. Или, если отбросить имена и богословствовать вместе с Мариной Цветаевой, первая ипостась — Там (но не только там), вторая — Здесь (но не только здесь), а третья — Всюду (и нигде).

Язык Христа и апостолов — обыкновенный человеческий язык, грамматика которого не впускает в себя ипостасное мышление. Сказано, что Бог есть Дух. Мария зачала от Святого Духа, но Христос — Сын Отца Небесного. Если приложить к этим отношениям элементарную логику, то выйдет, что различие между первой и третьей ипостасями вообще надумано, $A=C$ и $C=A$ есть Бог-Дух и есть Сын; место третьей ипостаси остается вакантным, и Даниил Андреев вводит в него Софию, Вечно-женственное (подобным образом понимали Троицу и другие гностики)³.

Как отнестись к этой ереси и другим подобным ересям? Прежде всего мне хочется подчеркнуть, что Троица — Единое в трех лицах, в каждом из которых полностью присутствует целое, со всеми его возможностями. Лица единосущны, а сущность — трехипостасна. Значит, каждое лицо Троицы само по себе ипостасно, внут-

1 "...и от Сына" (лат.). Поправка, внесенная в начале XI столетия римско-католической церковью в Никео-Константинопольский символ веры (381 г.). Согласно новому чтению, отвергнутому восточными церквями, Св.Дух исходит и от Отца, и от Сына. — *Ped*.

2 Я вижу образ Святого Духа и в китайских "иконах тумана", сунских пейзажах. Но это решение вне христианства и, во всяком случае, вне иконописи.

3 Д.Л.Андреев (1906–1959), сын Леонида Андреева, поэт-мистик, создавший учение о Розе Мира (унии всех мировых религий). Его важнейший труд — книга "Роза мира", написанная в 1958 г. после выхода из Владимирской тюрьмы. В основе концепции Андреева лежат ночные тюремные видения.

ренье подвижно, текуче — в известных рамках, в треугольнике, замкнутом в круг или овал. Сохраняя эту внутреннюю форму Троицы, можно видеть преимущественное (но не исключительное) выражение той или иной ипостаси или природы в любом из ангелов. В среднем ангеле можно увидеть и Отца, и Сына, и Святой Дух. Последнее соответствовало бы ереси Иоахима Флорского, поставившего выше всего именно Дух. Иоахим учил, что прошло время Отца, наступило время Сына, готовится время Святого Духа. Помыслив в центре Св. Дух, увидим одесную (для нас слева) Отца, ошую (для нас справа) Агнца, готового к закланию. Тринитарные отношения не подчиняются закону исключенного третьего. Разные возможности понимания не останавливают смены наплывов, вечный ток любви, переполняющий ипостаси и переливающийся от одной к другой; они, эти возможности, не ложны. Они только иерархически соподчинены в структуре вероисповедания. Для церкви Сын богословски фиксирован одесную Отца; но второстепенные чтения могут и должны восприниматься на заднем плане, как гармоническое сопровождение основной мелодии. Без этой смены наплывов, без текучести, без возможности ереси, не будет и догмы: единосущности. Единосущность — или пустое слово, за которым ничего не стоит, или символ некоторой внутренней игры, в которой лица меняются местами. По словам Мейстера Экхарта, "игра идет в природе Отца, зрелище и зрители суть одно". Троица Рублева — символ этой игры. Она полна внутреннего движения, и три ангела как бы постоянно меняются в наших глазах, обмениваются своими поворотами единосущия.

Круг этого движения Рублев совершенно ясно очертил. Все сказано линией и цветом. Но остается бесконечное множество оттенков, наплывающих и исчезающих, бесконечное множество невыявленных поворотов. Внутренне-текучее остается таинственным, даже если оно с утра до вечера перед глазами. Познав его форму, мы только яснее видим непостижимость его глубины. Сколько оттенков зеленого цвета в дереве под окном? Сколько новых оттенков прибавит луч солнца, набежавшее облако? Названий цветов семь, оттенков — тьмы. И неизвестно, что считать, где единица отсчета в качественной бесконечности. Вдумываясь в эту тайну, китайцы создали образ Дао, Пути, замкнутого в вечный круг, который вечно постигаем (названное Дао) и вечно непостижим (неизреченное Дао). Троица — тот же круг, но не разлитый в природе, а парящий в небе, которое внутри нас.

Образы творческой сердцевины мира могут быть разными, но их суть, их внутреннее движение сходны. Иногда это сходство становится даже внешним. Меня всегда поражало сходство Троицы ветхозаветной с буддийскими иконами (расположение фигур, общее настроение), и я сочувственно принял гипотезу Л.А.Лелекова, предположившего прямое влияние буддийской Троицы на христианскую. Лелеков (доклад которого я слышал в конце 60-х годов на конференции о каноне в искусстве) находит буддийские прототипы не только Троицы, но еще двух икон: Деисуса и Успения. Посредствующим звеном он считает манихейство, точнее — манихейскую книжную миниатюру. Августин рассказывает, что сжег, став христианином, свои манихейские книги, многие из которых были роскошно иллюстрированы. Мани (III век) почитал и Христа, и Будду, пытался соединить их учения. Манихеи, переходя в христианство, должны были трижды три раза отречься от Будды (свидетельствует византийский канон). Поэтому в каких-то манихейских миниатюрах должны были быть буддийские заимствования. Распространившись в Средиземноморье, реплики буддийских икон стали одним из источников христианской живописи.

Доказать гипотезу Л.А.Лелекова невозможно, пока не найдены манихейские книги, точно датированные и с уцелевшими иллюстрациями, а это маловероятно. Моим представлениям о внутренней близости высоких религий не противоречит гипотеза о круге средиземноморско-индийских влияний, и я верю, что образ Будды, сложившийся под влиянием образа Аполлона, участвовал в формировании образа Христа.

В центре буддийской иконы Троицы — сидящий Будда, справа и слева от него, чуть пониже, чуть меньше ростом — сидящие бодисатвы. Эта зримая Троица — символ

незримой Трикайи (трех тел Будды): тела дхармы, тела превращений (нирманьякайи) и тела блаженства (самобхогакайи). Слово "тело" здесь так же условно, как "лицо" применительно к третьей ипостаси. Речь идет о духовной сущности, символически представленной тремя существами.

Христианизируя эту композицию, иконописцы избрали библейский сюжет о трех ангелах, возвестивших рождение Исаака. Средний ангел чуть выше посажен и кажется чуть крупнее остальных. (Беспорных указаний на это в Библии нет.) Таким образом, основа буддийской иконы сохранена. Но чтобы отрезать всякие ассоциации, Троица изображалась с Авраамом и Саррой, подносящей хлеба.

Рублеву в этом не было решительно никакой нужды. Не зная о буддизме, отделенный многими веками и морями от ранней Византии, где складывался канон, он чувствовал ненужность суетящихся маленьких фигурок с блюдами в руках. И Рублев (а может быть, его неведомый предшественник) дерзнул отбросить лишнее. Три ангела, как символы трехипостасного Бога, предстали во всей своей ничем не заслоненной предмирной чистоте, едва прикасающейся к земле (остались только знаки земного: дуб, стол, чаша). Вершина греческого умозрения в красках была освобождена от искажавших ее исторических ограничений, и суть заблистала еще ярче. После Рублева здесь нечего прибавить и нечего отнять.

Три ангела — одна фигура в трех ракурсах — лучше выразили единосущность, равночестность, неслиянность и нераздельность бытия, чем Будда и бодисатвы. Греческая мысль вообще четче, конструктивнее индийской — и в слове, и в скульптуре, и в архитектуре. В философии индийского мистицизма (которую, впрочем, не надо смешивать с индийским рационализмом) все переходит во все любимым образом, так что образ перехода остается сплошь и рядом непродуманным: например, нирвана есть сансара, йога есть бхога (то есть покой есть суета, дисциплина есть упоение страсти. Единство достигается прыжком через абсурд, без всяких мостков или перил для ума). Примерно так сознавала себя в борьбе с римским рассудком раннехристианская мысль: я верю, ибо это бессмысленно. Но потом греческие отцы церкви разработали формы ипостасного мышления, в которых сверхлогическое приобрело некую структуру текучих наплывов и перестало быть противоразумным, абсурдным. Рублевская Троица — наглядный образ этой высшей разумности.

Однако различия христианской и буддийской Троицы и связанной с ними мысли менее существенны, чем сходство. Буддийская Трикайя тоже означает мистическое тождество трех аспектов духовного целого. Нирманьякайя — тело превращений — это Будда страдающий, проходящий свой земной путь. Самобхогакайя — тело блаженства — Будда на седьмом небе. Бросается в глаза подобие Христу страждущему и Христу во славе, Христу Пантократору. Сходные мысли я нашел у других исследователей (тоже, если не ошибаюсь, не повлиявших друг на друга): у Кумарасвами и Д.Т.Судзуки. Трудности возникают только с дхармакайей — третьим "телом" Будды, которое не поддается простому уподоблению какому-нибудь элементу христианского богословия. Здесь перед нами, по-моему, другая структура Троицы, нечто вроде андреевской Троицы, в которой первая ипостась и третья ипостась сливаются в едином Боге-Духе. Буддийский пример, выдержавший испытание веков, позволяет лучше понять андреевскую ересь.

Всякая икона верна своей таинственной глубине, если достигнуто неслиянное единство Здесь и Там. Это относится и к зримым, и к интеллектуальным иконам (символам веры, догматам).

Поэтому суть Троицы я вижу не в именах ипостасей, а скорее в их отношениях (единосущности, равночестности, неслиянности, нераздельности). Лица Троицы не суть атомы; они сами по себе ипостасны — или, в других терминах, неслиянно и нераздельно двуприродны. В христианской Троице двуприродность выявлена во втором лице, и только свободное умозрение постигает ее и в первом, и в третьем. В андреевской Троице подчеркнута двуприродность первого лица, Бога-Духа, а второе и третье, мужественное и женственное, тяготеют к одноприродности. Можно выра-

зять это так, что двуприродность, уходя внутрь во втором лице, обнаруживается в первом. В каждом мысленном образе сверхмысленной Троицы что-то упущено. Только совокупность тринитарного богословия дает представление о том, что оно пытается познать. Предположительное вселенское учение о Троице включает в себя не только две догмы, но и многие ереси.

Можно представить себе возведение в ранг ипостасей женственного и мужественного, но только как аспектов единого духа, а не двух полюсов; не как инь и ян, женственности и мужественности, отделившихся и только дополняющих друг друга. Отделившиеся не ипостасно. В рамках буддийской символики возможна Троица, где в центре Будда, а по сторонам его Праджня (аналог Софии) и Упайя (Метод, мыслимый в мужском роде). Будда, Праджня и Упайя неслиянны и нераздельны. Буддисты выражают это проще: просветление (Будда), интуитивная мудрость (Праджня) и истинный путь к ней (Упайя) суть одно и то же, только в каждом из них одинаковое выступает в разных поворотах. Мне кажется, допустим и такой способ выражения. Главное для меня — неслиянность и нераздельность "здесь" и "там", человека и Бога, единство покоя в движении и движения в покое, то есть живая ипостасная мысль, а не тот или другой ее застывший образ. Живая ипостасная мысль сообщает движение любому ипостасному образу, буддийскому и христианскому. Мистик-мыслитель видит, например, что человечность Христа не может быть от Него отделена и пребывает в недрах Отца до всех времен. А потому человечность Сына становится и человечностью Отца. Для мистика двуприроден и Святой Дух. Вл. Соловьев познал в нем "общее сердце Отца и Сына". В каждой ипостаси может быть познано единство идеи (тяготеющей к Единому, как истина, добро и красота у Платона) и ее личностного воплощения, тяготеющего к единству с личным Богом. То же в буддизме. "Кто видел меня, видел дхарму, кто видел дхарму, видел меня", — сказал Гаутама Будда монаху, захотевшему повидать его перед смертью. Эти слова (напоминающие слова Христа и слова Павла о Христе) мог повторить и бодисатва, воплощение Софии-Праджни или Метода (Упайи). Каждый из них — и личность, и принцип, и часть, и целое. В каждом просвечивает вся система ипостасей и природ. Без этого ипостасности нет и Троицы тоже нет.

Буддизм мыслит ипостасно, созерцая дхармакайю как великую пустоту — чистый дух и всепорождающее начало (то есть как бы Отца Небесного). Индуизм мыслит ипостасно, созерцая в высшем своем Боге единство Ниргуны брахмана (непостижимого абсолюта, сущего ничто) — и Сагуны брахмана (сущего во всей твари, в блеске красок и полноте звуков).

Здесь — это слишком здесь.

Там — это слишком там.

(М.Цветаева)

Преодоленный разрыв "здесь" и "там" — тайна иконологического мышления, нашего своего наиболее совершенное воплощение в Троице. Этот дух веет и там, где слово "Троица" не произнесено и даже не мыслится:

Здесь и Там едино. Ты в объятье
Двух миров. Так просто! Белизна
Нераздельна с белой тканью платья...

(Р.-М.Рильке)

Здесь — имманентность, творческое присутствие в мире, сагуна; Там — трансцендентность, надмирность, сверхмирность, ощутимая только в духовных касаниях, ниргуна. Единство сагуны и ниргуны, имманентности и трансцендентности — примерно то, что отцы Церкви выразили словом "единосущие". Троеличье (тримурти) индуизма, по-моему, вообще не Троица, а распределение трех функций Отца: созидания, хранения и разрушения мира. Но движение к тринитарности в индуизме есть;

образ, найденный христианским поэтом Рильке, повторяет Рамануджу: верующий соединяется с Богом, как белизна с белым цветом.

Знакомство с ипостасным мышлением вне догматического христианства вообще помогает понять огромные, до сих пор не использованные возможности развития интерконфессиональной догматики. Суть ипостасного мышления не в одном числе три. Не менее важна неслиянность и нераздельность двух, тянущаяся к трем. Может быть, греческие отцы смутно чувствовали это, отстаивая исхождение Св. Духа только от Отца. Двуприродность Христа задана в Его богочеловечности, а Отец без особой связи со Святым Духом тяготеет к одноприродности. Таким образом, борьба против "филиокве" имела духовный смысл: она была борьбой за сохранение внутреннего движения в первой ипостаси, против окончательного оттеснения Отца Сыном. Но и католики правы: дух совершенной любви не может исходить только от одного, взаимность не может быть односторонней. Тут не спор об условных знаках, а трудность выбора между двумя решениями, каждое из которых захватывает и покоряет. Может быть, сравнительное изучение тринитарного мышления позволит в конце концов выйти на уровень метатеологии, на котором оба решения будут релятивированы и потеряют свою непримиримость.

Знакомство с ипостасным мышлением в Азии позволяет также лучше понять искушения софиологии. Женственное, которое только женственно, сводит нас с уровня чистого творчества на уровень сотворенного. Отцовство первой ипостаси не половое, это просто символ творчества. А отделенное женственное неполно и требует своего дополнения, мужа. Отсюда необходимость "брака ипостасей" — выражение Дан. Андреева, которое мне кажется нелепым, — притом что в "Розе мира" много прекрасных, вдохновенных страниц, много глубинно увиденного.

Ипостаси именно потому ипостаси, что едины без всякого брака, предвечно едины. Они принадлежат уровню бытия, где нет обособленности и не нужно преодолевать обособление, нет плюса и минуса, северного и южного полюсов, нет силовых линий магнитного или сексуального напряжения. Всякое "одно" есть в то же время "другое". Говоря языком китайской метафизики, это уровень Дао, в котором "именуемое и безымянное порождают друг друга" (книга Дао Дэ Дзин), но не становятся отдельными. А женственное — с уровня двойственности, с уровня полярности, инь и ян. Инь — темное, текучее, восприимчивое, женственное, ян — светлое, твердое, активное, мужское. Троица, в которую вводится отделившееся женственное, тотчас теряет свою ипостасность, становится системой из трех родственных, связанных (хотя бы и браком), но разных элементов, то есть не Троицей, а триадой, троебожием. Внутренне подвижное и замкнутое в себе единство становится началом множественности (одно, как сказал Лао-цзы, порождает два, два порождает три, три порождает тьму вещей).

Однако этим дело не кончается. Тантризм правой руки (культ женственного, остающегося в рамках своего рода софиологии) очень легко переходит в тантризм левой руки. Упайя ассоциируется с мужчиной, праджня — с женщиной, просветление достигается в обряде яб-юм (ритуальный, подготовленный аскетическими упражнениями половой акт).

Я не отрицаю, что близость мужчины и женщины, соединенных любовью, может дать подлинное просветление; и возможно, что в некоторых случаях обряд, исполненный со всей верой, заменяет личное чувство. Но вероятность профанации здесь настолько велика, что практически все тантристские секты левой руки рано или поздно вырождаются. Андреев чутьем поэта угадал, что его "роза мира" станет орудием антихриста и превратится в темный оргиастический культ (по его предположениям, в XXIII или XXIV веке).

Изучение ипостасной мысли Востока позволяет также лучше понять ересь Иоахима Флорского. Религии Св. Духа, где на первое место выдвигается третья ипостась, вполне возможны, но не впереди, не в будущем, а рядом. Они давно существуют в Индии: это буддизм и ведантизм. Все высшие религии суть экспликации предвечной

Троицы (с большей или меньшей степенью человеческого несовершенства). Ни одна из них не подлежит упразднению или отмене. Мир не может быть ни внешне христианизирован (за счет индуизма, ислама, буддизма), ни дехристианизирован. Возможно и нужно другое: переход от религиозной полемики к общению в духе любви, перенос акцента на качество духовного опыта, переход от гордыни вероисповедания к смиренному сознанию своей нищеты и скудости.

Троица — место встречи (будущей встречи) всех высоких религий, не только христианства и буддизма, создавших учение о Троице, но и тех, в которых это учение не сложилось и есть только элементы тринитарности (Дух Божий, носившийся над водами, и нераздельность Бога и ангелов в иудаизме, предвечность Корана в исламе и т.п.). Ни одна религия не воплотила предвечную Троицу во всех ее ипостасях и природах, и разница степени развития богословия может даже оказаться обратно пропорциональной духовной глубине: гордые собой фарисеи окажутся последними, а мытари, сознающие свою духовную убогость, — первыми. Если взглянуть на христианство трезвыми глазами аравийского купца, это религия Сына, заслонившего Отца, и (добавлю от себя) с неразвитым зачатком понимания Троицы, оставшимся совершенно чужим подавляющему большинству христианских богословов.¹ Поэтому практическому христианину нечего гордиться перед религиями Отца (иудаизм, ислам) и религиями Святого Духа (буддизм, ведантизм). Ни одно вероисповедание не благодатно в своей гордыне, все благодатны в своем смирении. Все способны выйти на уровень метатеологии — уровень, с которого догматические религии будут осознаны как отражение одной великой тайны в разных зеркалах. Для этого не нужно никакой верхушечной унии — только внутреннее развитие каждой религии вглубь и в форме открытых вопросов Богу и антидогматических парадоксов (Иов, дзэн, Кьеркегор), и в форме творческого продолжения и углубления догматики. А главное — в духе любви, сочувственного внимания и понимания.

Предвечная Троица духовна, и человек может войти в нее только восхищенным в духе. Понять Троицу, понять общее сердце Отца и Сына значит войти в него. Суть Троицы — не три и не два, а неслиянное и нераздельное со-бытие человека с Богом, одновременно личным (Бог есть любовь) и веющим повсюду Духом (Бог есть Дух). В этом, и только в этом со-бытии преодолевается несовершенство языка, созданного христианством или буддизмом, или индуизмом. То, что написано Святым Духом, учил Силуан Афонский, может быть прочитано только со Святым Духом. И если оно будет так прочитано, исчезнет почва для ненависти, и почвенничество, привязанность к стране утратит свою фанатическую закрытость.

Поэтому важнее всей мыслимой символики рублевской Троицы ее непосредственное переживание. Троица может быть прочитана как простой образ духовной жизни личности. Правый ангел — образ созерцания, вбирания в себя света до самозабвения, до потери себя в свете. Средний — внутренний свет, озеро внутренней тишины, совершенная полнота внутреннего покоя. Левый — начало деятельности мысли, возникающей в озере тишины, в успокоившемся духе...

Не только Бог, но и мы сами едины в трех лицах: созерцания иконной красоты, овнутрения ее и претворения в творческую мысль. Учение о Троице — буддийское и христианское — возникает примерно в одно время, вскоре после первого осознания личности в философии и первой неудовлетворенности философией, неудовлетворенности жесткими логическими связями и различиями (подробнее см. в моей работе "Эвклидовский и неэвклидовский разум в творчестве Достоевского"). Единственность, равночестность, неслиянность и нераздельность ипостасей — лучшее достигнутое человеком осознание сверхсистемной структуры своего внутреннего мира и Божьего мира, Божьего бытия. Рублевская Троица — это род мандалы, то есть сим-

¹ П.А.Флоренский в "Столпе и утверждении истины" жалуется, что святые отцы теряют красноречие, как только дело доходит до третьей ипостаси. В народном сознании Троица — женское божество из свиты Богородицы (Г.П.Федотов, "Стихи духовные").

волическое изображение внутреннего мира, царствия, которое внутри нас. Мира, возникающего из тишины и возвращающегося в тишину.

И поэтому созерцание трех ангелов у Мамврийского дуба возвращает нас к себе, к собственной глубине, на которой мало и редко мы живем. Или созерцание рублевского Спаса, в котором, по-моему, есть все то, что развернуто в Троице, и еще что—то, но еще тоньше, еще неуловимее связанное и еще трудней поддающееся анализу. Или созерцание закатного луча, в котором тают горы и стекленеют воды.

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Секретариат Союза писателей СССР извещает о том, что введена новая форма учета членов Союза: в производственный отдел канцелярии Секретариата поступила большая партия бланков учетных карточек на членов ССП, в разное время покинувших наши ряды и ныне восстановленных посмертно. К сожалению, из-за многочисленности покинувших и недостатка рабочей площади для размещения посмертной картотеки пришлось ограничить размер карточки и количество учетных реквизитов: так, в карточке отсутствует дата и причина смерти (скончался во время допроса, ликвидирован посредством выстрела в затылок, умер при транспортировке, в лагере и т.д.), а также фамилия члена ССП, по чьему донесению был арестован ныне восстанавливаемый член Союза.

Мы все помним завет Владимира Ильича: "Социализм — это учет". Секретариат и делопроизводственный отдел Союза писателей поздравляет всех членов Союза с восстановлением ленинских норм и с удовлетворением отмечает, что количество писательских кадров благодаря введению этой новой и прогрессивной формы учета увеличилось втрое.

(почти ТАСС)

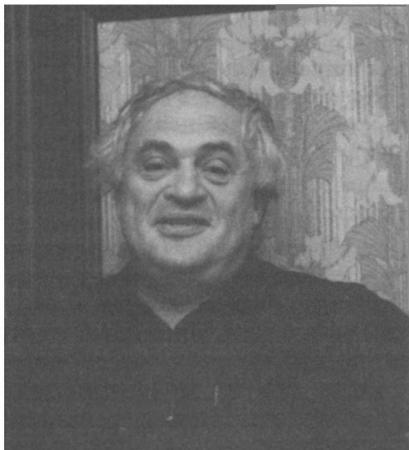
№ _____	

фамилия	

имя, отчество	

литературный псевдоним	
дата рождения _____	_____
	жанр
дата посмертного восстановления в СП СССР _____	_____
_____ состоял на учете по _____	_____
_____	организации.

Фотокопия оригинала, имеющегося в распоряжении редакции

Памяти Натана Эйдельмана (8.IV.1930 — 29.XI.1989)

Натан Эйдельман умер, как жил, — стремительно, точно споткнулся на ходу. До последнего дня он был деятелен, полон планов. Его работоспособность поражала не меньше, чем его память. Кто-то на похоронах заметил, что он один работал в силу научно-исследовательского института, сам оставаясь кандидатом наук.

Талант историка не просто счастливо сочетался в нем с талантом литературным: Эйдельман воспринимал историю взглядом писателя, и она обретала человеческое измерение. Персонажи, знакомые нам из учебников лишь по именам да по датам жизни (а часто незнакомые вовсе), становились живыми людьми, с внешностью, характером и судьбой, вступали в личные отношения. Он видел их, слышал, знал их возраст, повадку и родственные связи, помнил их дни рождения лучше, чем иные из нас помнят юбилеи близких; он относился к ним заинтересованно и страстно, как ко всему в жизни. Может, это и был его главный — человеческий — талант.

Он жил необычайно интенсивно, щедро, радовал и сам радовался общению — в дружеском ли кругу или в многолюдной аудитории. Его книги возникали не только из работы над источниками и материалами, но в немалой мере из этого общения, из разговоров с коллегами и друзьями; Эйдельман писал об этом сам в одной из последних книг, "Революция сверху": "Откровенные российские разговоры — давнее, примечательное явление культуры, общественной мысли".

Явлением культуры и общественной мысли недаром становились и книги его, и публичные выступления; он оказывался общественным деятелем, практически о том не заботясь, — даже необязательное, казалось бы, письмо Эйдельмана незнакомому литератору помимо намерений и ожиданий автора оборачивалось общественным событием; он умел попадать не в бровь, а в глаз.

Все его исторические, литературные разыскания были проникнуты мыслью о наших днях, о современных проблемах. В "Революции сверху" он прямо сопоставляет века, чтобы "представить явления в их нерасторжимой связи"; он стремится понять живших некогда людей — и одновременно извлечь уроки, необходимые "на новом витке исторической спирали".

Ибо Натан Эйдельман был убежден, что история все-таки может и должна чему-то научить, что в ней с определенной периодичностью развиваются аналогичные процессы, что за всеми ее неожиданностями и зигзагами проглядывают закономерности, которые позволяют кое-что предсказать в будущем развитии. Конечно, это отнюдь не закономерность простой экстраполяции, когда в будущее лишь как бы продлевается линия предшествующего развития. Наоборот, есть своя закономерность именно в зигзагах, колебаниях, поворотах.

В одном из последних наших разговоров Натан прокомментировал распространенные (и увы, небезосновательные) мрачные суждения о будущем: "Пессимист сейчас, конечно, имеет больше шансов на успех в аудитории, его доводы наглядней. Но я вспоминаю, как в Швейцарии один поляк спросил меня: а вы году в восемьдесят втором предвидели появление Горбачева?.. То-то и оно".

Был ли он сам оптимистом? Немецкий теолог Д.Бонхеффер противопоставлял бездумному, поверхностному оптимизму — оптимизм как жизненную силу, силу надежды, не иссякающей там, где отчаялись другие, как волю к будущему, которое должно зависеть от наших усилий, а не быть отданным на откуп противнику, как ответственность за дальнейшую жизнь. Я мог бы отнести эти слова к Натану Эйдельману.

Он любил говорить о смене поколений, смене, которая каждые двадцать—тридцать лет влечет за собой исторические перемены, любил цифровые аналогии, сопоставление "красноречивых дат". Одну из таких аналогий он распространил на себя и несколько раз говорил друзьям, что умрет на шестидесятом году жизни, как его любимый Карамзин. Давно замечено, что не стоило бы писателям предсказывать свою смерть. А нам теперь — не стоит ли серьезней отнестись и к другим его предвидениям?

Он как будто споткнулся. Но как велика была энергия движения! Книги, подготовленные им, продолжают теперь выходить после его смерти. Натан успел увидеть в этом году "Революцию сверху", "Мгновенье славы настает (Французская революция и русское общество)"; только что появился сигнал книги "За хребтом Кавказа" о деятелях русской культуры в Закавказье, на подходе "Первый декабрист" (о Вл.Раевском). Однако во всей полноте масштаб творчества и личности Натана Эйдельмана откроется нам, когда до читателя дойдет, думаю, главный труд его жизни, "Заметки историка", — так он называл свои многолетние, почти ежедневные записи об истории и современности, об учителях и учениках, о находках, встречах, беседах; а круг его общения был необъятен. Не раз за последние годы я уговаривал его отложить другие дела и привести эти заметки в порядок. Что-то им было сделано, что-то вошло в книгу "Последний декабрист" — но главная встреча с Натаном Яковлевичем Эйдельманом нам еще предстоит.

Он еще многое скажет нам. Мы еще долго будем слышать его голос, наслаждаться его беседой. ●

Марк Харитонов

НОВАЯ КНИГА

ВЕСТИ ИЗ СССР
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

USSR NEWS BRIEF
HUMAN RIGHTS

Издательство "Страна и мир" выпускает информационный бюллетень "Вести из СССР. Права человека". Бюллетень этот выходит с конца 1978 г. и до настоящего года включительно выходил дважды в месяц.

Он ставит своей целью оперативно сообщать точную и подробную информацию о правозащитном движении в нашей стране, о национальных и религиозных движениях, о политических преследованиях, арестах и судах, о положении политзаключенных. В последнее время, с изменением политической ситуации в нашей стране, все больше и больше места в бюллетене занимает освещение деятельности неформальных объединений, политической оппозиции, ситуации в национальных республиках.

Бюллетень принципиально воздерживается от комментариев и оценок. Его цель — представить фактический материал, необходимый как для современников — участников событий, так и для историков. Более чем за десятилетие своего существования бюллетень приобрел репутацию наиболее систематического, точного и объективного информационного издания в области прав человека и политической оппозиции в Советском Союзе.

В связи с десятилетием бюллетеня, ранние выпуски которого давно уже стали библиографической редкостью, издательство "Страна и мир" по инициативе Натана Эйдельмана предприняло факсимильное переиздание всех выпусков бюллетеня и именных указателей к нему за 1978—1988 г. Издание осуществлено в 4-х томах, общим объемом 1938 стр. Издательство предполагает выпускать такие сводные тома и в будущем.

Продажа осуществляется только полными комплектами. Цена всех 4-х томов — 100 н.м. Пересылка авиапочтой за дополнительную плату. ●

Андрей Дмитриевич Сахаров 6

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

- № 1. Федерация под угрозой. — Хирохито, император трех Японий.
 № 2. Польский апрель. — Тибет: год независимости и 39 лет "автономии". — Палестинское государство. Слова и дела, мечты и реальность. — В иной плоскости. — Быть ли миру на юге Африки?
 № 3. Польша: выбор сделан. — Турецкий комплекс Болгарии. — А был ли мальчик? — Дания: меньшинство имеет право. — Кончина великого имама. — Китай в полдень и в полночь.
 № 4. Парижская встреча в верхах. — Возвращение Франца Кафки. — Никарагуа десять лет спустя.
 № 5. Далай-лама — лауреат Нобелевской премии мира. — Польша: учиться и переучиваться. — ГДР: парад победленных. — Панама. США против генерала Норьегги.
 № 6. *Революция в Восточной Европе*. "Нежная революция" в Чехословакии. — Конец великого кондуктора. — Черные лидеры вырываются вперед. — Курильская гряда дальневосточных проблем. Последний из могикан.

ВЕСТИ ИЗ СССР

- № 1. После землетрясения. — Что происходит в Армении. — Восемнадцать дней гнева, надежд и разочарований. — Кто стоит за Чурбановым?
 № 2. Грузинский апокалипсис. — Трагическая ночь в Тбилиси. — Без выяснения истины нельзя жить дальше. — Высший орган власти. — Танцевать с медведем. — "Московская трибуна" о проблеме Народного Карабаха.
 № 3. После бойни. — Отпадение. — Экономика и народовластие.
 № 4. Каким будет закон о забастовках? — "Рух" организуется. — Мы всегда будем жить бок-о-бок. — Умер Владимир Яковлевич Бегун.
 № 5. Конференция демократических движений. — "Несуществующий" политэкз. — За кем пойдет домохозяйка?
 № 6. Жаркий декабрь в Литве. — Второй съезд: ремонт избирательной системы. — Еще один объединительный проект? — Скончалась Софья Калистратова.

ПЕРЕСТРОЙКА, ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ОППОЗИЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

- А.П. С весны до осени (1); Глазами москвича (4)
 Х.Аррак. Враг во главе колонны 5
 Ю.Айхенвальд. Надо ли ехать в общей телеге? 5
 Ю.Афанасьев. Положение в стране (6); Уходящие реальности (6)
 Ю.Власов. После съезда 4
 Д.Зантария. Размышления с инородными цитатами 5
 М.Ибрагимбеков. Цель не оправдывает средства 5
 В.Киселев. Есть ли будущее без гласности? 6
 Г.Кубатьян. Мы и наш Арцах 3
 А.Кузьмин. Основные принципы направления деятельности Московского городского добровольного общества русской культуры "Отечество" 5
 С.Лезов. Что происходит? 3
 К.Любарский. Глядя из Вермонта 4
 В.Майер. Корейцы в контексте "дружбы народов" 5
 С.Митрофанов. Мышеловка для перестройки 5
 А.Новиков. Цейтнот 6
 "Обновление России" 5
 Обращение к грузинскому народу — от высланных грузин (месхов-мусульман) 5
 Р.Папаян. Сила и дух 5
 Р.Пименов. Как я пытался пройти в парламент 4
 Г.Померанц. Национальное достоинство и националистическая опухоль 5
 Резкое обострение дружбы народов 5
 О.Румянцев. Альтернатива 3
 "Словечко "плюрализм" не должно прикрывать отказ от поисков истины..." 5
 А.Стреляный. С красной строки 3
 А.Трофимов. Механика политического плюрализма 6
 В.Чалидзе. На этот раз может быть всерьез (1); Однопартийная демократия (1); О правовых реформах в СССР (3); Съезд ненаведенных мостов (4)
 Г.Чантурия. Будем лечить болезни 5
 С.Шахвердян. Сумгаит... геноцид... гласность? 5
 Г.Шиманов. Как делаются кризисы. И еще кое о чем 5

ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ

Р.Бахтамов. Куда идешь (1); Четыре года (2); Тезисы по аграрному вопросу (3); Конец начала (4); Вниз по лестнице, ведущей вниз (5); Иметь и не иметь (6)	
И.Ефимов. Ухабы статистики	5
Е.Габович. Нелюбимый мирный атом	2
М.Лавинь. Одна или две экономики?	1
Д.Марплес. От Чернобыля до Чернобыля	2

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ СТРАНЫ. СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

В.Войнович. Две сказки	6
Власть соловецкая	3
Т.Гдлян. Пирамида	3-4
Е.Даниелян. Так живу	3
Ю.Карабчиевский. Борьба с евреем	5
А.Клингер. Соловецкая каторга	3
И.Коган. Эпоха упадка	4
А.Липкин. Сквозь призму времени	6
С.Митрофанов. Эстетика тупика	6
Г.Нилов. Урицкий, Володарский и другие	6
Б.Парамонов. Власть народа	6
Г.Померанц. Нефронтовые мысли	1
В.Сойфер. Колхозные академики	2
К.Сочнев. "Двойной-маленький" для андерграунда	1
Счет № 700 000 15 "Антиспид"	5
Э.Финкельштейн. Евреи в СССР. Путь в двадцать первый век	1
Р.Шапиро. Метаморфозы	6
Б.Шрагин. Традиция неконституционности	1

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Г.Буяновский. Пятый пункт в стране эмигрантов	3
Рихард фон Вайцзеккер. "Не великодержавие, а идея федерализма определяет лицо нашего государства"	3
А.Гаус. Гибель республики	1
А.Геробен. Первый год новой Венгрии	6
Г.Грасс. Тот, кто так говорит...	5
Ж.Э. Где найти идеологию?	6
Р.Эюсмут. СПИД	5
Я.Киш. Вторая оттепель в Будапеште	2
З.Ковалевский. О тактике активной забастовки	6
Д.Коут. Пражская весна	2-3
Р.Макнамара. После холодов	6
П.Мейдмент. Мир иены	6
В.Морозов. Был рабочим, стал капиталистом	2
М.Новак. Социализм как "дум высокое стремленье"	1
Д.Орлов. Взлеты и падения профсоюзов	2
Я.Пшибила. Великий китайский эксперимент	4-5
Р.Тирски. Заходящая звезда Французской коммунистической партии	4
Э.Такер. Главный экспортный товар	5
Ф.Фюре. 1789-1917	4
М.Шимечка. Забыта ли наша Прага 1968 года?	3
Т.Шмидт. Государство уходит - общество рождается	6

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ. ИСКУССТВО. ФИЛОСОФИЯ И ТЕОЛОГИЯ

Е.Барабанов. Возвращение имени	3
М.Дейч, Б.Кушнер. Не произноси ложного свидетельства	2
С.Лезов. Правовое государство в интеллектуальной традиции	5
Э.Маркштайн. Великое слово - народ	5
И.Мирович. Антисемитизм и христианство. Открытое письмо В.Сендерову	2
Л.Пажитнов. Русская мысль и Достоевский	3
К.Подрабинек. Руссо и революция	4
Г.Померанц. Троица Рублева и тринитарное мышление	6
Карл Поппер. Еще раз об открытом обществе и его врагах	1
В.Страда. Между Марксом, Ницше и Достоевским	2
Б.Хазанов. Послеслобие к Попперу (1); Обыкновенный фашизм (2); Армия и культура (4)	
М.Харитонов. Конец эпохи	2
А.Хеллер. Свобода как высшая идея	5

ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРА. РЕЦЕНЗИИ

Г. Андреев. Пророчество и предостережение	3
С. Апт. Годовая стрелка	4
С. Бабенышева. Черные дни сорок девятого года	5
Б. Вайль. Москва — 2000 год, или советы советологам (А. Янов. Русская идея и 2000 год)	4
В. Войнович. Мы — вы — они (2); Герои и кавалеры (4)	6
В. Воздвиженский. Прогулки с Шафаревичем и без...	6
Е. Гессен. "И всюду страсти роковые..." (1); Побег из соцреализма, или другая проза (6)	4
И. Ефимов. Бесклассовая идеология	4
А. Куник. Тип гражданского поведения (А. Янов. Русская идея и 2000 год)	4
Б. Парамонов. Смерть Чапека, или о демократии	1
Б. Сарнов. Только снег	5
И. Серман. Через алгебру к гармонии (Е. Эткин. Симметрические композиции у Пушкина)	4
М. Скеммел. Цензура	5
Г. Федоров. Комсомольск на Марне	6
Б. Хазанов. Мост над эпохой провала (2); Литература на двух берегах (W. Kasack. Russian literature 1945–1988) (4)	6
М. Харитонов. Участь	6

БЕСЕДЫ И ИНТЕРВЬЮ

"Если бы я делала этот фильм сегодня..." Интервью с М. Голдовской	3
Зона безгласности. Беседа с М. Кукобакой	2
Интеллигенция и народ. Беседа с Н. Эйдельманом	1
La Révolution est morte. Vive la Révolution! Ответы французских политических деятелей на вопросы анкеты к 200-летию Великой революции	4
"Мы на своей родине — в меньшинстве". Беседа с Р. Паулсом	1
Поворот вправо неизбежен. Беседа с Ю. Власовым	4
"Предыдущие поэты более или менее изолгались..." Разговор с А. Вознесенским	4
"Рано или поздно мы договоримся". Беседа с Ю. Самедоглу	5
Свобода, власть и насилие. Беседа с С. Шама	4
Точка зрения Виктора Астафьева	5
"У нас не хватает лидеров". Беседа с Р. Медведевым	2
"Я верю, Литва будет свободной". Интервью с К. Мотекой	5

ФОТОРУБРИКА. АРХИВ. ГОВОРИТ И ПОКАЗЫВАЕТ МОСКВА.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ. КОРОТКИЕ ЗАМЕТКИ. ПАМЯТИ УШЕДШИХ

М. фон Ау. Города мира. Пхеньян	6
В Союзе писателей	6
Говорит и показывает Москва	2,4
Между прочим	3
Из журналов и газет	1
Именем РСФСР	4
Лето 1969 (Г. Копылов)	4
Памяти выдающегося генетика (В. Сойфер)	4
Памяти Натана Эйдельмана (М. Харитонов)	6
Памяти Юлия Даниэля	1
Письма в редакцию (Б. Вайль, Е. Даниелян, И. К., Кадир, К. Любарский, М. Малев, А. Серебренников, Л. Таненгольц, Е. Фет)	1,3,4,5
После нашего выступления	6
"Прошлое не пройдет никогда". Памяти Р. Орловой	3
Сообщение редакции	5

Освобождение человека — это освобождение из-под власти темных стихий к личным богам, от богов, находящихся по ту сторону добра и зла, — к богам нравственным, от множества богов — к единому Богу и, наконец, к последней свободе, туда, где личный Бог познается как шифр. Называйте это конечное освобождение восхождением от Бога к Божеству или как-нибудь иначе, — в любом случае это будет освобождение от пут собственных представлений и идей — к самой истине, к истине, перед которой мысль останавливается в молчании.

Это последнее освобождение приводит к тому, что я больше не навязываю шифр Бога, которому я следую, другим людям, и не требую, чтобы они считали его своим Богом.

Я больше не присваиваю Бога себе, своему бытию и своим интересам, не привязываю его к моему образу жизни и содержанию моей веры, не обряжаю мою собственную борьбу в этом мире в одежды Божьей войны с безбожием и противобожием, как если бы я защищал Бога, а он боролся с другими вместе со мной.

Я больше не считаю Бога разумом, который есть мой собственный, человеческий разум. Я больше не полагаюсь на нечто такое, что предстает моему человеческому вожделению как высшее, самое лучшее и самое чистое.

Дорога к освобождению была и осталась открытой. Но она нигде не кончается. Места назначения, последней остановки — нет. Привал и возможность собраться с мыслями, вот единственное, что нам дано. Вот что решает: полнота и исполненность мгновения, поступок, деяния, — и снова в путь, а "дальше — тишина"...

Духовная ситуация времени и ситуация человека сегодня означают освобождение, ставшее, по-видимому, неизбежным. Ситуация знания, созданная науками, такова, что от нее никуда не уйдешь. Наука и техника с головокружительной, все нарастающей скоростью преобразуют ситуацию бытия, и от этого тоже никуда не спрячешься. Духовные следствия нашего современного освобождения и следствия, вытекающие из века техники для условий человеческого бытия, сходятся.

С одной стороны, чувство доселе неизведанного могущества. С другой — небывалое и поработящее бессилие...

Властиители тоталитарных государств, кажется, не знают границ своей возможной власти. Цель все еще не достигнута. Сегодня происходят неслыханные перевороты — власть переходит из рук в руки. Ярость слепых масс, ярость восставших устремляется к сердцевине современного тотального господства, против той власти, которая всех их поработила. Властители, сами сделавшиеся рабами, творят такое насилие, какого не бывало еще в истории...

Если в тоталитарном мире разрушена политическая свобода, а внутренняя свобода стеснена как никогда, то возникает вопрос, можно ли осуществить политическую свободу как условие всякой свободы в мире без насилия, противоречащего ее сущности, одной лишь силой убеждения, может ли она стать в конце концов достоянием всех людей. Ведет ли освобождение к свободе? Вот что решается сегодня в политически свободном мире.

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ

